XVII Международная конференция Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025

НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС: УРОКИ ПРОШЛОГО И ВЫЗОВЫ НАСТОЯЩЕГО

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции
20–22 ноября 2025 г.
Санкт-Петербург, Россия

XVII International Conference Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2025

MORAL PROGRESS: LESSONS OF THE PAST AND CHALLENGES OF THE PRESENT

Saint-Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics

Conference proceedings
St. Petersburg, Russia
November 20–22, 2025

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: Н.В. Перова, Н.П. Макарова

П26 **XVII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025. Нравственный прогресс: уроки прошлого и вызовы настоящего».** Санкт-Петербургский государственный университет, 20–22 ноября 2025 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. — 464 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии. В сборнике представлены материалы докладов на Международной научной конференции и Молодёжной научной конференции. В центре внимания докладов обеих конференций находятся исследования важнейших этических феноменов истории и современного общества, категорий практической философии в контексте осмысления проблем нравственного прогресса. В рамках конференции многочисленные отечественные и зарубежные исследователи обращаются к кругу сложных вопросов о месте и роли нравственности в современном обществе, обсуждают проблемы актуальности классической этики и моральной философии, дискутируют о том, что такое прикладная этика, вытесняется ли нравственность из современной публичной жизни и как возможно профессиональное изучение этики. Особое внимание уделяется исследованию угроз и рисков, связанных с противоречиями общественного развития и решению возникающих моральных проблем в различных областях личной, общественной и профессиональной деятельности.

Конференция посвящена празднованию 80-летия Победы в Великой отечественной войне.

Адресовано специалистам в области философии, теоретический и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-91155-494-1

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2025
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025
© Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В.Ю. (Санкт-Петербургский университет) — председатель
Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет) — зам. председателя
Перова Н.В. (Институт философии РАН) — секретарь программного комитета
Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Агеева Д.А. (Межрегиональная общественная организация в сфере защиты животных «Голоса за животных»), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плотникова Т.Ю. (руководитель лидерских программ, компания «Лента», Санкт-Петербург), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна), Разин А.В. (Московский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук).

PROGRAM COMMITEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) — Chairman
Larionov Igor (St. Petersburg State University) — Vice-Chairman
Perova Nina (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) — Executive Secretary
Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Ageeva Dinara (Interregional public organization in the field of animal protection «Voices for Animals»), Artemov Georgiy (St. Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St. Petersburg State University), Brodsky Alexander (St. Petersburg State University), Vasilyev Ilia (St. Petersburg State University), Derzhivitsky Evgeniy (St. Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St. Petersburg State University), Kulakova Tatyana (St. Petersburg State University), Ovchinnikova Elena (St. Petersburg State University), Plotnikova Tatiana (Leadership Program Manager, «Lenta» Retail, St. Petersburg), Polozhentsev Andrey (St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design), Razin Alexander (Moscow State University), Sinyutin Mikhail (St. Petersburg State University), Strebkov Alexander (St. Petersburg State University), Sunami Artem (St. Petersburg State University), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch).

Абакарова Райганат Магомедовна
д.ф.н., профессор кафедры теории и истории религии и культуры
факультета психологии и философии
Дагестанский государственный университет

Конфликт нравственных ценностей в синкретичном сознании современного этноса

В истории развития человечества, последующая эпоха, формирует новую систему моральных ценностей, обусловленную техническими, научными, экономическими, которые, с одной стороны, вступают в конфликт с прежними. С другой стороны, моральные нормы каждой последующей эпохи опираются на традиционные ценности прошлых поколений, с целью сохранения целостности общества, тем более, что нравственные поступки в отличие от моральных норм имеют общечеловеческий характер, то есть в ходе истории человечества (диахронно) и в различных субкультурах одной эпохи (синхронно) не изменчивы. Например, такие поступки как защита родины, уважение к старшим, забота о детях, предательство или верность в дружбе — это поступки, которые не определяются социально-экономической системой эпохи.

Современное общество представляет собой систему, в которой динамика трансформационных процессов имеет такую скорость, что гуманитарные науки и, в частности, этика не успевают вовремя и адекватно оценить изменения, происходящие в сфере моральных норм.

Достижения в информатизации, сфере искусственного интеллекта, диктуют новую мораль и возникновение новых моральных норм в сфере виртуальной реальности приводит к конфликту социального бытия общества и человека в нем, так, например, человек испытывает конфликт с одной стороны тотальной цифровой слежки и с другой — неприкосновенности частной жизни.

Еще один конфликт связан доверием/недоверием. Человек привыкший доверять общественным и государственным структурам, сталкивается с мнимым желанием помощи, оказывающейся прикрытием манипуляций аферистов/экстремистов.

Как видим, моральная дилемма, как конфликт в сферах морали и нравственности, неизбежна в силу его объективности и неизбежности сосу-

ществования традиционных и инновационных (порожденных технологическим прогрессом) ценностей.

Для сознания представителей этнического сообщества, характерно традиционность и синкретичность мышления и моральных норм, где одновременно сосуществуют и регулируют поведение этнические, религиозные, светские моральные ценности, и в силу традиционности жизни характерно доверие возрасту, слову старшего, статусу или тексту, конфликты ценностей в современности, особенно очевидны, чем и пользуются манипуляторы.

Важный вопрос в определении ценности нравственных ценностей заключается в том, служит ли прогресс в технологиях, цифровизации, оцифровки благом для человечества и человека. Может ли личная свобода человека вступить в конфликт с «информационной картой мира». Возникает проблема сохранения нравственной свободы в очевидном конфликте сакрально-традиционных (домонотеистических), религиозных и светских ценностей в этническом сознании.

Для нас важно проанализировать сущность конфликта моральных ценностей и нравственности в современном глобально и форматизированном обществе, и, сможет ли человек сохранить неприкосновенность частной жизни и личную свободу вне конфликта должного и сущего, личного и служебного, чувств и долга.

Как известно, с 2022 года декларировано о том, что в основе общероссийской цивилизации лежат традиционные духовно-нравственные ценности, ориентированные на информационное пространство транслирующие духовно-культурный опыт народов России как код культуры каждого народа, составляющего народ России.

Абрамов Александр Александрович
Секретарь Синодальной комиссии по биоэтике
Русской Православной Церкви
Синодальная комиссия по биоэтике
Русской Православной Церкви, Московская Патриархия

Этика ИИ в оценке Ватикана: «Antiqua et nova»

Римско-Католическая Церковь на протяжении своей новейшей истории уделяла большое внимание проблемам соотношения веры и разума, взаимодействия научного сообщества и религиозных организаций, развитию диалога с межгосударственными учреждениями и неправительственным сектором в этих предметных областях. Особенно выпукло интерес Ватикана к философии и теологии техники и технологий обозна-

чился в XXI веке, когда папский престол последовательно занимали Бенедикт XVI (2005–2013) и Франциск (2013–2025). В правление последнего тема господства в обществе так называемой «технократической парадигмы» стала центральной, и деятельность системы учреждений Св. Престола во многом стала обслуживать проработку мысли о рисках чрезмерного технооптимизма. При этом критика трансгуманистических проектов, естественным образом присущая христианскому сознанию, отчасти ушла на задний план в официальных документах Ватикана. На смену ей пришло изучение этических вопросов, которые встают в связи с бурным ростом возможностей искусственного интеллекта.

Католическая церковь организовала череду разного рода инициатив, призванных привлечь внимание общественности к христианскому взгляду на перспективу развития технологий ИИ. Среди них назову, в первую очередь, «Римский призыв к этике ИИ» 2020 года, содержащий подчеркнуто светские принципы регулирования ИИ, но в то же время ясно артикулирующий тревоги и опасения Ватикана. Характерно, что к «Римскому призыву» присоединились крупнейшие международные корпорации, учреждения системы ООН, университеты. Также заслуживают внимания многочисленные встречи и конференции по линии Папской академии жизни (профильной куриальной организации, отвечающей за тематику «глобальной биоэтики» и ИИ), среди которых масштабные форумы, посвященные выработке т.н. «алгорэтики» и робоэтики с католических позиций.

Итогом этой обширной работы стало появление в 2025 году позиционного документа Св. Престола под названием «Antiqua et nova. Записка о соотношении искусственного и естественного интеллекта», выражающего официальную точку зрения Римско-Католической церкви на предмет. Это обширный текст (117 пунктов, 215 примечаний), охватывающий такие рубрики, как понятие искусственного интеллекта; интеллект в философской и богословской традиции; роль этики в управлении созданием и использованием ИИ. Среди отдельно рассмотренных конкретных вопросов фигурируют следующие: ИИ и общество; ИИ и здравоохранение; ИИ и отношения между людьми; ИИ и экономика и труд; ИИ и образование; ИИ, дезинформация, фейки и злоупотребления; ИИ, частная жизнь и системы наблюдения; ИИ и забота о нашем общем доме; ИИ и боевые действия; ИИ и наши отношения с Богом.

Анализ текста «Записки» свидетельствует, что этот документ стал итогом синтеза усилий различных, часто не согласных между собой, богословских школ Римской церкви, философских подходов светских ученых-католиков и практической дипломатии Ватикана. Стоит ожидать, что «Antiqua et nova» станет фундаментом развития католической доктрины

как в области осмысления прорывных технологий, так и в социальном учении, сменяющем классические сюжеты XIX–XX веков на новые, связанные с дальнейшим развитием промышленной революции.

Авдеева Ирина Александровна
к.ф.н., доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова
Самгина Анна Сергеевна
студент бакалавриата
Юридический институт РУДН

Зоны этико-правовой неопределенности в образовании с использованием технологий искусственного интеллекта

В современном образовании электронные образовательные технологии применяются достаточно широко. Кроме того, существующая редакция ФЗ №272 «Об образовании в РФ» законодательно закрепляет возможности получения образовательных услуг в различных форматах с использованием электронных технологий, закрепляя таким образом внедрение на ближайшее будущее в учебный процесс новейших образовательных технологий различного рода. Ситуация с локдауном 2020–2022 годов только усилила тенденцию тотального перехода к образованию посредством цифровых и дистантных технологий как в построении самого учебного процесса, так и в создании/демонстрации результатов обучения и самоподготовки, а также по окончании обучения при прохождении ГИА. Однако указанный ФЗ был принят в 2012 году, и с тех пор изменилось очень многое. Реалия сегодняшнего дня — использование новейших технологий не только в качестве вспомогательного средства (как, видимо, это было задумано), но как основной базы для успешного завершения образовательного процесса и получения документа о приобретении профессиональной квалификации с соответствующим набором знаний, умений и навыков. Проблема особо актуализировалась в ситуации активного создания нейросетей и их широкого применения. С помощью нейросетей пишутся вступительные, создаются эссе, рефераты, отчетные доклады на конференциях, пишутся дипломные работы и научные статьи. При этом бОльшая часть регулирующих образовательную деятельность актов и регламентов разного уровня вообще никак не касается этого вопроса напрямую.

Когда-то интернет стал основным источником информации, и это вызывало большой энтузиазм, т. к. позволяло за короткое время найти как сами первоисточники, так и информацию по их критическому и сравнительному анализу, что сокращало время и ускоряло процесс работы. Современные нейросети еще более «оптимизировали» весь процесс

получения образовательного и научного результата с минимальным участием пользователя. Но одновременно возникло и ощущение, что образовательный процесс стал развиваться не в ту сторону, снижая личностную и творческую составляющую, минимизируя индивидуальные усилия по получению знаний. Однако понимание некой неправильности ситуации не подкрепляется релевантными формальными и неформальными нормами, т. к., в целом, использование нейросетей — это не плагиат и не незаконное присвоение результатов авторской интеллектуальной деятельности, т.к. продукт, созданный нейросетями, авторским правом не регулируется. К тому же это и не чистое списывание, если происходит частичное «переформатирование» исходного материала с внесением авторских правок. Ситуация недоказанности и невозможности предъявить конкретное обвинение когда «не пойман — не вор» создают неопределенность правовых интерпретаций подобных образовательных практик. Остаются только моральные аргументы о нечестности (нечестная конкуренция и нечестные отношения между субъектами образовательного процесса), несправедливости (неравное положение как абитуриентов, так и впоследствии студентов), нарушение правил академической этики (которая также теряется в ситуации ненарушения авторских прав). Подобные зоны неопределенности сейчас характерны для многих областей, где применяются технологии искусственного интеллекта, но хочется надеяться, что тандем этики и права поможет активнее разрабатывать регулятивные инструменты для таких серых зон.

Азаров Константин Валерьевич
PhD, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Ницшеанский долг чести между памятью и забвением

Пространство этического самосознания традиционно демаркируется, различая архаичный стыд и совесть, осколок модерна. Такова ли этическая позиция сверхчеловека (Übermensch)? Удивительно, насколько память носит принципиальный характер для этики. Если для Аристотеля животные с памятью и слухом получали особый статус, то с т.зр. современной академической этики памятование служит условием этического как такового. Но как с этим основанием работают антитеоретические подходы, как, например, ницшеанство?

Ницше считал, что истинно свободный дух подобен играющим детям, которые впервые открывают мир, не обременённые тем, что было раньше. Ребёнок не отягощён правилами и ценностями, он спонтанно открывает для себя смысл в вещах, иногда ломая и разрушая их. Ницше подчёркивал, что «забвение» — это утверждение жизни: ребёнок, произнеся «священное нет», чтобы отвергнуть всё, что было раньше, выкрикивает

и «священное да», которое утверждает себя — и ребенка, и принятие существования, т.е. жизнь. Не менее этически релевантна и идея вечного возвращения Ницше. Немецкий философ предполагал, что если бы вся жизнь повторилась безо всяких изменений, каждое событие вернулось вновь, включая самые горькие минуты, то только сверхчеловеку хватило бы отваги и мужества поднять взор над миром и принять его таким, какой он есть.

Если подчеркнуть этическую природу теории сверхчеловека, то не сложно понять, что сама механика сверхчеловеческого у Ницше построена на забвении. Необходимо забыть культурное наследие так же, как верблюдам необходимо его помнить. Но есть что-то, что обязан помнить и сверхчеловек. Герои Ницше обычно достаточно мстительны, упомянем, к примеру, хотя бы семью Борджиа, идеальных тропических хищников немецкого философа. Значит ли высокий статус Борджиа, что месть есть форма продуктивного памятования или же продуктивного забвения? Борджиа вряд ли помнили жертв своих отравлений, ими руководил словно бы принцип «убил и забыл», продуктивный, в разрушительно имморальном смысле, порождающий преступления, и амнезиатический в смысле освобождения основания для новых ценностных конфигураций. В чём различие между радостной вендеттой и ressentiment-ом? Если есть более мягкая форма сверхчеловеческого памятования, эти вопросы так или иначе должны быть прочитаны в древних кодексах чести воинских каст, к которым Ницше, безусловно, питал слабость, выраженную, например, в культе мусульманской Испании.

Также очевидно, и это, наверное, главное, родство сверхчеловека с воином. Резюмируя, можно прийти к формулировке, что для Ницше главное, чтобы подлинный лев полностью принял свой ницшеанский долг чести, долг прежде всего перед самим собой, требующий радикального позиционирования между памятью и забвением. Иными словами, во главе угла стоит память долга перед самим собой, которая должна быть основанием для забвения всего остального.

Алейников Андрей Викторович
доцент, д.ф.н., профессор кафедры конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Стратегии современного риск-менеджмента: точки отсчета

Реализация стратегий превенции рисков, их купирования, усиления и инициализации самым непосредственным образом связана с особенностями политических акторов, принимающих рискованные решения.

Принципиально важным представляется сформулированное Нассимом Талебом правило «шкуры на: «общества управлялись теми, кто принимает риск, а не теми, кто навязывает его другим».

Более того, в качестве отправной точки для выявления специфики управления рисками Талеб рассматривает жесткую взаимосвязь между дистрибуцией рисков между социальными субъектами и распределением благ. Отсутствие своей шкуры на кону означает появление социальных субъектов, которые являются риск-бенефициарами, получающими выгоду от угроз и торгующих опасностями, при этом перекладывая страдания от риск-убытков на риск-аутсайдеров.

В основе современного политического риск-менеджмента лежат стратегии не избегания, ухода или даже минимизации риска, а комплексного управления им, так как опасность используется для стабилизации социальных систем, а принятие рисков является частью принятия политических и социальных институтов.

Выбор стратегии в условиях риска зависит не от оценки угроз и опасностей в целом, а от «точек отсчета», к которым можно отнести:

— Смещение к настоящему — большее значение имеют риски и угрозы, которые выявляются «здесь и сейчас», незамедлительно, чем опасности, которые произойдут в будущем.

— Самоуверенность — социальные субъекты и политические акторы склонны объяснять свои успехи собственным мастерством, а проигрыши списывать на неудачу и внешние, не зависящие от них факторы.

— Смещение к подтверждению — социальные субъекты и политические акторы воспринимают только ту информацию об угрозах, которая либо подтверждает полученные изначально данные, либо соответствует их сложившимся представлениям об источниках рисков.

— Проективное смещение — социальные субъекты и политические акторы уделяют избыточное внимание текущим условиям, в которых принимаются решения о выборе риск-стратегий и риск-тактик при недооценке или игнорировании возможных изменений в будущем.

— Переоценка малых и недооценка больших вероятностей — социальные субъекты и политические акторы переоценивают возможность маловероятной опасности и недооценивают высоковероятную опасность.

— Принятие решений на основе стереотипов — социальные субъекты и политические акторы при принятии риск-решений исходят не из фактической ситуации, а из ее соответствия какому-либо стереотипу.

— Смещение к статус-кво — социальные субъекты и политические акторы скорее склонны к сохранению существующего положения.

Конечно, следует признать, что ключевой стратегией современного политического риск-менеджмента является сознательное использование ресурсов рискового образа действий для превенции большей опасности и создания риск-проблем для оппонента (противника) с целью заставить его отказаться от реализации своей стратегии и внести дополнительную неопределенность и непредсказуемость в конфликтные взаимодействия, упрочив тем самым свои позиции, получив от рисковых решений максимальную выгоду по сравнению с возможным ущербом.

Ананьева Екатерина Михайловна
к.ф.н., старший преподаватель кафедры философской антропологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический потенциал концепции общения в марксизме

Теоретическая этика на протяжении XX века и в новом столетии — вместе с общей тенденцией философии — решительно отмежевывается от претензий быть метафизикой. Этика отдает предпочтение в пользу анализа прикладных аспектов нравственных коллизий. Представляется, что поэтому дискурс марксистской этики, его стилистические особенности и риторические фигуры, по многим позициям наследующие метафизической традиции, выглядят из современной перспективы если не архаично, то во всяком случае вызывают вопросы к аргументации. Одновременно с этим в теоретической этике продолжаются методологические дискуссии, в которых голос марксизма по-прежнему слышен среди иных альтернатив. Можно сказать, марксизм в этой палитре альтернатив не только не теряет на рубеже XX и XXI веков своего места и значимости, но на новом витке дискуссий снова и снова возвращается в обсуждение. Поэтому не теряет смысл анализ базовых гипотез марксистского подхода в этике. Уточнение и определение этих позиций, вероятно, существенно связано с критикой кантовского трансцендентализма. Марксистская позиция делает выбор в пользу исторического субъекта и его включенности в «ансамбль общественных отношений». С этим связано преимущество марксистского тренда в философии, в которой заранее зарезервировано средство против спора философских школ как продукта антагонизма идеологических конструкций. «Сконструированную ею (философией марксистского типа) исходную модель объекта как целого она проверяет и уточняет … так как знание строения предмета позволяет ей эффективно сопрягать научные данные о различных компонентах, гранях, аспектах его существования, функционирования и развития (скажем, данные психологических, социологических, семиотических и иных исследований) … свойственное философии единство познавательной и идеологической функций позволяет ей раскрывать мировоззренческое значение каждой рассматриваемой проблемы» — формулирует М.С. Каган в одной из работ 70-х годов («Человек как субъект общения»). Это соображение о достоинствах таким образом трактованного общего для ориентации в частном предпосылается в цитированной статье аргументам в пользу теории общения, и мне представляется, что найти верный ракурс в сравнении марксистской теории общения удается, если рассмотреть этический аспект формирующих ее гипотез, который оказывается связан как с типичным для марксистских работ способом аргументации (субъект–объектная гипотеза), так и с теорией информации (теорией систем), на которые ссылается М.С. Каган в процитированной работе.

Проблема общения (в латинской версии — коммуникации) акцентируется не только с точки зрения его универсально-разумных составляющих, но (в отказе от прямой ссылки на «ценности» и другие презумпции неокантианского подхода) распадается на две условно конкурирующие версии толкования — «экзистенциальную коммуникацию» и социально-функциональные закономерности информационных систем. Для предлагаемого в данном докладе анализа важно отметить, что и тот, и другой вариант не специфичны для марксизма, но имеют свои марксистские версии реализации. В первом случае на первый план выходят моменты «субъект–субъектного» взаимодействия — общения в собственном смысле, во втором внимание сосредотачивается на закономерных процессах смены социальных норм. Глядя с этой второй точки зрения, субъект–субъектная логика общения исторически преодолевается с формированием буржуазной культуры. «Господствующая в традиционных обществах конвенциональная государственная этика уступает место универсальной морали, основанной на принципах рационалистического естественного права и формалистической этики» — обозначает эту тенденцию Юрген Хабермас («О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив»). Следующим шагом на этом историческом пути оказывается «инструментализация» разума. В этом контексте возрастает интерес как к «не-человеческим» версиям коммуникации, так и маргинальным для этого тренда феноменам человеческого общения (религиозный опыт, мистический опыт) Какая этика нам нужна в этой перспективе — предполагается обсудить в предлагаемом докладе.

Андриянова Кира Валерьевна
обучающийся специалитета Института педиатрии
Набоков Лев Борисович
обучающийся специалитета
ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России

Диалог морального и религиозного дискурсов в осмыслении феномена войны: Н.А. Бердяев и И.А. Ильин

Проблема диалога морального и религиозного дискурсов в контексте войны.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа ключевой антиномии: столкновения универсальной этики ненасилия и религиозной концепции «справедливой войны» в христианской традиции.

Это противоречие стало центром рефлексии для русских философов первой половины XX века. В рамках секции особый интерес представляет анализ того, как Н.А. Бердяев и И.А. Ильин выстраивали взаимодей-

ствие между моральным осуждением насилия и богословским осмыслением войны как трагического, но иногда неизбежного феномена.

Цель и задачи исследования.

Цель — проанализировать формы и результаты диалога между моральным и религиозным дискурсами в осмыслении феномена войны в русской академической философии на примере учений Н.А. Бердяева и И.А. Ильина.

Задачи:

1. Реконструировать базовые позиции морального дискурса (этика ненасилия) и религиозного дискурса (учение о «справедливой войне»).

2. Выявить и сопоставить специфику интерпретации этого диалога в учениях Бердяева (антиномическое равновесие) и Ильина (приоритет религиозно-национального обоснования).

3. Проследить интеллектуальную эволюцию в подходе к проблеме в контексте исторических катастроф XX века.

Ключевые антиномии как основа диалога.

1. Основная антиномия: Противоречие между абсолютным моральным запретом на насилие и религиозным признанием его как «меньшего зла» для защиты высших ценностей.

2. Производная антиномия: Концепция «священной войны», которая, пытаясь ограничить насилие, сама становится объектом манипуляции.

3. Социально-политическая антиномия: Напряжение между долгом защиты национально-религиозной общности и универсальной этикой.

Диалог дискурсов в концепциях Бердяева и Ильина.

Творчество Бердяева и Ильина представляет две принципиальные модели решения этико-религиозной антиномии войны.

И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою» выстраивает иерархическую модель. Он обосновывает «священную войну» как трагический долг защиты духовных ценностей, оправдывая насилие высшей целью.

Н.А. Бердяев в «Смысле истории» предлагает антиномическую модель. Война для него — одновременно проявление метафизического зла и возможный путь к искуплению.

Ильин снимает антиномию через иерархию, тогда как Бердяев углубляет её, сохраняя напряжение как источник диалектического понимания.

Систематизация: основные измерения диалога.

Сопоставление подходов Ильина и Бердяева выявляет три ключевых измерения диалога:

Этическое измерение:

- Ильин: этика подчинена религиозному долгу
- Бердяев: этика сохраняет абсолютный характер

Метафизическое измерение:

- Ильин: война как борьба с мировым злом
- Бердяев: война как проявление трагизма существования

Социально-политическое измерение:

- Ильин: национальное бытие как высшая ценность
- Бердяев: относительность национального перед универсальной этикой

Вместо заключения: диалог как методологический результат.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диалог между моральным и религиозным дискурсами о войне представляет собой методологически продуктивный способ работы с фундаментальными антиномиями.

Эпоха мировых войн и революций стала катализатором формирования двух подходов. Ильин разработал иерархическую модель, где религиозно-национальное обоснование войны становится доминирующим. Бердяев предложил антиномическую модель, отражающую глубину трагического противоречия.

Эти модели демонстрируют, что именно в напряжении между подходами рождается адекватное понимание войны. Ильин предупреждает об опасности утопического морализма, Бердяев — об опасности циничного оппортунизма.

Таким образом, главным результатом становится демонстрация продуктивности диалога как способа осмысления природы насилия и духовных оснований человеческого общежития.

Антипов Алексей Владимирович
к.ф.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Понимание автономии в контексте паллиативной помощи

В паллиативной помощи вопросы об автономии и возможности самостоятельного принятия решений относительно своего благополучия являются одними из наиболее важных. В паллиативной помощи реализация принципа уважения автономии усложняет процесс выделения ценностных предпочтений, поскольку в едином пространстве реализации (например, хосписе) сосуществуют различающиеся люди, которые в праве рассчитывать на удовлетворение именно их потребностей и реализации именно их ценностей.

Другим затруднением является само понимание автономии как расширения прав пациента, поскольку такое положение представляет собой пассивное участие пациента в собственной судьбе. В исследовательской литературе указывается, что автономия является неотъемлемым правом, которое не может быть даровано медицинским персоналом. При этом в рамках паллиативной помощи возможно выделение следующих ключевых характеристик автономии: утверждение полноты идентичности как человеческого существа, способность действовать самостоятельно, позитивное влияние на благополучие, переживание трудных и

порой болезненных чувств, отношения, на которые оказывают влияние реакции близких людей, различные подходы к будущему.

Автономия соединяет в себе два аспекта: ощущение себя «нормальным» и способность брать на себя ответственность. Первое означает принятие своего меняющегося тела вопреки прогрессирующей болезни, а второе — активное участие и контроль пациента над происходящим. Такой подход позволяет видеть в больном личность с уникальной историей и поддерживать его роль в принятии решений. Уважение автономии в паллиативной помощи требует гибкости и баланса между объективными целями (например, обезболиванием), личными предпочтениями пациента, его абсолютными правами (например, контролем над процессом умирания), а также интересами семьи и общества. Однако классическая модель автономии, основанная на идее индивидуального выбора, в условиях паллиативной помощи оказывается недостаточной. Она не учитывает культурные и социальные факторы, влияющие на способность человека принимать решения. Поэтому предлагается более широкая модель, которая рассматривает пациента не как изолированного индивида, а как часть сети взаимоотношений. В этой модели решения учитывают не только личные интересы, но и их влияние на близких и общество.

Как и в любой другой области медицины, в паллиативной помощи существует противоречие между патернализмом (решением, принимаемым за пациента) и автономией. Особую остроту эта дилемма приобретает тогда, когда способность человека к волеизъявлению ограничена (например, из-за деменции). Поэтому классическая модель автономии дополняется различными этическими подходами, которые позволяют гибко учитывать особенности каждого пациента в конце жизни.

Статья подготовлена в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ».

Антонов Михаил Валерьевич
к.ю.н., профессор юридического факультета
НИУ ВШЭ

Искусственный интеллект и ценности в праве

В многовековой традиции (по меньшей мере, в западной правовой традиции) право воспринимается как нечто, представляющее собой веление разума. Речь в данной теоретико-правовой перспективе идет не просто о логической корректности суждений, а о суждении, которое, наряду с соответствием правилам логики, будет отвечать определенным этическим критериям. В этом отношении суждение о применении некоего правоположения предполагает этическую оценку той ситуации, к кото-

рой оно применяется, а также ожидаемых результатов такого применения. Это же можно утверждать и о самих нормах права, применительно к которым такие мыслители, как Р. Алекси, утверждают о неизменно присущей им "претензии на правильность". Истоки этой проблематики можно без труда проследить в истории правовой мысли. Определяя право как «разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное», Цицерон имел в виду «правильный разум», то есть правила, одновременно и логически, и этически верные. То же самое можно сказать о всей естественно-правовой традиции, включая Монтескье: для него право, с одной стороны, означало «человеческий разум, управляющий всеми людьми», но, с другой, он искал в праве тот «дух», который раскрывал лежащую в основе правового регулирования этическую основу. Эта основа может разниться в зависимости от времени и места, но в перспективе непозитивистских подходов остается неизменно присущей праву как его внутренний принцип. Ту же самую идею права как разумно-этической основы человеческого действия можно найти у Канта. В целом, вся непозитивистская традиция, от Аристотеля до Р. Дворкина и Дж. Финниса, связывает действие и применение права с определенными этическими максимами, что могут получить формальное описание, но содержание которых применительно к конкретным казусам устанавливается моральными акторами, то есть наделенными нравственным сознанием людьми. Несмотря на предпринятые Г. Кельзеном и многими другими позитивистами попытки очищения права от этического содержания и морального суждения, и в юридическом позитивизме сами по себе нормативно-правовые формулировки представляются лишь как форма («рамки»), которые на практике получают свое содержательное наполнение через суждения и поступки акторов (правоприменителей), которыми, в конечном счете, выступают люди как субъекты этического суждения. Примерно также обстоят дела и в перспективе правового реализма и других методологических подходов к праву. Таким образом, в превалирующей теоретической юриспруденции действие и применение права привязываются к человеку как к субъекту морального суждения, тогда как апелляции к лежащему в основе права разуму предполагают не простой, а некий «правильный разум», то есть соответствующие моральному сознанию нормативные формулировки. В этом отношении проблематика правовых ценностей, наряду с обсуждением традиционной философско-правовой темы возможности "очищения" права (правоприменения) от ценностей (оценочных суждений) в первом позитивизме или очищения правопознания от искажений, связанных с оценочным выбором, в зрелом позитивизме, предполагает принципиальный вопрос о том, насколько право в перспективе перево-

да правоприменения на алгоритмичные операции, осуществляемые при помощи ИИ, вообще останется связанным с ценностями явлением. Если мы исходим из того, что ИИ не является субъектом этического действия (суждения), то ценностная проблематика оказывается принципиально нерелевантной для той сферы правоприменения, где действует ИИ.

Доклад подготовлен в ходе проведения исследования № 24-00-032 «Государство, церковь и право» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Антонов Михаил Валерьевич
PhD in Law, профессор кафедры теории и истории права и государства НИУ ВШЭ

Правовой реализм и позитивизм в американском контексте

Этические и правовые учения нередко демонстрировали параллелизм в развитии, ответы на вопросы о сущности права, его назначении и оправдании (обосновании) традиционно искались в призме этических воззрений. Занимающиеся философией права мыслители, как правило, не обходили стороной обсуждение принципов справедливости и долга, которые лежат в основе поведения людей. Это создавало общую почву для обсуждения этики в рамках правоведения, и наоборот, философско-правовых вопросов в рамках этики. В 19 в. в философско-правовой среде появляются идеи о необходимости очищения науки о праве от этических дискурсов. Представители этого «первого» юридического позитивизма (И. Бентам, Дж. Остин и др.) видели в таком очищении необходимый шаг в создании поистине научного знания о праве. Но и для них ключевые этические вопросы о долге и справедливости, о конечных источниках нормативности оказались неизбежными, за что уже сами юспозитивисты стали мишенью критических выпадов более радикального направления — правового реализма. Представители этого течения в первые декады 20 в. призвали отказаться от обсуждения самой проблематики нормативности в праве — все рассуждения о нормативности, обязывающей силе права, что предполагают опору на известные этические аксиомы, объявлялись «трансцендентальным нонсенсом» (по выражению американского правового реалиста Ф. Когена) и изгонялись из правоведения. В тот же самый период аналогичные вопросы обсуждались в европейской правовой науке. Вместе с тем, ни программа «чистого учения о праве» Г. Кельзена, ни европейские правовые реалисты (К. Оливекрона, В. Лундштедт и другие скандинавские правоведы) не призы-

вали к радикальному отделению правоведения от этики. Развитие философско-правовых учений в США имело особенности по сравнению с европейским развитием, что выразилось во множестве отличий, что одни и те же методологические подходы имели в этих двух контекстах. В том числе в плане определения того, что есть правовой позитивизм и правовой реализм как философские и методологические установки для исследования права. Если в Европе (как в континентальных странах, так и в Англии) 19 в. и начала 20 в. позитивизм воспринимался, прежде всего, как учение о ведущей роли централизованной политической власти (государства) в создании и применении права, в американской литературе позитивистскими стали называться учения, которые предполагали возможным вывести правовые нормы на основе текстов судебных актов. Таков провозглашенный К. Лэнгделлом подход, который рассматривает право как деятельность по разрешению споров и полагает возможным изучать право через призму принимаемых юрисдикционными органами решений. Этому позитивизму или формализму в духе Лэнгделла мы обязаны системе юридического образования, основанной на модели case studies, которую он в качестве декана активно внедрял на юрфаке Гарвардского университета. Реалистическая юриспруденция в американском контексте выступила против ограничения права рамками юрисдикционных актов, за включение в "провинцию юриспруденции" также разнородных политических, психологических, культурных и иных фактов. В некоторой степени это различие совпадает с предложенным американским правовым реалистом К. Ллевеллином делением между гранд-стилем и формальным стилем. Необходимость многофакторного и плюралистического анализа права и ограниченность "формального стиля" стала настоль очевидной в 20 в., что появилась известная фраза о том, что "реализм мертв, поскольку все мы теперь реалисты". Терминологическая неопределенность привела к известной дискуссии между К. Ллевеллином, Р. Паундом и Дж. Фрэнком о реализме в праве. Напротив, в европейском контексте того "осевого" для философско-правовой мысли времени под позитивизмом понимался подход, что пытался исключить опору валидности права на внешние к правовым текстам этические источники (разделительный тезис) и связывавший право только с социальными институтами (тезис об источниках), в первую очередь, с государством. В ходе развития философско-правовой мысли 20 в. Г. Кельзен, Г.Л.А. Харт и другие теоретики позитивизма показали, что сфера позитивизма более широка. По сравнению с узким пониманием позитивизма в европейской традиции под иными, соперничающими с ним течениями, включая правовой реализм, стали пониматься иные по сравнению с американским контекстом учения. В частности, скандинавский реализм, который делал

акцент не на правотворческой деятельности государства, а на правоприменительной функции судов и иных институтов. Если считать "реализмом" то, что противостоит этатизму и формализму правовой науки 19 в., то туда можно отнести и Г. Кельзена, и Е.В. Булыгина, и других классиков правового позитивизма 20 в. Иначе обстоят дела, если мы берем "правовой реализм" в его исходном, американском контексте — он тут скорее совпадает с тем, что понимается в нашей терминологии как социологическая или антропологическая юриспруденция, и что существует сегодня в американском контексте как школа критических правовых исследований и многочисленные течения "право и ...". Так, по этим критериям, например, датский правовед А. Росс будет для европейцев реалистом, хотя для американцев его метод чем-то будет напоминать принципы позитивистского "формализма" К. Лэнгделла. При использовании соответствующей терминологии в философско-правовой литературе целесообразно принимать во внимание эти контекстуальные различия. Особенно это важно в контексте обсуждения взаимосвязи права и этики, равно как и границ между этими дисциплинами в разных философско-правовых традициях. Важным здесь представляется исследование прагматизма и радикального эмпиризма, что повлияли на развитие правового реализма в американском контексте, и методологических установок правовой науки Европы начала 20 в., что дали почву для становления неопозитивистских учений и идей скандинавского правового реализма.

Доклад подготовлен в ходе проведения исследования № 24-00-032 «Государство, церковь и право» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Аракелян Артур Мовсесович
доцент, д.э.н., профессор, зав. кафедрой управления в сфере культуры, кино, телевидения и индустрии развлечений
Воронцова Юлия Владимировна
к.э.н., доцент кафедры управления в сфере культуры, кино, телевидения и индустрии развлечений
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Этические вызовы при использовании искусственного интеллекта

Трудно говорить что-либо взвешенное о технологиях, связанных с использованием искусственного интеллекта, в наше время, когда новостные сообщения, распространяемые в социальных сетях, порой принад-

лежащие ключевым фигурам современного технологического развития, за считанные часы сменяют утопию на антиутопию, а надежду — на страх. Никто, даже учёные и инженеры, ежедневно работающие над созданием удивительных инноваций, стремительно меняющих нашу жизнь, не могут дать точных и достоверных оценок масштабов происходящего, тем более с этической точки зрения. Мы знаем лишь то, что через несколько лет многое изменится настолько, что человеческая жизнь может кардинально отличаться от того, что мы знали, — в лучшую или худшую сторону.

Технология — это не что-то странное, отчуждающее нас от нашей истинной сущности, и не верный путь к исчезновению нашего вида, но она и не ответ на все вопросы, хотя бы потому, что технологии недостаточны для того, чтобы наполнить нашу жизнь нравственным содержанием. Прогресс в системах узкоспециализированного искусственного интеллекта впечатляет во многих областях: в академической сфере, например, машинный перевод значительно усовершенствовался и стал чрезвычайно полезным, то же самое можно сказать и об инструментах поиска научной информации. Эти области применения, несомненно, будут продолжать расширяться и принесут ещё большую пользу. Однако и опасения усилились из-за злоупотреблений, которые совершаются с имеющимися у нас системами искусственного интеллекта.

Тот факт, что искусственный интеллект стал главной темой обсуждения в СМИ, касающейся развития искусственного интеллекта является явным признаком того, что этот вопрос недостаточно проработан. В основе этих дебатов лежат попытки установить критерии, отличающие разумное поведение людей от поведения машин. Мы начинаем лучше понимать и ценить особенности нашего интеллекта. Старая дихотомия разум/эмоции (или чувства) ослабевает не потому, что между ними нет разницы, а потому, что они дополняют друг друга в своих функциях (1). Это также привело к тому, что мы стали более склонны признавать важность биологического тела в явлениях, которые до сих пор не имели убедительного научного объяснения, таких как сознание и свободная воля.

С другой стороны, эта дискуссия подчеркнула для некоторых необходимость учитывать человеческую уязвимость не как нечто, что следует устранить или свести к минимуму, как предлагают трансгуманисты (2), а как состояние, которое характеризует нас и которое должно цениться как источник социальной сплоченности через солидарность или как основа мировоззрения, основанного на заботе и ответственности по отношению к другим.

Существует проблема согласования машин, то есть проблема того, как заставить интеллектуальные машины, от роботов-помощников до гипотетических будущих искусственных сверхинтеллектов, понимать и прини-

мать моральное поведение человека и принимать решения в соответствии с базовыми моральными человеческими нормами. В этом направлении уже есть интересные предложения, где многое поставлено на карту, однако, ещё многое предстоит решить.

Арсибекова Валерия Сергеевна
обучающийся магистратуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Трансформация образа юродивого в русской культуре

Концепт юродивого в русской культуре представляет собой уникальный синтез религиозного подвижничества, социального протеста и художественного символа, занимая пограничное положение между сакральным и профанным. Его генезис восходит к византийской агиографии, однако на русской почве феномен юродства Христа ради приобрел специфические черты, сформировав особый тип святости, глубоко укорененный в национальном менталитете. Основой этого концепта является парадокс: добровольный отказ от социальных норм, разума и «мира сего» через притворное безумие и асоциальное поведение служит не разрушению, а утверждению высших христианских ценностей — смирения, целомудрия и любви.

Юродивый становится живым воплощением евангельского принципа «сила Божия в немощи совершается», сознательно выбирая путь уничижения и глумления от мира для обличения его греховной гордыни и духовной слепоты. В исторической перспективе концепт претерпевает значительную эволюцию: из исключительно религиозного аскетического подвига, ориентированного на личное спасение (святые Прокопий Устюжский, Василий Блаженный), юродство постепенно эволюционирует в мощный инструмент социальной и политической критики. Эта тенденция ярко проявляется в публицистике и литературе, где фигура юродивого наделяется правом гласа народа, обличающего неправедную власть. Кульминацией этой линии становится образ Николки в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», где юродивый выступает как единственная несломленная и потому подлинно нравственная совесть, бросающая вызов царю-убийце. Этот литературный образ закрепляет за юродивым функцию морального судии, чья узаконенная статусом «безумца» речь оказывается единственной формой публичного выражения запретной правды.

В XIX веке, в творчестве Ф.М. Достоевского, концепт юродивого подвергается глубокой секуляризации и философскому переосмыслению. Князь Мышкин из романа «Идиот», будучи светским персонажем, насле-

дует основные черты архетипа: духовную чистоту, социальную неуместность, способность к провидению и этику всепрощающей любви. Однако его трагедия свидетельствует о кризисе традиционного религиозного сознания в мире рационализма и прагматизма. Юродивый Нового времени оказывается неспособным преобразить реальность, его жертвенная мораль воспринимается как патология, что поднимает сложнейшие вопросы о возможности существования христианского идеала в современном обществе. В XX веке, в условиях атеистического государства, архетип юродивого не исчезает, а трансформируется, находя воплощение в кинематографе. В фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» юродивый Миша становится символом непримиримой памяти и совести, противостоящей тоталитарному забвению. В «Андрее Рублеве» Андрея Тарковского юродивая девушка олицетворяет внеисторическую, страдающую Россию, сохраняющую свою душу вопреки жестокости мира. Эти образы доказывают жизнеспособность концепта как культурного кода, способного нести не только религиозное, но и экзистенциально-гражданское содержание.

Выходит, что концепт юродивого проходит через всю историю русской культуры, оставаясь ключевой фигурой для осмысления фундаментальных противоречий между моралью и властью, верой и разумом, личной святостью и общественной нормой, непрерывно обогащаясь новыми смыслами в меняющемся историко-культурном контексте.

Артамонов Денис Сергеевич
доцент, д.ф.н., заведующий кафедрой
методики обучения истории и обществознанию
Тихонов Глеб Игоревич
обучающийся бакалавриата
механико-математического факультета
СГУ

Мемориальная этика в цифровую эпоху: от политики памяти к ответственности медиапрактик

Мемориальная этика представляет собой особый пласт социально-философской рефлексии, возникающий в пространстве современных исследований памяти и медиа. Она формируется на пересечении вопросов об исторической ответственности, нормативных основаниях политики памяти и специфике цифровой трансформации коллективных воспоминаний. В условиях постправды и цифровизации медиасреды память перестает быть лишь хранилищем культурного опыта и превращается в

поле политических и символических битв, где образы прошлого становятся ресурсом для легитимации настоящего и проекции будущего. В этой ситуации возникает необходимость этического регулирования мемориальных практик, которое и можно обозначить понятием мемориальной этики.

В первую очередь мемориальная этика связана с проблемой ответственности за конструирование и трансляцию образов прошлого. Исследования медиапамяти показывают, что современные цифровые медиа не только хранят информацию, но и активно задают рамки восприятия прошлого, формируя эмоционально насыщенные и часто мифологизированные конструкции. В таких условиях встает вопрос: кто и в какой мере несет ответственность за корректность, достоверность и уместность тех или иных нарративов? Мемориальная этика отвечает на этот вызов, предлагая критерии допустимости интерпретаций и устанавливая пределы манипуляции историческим знанием.

Этическая проблематика памяти обостряется в контексте мемориальных войн, когда борьба за интерпретацию прошлого становится источником социальных конфликтов. В подобных случаях обращение к мемориальной этике предполагает не только фиксацию факта столкновения нарративов, но и поиск оснований для диалога, согласия и признания права Другого на собственную версию исторической идентичности. Это требует от общества выработки механизмов уважения к множественности воспоминаний при сохранении базового консенсуса относительно ключевых травматических событий.

Еще один аспект мемориальной этики связан с вопросами забвения. Цифровая эпоха породила иллюзию тотальной сохранности информации, однако феномен «права на забвение» показывает, что общество сталкивается с необходимостью этического решения: что именно должно оставаться в памяти, а что допустимо исключать из публичного дискурса. Мемориальная этика в этой перспективе оказывается инструментом балансировки между необходимостью помнить и правом забывать, между сохранением исторического наследия и защитой человеческого достоинства в ситуации избыточного информационного присутствия.

Особую значимость в современном контексте приобретает проблема визуализации памяти. Изображения, интернет-мемы, компьютерные игры и иные формы цифровой репрезентации прошлого создают новые горизонты мемориального опыта, где границы между фактом и фикцией, между свидетельством и симулякром становятся размытыми. Мемориальная этика здесь выступает как попытка установить правила ответственного обращения с визуальными и символическими образами, предотвращая их превращение в орудие манипуляции и фальсификации.

Таким образом, мемориальная этика может быть определена как система нормативных принципов, регулирующих обращение общества с прошлым в условиях медиатизации и цифровизации. Она задает основания для критического анализа мемориальных практик, выявляет зоны этических рисков и формирует стратегии ответственного конструирования коллективной памяти. В ее центре находятся вопросы справедливости в отношении памяти о травматических событиях, уважения к коллективным и индивидуальным воспоминаниям, а также поиска баланса между истиной, интерпретацией и политикой. Мемориальная этика не сводится к набору абстрактных норм, напротив, она проявляется в конкретных практиках — от создания цифровых архивов и школьных учебников до установки памятников и обсуждения исторических фейков в социальных сетях.

Мемориальная этика является неотъемлемой частью современного социального бытия. Она формируется как ответ на вызовы цифровой эпохи, когда прошлое стало ареной борьбы за идентичность, истину и власть. Ее задача состоит в том, чтобы обеспечить ответственное и справедливое обращение с историей, способное превратить память из источника конфликтов в ресурс социальной солидарности и культурного диалога.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/.

Артёмов Георгий Петрович
д.ф.н., профессор кафедры этики Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственная культура и социальная солидарность в странах БРИКС

Доклад посвящен анализу взаимосвязи исторических типов нравственной культуры и социальной солидарности в странах БРИКС. Нравственная культура определяется как система установок и ценностных ориентаций, позволяющих поддерживать отношения взаимного уважения и взаимопомощи между людьми в различных исторических условиях. Эти отношения рассматриваются как формы проявления социальной солидарности. При изучении взаимосвязи нравственной культуры и социальной солидарности автор исходил из того, что социальная функция морали заключается в обеспечении отношений солидарности между людьми и что мораль изменяется в соответствии с историческими стадиями развития общества. При переходе от аграрной стадии к индустриальной стадии традиционная мораль сменяется рациональной моралью, а при переходе от индустриальной стадии к постиндустриальной стадии раци-

ональная мораль сменяется пострациональной моралью. В докладе утверждается, что перечисленным историческим типам морали соответствуют определенные типы нравственной культуры: традиционной морали соответствует культура подражания, рациональной морали — культура подчинения, пострациональной морали — культура понимания. Эти типы нравственной культуры представляют собой дополняющие друг друга способы обеспечения социальной солидарности. Согласно данным «Обзорного доклада: модернизация в мире и Китае», большинство стран мира в современных условиях вынуждены одновременно проводить и первичную модернизацию (переход от аграрной стадии к индустриальной), и вторичную модернизацию (переход от индустриальной стадии к постиндустриальной). Это позволяет предположить, что в каждой стране в определенной степени представлены результаты обоих видов модернизации и признаки перечисленных выше типов нравственной культуры, обеспечивающие поддержание отношений социальной солидарности в разных исторических условиях. Для выявления особенностей взаимосвязи нравственной культуры и социальной солидарности в странах БРИКС в докладе используется данные Всемирного исследования ценностей. На основе обобщения результатов анализа этих данных делается вывод о том, что в странах БРИКС сосуществуют все перечисленные исторические типы нравственной культуры и что эти типы культуры в различной степени влияют на отношения взаимного уважения и взаимопомощи. Относительное преобладание отдельных показателей нравственной культуры и социальной солидарности обусловлено особенностями исторического развития и культурного наследия рассматриваемых стран.

Артемьева Ольга Владимировна
к.ф.н., старший научный сотрудник сектора этики
Институт философии РАН

Методологические проблемы в исследовании истории идей

Исследование истории морально-философских идей сопряжено с рядом трудностей. Эти трудности обусловлены многозначностью самих идей, а на ранних этапах их формирования — недостаточной определенностью, переплетенностью с другими представлениями и неустоявшейся терминологией. Мы привыкли мыслить понятийно, и идеи воспринимаем через понятия, посредством которых они закрепляются. Но генеалогически идея предшествует понятию, и на ранних стадиях своего развития присущее идее содержание артикулируется при помощи самых разных терминов в соответствии с разными сферами узуса. Эта нелинейность в истории идей (проявляющаяся у разных идей в разной степени) требует

дополнительного внимания и выработки методологических средств, с помощью которых можно было бы эксплицировать достаточно достоверно допонятийную стадию в развитии идеи.

Учитывая особенность формата данного выступления, обозначенные методологические вопросы будут рассмотрены на примере одной идеи, а именно идеи человеческого достоинства. Достоинство понимается как выражение универсальной, неотчуждаемой внутренней ценности (или статуса) человека, служащей основанием для требования признания и уважения в межчеловеческих отношениях. Историю идеи достоинства можно исследовать двумя путями.

Первый путь идет от древности к современности: он опирается на этимологию термина «достоинство» в разных языках, выявляет его исходное значение и прослеживает дальнейшее развитие. Второй путь движется в противоположном направлении — от современного понимания достоинства к его предпосылкам в истории мысли. Этот «ретроспективный» подход имеет то преимущество, что не ограничивается самим словом «достоинство» и позволяет учитывать близкие по смыслу содержания, выраженные через иные термины (например, honestas, с которым у Цицерона пересекается понятие dignitas).

Опираясь на уточненное понятие морального достоинства, ретроспективный метод сосредоточивается на анализе идей, которые в истории мысли с различной степенью ясности и последовательности складывались в понятие, которое к тому же обнаруживает себя в разных концептуальных контекстах. При этом важно учитывать, что подобная концепция формируется постепенно и нередко выражается в высказываниях неустойчивых и периферийных по отношению к тому «центральному» содержанию, которое воспринимается в данной идее ретроспективно, во всеоружии понимания его развитого содержания, а то и вовсе противоречащих ему. Такое понимание предостерегает от иногда встречающегося поспешного вывода, будто отсутствие в ранней мысли определенного содержания, известного нам по его зрелому концептуальному выражению означает отсутствие самой этой идеи.

Ретроспективный метод позволяет показать, что разные аспекты человеческого достоинства осмыслялись уже достаточно рано. Их можно обнаружить у Гомера, Сократа, Аристотеля, стоиков, Цицерона, Сенеки, Фомы Аквинского, Пико делла Мирандолы, Джанноццо Манетти, Пуфендорфа, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, И. Канта и других мыслителей.

Благодаря ретроспективному подходу мы можем выявить предпосылки зрелой концепции достоинства в ранней мысли, где она в ряде случаев еще представлена «фрагментарно» (разумеется, фрагментарно в перспективе к ее развитому понятийному выражению, известному нам). Генезис идеи достоинства рассматривается по вехам, задающим важную линию в истории освоения и развития этого понятия — от Канта к Пуфендорфу и, далее, к Цицерону.

На примере философии Цицерона видно, что уже в ранних представлениях о достоинстве, пусть в зачаточной форме, присутствуют почти все те характеристики, которые впоследствии получат развитие у Пуфендорфа и Канта. По этим, ассоциированным с именами выдающихся мыслителей, вехам можно не только проследить эволюцию идеи в философском осмыслении нравственного опыта человека, но и глубже понять ее внутреннее содержания во всей его полноте.

Архипов Владислав Владимирович
д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Между моралью и абсурдом: истоки концепции смысловых пределов права в трудах Л.Л. Фуллера

Проблема соотношения права и морали в американской философии XIX–XX веков получила наиболее яркое выражение в полемике Герберта Харта и Лона Л. Фуллера. Вклад Фуллера заключается не только в критике юридического позитивизма, но и в разработке оригинальной концепции «внутренней морали права», а также в постановке проблемы, которая может быть соотнесена с современной концепцией смысловых пределов права. Хотя сам он не формулировал категорию смысловых пределов права, его размышления позволяют увидеть истоки этой идеи, а также основания для понимания границ права как феномена социальной коммуникации.

Особый интерес в этом ракурсе представляют рассуждения Фуллера в книге «Анатомия права». Он приводит примеры абсурдных аргументов: подсудимый оправдывает убийство отца тем, что «отправил его в рай», а чиновник объясняет хищение тем, что принес «счастье наибольшему числу граждан». Эти позиции отвергаются не законом, а самим здравым смыслом. Право, по сути, зависит от отрицания подобных доводов, иначе оно теряет способность выполнять свою функцию. Отсюда следует вывод: существуют границы, которые не могут быть выведены ни из текста закона, ни из морали, но которые задаются логикой социальной коммуникации. Это и есть смысловое измерение пределов права.

Важно подчеркнуть, что моральные и смысловые пределы не совпадают. Нарушение морали может свидетельствовать о неправовом характере нормы (как в классических рассуждениях о «формуле Радбруха»). Но возможны ситуации, когда решение формально не противоречит морали, но оказывается абсурдным. Например, применение уголовной нормы об убийстве к «убийству» персонажей в многопользовательской игре. С точки зрения морали такое применение может быть нейтральным, но с точки зрения здравого смысла — лишено основания.

К этой же категории можно отнести и менее очевидные случаи. Так, буквальное толкование налоговой нормы, позволяющее избежать уплаты налога при сохранении внешней законности, не нарушает морали, но подрывает цель регулирования. Или отказ в защите прав из-за малозначительной процессуальной ошибки: формально решение корректно, но оно искажает идею правопорядка. Эти примеры показывают, что право может утратить смысл даже без конфликта с моралью.

Фуллер отмечал, что изучать право нужно не только в «здоровом» состоянии, но и через анализ его патологий. Именно в ситуациях скрытых искажений становится очевидно, что право ограничено не только моралью, но и здравым смыслом. Рассмотрение таких пограничных случаев открывает возможность говорить о смысловых границах права как об особой категории.

Таким образом, идея смысловых пределов права возникает в русле размышлений Фуллера, но получает развитие в современной теории. Право перестает быть правом там, где оно становится абсурдным, и именно эта граница столь же важна, как и граница морали. Следовательно, американская философия права XIX–XX веков демонстрирует: соотношение права и морали нельзя свести к оппозиции позитивизма и естественного права. Оно предполагает более сложную конструкцию, в которой право ограничено одновременно моралью и смыслом. Проблема соотношения права и морали в американской философии XIX–XX веков получила наиболее яркое выражение в полемике Герберта Харта и Лона Л. Фуллера. Вклад Фуллера заключается не только в критике юридического позитивизма, но и в разработке оригинальной концепции «внутренней морали права», а также в постановке проблемы, которая может быть соотнесена с современной концепцией смысловых пределов права. Хотя сам он не формулировал категорию смысловых пределов права, его размышления позволяют увидеть истоки этой идеи, а также основания для понимания границ права как феномена социальной коммуникации.

Архипов Владислав Владимирович
д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Правовые ценности между традицией и прогрессом: смысловые пределы права

В докладе будет представлен опыт применения концепции смысловых пределов права для анализа того, как традиционные правовые ценности соотносятся с вызовами современности. Эта концепция, предложенная в докторской диссертации автора, позволяет рассматривать право не только как систему норм, но и как форму осмысленной коммуникации. В

этом контексте становится очевидным: границы права определяются не только моральными принципами, но и пределами его смысловой адекватности.

Право исторически окружено ценностями, обеспечивающими его устойчивость, которые находят выражение в том числе в различных принципах: ясность и общность норм, их непротиворечивость и последовательность. Фуллер называл их «внутренней моральностью права». Однако к ним необходимо добавить еще один, ключевой принцип — серьёзность. Серьёзность права — это не просто формальное соблюдение правил, а его притязание на особый культурный и символический статус. Право воспринимается как «серьёзное дело», и в этом заключён фундамент традиции. Оно не может быть игрой или случайным набором предписаний, если оно претендует на уважение и доверие общества. Серьёзность становится своего рода девятым принципом внутренней морали права и выражает традиционные ценности правопорядка.

Современные вызовы, такие как цифровая реальность, новые формы социальной организации, виртуальные артефакты, требуют проверки их юридической значимости. Для этого концепция смысловых пределов права предлагает два критерия. Первый — социально-валютная ценность: предмет становится объектом права, если он действительно встроен в устойчивые социальные практики и формы обмена. Второй — функциональная адекватность: право должно распространяться только на те явления, которые соотносятся с реальной функцией регулирования, а не остаются в сфере фантазий или чисто воображаемого. Эти критерии помогают совместить прогресс и традицию, сохраняя значение права для обеспечения осмысленного социального регулирования.

Особое значение имеет категория абсурда. Абсурд возникает тогда, когда формально допустимое применение правовых норм приводит к результату, противоречащему здравому смыслу. Это может быть очевидно (как в примерах доводов, оправдывающих убийство или хищение «во имя счастья»), но может проявляться и скрыто — в ситуациях, когда право формально соблюдается, но результат подрывает его собственные цели. Эти случаи демонстрируют, что даже без конфликта с моралью право может утратить смысл.

С точки зрения концепции смысловых пределов права, традиция и прогресс не противостоят друг другу, а взаимно дополняются. Традиция как бы удерживает право в состоянии серьёзности и внутренней согласованности. Прогресс, напротив, ставит новые вопросы и требует разработки критериев для различения юридически значимого и бессмысленного. Там, где право сохраняет серьёзность и смысл, оно остаётся формой справедливого регулирования. Там же, где эти пределы нарушаются, право перестает выполнять свою роль.

Архипов Владислав Владимирович
д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Самостоятельность и академическая добросовестность в эпоху генеративного ИИ: опыт разработки проекта концепции СПбГУ

В докладе будет представлен опыт разработки и обсуждения проекта концепции Санкт-Петербургского государственного университета об использовании технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности. Его цель — показать, каким образом в условиях стремительного внедрения генеративных моделей возможно сохранить фундаментальные академические ценности и сформировать новые этические ориентиры для гуманитарного образования.

Представляется целесообразным исходить из того, что искусственный интеллект, несмотря на широкий спектр его возможностей и связанных с ним социальных мифов, представляет собой технологию обработки информации. История университета показывает: смена инструментов никогда не отменяла главного — требования самостоятельности, добросовестности и уважения к интеллектуальной собственности. В XVIII веке появление новых средств письма, в XX веке — компьютеров и Интернета, а сегодня — генеративных моделей вызывают схожие опасения: исчезнет ли способность мыслить самостоятельно? Опыт свидетельствует, что фундаментальные ценности остаются неизменными, если университетская культура следует принципу ответственности за мысль.

Основным вызовом, который ставит использование искусственного интеллекта в образовании, является определение границ самостоятельности. В проекте концепции этот критерий трактуется не формально, а прагматически: самостоятельной считается работа, автор которой способен продемонстрировать источники и опорные точки рассуждения, а также воспроизвести логику аргументации в иной ситуации. Использование искусственного интеллекта допустимо там, где он выполняет вспомогательные или технические функции, такие как корректура текста, перевод, визуализация, а также там, где он выступает инструментом легитимного исследования, например, при анализе больших массивов данных. Недопустимо же применение генеративных моделей в тех случаях, когда задача прямо направлена на проверку навыков, требующих исключительно самостоятельности: написание текста на языке, решение логических задач, устные экзамены.

Особое значение имеет выстраивание этических оснований. Проект концепции исходит из того, что массовая доступность искусственного интеллекта делает невозможным полный контроль за его использованием. Поэтому вводится презумпция: любой студент или преподаватель в повседневной работе мог воспользоваться генеративной моделью. Это не означает презумпции вины, но предполагает повышенные требования к прозрачности: наличие точных сносок, сохранение подготовительных материалов, возможность устной защиты ключевых положений. При этом особо подчеркивается, что ошибка в обвинении добросовестного участника в недобросовестности несоразмерно опаснее, чем ситуация, когда использование искусственного интеллекта не будет выявлено.

Практические решения включают систему условных обозначений для открытого декларирования применения искусственного интеллекта, строгую проверку сносок и источников, использование устных и очных форм контроля, сохранение портфолио процесса с черновиками и набросками, а также отказ от признания «аргументов ИИ» в качестве доводов в академических спорах.

Проект концепции основан на той идее, что развитие технологий требует не отрицания, а адаптации академических правил. Главный ориентир здесь — сохранение самостоятельности и добросовестности как универсальных ценностей гуманитарного образования. Генеративный искусственный интеллект может стать полезным инструментом, но только при условии, что он не подменяет интеллектуальную ответственность исследователя. В эпоху искусственного интеллекта университетская академическая этика должна соединять традицию с современными вызовами, сохраняя за человеком — в том числе студентом и ученым — статус носителя знания и подлинного автора.

Асланов Фаидин Рафидинович
обучающийся бакалавриата
РУДН им. П. Лумумбы

Осмысление классических вопросов этики и морали в рамках философии Прагматизма и Неопрагматизма

Прагматизм и неопрагматизм обладают богатым содержанием в области осмысления классических вопросов морали. Пытаясь преодолеть фундаментализм, который, по мнению представителей двух вышеупомянутых направлений в философии, загонял нас в тупик и не давал личности развиваться в этической теории, прагматизм и неопрагматизм выработал множество других разнообразных теорий морали, основываясь на

едином принципе. Одним из важнейших для философов прагматизма стал следующий вопрос: может ли думающий человек руководствоваться единым незыблемым моральным принципом? Не станет ли это проблемой, если вдруг окажется, что жизнь наполнена множественными парадоксами, которые решаются неоднозначно в традиционной моральной парадигме?

Таким образом, прагматизм и неопрагматизм меняет свой фокус внимания с поиска фундаментального морального принципа на ответственность каждого человека организовать свое поведение, проводя оценку практических последствий собственных поступков.

Ч. Пирс, как основатель самого направления утвердил основы этики нового направления, а также предложил способ классификации Этики как науки в целом.

У. Джеймс, как ницщеанец в некоторых своих взглядах, ввел психологию в моральную область: ключевыми в формировании морали являются человек и его воля.

Д. Дьюи рассуждал над темой добра в морали. Он утверждал, что мораль, в общем и целом, должны быть инструментальной и рефлексивной сферой, что ей присуще антиавторитарность, изменчивость и плюрализм.

Неопрагматизм был преемником классиков философии прагматизма, но он не имел под собой единой структуры и являлся группой разрозненных направлений или представителей, в идеях которых так или иначе откликались идеи неопрагматизма.

Р. Рорти является одним из самых известных представителей данного направления. Особый акцент в его теории делается на сообщество. Не существует никакой моральной истины или объективности. Теории формируются внутри сообщества и разнятся от одного сообщества к другому. В нашем моральном поведении важна солидарность формирующаяся, на основе языка.

Х. Патнэм заявляет о том, что суждения о морали и этике являются объективными и подлежащими доказательству как научные истины. Таким образом, он пытается избежать морального релятивизма

Роберт Брэндом делает акцент на взаимном признании через следование нормам в диалоге. Нормативные статусы не даны свыше, а вырабатываются в коммуникации.

Прагматизм и неопрагматизм переносят акцент в морали с трансцендентных абсолютов на имманентные человеческие практики. Очень важную роль играет моральное воображение, с помощью которого мы можем поставить себя на место Других, таким образом регулируя отношения с другими субъектами. Мораль понимается не как система вечных неизменных законов, а как динамичный, изменчивый процесс, укорененный в культуре, истории и социальном взаимодействии.

Афанасьев Данил Денисович
обучающийся магистратуры факультета социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Социально-этический аспект историософии И.М. Дьяконова: система ценностей в историко-культурном процессе

Современный этап развития гуманитарных наук, характеризующийся методологической рефлексией, актуализирует изучение теоретических основ крупных научных школ. В этом контексте наследие советского ассириолога и историка Древнего Востока И.М. Дьяконова (1915–1999) является крайне репрезентативным. Его творчество представляет синтез скрупулезного источниковедческого анализа, лингвистического мастерства и масштабного историософского синтеза. Центральное место в его теории занимает проблема генезиса и эволюции систем ценностей, этики и идеологии как функциональных механизмов социальной интеграции.

Цель статьи — анализ социально-этического аспекта историософии Дьяконова, реконструкция его теории с акцентом на развитие идеологии и этики как инструментов снятия социально-психологического дискомфорта.

Концепция Дьяконова формировалась в рамках советской марксистской парадигмы, но не была догматичной. Он стремился модернизировать марксизм, взяв из него принцип материалистического понимания истории и историзма. Вторым ключевым источником стал французский социологический позитивизм, а именно концепция Эмиля Дюркгейма об анемии — состоянии ценностно-нормативного вакуума. Синтез политэкономического анализа марксизма с социально-психологическим подходом Дюркгейма составил новаторство его метода, который он определял как поиск «стадиально-типологических аналогий».

Дьяконов изложил свою модель в труде «Пути истории...», выделив восемь стадий развития. Движущей силой перехода между ними является диалектическое взаимодействие трех параметров: технологии, социально-экономических отношений и «идеологии» (всех надстроечных явлений). Ключевой тезис: каждый переход носит революционный и травматический характер. Прогресс технологии ломает традиционные общественные связи, вызывая состояние анемии — дезориентации и тревоги.

Функциональным ответом на этот кризис, по Дьяконову, становится выработка новой идеологии. Новая система ценностей и этических норм выполняет компенсаторную функцию: она дает человеку новую картину мира, объясняет его место в изменившейся реальности и обеспечивает психологическую адаптацию.

Дьяконов апробировал этот принцип на конкретном материале. Так, переход к ранней древности (образованию государств) и вызванный им социальный дискомфорт породил мифы о борьбе космоса с хаосом (египетская Маат, шумерское Ме), этически обосновывавшие новую иерархию. Следующий крупный кризис, связанный с созданием империй и «осевым временем», привел к распаду локальных коллективов. Реакцией стало возникновение универсалистских этических систем (буддизм, греческая философия, библейское пророчество), переносивших источник морали во внутренний мир индивида и формулировавших принципы личной ответственности.

В «Киркенесской этике» Дьяконов прямо постулирует, что мораль — не вечная категория, а функциональный инструмент общества для «снятия» социально-психологического дискомфорта.

Концепция Дьяконова вызвала дискуссии. Ортодоксальные марксисты (Ю.И. Семенов) критиковали его за отход от классовой борьбы как движущей силы истории и уступку идеализму. Коллеги-востоковеды (А.Л. Вассоевич) указывали на схематизм и модернизацию, arguing что духовные феномены не всегда укладываются в схему функционального «ответа».

Несмотря на критику, историософская концепция Дьяконова — выдающееся достижение. Его заслуга в последовательном применении принципа историзма к исследованию морали и раскрытии ее функциональной роли. Его антропоцентричная модель, анализирующая этику как механизм компенсации стресса, открывает перспективы для междисциплинарных исследований. Наследие Дьяконова заставляет задуматься о формировании новых систем ценностей, призванных обеспечить нравственную ориентацию человека в эпоху глобализации.

Бабаджанян Папик Артурович
ассистент
Фролов Александр Альбертович
к.п.н., доцент
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ценности и императивы современных российских блогеров

В настоящее время цифровая трансформация и развитие социальных платформ выдвинула блогеров на передний план в медиакоммуникации, сделав их важными агентами формирования и транслирования общественного мнения, культурных трендов и потребительского поведения. Российская блогосфера представляет значительный интерес

для научного осмысления. Однако её внутренняя ценностная система, мотивационные императивы и профессиональные ориентиры остаются недостаточно изученными. Целью данных тезисов является выявление основных ценностей и побудительных причин, определяющих деятельность российских блогеров.

Эмпирической основой тезисов послужило исследование, проведенное методом полуструктурированных глубинных интервью с 16 российскими блогерами. Отбор респондентов проводился по принципу целевой выборки, обеспечивающей разнообразие по ключевым параметрам: размеру аудитории и типу создаваемого контента.

Для анализа субъективных представлений респондентов была проведена операционализация двух центральных для данного исследования понятий: ценности блогеров были определены как устойчивые, значимые для респондента представления о желаемом, выступающие внутренними ориентирами их деятельности. В контексте исследования операционализация этого понятия осуществлялась через анализ ответов на прямые вопросы о ценностях, а также через выявление скрытых ценностных суждений в рассказах о мотивах ведения блога, принципах взаимодействия с аудиторией и выборе тематик контента. Императивы деятельности были операционализированы как совокупность внешних и внутренних предписаний, диктующих конкретные условия и модели поведения в блогосфере. Это понятие было раскрыто через анализ ответов, касающихся внешних и внутренних императивов.

Исследование выявило отсутствие единого мотивационного вектора, обуславливающего вхождение в профессию. Напротив, наблюдается широкий спектр исходных побуждений, которые условно можно разделить на личностные и профессиональные.

К личностным императивам и ценностям относится, например, подростковое любопытство и интерес к технологиям, что выражено в высказываниях респондентов о желании «изучить устройство камеры» (цит.) в раннем возрасте. Другим императивом выступает стремление к свободе и самореализации, где блогинг воспринимается как пространство для преодоления ограничений традиционных профессий. Значимой ценностью, транслируемой через контент, оказываются семейные отношения; для некоторых блогеров создание контента изначально было связано с желанием «получить признание в семьей», что впоследствии органично интегрировалось в тематику их публикаций.

Профессиональные императивы и ценности тесно переплетаются с личностными. Желание заработка и популярности, часто являющиеся исходным импульсом (внутренний императив), в процессе деятельности трансформируются в установку на системность и профессиональный

рост как ключевую профессиональную ценность. Ценности, декларируемые блогерами в своем контенте, также демонстрируют дуализм. С одной стороны, это ориентация на гуманистические идеалы: доброта, открытость, близость к аудитории, стремление «нести в мир что-то доброе, полезное». С другой стороны, часть сообщества сознательно дистанцируется от демонстрации каких-либо ценностей, концентрируясь на сугубо развлекательной функции и принципе «главное, чтобы весело».

Это ценностное многообразие напрямую коррелирует с типологией контента и размером аудитории, формируя крайне гетерогенное и фрагментированное поле, лишенное единого идеологического стержня. Параллельно с этим, важно отметить, что деятельность российских блогеров осуществляется в условиях сложного взаимодействия двух внешних факторов, которые были операционализированы как ключевые внешние императивы: ориентация на глобальную, прежде всего западную, блогосферу и необходимость адаптации к национальным регуляторным реалиям.

С одной стороны, зарубежные коллеги остаются безусловным референтом и источником трендов. Как отмечают респонденты, «именно зарубежные блогеры делают все тренды, которые позже появляются в отечественной блогосфере». Однако процесс адаптации не является механическим и наталкивается на культурные барьеры, включая различия в юморе и ментальных моделях аудитории, что заставляет российских создателей контента критически переосмысливать заимствуемые форматы, следуя императиву культурных особенностей российского общества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00083 «Российская блогосфера в условиях новых политических вызовов: смысловые и платформенные приоритеты», https://rscf.ru/project/24-78-00083/.

Багирова Амалия Арифовна
обучающийся магистратуры
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Алгоритмическое настоящее и структура субъективного времени в цифровой среде

Доклад посвящён философскому анализу изменений в структуре субъективного времени под влиянием цифрово-алгоритмических технологий. В фокусе — воздействие цифровых интерфейсов и предиктивных

алгоритмов на дофеноменальные механизмы временного восприятия и их этические последствия.

Отправной точкой выступает гуссерлевская концепция внутреннего времени как основы субъективного переживания (ретенция, протенция, lebendige Gegenwart). Именно в этой дофеноменальной структуре осуществляется сцепление актов сознания, обеспечивающее единство опыта и устойчивость идентичности.

В условиях цифровой медиасреды, управляемой алгоритмической логикой, происходит смещение модуса настоящего. Под воздействием интерфейсов и автоматизированных процедур переживание времени перестраивается: настоящее становится не полем напряжения между прошедшим и грядущим, а функционально-программируемым откликом, регулируемым логикой внешней предикции (Chun, de Mul). Возникает особый режим — «алгоритмическое настоящее», в котором утрачивается структура длительности, необходимая для формирования апперцептивного единства и воспроизводства памяти.

Анализ опирается на трансцендентальную феноменологию Эдмунда Гуссерля, расширенную телесно-аффективными интуициями Мерло-Понти, в сочетании с философией техники и медиа-онтологией (Бернар Стиглер, Марк Хансен, Жильбер Симондон). Эти подходы позволяют мыслить технологии не как внешние инструменты, а как конститутивные медиумы, участвующие в артикуляции субъективного опыта на дофеноменальном уровне. В частности, внимание сосредоточено на том, как алгоритмические интерфейсы вмешиваются в темпоральную синтезирующую работу сознания, нарушая ретенционную и протенционную логику, на которой покоится феноменальная сцепленность акта восприятия.

Философия техники в этом контексте открывает перспективу осмысления технологий как процессов индивидуализации, вовлечённых в становление субъекта, а не лишь как объектов использования. Технологическая среда оформляет условия восприятия, придавая определённую направленность субъективному переживанию настоящего.

Одним из центральных вопросов исследования становится проблема этической легитимности алгоритмического вмешательства в структуру субъективности. Речь идёт не о внешнем насилии, а о трансформации доопытных условий, в которых субъект способен быть в отношении к себе, другому и времени. Таким образом, цифровая медиасреда не просто модифицирует поведенческие паттерны, но влияет на условия возможности опыта как такового. Возникает необходимость переосмысления пределов допустимого в инженерии внимания, чувственности и времени.

Доклад нацелен на выявление нового типа критической ситуации: смещения субъективной темпоральности из феноменологической протяжённости в цифровую сжатость, лишённую горизонта. Это сдвиг не только онтологический, но и этико-философский, требующий пересмотра границ технологического воздействия на условия человеческого опыта.

Барабанов Алексей Юрьевич
аспирант кафедры философии и культурологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Этическая теория ортобиоза в философско-научном эссе И.И. Мечникова

В начале 20 века русский учений и будущий Нобелевский лауреат И.И. Мечников издал несколько трудов, не относящихся к изучаемой им проблеме иммунитета и болезней живых организмов: в 1904 году в Москве издается его труд «Этюды о природе человека», а через 3 года в печать выходит продолжение труда о человеке — «Этюды оптимизма».

«Этюды о природе человека» — это философско-этический трактат, в котором автор ищет ответы на вопросы о месте человека в мире, о причинах его несчастий (которые называет «дисгармониями»), о способах преодоления «дисгармоний» с точки зрения биологии и рационализма.

В «Этюдах оптимизма» учёный пропагандирует «оптимистическое» мировоззрение.

Центральный вопрос, который более всего волнует И.И. Мечникова, — это философский вопрос о жизни и смерти. Учёный различает естественную («физиологическую») смерть от старости и «патологическую» смерть от болезней. Первая нормальна, вторая противоестественна.

Решение проблемы «патологической» смерти И.И. Мечников видит в продлении человеческой жизни до того предела, когда должен сработать биологический инстинкт смерти.

Придерживаясь атеистического мировоззрения, И.И. Мечников считал, что человек унаследовал от животных организацию жизни, приспособленную к условиям окружающей среды. Но поскольку человек обладает более развитым, по сравнению с животными, мозгом, он начинает изменять природу «под себя», что и приводит к появлению биологических «дисгармоний».

Именно дисбаланс биологии и антропогенеза, по мнению И.И. Мечникова, привел человечество к разного рода несчастьям, самое главное из которых — «патологическая» старость и смерть при отсутствии инстинкта «естественной» смерти. Данная ситуация с древнейших времен бес-

покоит человека, и выходом из неё служил фатализм, выразившийся в примирении с мыслью о неизбежности смерти.

Впоследствии, с развитием научного знания, особенно с развитием медицины у человека, как считает И.И. Мечников, появляется надежда на то, что патологическая старость и болезни могут быть побеждены. И хотя человека в конце концов всё равно ждет смерть, но отношение к ней будет другое. Смерть будет являться негативным сценарием окончания жизни только в том случае, если человек не закончил своего развития, если в нём сохраняет силу инстинкт жизни. Однако при полном завершении развития всех граней человеческой личности у человека, по мнению И.И. Мечникова, должен будет включиться «инстинкт смерти», который позволит с радостью принять приближающуюся кончину.

На этом основании И.И. Мечников строит теорию «ортобиоза» (от греч. orthos — правильный, bios — жизнь) — здорового и разумного образа жизни, цель которого — восстановление правильной эволюции человеческой жизни, превращение «дисгармонии» в «гармонию».

Ортобиоза, по мнению И.И. Мечникова, можно достичь, придерживаясь правил личной гигиены, правильного и здорового питания, оптимального чередования работы и отдыха, соблюдения культуры общения, общей умеренности в потреблении и отсутствия вредных излишеств.

И.И. Мечников утверждал, что выведенная им теория ортобиоза будет являться главным средством борьбы с преждевременной патологической старостью, способом достижения полного и счастливого цикла жизни, завершающегося спокойной и естественной смертью.

Барбашина Эвелина Владимировна
доцент, д.ф.н., заведующий кафедрой философии
ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России,
профессор ИФПР СО РАН

Нарративная этика в медицине

Нарративные исследования к настоящему времени представлены практически во всех областях социально-гуманитарного знания, нарративы широко распространены в области медицины, журналистике, социальной работе, медиации конфликтов, а также в различных сферах искусства. Достигнуто относительное согласие по поводу того, что нарратив не является зеркальным отражением прошлого опыта, не перечисляет случившиеся факты, а конституирует смыслы, выстраивая взаимосвязь между событиями прошлого и представленностью их переживаний в трансформирующемся настоящем. Единство отсутствует относительно общих характеристик, существенных признаков нарратива, но их воз-

можно выделить, основываясь на принципе «семейного сходства». Во-первых, речь идет не о любом событии прошлого, а об уникальном, меняющем ход повседневности и значимом для настоящего. Именно опыт такого события переживается в настоящем, меняя прошлое, конструируя настоящее и делая проект будущего. Во-вторых, особый характер времени, который проявляется в том, что есть расхождение между временной последовательностью прошлого и временем нарратива, в котором прошлое выстраивается в соответствии со смыслами настоящего. В-третьих, интерсубъективность, то есть для того, чтобы нарратор был, а нарратив состоялся необходима воспринимающая сторона. Ее роль может различаться по степени включенности, по форме восприятия, реакции, но главное, чтобы она была. И, наконец, этичность нарратива. Она заключается в том, чтобы рассматривать нарратив как способ расстановки этических ориентиров и, соответственно, определение путей того, что следует делать. В более сильном варианте нарративной этике предполагается повышенная степень ответственности за происходящее как у самого нарратора, так и у воспринимающей стороны: не просто слушать, а слышать и изначально быть готовым воспринять опыт другого.

Особую важность ориентация на нарративную этику приобретает в области медицины, что обусловлена отказом от однозначного биомедицинского понимания болезни и от рассмотрения пациента в качестве объекта воздействия. Это, в свою очередь, обусловлено зазвучавшими «молчаливыми голосами» пациентов и людей с ограниченными возможностями, хроникализацией болезней и ростом дегенеративных заболеваний в «обществе ремиссии». Более того, основные положения нарративной этики, представленный далее, соотносятся с принципом автономии пациента.

Специфика нарративной этики в области медицины заключается, во-первых, в смещении фокуса внимания на проблемы пациента и его близкого окружения; во-вторых, в признании важности, и даже определяющей роли, личностно-значимых представлений пациента о своём прошлом, настоящем и будущем. Нарративы пациентов о начале, течении болезни являются определяющими для их представлений о том, что является этичным и формирующим ответственность за происходящее. Поскольку каждый человек, будучи пациентом стремится поступать правильно (с его точки зрения), то в случае невозможности этого, посредством нарратива перестраивается, «пересобирается» опыт прошлого. Основанием такого подхода является, и это, в-четвертых, установка на то, чтобы человек смог выстроить, такой нарратив, который определит оптимальные способы его и для него дальнейших действий. Другими словами, выстроить нарратив, который представит лучшую версию самого себя вне зависимости от обстоятельств и позволит сохранить свою идентичность и целостность.

Барташевич Татьяна Юрьевна
к.ф.н., доцент кафедры этики Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральные парадоксы в этике воспитания в контексте религиозного и нравственного дискурсов

В центре доклада — анализ фундаментальных моральных парадоксов этики воспитания, рассматриваемых сквозь призму религиозного дискурса и русской литературной традиции. Исходным является противоречие между двумя неотъемлемыми задачами воспитания: функцией «домостроительства» души, требующей авторитета, следования норме и формирования четких этических ориентиров, и высшей целью — достижением подлинной нравственной автономии, основанной на свободном и осознанном выборе в пользу добра. Этот парадокс, известный в религиозной традиции как напряжение между законом и благодатью, ставит воспитателя в позицию, требующую одновременно и твердой руководящей воли, и смиренного отказа от тотального контроля, ибо подлинная добродетель рождается не из принуждения, а из любви и личного усилия.

Это теоретическое противоречие находит свое яркое воплощение в феномене «народной нравственной культуры», которая представляет собой сложный сплав официального православного канона и житейской практики. В ее рамках декларируемые идеалы смирения, нестяжательства и соборности постоянно соседствуют с оправданием практической «хитрости», а фигура смиренного праведника — с почитанием юродивого или правдоискателя, чей протест нарушает устоявшиеся нормы. Эта внутренняя двойственность создает для ребенка конфликтное поле, где абстрактный религиозный идеал сталкивается с прагматикой выживания и социального успеха.

Наиболее глубоко данный конфликт раскрывается в русской классической литературе через феномен «обаяния отрицательного героя». Такие персонажи, как Печорин, Раскольников или Иван Карамазов, являются не просто нарушителями норм, но носителями мощной, хотя и извращенной, духовной энергии. Их притягательность для читателя — это художественное воплощение богословской проблемы теодицеи: почему зло в мире часто обладает интеллектуальной глубиной, харизмой и силой, которые отсутствуют у бесцветной добродетели? Печорин с его рефлексией и волей, Раскольников с его мучительной совестью и титанической гордыней, Иван Карамазов с его непримиримым бунтом против мирового зла — все они ставят под сомнение простую дидактику. Их образы демонстрируют, что корни греха часто лежат не в низменности,

а в неправильно направленной духовной жажде, в трагическом заблуждении ума и воли.

Таким образом, перед этикой воспитания встает сложнейшая задача: как формировать нравственную личность, не упрощая моральный выбор до бинарных схем, но и не впадая в релятивизм? Ответ, предлагаемый в контексте религиозного дискурса, заключается в переходе от модели индоктринации к практике соборного диалога. Воспитательный процесс должен быть ориентирован не на страх перед нарушением закона, а на открытость действию благодати, преображающей свободу изнутри. Отрицательные литературные герои в этой парадигме становятся не соблазнительными примерами, а материалом для «трезвения» — духовного внимания, помогающего распознать искажения добра в себе самом. Преодоление моральных парадоксов видится не в их логическом разрешении, а в экзистенциальном проживании на пути от внешнего авторитета к внутренней укорененности в добре, от страха наказания — к любви как главному мотиву нравственного поступка.

Барташевич Татьяна Юрьевна
к.ф.н., доцент кафедры этики
Овчинникова Елена Анатольевна
к.ф.н., доцент кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургский государственный университет

«Православное нравственное богословие» архимандрита Платона (Игумнова) в контексте отечественной этической мысли

Предлагаемый курс Нравственного богословия (1994 г.) составлен на материале лекций, прочитанных в 1989–1993 годах в Московской Духовной Семинарии и в МГУ им. М.В. Ломоносова. Однако это не просто учебное пособие, а систематический фундаментальный трактат, созданный на переломе эпох. Его анализ позволяет выявить стратегию построения религиозно-нравственного дискурса, который, с одной стороны, укоренен в классической святоотеческой традиции, а с другой — находится в активном диалоге с вызовами и языками философской мысли XX века.

Автор не изолирует богословие от светского знания. Он прямо заявляет, что «Православная этика не может закрыть глаза на существование различных этических систем» (стр. 8). Помимо базовых источников нравственного богословия (Священное Писание и Церковное Предание) в работе активно привлекаются концепции мыслителей XX века — от пси-

хоанализа (Фрейд, Юнг, Фромм, Эриксон) и гуманистической психологии (Маслоу) до философской антропологии и социологии, автор продолжает традиции русской этической мысли, обращаясь как к сочинениям русских философов и богословов — Вл. Соловьева, Н.О. Лосского, И.А. Ильина, Г. Флоровского, Сергия Булгакова, так и этическим трудам О.Г. Дробницкого и др. отечественных этиков.

В структуре учебника можно выделить основные теоретические блоки, которые определяют внутреннюю логику и концептуальное единство работы.

Первое, с чего начинает автор свой анализ, это проблема личности. Центральным для всего построения является персоналистический подход. Личность понимается не как эмпирический индивид, а как онтологическая структура, не сводимая к природным или социальным детерминантам. Нравственность — не набор предписаний, а ответ личности на благость Творца и соучастие в судьбе ближнего (стр. 19). Это представляет своеобразный контрапункт деонтологическим и утилитаристским моделям, предлагая этику, основанную на онтологической укорененности добра. Далее, архимандрит Платон анализирует теории естественного нравственного закона, представленные в учении апостола Павла и отцов Церкви; приводит последовательную критику редукционизма (сведение морали либо к чувствам, либо к общественной санкции) и обосновывает универсальность закона.

Несомненный интерес представляет анализ нравственного сознания. Автор выделяет ключевые этические концепты морального сознания — стыд, вина, совесть, долг и ответственность, продолжая традицию отечественной моральной рефлексии, представленной как в сочинениях русских философов, так и богословских текстах. Отдельная глава учебника посвящена анализу моральной свободы и ценностной ориентации личности. Заслуживает внимания представленная концепция ценностных ориентаций личности в современном мире.

«Православное нравственное богословие» архимандрита Платона (Игумнова) является ярким примером живого и конструктивного религиозно-нравственного дискурса. С одной стороны, это текст, продолжающий классическую традицию русского нравственного богословия XIX века, с его систематичностью и ориентацией на пастырские задачи, с другой стороны, это современный проект, который отвечает на вызовы секулярной эпохи, предлагая онтологическое обоснование морали, вступает в междисциплинарный диалог с философией и наукой, разрабатывает богатый феноменологический язык для описания внутреннего мира личности.

Таким образом, труд архимандрита Платона представляет собой не только памятник церковной мысли, но и ценный ресурс для современной теоретической этики, предлагая пути интеграции метафизического измерения морали в дискуссии о нравственных ценностях, моральном сознании, мировоззренческих константах и этических категориях.

Беззубова Ольга Владимировна
к.ф.н., доцент Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Образ участника Великой Отечественной войны в советском кинематографе 1950-х–1970-х гг.: моральные аспекты

Число вернувшихся с фронта участников Великой Отечественной войны было столь велико, что в первые послевоенные годы фигура ветерана стала привычной частью повседневной жизни. Советский кинематограф, конечно же, не мог оставить эти изменения без внимания, и герои-участники войны стали появляться в советских фильмах, причем не только посвященных непосредственно военному времени, но и изображающих повседневную жизнь послевоенного СССР. На протяжении нескольких десятилетий герои-фронтовики неизменно присутствовали в кадре, причем не обязательно в главной роли. Собственно, вследствие масштабов военных действий почти по умолчанию предполагалось, что любой мужчина соответствующего возраста принимал участие в защите родины. Поэтому фигура участника войны репрезентировала типичного советского человека. Такие герои, как правило, обладали положительными нравственными качествами, но не выделялись по этому принципу.

По мере увеличения временной дистанции в поле внимания кинематографистов все чаще оказываются представители более молодого, послевоенного поколения. Начиная с этого момента мы можем отметить постепенную кристаллизацию нового образа участника войны — не просто как типичного советского человека, но как носителя особых качеств. Такие герои наделяются нравственной силой и моральным авторитетом, даже если об их военном прошлом нам не рассказывают подробно, и мы узнаем о нем как будто бы случайно. В ряде случаев, фигура старшего, но прошедшего войну персонажа, прямо или косвенно противопоставляется более молодым героям, часто с целью подчеркнуть их моральную несостоятельность, неспособность справится с нравственными вызовами мирного времени. Причем, если говорить о кинематографе

60-х гг., этический конфликт не является типичным конфликтом «отцов и детей», поскольку участники войны еще воспринимаются как достаточно молодые люди, это поколение сорокалетних, по-прежнему активное и играющее важную роль в обществе. И лишь в позднесоветский период данный нравственный конфликт начнет знаменовать собой межпоколенческий разрыв. Ближе к концу советского периода в отечественном кинематографе все чаще станут появляться и неоднозначные образы участников войны, более не наделяемые нравственной силой. Это могли быть как образы человека «оступившегося», но сохранившего способность к совершению морального выбора, либо же образы человека, растратившего свой нравственный потенциал.

РНФ, проект №25-28-00351 — Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х–1970-х гг.

Беляева Галина Анатольевна
старший научный сотрудник отдела современного искусства
Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева
Михайлин Вадим Юрьевич
доцент, д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
СГУ

Мемориальная этика в советской культуре: от репрезентации элиты к конструированию памяти о войне

Понятие мемориальной этики в советском культурном контексте следует рассматривать как совокупность норм и практик, регулирующих способы репрезентации прошлого и задающих систему моральных ориентиров для общества. Культура памяти в СССР была тесно связана с политической легитимацией власти и с формированием устойчивой идентичности, где этические категории — долг, честь, жертва, служение — превращались в структурные элементы художественных и медийных текстов.

Одним из ключевых примеров сталинской эпохи является роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» и снятый по нему фильм Юлия Райзмана. Эти произведения представляют собой панегирик советской номенклатуре, возводя её образ в ранг нормативной модели поведения. Здесь мемориальная этика функционирует через демонстрацию социального лифта, ведущего героя из рядов фронтовиков в ряды управленцев, что символически закрепляет образ номенклатуры как «естественного» продолжателя дела народа. Присутствие фигуры Сталина в структуре повествования задает мифологическую рамку, в которой личная судьба героя обретает высший смысл. Таким образом, ре-

презентация элиты оказывается не только художественным, но и мемориально-этическим актом: она формирует образ прошлого как оправданного и неизбежного пути к власти партии.

В брежневскую эпоху происходит смена оптики. На первый план выходит конструирование памяти о Великой Отечественной войне как центрального нравственного ресурса общества. Фильм Ричарда Викторова «Переходный возраст» (1968), внешне будучи подростковой историей о социализации, встраивает в себя мощный мемориальный слой. Присутствие писателя и телеведущего Сергея Смирнова, автора культового нарратива о Брестской крепости, превращает сюжет о первой любви и взрослении в механизм интериоризации памяти о войне. Здесь мемориальная этика работает через соединение интимного и публичного: семейные травмы, личные переживания подростков рифмуются с официальной героической памятью, закрепляя ощущение, что прошлое войны — это фундаментальное условие современного существования.

Если в сталинской культуре репрезентация элиты служила инструментом легитимации власти, то в брежневской культуре центральной задачей становится сохранение и сакрализация памяти о войне как универсального основания для единства общества. Это смещение акцентов объясняется изменением политического контекста: в условиях стабилизации и «застоя» требовалась не мобилизация ради будущего, а удержание настоящего через символическое воспроизводство победы. Мемориальная этика в этом случае не просто транслирует моральные нормы, но и конструирует эмоционально-ценностный порядок, где война выступает сакральной точкой отсчета.

Таким образом, в советской культуре можно выделить две крупные модели мемориальной этики. Первая, сталинская, основана на апологии номенклатуры и формировании образа элиты как «естественного» носителя исторической миссии. Вторая, брежневская, строится вокруг памяти о войне и апеллирует к универсальному опыту жертвы и победы, превращая личное и коллективное в единый моральный нарратив. В обоих случаях мемориальная этика выполняет функцию идеологического цемента, обеспечивая сопряжение индивидуальных биографий с великим историческим проектом.

Советская мемориальная этика демонстрирует двойственный характер: с одной стороны, она задает обязательные рамки восприятия прошлого, лишая общество альтернативных интерпретаций, с другой — обеспечивает устойчивое чувство сопричастности, позволяющее людям находить моральные ориентиры в условиях политической мобилизации и социального давления.

Беляева Елена Валериевна
доцент, д.ф.н., профессор кафедры философии культуры
Белорусский государственный университет

Взаимосвязь этических кодексов об использовании искусственного интеллекта в сфере образования

Этические проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта в образовании, чрезвычайно актуализировались, о чем говорят не только преподаватели, но и обучающиеся. Поэтому этическая кодификация в этой сфере, несомненно, назрела.

Логично предположить, что создание таких кодексов должно опираться на уже имеющиеся документы в области этической регуляции различных технологий. ЮНЕСКО в 2021 г. опубликовала «Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта», которая содержит общие рамочные положения нравственно позитивного взаимодействия человека с ИИ. Независимо от этого документа в том же году в России был разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, в котором сформулированы принципы и ценностные установки, которых следует придерживаться в любой сфере, где применяется ИИ. Вслед за этим появилось два независимых кодекса относительно применения ИИ в медицине. Таким образом, можно констатировать, что процесс этической кодификации данной предметной области идет быстро, но несколько бессистемно, а в сфере образования еще и запаздывает.

На настоящий момент в России имеется Декларация ВШЭ 2024 г. и Кодекс Пензенского ГУ 2025 г., которые связаны между собой общими принципами и опираются на имеющиеся разработки в сфере этики ИИ. Они содержат список тех проблем, которые уже обнаружились в результате использования ИИ в вузовской практике и стремятся соединить этику ИИ с общей академической этикой, т.е. в идеале раздел, посвященный этике ИИ, должен быть вписан в общеуниверситетский этический кодекс.

Декларация ВШЭ стремится приспособить принципы, разделяемые многими видами прикладной этики (исключение дискриминации, конфиденциальность данных, информирование, прозрачность, справедливость) к практике высшего образования. Достоинством Пензенского кодекса в том, что он прямо отсылает к общему Кодексу этики в сфере искусственного интеллекта, применяет предлагаемый в нем риск-ориентированный подход, указывает на конкретные краткосрочные и долгосрочные риски использования ИИ в образовании. Если Декларация ВШЭ формулирует принципы на абстрактном языке юридического документа, то пензенский кодекс расшифровывает эти положения, указывая студентам на морально дозволенные и недозволенные способы написания учебных и науч-

ных работ, преподавателям — на приемлемые способы составления заданий и их проверки, администрации — на необходимость сохранения конфиденциальности данных и повышения информированности пользователей ИИ. Кодекс не содержит жестких норм, справедливо возлагая ответственность за применение этических принципов на конкретных участников образовательного процесса, подчеркивая тем самым, что во взаимодействии с ИИ именно человек остается субъектом морали.

Таким образом, различные документы об этичном использовании искусственного интеллекта взаимосвязаны, поскольку базируются на теоретико-методологической платформе прикладной этики и ее сложившихся нормативно-ценностных предпочтениях. Дальнейшее развитие этического регулирования применения ИИ в образовании требует тесной и отрефлексированной связи этических кодексов различного уровня и кодексов, создаваемых различными институциями.

Белялетдинов Роман Рифатович
к.ф.н., старший научный сотрудник
сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики
Институт философии РАН

Искусственный интеллект и интерсубъективность как основание принципа наилучших интересов

Искусственный интеллект является быстро развивающейся сферой информационных технологий, напрямую воздействующей на человека. Среди такого влияния — интеграция в обработку и анализ медицинских данных для прямой консультации врачей, которые используют рекомендации ИИ для коммуникации с больными. ИИ представляет собой не аналитическое древо, подобное классическим системам рекомендаций, опирающихся на логику «если то», а напротив, действует как саморазвивающийся искусственный агент, пользующийся полученной информацией для постоянного самообучения и расширения диагностических возможностей.

С биоэтической точки зрения философская аргументация является фундаментальным основанием, объясняющим действия в медицине: при определении благодеяния, в применимости принципа справедливости для оправдания участия в биомедицинских исследованиях, при обосновании принципа уважения автономии, при обосновании принципа «не навреди».

Вхождение искусственного интеллекта в эту сферу несет с собой двойственный эффект. С одной стороны, возникает новый мощный инструмент

клинической экспертизы, недорогой и удобный в использовании. С другой — этот инструмент пользуется алгоритмами, обладающими множеством недостатков — непрозрачностью, усредненностью выводов, предвзятостью и отсутствием ответственности.

В биоэтике искусственный интеллект решает давнюю задачу — построение системы принятия медицинских решений, максимально приближенной к формализованной и объективной процедуре. Вместе с тем коммуникация человека с человеком сохраняет ключевое значение, гарантируя не только обмен информацией, но и прямое взаимодействие субъектов, формирующих интерсубъективное пространство, которое является основанием уважения принципа автономии наряду с содержательным наполнением принципа наилучших интересов.

Это вовсе не означает, что человек с помощью воображения не в состоянии анимировать искусственный интеллект и даже лишиться возможности распознать в собеседнике искусственного агента коммуникации и тем самым ему довериться. Но только бытие человеком дает возможность воспринимать и бытие другого через свое переживание, интерсубъективно, и это же обстоятельство является условием, лежащим в основании оправданности даже противоречивого автономного действия. Опыт человека включает в себя не только профессионализм, но также ответственность и сопереживание. Наиболее ясное институциональное утверждение возможности интерсубъективного опыта — признание института уважения автономии в качестве необходимого атрибута человека.

Важно отметить, что условием реализации принципа уважения автономии является взаимосвязанность интерсубъективности и принципа наилучших интересов. Интерсубъективность позволяет не только безошибочно отличить подлинное решение от решения, принятого под воздействием какого-либо влияния или без должного уровня субъектной осознанной агентности, но через сочувствие переживать боль или страдание другого и тем самым стать дополнительным обоснованием принципа наилучших интересов, помимо рациональных представлений о здоровье и благе. Интерсубъективность, таким образом, выступает как переживаемая связь автономного субъективного действия и социогуманитарной нормальности наилучших интересов.

Задача доклада состоит в том, чтобы провести анализ применения в медицине ИИ как технологии, конкурирующей с интерсубъективными и философско-этическими моделями автономии, применяемыми в биоэтике.

Грант РНФ «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ», номер проекта 24-28-01604.

Боброва Вероника Михайловна
директор по персоналу
ООО «Арциус»

Без лица: личность в корпорации

При подборе «белых воротничков» компании уделяют внимание личности и предпочтение отдается широкому кругозору, критическому мышлению и этичности человека — недаром так распространены проверки поведения соискателей. Система отбора призвана выявить и отбраковать несоответствующих «ценностям компании», опубликованным на сайте. Но что случается дальше с личностью, пришедшей в корпоративный мир и обнаружившей, что неявные, не формализованные правила и сама внутренняя культура не соответствуют заявляемым «корпоративным ценностям»?

Хочешь продвижения по карьерной лестнице, решения рабочих вопросов? Будь лояльным правилам. Играй по правилам этой конкретной компании, забудь о собственных нравственных убеждениях. Подлинные этические императивы проявляются во внутренних коммуникациях (коммуникации в широком смысле как совокупность отношений и процессов производства смысла через связь информации, сообщения и понимания). Незыблемость этих правил гарантируется самой компаний как системой — недаром корпоративные тренинги и обучение топ-менеджмента не ведет к изменению культуры, так как работа механизмов ретрансляции социального опыта и неявных ценностей гарантируются самой корпоративной системой.

Личность перед лицом безликой корпорации начинает борьбу либо с собой, либо с существующим порядком, и проблема морального субъекта раскрывается в своем полном объеме. Выбор, перед которым стоит такая личность, — это нравственный выбор со множеством вводных, главной из которых является потребность личности осуществиться, быть. В сущности, на развилке из трех дорог (заявляемые ценности компании, реальные (неформальные) ценности компании и собственные ценности индивидуума) человек стоит перед дилеммой встраивания неявных ценностей компании в собственную систему координат. И тогда встает вопрос, есть ли на этом поле место для проявления свободы воли. Значимость данной проблематики для конкретного человека будет определяться, скажем так, масштабом личности — величина разрыва между двумя системами ценностей исходит, перефразируя Бодрийяра, из самой информации об этом разрыве, из ее избытка.

Потому широкое распространение получают всевозможные программы адаптации, являющиеся механизмом порождения нового опыта для

человека, а, по сути, девальвации собственных нравственных императивов и замещения их корпоративными императивами, усиливаемой оценкой «соответствия ценностям организации». Можно ли оценивать личность по такого рода выбору? Как подойти человеку к такому выбору? Как, в конце концов, человеку его внутреннюю борьбу, избавить от самоизнурения?

Может быть, чтобы ответить на эти и многие другие возникающие вопросы, стоит отойти на почтительное расстояние и перевести взгляд («мы не видим ничего, потому что слишком пристально смотрим») — взглянуть в зеркало и смотреть, пока в нем не проступят четы того возможного человека, которым мы хотели бы стать.

Большакова Анастасия Сергеевна
аспирант Института философии РАН,
преподаватель Института инновационных образовательных практик
ТГПУ им. Л.Н. Толстого
Каширин Александр Юрьевич
к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Мораль как сингулярное событие: М.М. Бахтин и А. Зупанчич

Тема остроты морального выбора подчёркивается расслоением измерения этического на два условных полюса:

Первый полюс представлен этикой управляемой трансгрессии, или «этической идеологией» (термин А. Зупанчич), которая в рамках морального сознания отождествляется с нормативной этикой, где определяющим моментом становится утрата свободы под влиянием эффекта «самостоятельного» отказа от выбора. Второй полюс — проект этики, в каком-то смысле апофатический, экспликациями которого, на наш взгляд, могут быть этика как философия поступка (М.М. Бахтин) и этика реального как невозможного (А. Зупанчич) в силу их ориентации на индетерминированность морального выбора.

Второй полюс указывает на схожесть этических установок Бахтина и лакановского психоанализа, представителем которого и является Зупанчич. За пределами этической проблематики очевидными узлами пересечения бахтинских и лакановских идей выступают, к примеру, эксцентричность субъекта как вненаходимость и экстимность, Диалог и полифонический дискурс, концепция зеркала и взгляда и др. Однако переклички именно в этической плоскости недостаточно изучены. Мы до-

пускаем, что восполнить этот пробел позволяет, пусть и не прямой, сравнительный анализ основных понятий философии поступка и этических интуиций Лакана, репрезентантом которых выступила А. Зупанчич в книге «Этика реального».

Общим фоном рассуждения Бахтина и Зупанчич являются критика этики как института нормотворчества и этика Канта (у Зупанчич, в частности, в вопросе структурного совпадения зла и добра в их радикальных формах, а у Бахтина — в критике кантианской всеобщности должного). Рассматриваемые этики совпадают в своем утверждении некоторого пространства невозможности, расположенного по ту сторону оппозиции мнимого бесконечного многообразия и диктата самотождественного единообразия. В обоих случаях речь ведётся о тотальностях, противостоящих реальности, саму же идею реального выражает поступок, не подчиняющийся каким-либо универсальным определениям. Выбор, не сводимый к таким определениям (психического или социологического порядка), указывает на эксцентричность этического субъекта. Периферийное положение последнего выводит его из плоскости оппозиционного мышления к осознанию ответственности как всеобщности вины («обратная перспектива в этике» с ее системой «перевиновений» у М. Эпштейна).

В качестве исследовательского инструмента можно также обратиться к понятию сингулярности — мы обнаруживаем два ее модуса в сравнительном анализе двух этик: единственность/ единичность как сущность поступка (Бахтин) и сингулярность как всепоглощающая сила сплочения масс, их некритической принудительной консолидации (фашизм). Для второго модуса удачно подходит понятие сингулярности Шварцшильда, эксплицируемое на политический дискурс Германии (Европы), оформившийся между двумя мировыми войнами; понятие, дешифрующее состояние этической субъективации личности, выбирающей отказ от нравственного выбора. Оба модуса сингулярности могут быть представлены в призме «невозможного выбора» (Зупанчич), где один из модусов реализуется в сведении личности к социальному атому, устранившему из своей субъективации понятие ответственности, а второй модус раскрывается в этической субъективации личности как свободной в своем ответственном выборе.

Тема может получить развитие в следующих смысловых блоках: 1) анализ «археологических пластов» культуры на пересечении идей Бахтина и Лакана; 2) сопоставление семиотических инструментов бахтинской этики и лакановского психоанализа в аспекте этико-эстетического измерения проблемы свободы выбора; 3) исследование ретроспективных и ретроактивных сил, позволяющих воссоздать логику поступка и образ этического субъекта (в анализе уровней высказывания).

Бродский Александр Иосифович
д.ф.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Диалог Платона «Федон» в свете христианского отношения к смерти

Диалог Платона «Федон» вошел в европейскую культуру прежде всего философскими аргументами в пользу бессмертия души, а также моралистическим утверждением, что истинный философ должен не только не бояться смерти, но, напротив, стремиться к ней. Эти воззрения неоднократно воспроизводились в христианской теологии с по правкой на библейскую эсхатологию. Однако в христианстве, в том числе и в православии, всегда были и есть богословы, отрицающие платоновский дуализм как совершенно чуждое Священному писанию мировоззрение. Причем критика «Федона» никогда не сводилась лишь к метафизическому вопросу о монизме или дуализме в понимании человека, но оборачивалась определенной моральной философией, в которой главной темой становилась тема отношения к смерти. Истинный философ, согласно Сократу, только и занят умиранием и смертью. Это только низменные люди, привязанные к питью, еде или любовным наслаждениям, боятся смерти. А философ стремится освободиться от телесных уз, дабы созерцать Истину и Благо. Теперь сравним это ожидание смерти с тем, как ожидал её Иисус. «Начал ужасаться и тосковать» — говорится в Евангелии от Марка (14:32). «С сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему Спасти его от смерти» — сообщает апостол Павел (Евр 5:7). В книгах Ветхого и Нового завета смерть никогда не видится тем прекрасным освобождением от телесного бытия, к которому должен стремиться философ, но только ужасом. «Смерть — говорит апостол Павел — катастрофа для человека. Она — его "последний враг" (escatoz ecqroz)» (1 Кор 15,26).

Докладчик предлагает рассмотреть эту проблематику отношения к смерти на трех уровнях: метафизическом, феноменологическом и синтаксическом. С синтаксической точки зрения, смерть — это то, что придает нашей жизни характер логической последовательности, превращая совокупность «атомарных фактов» в Судьбу. Образы судьбы наполняют смыслом наше существование во времени, тем самым становясь экзистенциальной феноменологией конечности нашего существования. А Вечная жизнь от времени не зависит, она не может быть ни «до», ни «после», и, следовательно, она присутствует в каждый бесконечно малый момент настоящего. Таким образом, «синтаксис судьбы» определяет феноменологию смерти, а феноменология смерти определяет метафизику Вечности.

Брук Елизавета Григорьевна
к.ф.н., ассистент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет

Свадебные обряды немцев Поволжья: нормативно-ценностные аспекты (по материалам неопубликованной диссертации П.Г. Пеннера (1899–1937))

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится неопубликованная рукопись диссертации П.Г. Пеннера (1899–1937) «Отражение первобытных форм брака в свадебных обрядах немцев СССР». Ее автор был аспирантом известного отечественного исследователя Е.Г. Кагарова (1882–1942), который на тот момент был крупнейшим ученым, исследовавшим обряды российских немцев. Кагаров выстраивал свои исследования в сравнительном ключе. Он сосредотачивал свое внимание на защитных и побудительных функциях свадебных ритуальных действий. Пеннер методологически во многом следовал за своим научным руководителем. Однако, в отличие от Кагарова, он сосредоточился, преимущественно, на изучении социального пласта брачной обрядности. Это неизбежно влекло за собой упоминания об основных нормативно–ценностных осях свадебного обрядового комплекса.

Делая акцент на социальных характеристиках ритуалов, Пеннер считал, что стержнем свадебной обрядности являются адаптированные к современным нормам пережитки первобытных брачных ритуалов. В частности, особую роль для Пеннера играли те обычаи, которые, по его мнению, были связаны с отголосками группового брака и стадиальным переходом к моногамии. Обычай «поцелуйного действа», валяние гостей на постели новобрачных — во всем этом Пеннер видел адаптированные к современной ему культуре немцев Поволжья отголоски группового брака. Аналогично диссертант исследовал реликты представлений, связанных с «актом купли–продажи невесты» (рукобитье, выкуп и другие обычаи), взаимоотношениями родов и т.д. Подобные отголоски в современной автору культуре, по его мнению, приобретали новую, адаптированную трактовку. Эта трактовка, несомненно, была порождением принятых представлений, этических норм и ценностей общества. Истинные корни таких ритуалов, как полагал исследователь, не являются очевидными и их можно вскрыть только путем стадиального анализа.

Те обряды, которые несли в себе недвусмысленную ценностно-нормативную нагрузку, чаще всего трактовались Пеннером в более классическом ключе. Таковыми являются, например, ритуальные действия, связанные с плодородием. Обрядовые песни и танцы, символизм соли

и злаков — неотъемлемых элементов свадебных ритуалов, обычай сажать на колени молодой мальчика или куклу — все это являлось пожеланием счастливого супружества, богатства и плодовитости — несомненных ценностей семейной жизни.

Таким образом, свадебный обрядовый комплекс немцев Поволжья включал в себя два компонента: представления и ритуалы, которые несли в себе явную ценностно-нормативную нагрузку и трактовались на протяжении веков одинаково, и те обряды, которые были адаптированы к этическим нормам современной культуры, и их подлинный смысл, по мнению исследователя, мог быть раскрыт только путем стадиального анализа и изучения первобытных форм брака.

РНФ № 24-28-00517 «"Редакционный портфель": научные исследования в области истории религии и религиозной философии в 1920-е–1930-е гг. в СССР и редакционная политика научных изданий».

Брук Елизавета Григорьевна
к.ф.н., ассистент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет

Статья А.А. Бронзова «Размышления об иезуитской морали» и антикатолическая полемика в начале XX в.: этический и политический аспекты

В 1902 году в журнале «Христианское чтение» (номера за май, июнь и июль) вышла статья известного богослова А.А. Бронзова «Размышления об иезуитской морали — древней и новой. (По поводу недавнего «циркуляра виленского католического епископа»)». В основании опубликованной богословом статьи лежали политические мотивы: он пытался дискредитировать позицию виленского епископа С. Зверовича по вопросу посещения церковно-приходских школ детьми-католиками. Епископ полагал, что в таких школах насаждается православное мировосприятие, и в своем циркуляре запретил детям-католикам их посещать под угрозой отказа давать на исповеди отпущение грехов и детям, и их родителям. В марте 1902 года С. Зверович был отстранен от должности, но уже в начале ноября того же года был назначен сандомирским епископом. Статья А.А. Бронзова была написана в тот период, когда епископ еще находился в опале, конфликт переживал острую фазу и на страницах периодических изданий велись оживленные дискуссии.

Полемическим инструментом для А.А. Бронзова послужили этические трактаты авторов-иезуитов. Поводом для такой инструментализации «иезу-

итской морали» стала ссылка С. Зверовича на сочинение католического теолога Августа Лемкюля, принадлежавшего к «Societas Iesu» («Общество Иисуса»). Бронзов попытался показать, что сочинение Лемкюля — «Theologia moralis» — не несет в себе ничего уникального и нового, являясь лишь продуктом многовековой этической мысли иезуитов. Тщательно сформировав цепочку предшественников Лемкюля из наиболее ярких казуистов прошлого, Бронзов обвиняет теолога в распространении «безнравственных» принципов «старой иезуитской морали», тем самым бросая тень и на С. Зверовича, который цитировал Лемкюля. Большинство авторов, упомянутых Бронзовым, написали фундаментальные труды о морали. Многие положения этих сочинений осуждались как внутри ордена, так и всей католической церковью (например, труды Г. Бузенбаума, А. Эскобара и некоторых других). В качестве общих мест, подвергавшихся наиболее яркой критике со стороны Бронзова, можно выделить: 1) «пробабилизм» (учение об «opinio probabilis») 2) учение об интенции (намерении) 3) учение о взаимоотношении и взаимообусловленности цели и средств нравственного поступка 4) учение о «restrictiones mentales».

Таким образом, статья об этических трудах богословов-иезуитов имела недвусмысленный политический оттенок и могла служить ярким примером антикатолической полемики начала XX века на страницах православных периодических изданий.

РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX–начала XXI вв.».

Брызгалина Елена Владимировна
доцент, к.ф.н., руководитель магистерской программы «Биоэтика», заведующий кафедрой философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Вызовы технологий искусственного интеллекта для этической экспертизы исследований живых систем

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) фактически стали неотъемлемым элементом современной науки, наблюдается рост масштабов и расширение сфер их использования в процессах получения и представления научных результатов. Согласно отчету Oxford University Press от апреля 2024 (2345 исследователей из разных регионов, дисциплин и на разных этапах карьеры) 76 процентов исследователей признали, что они уже используют ИИ на всех этапах исследования (1). В качестве приоритетных направлений использования систем ИИ в биомедицине следует рассматривать область диагностики, предикции и превенции, мо-

ниторирования разнообразных и многочисленных индивидуальных и популяционных количественных и качественных параметров, терапии, а также автоматизации рутинных исследовательских задач. Применение технологий ИИ является проявлением и одновременно фактором развития научного базиса персонализированной биомедицинской науки и здравоохранения. Процессы широкого внедрения технологий в исследовательскую деятельность должны быть осмыслены в контексте этических регулятивов функционирования науки как социального института. Возникает ряд практических вопросов относительно механизмов этического регулирования функционирования науки, использующей ИИ, со стороны общества и государства, а также функционирования этических норм, характерных для этоса науки с учетом активного внедрения технологий ИИ в процесс получения, трансляции и презентации научных знаний.

Обозначу несколько проблем, являющихся вызовом для этической экспертизы исследований живых систем, которые могут стать предметом специального рассмотрения с точки зрения соотношения традиционных механизмов биоэтической экспертизы фундаментальных и прикладных биомедицинских проектов и социально-гуманитарной экспертизы использования технологий ИИ: проблема целеполагания исследовательской деятельности при использовании систем ИИ; проблема объяснения или интерпретации работы модели; проблема повышения риска «взлома доказательств» (использование поддельных данных исследований для стратегической манипуляции общественным мнением или научным консенсусом); проблемы приватности и безопасности данных; проблема получения доказательных данных о безопасности, надежности и эффективности результатов использования систем ИИ в биомедицинских исследованиях в связи с этико-правовыми ограничениями экспериментальной деятельности с человеком; проблема верификации данных при наличии биоэтических требований защиты личных данных участников исследований.

Биоэтические механизмы регулирования биомедицины стали важным фактором обеспечения качественной науки. Современные системы ИИ, применяемые в науке, активно критикуются за создание технических условий, стимулирующих «некачественную науку», академическую недобросовестность и мошенничества. Популярные для академического мошенничества направления расположены именно в области биомедицины (2). Создание национальных и локальных этических документов (кодексов, рекомендаций) в области исследовательской деятельности с применением технологий ИИ способно прояснить позицию академического сообщества относительно этически должного и допустимого действия ученого, обращающегося к технологиям ИИ, аналогично уже имеющимся

рекомендациям разработчикам и пользователям относительно этики ИИ в целом (3).

Неравномерное использование технологий ИИ в исследованиях различных стран создает этическую ловушку «цифрового колониализма». По данным журнала Nature, 14% научных статей в 2024 году содержали фрагменты, сгенерированные ИИ без указания авторства. 80% мощностей для обучения ИИ сосредоточены в США и Китае, что создаёт разрыв между возможностями ученых из разных стран как позитивного использования возможностей ИИ, так и негативного влияния технологий ИИ на развитие науки. Так, проект «AI4Africa» пытается решить проблему, но их доля в глобальных исследованиях — менее 3% (4). Спектр этических вызовов, возникающих при использовании технологий ИИ в научном поиске, особенно в биомедицине, нуждается в исследовании для разработки мер, способных сохранить этическую размерность науки как социального института. Актуальность таких исследований вызвана стратегической важностью биомедицины в ответах российского общества на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности этических аспектов научно-технологического развития (5).

Брызгалина Елена Владимировна
доцент, к.ф.н., руководитель магистерской программы «Биоэтика», заведующий кафедрой философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Инструменты нравственного воспитания в профессиональном образовании

Ценностно-ориентированный подход в современном российском образовании является результатом консенсуса основных субъектов образования в РФ относительно образовательных результатов — человек как цель общественного развития. В новых/обновленных ФГОС соответствующего уровня общего образования детализированы представления о направлениях воспитания и об ожидаемые результатах воспитания, они призваны обеспечить личностное развитие, которое включает в себя гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое, экологическое воспитание. Обновление ФГОС высшего профессионального образования в части преемственного описания ценностных результатов образования и готовности к проявлению нравственных ориентиров в профессиональной деятельности для российского образования представляется актуальной задачей. В силу этого определение уровня сформированности воспитательных результатов

на входе и выходе из профессиональных образовательных программ, мониторирование динамики личностных результатов профессионального образования, оценивание содержания и степени сформированности личностных ценностных ориентаций, становится задачей локального учреждения профессионального образования и конкретного педагога.

Профессиональная самореализация связана с личностным ценностным самоопределением. Нравственные ценности в системе ценностных ориентаций задают субординированную систему мотивационных предпочтений и влияют на определение целей и средств их достижения в профессиональной деятельности. Цель профессионального образования — создание базы для профессиональной самореализации, требует акцента на развитие личностных качеств, в том числе готовности и способности к самоусложнению и самовоспитанию на основе системы ценностей в противовес тенденции к упрощению (ориентация на простые объяснения, на внешнюю причинность и снятие с себя ответственности, на известные линейные жизненные стратегии, на воспроизведение чуждых и чужих сценариев жизни, на некритичное восприятие информации). Воспитательный смысл профессионального образования состоит в создании условий для поддержки и сопровождение саморазвития (личностного и профессионального) на основании ценностной системы с учетом специфики выбранной сферы профессиональной самореализации.

Нравственное воспитание и самовоспитание в высшей школе — это процесс закрепления нравственных ориентаций — фиксация сущности моральных ценностей, укрепление нравственных чувств, определяющих позитивное отношения к ценностным ориентирам, опыт ответственного поведения профессионала в соответствии с нравственными принципами и разрешения ценностных конфликтов в профессиональной области.

Инструменты нравственного воспитания в профессиональном образовании присутствуют и в учебной, и внеучебной деятельности, поэтому они требуют целенаправленного применения в ценностно-смысловом их согласовании. В учебном процессе ключевым инструментом воспитания выступает высокое качество гуманитарной компоненты профессионального образования (преемственное раскрытие содержания собственно гуманитарных дисциплин, выявление гуманитарной компоненты конкретно-научного образования и профильной проектной деятельности); формирование профессиональной культуры специалистов (приобщение к этике профессиональной сферы, биомедицинской этике, этике журналиста, инженерной этике и так далее); ценностно-ориентированное общении всех участников образовательного процесса. Особое значение для нравственного воспитания профессионала имеет вовлечение в научные исследования на этапе обучения при соблюдении этических и ака-

демических стандартов получения и трансляции знаний. Приобщение к этическим аспектам функционирования науки в обществе позволяет маркировать и решать проблемы, порожденные развитием науки и технологий, связанные с рисками для человека и человечества и требующие ценностного выбора. Включение обучающихся в этос науки, объединяющий ученых-профессионалов системой ценностных стандартов деятельности, принятых в научном сообществе и определяющих поведение ученого, обеспечивает связь ценностно нормативных оснований деятельности сообщества и качества научной деятельности.

Во внеучебной деятельности приобщение к гуманитарной культуре образовательного учреждения выступает основным инструментом формирования и поддержания ценностных ориентаций. Эффективное функционирование ценностной этической инфраструктуры в университетах, поддерживающей в различных форматах нравственные основания социальные взаимодействия в области образования, способствует поддержке ценностного отношения к действительности у всех участников образовательного процесса.

Нацеленность педагогических коллективов и отдельных педагогов на формирование нравственного отношения к действительности, в частности профессиональным реалиям, требует единства гражданской позиции и профессиональных компетенций в области ценностных ориентиров общества и государства, возрастных особенностей формирования ценностных ориентаций и психологической готовности к направленному созданию условий для ценностно-ориентированного профессионального образования взрослых людей.

Формирование в профессиональном образовании осознанной, позитивно ориентированной, проактивной, патриотичной и социально ответственной личности специалиста значимо как для успешной профессиональной самореализации, так и для проявления системы традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере образования, науки, профессионального труда.

Бугай Дмитрий Владимирович
д.ф.н., профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова

«Никомахова этика» Аристотеля в контексте мысли раннего Хайдеггера (20-е годы)

Часто в современных интерпретациях этической мысли Аристотеля она предстает как своего рода первый и, соответственно, несовершенный набросок моральной теории. В данном докладе делается попытка

показать, что «Никомахова этика» Аристотеля, который мы считаем главным и аутентичным вариантом его мысли в этой области, представляет собой не теорию морали, поскольку теоретическое знание, основанное на познании вечного и неизменного, формы, отвлеченной от материи, области наших поступков ("праксейс") совсем не релевантно. «Никомахова этика» — специфический проект, принципиально отличный от физического и "метафизического" исследования. Это особого рода фундаментальное практическое исследование человеческого бытия, как содержательно, так и методологически отличный от логики теоретического знания. Ключевая методологическая установка Стагирита заключается в том, что точность этического знания иная, нежели у математики; оно имеет дело с тем, что бывает «по большей части», и требует от человека жизненного опыта. Добродетель — совершенство нрава ("этическая добродетель") понимается не как врожденное качество, а как склад ("хексис") души, обретаемый через привычку и проявляющийся в выборе «середины» между пороками. В «Никомаховой этике» — в отличие от «Эвдемовой» — описание "склада" сознательно избегает физической концептуализации через категорию "качества". Выбор осуществляется "практическим разумом" ("фронесис") в конкретных обстоятельствах, что делает этику областью не теоретического знания, но знанием совершенно другого типа, относящегося "не к области вечного, но к тому, что сейчас и по отношению к чему-то". Обособление "фронесис" от чисто теоретических способностей (мудрость, наука, ум) раскрывает особое измерение аристотелевского описания мира практических поступков.

Ранний Хайдеггер, в свою очередь, увидел в этой аристотелевской дескрипции возможность для собственного фундаментально-онтологического проекта. Он радикализировал аристотелевский праксис, прочитав его как экзистенциал заботы, конституирующий бытие человека–в–мире (in–der–Welt–Sein). Фронесис, практический разум, превращается у Хайдеггера в «обозрение» (Umsicht) — модус понимания, который раскрывает мир не как набор объектов, а как поле для действия и озабоченного попечения. Аристотелевская этика оказалась переосмыслена онтологически: аристотелевский поиск человеческого блага стал основанием для раскрытия самого бытия Dasein: аристотелевское "то ради чего" поступка становится Worum–willen как способ бытия Dasein, отличающий его от Um–zu подручных вещей. При этом Хайдеггер, отталкиваясь от Аристотеля, сместил фокус с вопроса «как жить хорошо?» на вопрос «что значит быть?» Его интерпретация выявила скрытый онтологический потенциал этики Аристотеля, представив ее как более адекватный проект "первой философии", нежели сама "первая философия" Аристотеля, образующая содержание дошедших до нас книг «Метафизики».

Это хайдеггеровское прочтение позволило выявить глубинную связь между, казалось бы, разными аспектами аристотелевской мысли. Понятие «дела человека» (эргон) обретает онтологическое звучание как способ бытия Dasein, а "истинствование" фронесис становится ключом к пониманию истины как таковой. Таким образом, диалог Хайдеггера с Аристотелем — не просто историко-философский экскурс, а трансформация, в ходе которой греческая этика в аристотелевском ее понимании была возрождена в качестве основы для вопроса о смысле бытия.

Булавина Беата Вячеславовна
обучающийся бакалавриата
МГУ имени М.В. Ломоносова

Жизнь как сцена истины: киники в объективе Мишеля Фуко

Вопрос–проблема, который Мишель Фуко выводит на свет своей работой с историей мысли: каким образом мы сами непосредственно конституируем нашу идентичность, используя определенные этические техники самости? (1) В попытке проследить зарождение такой «культуры себя», в рамках которой речи перетекают в поступки, а поведение определяется представлениями о должном, Фуко обращается к античной философии.

«Субъект» и «истина» — два центральных понятия, чьи конфигурации позволяют формировать новые образы осмысления себя. Субъектность — реальное место свершения истины — учреждает себя посредством упорядоченных теорий-практик. Множественность техник существования раскрывается общим, широко понятым требованием «заботы о себе» (epimeleia heautou). «Забота о себе» — изменения, которые субъект производит в себе, исходя из отношения к истине. (2) Именно в греко-римском мире, от Сократа и Платона до эллинистических школ забота о себе являлась главенствующим принципом. Следуя ему, опыт свободы выкристаллизовывался в формы знающей жизни.

Истина — то, что характеризует человеческое бытие, а также то, что им высказывается. Парресиа (parrêsia) — вольная, искренняя речь об истине собственного существования. Мужество говорить правду присуще тому, кто, несмотря ни на что, рискует сказать всю правду, а также собеседнику, готовому принять обидную правду, которую он слышит. (3) Однако, правдивость не только лишь свойство проговаривающего себя логоса, говорить можно поступками, истину свидетельствовать жизнью.

Бесстрашная, доводящая до скандала манифестация истины посредством самой жизни — неизменная характеристика кинизма в его рассмотрении Фуко. В кинизме форма существования является сущностным

условием высказывания истины. Тексты Диогена Лаэртского, Диона Хризостома, в какой-то мере Эпиктета неизменно характеризуют киников как носителей парресиа. «Киник — человек обладающий мужеством говорить правду».(4)

Киническая жизнь под знаком истины не таится, смело открывается любому взгляду, обладает цельностью (чужда разнородному смешению добра и зла, порока и добродетели), правдивостью, не подвержена порче и падению, утверждает свободу как независимость, стойкость перед лицом несправедливости. Их беспощадная ирония, одновременно необузданность и строгость, грубая воинственность, готовность умалить собственную жизнь ради возможности заняться другими в полной мере иллюстрируют гармонию между жизнью и истиной, которая вырастает из постоянного вызова миропорядку, призыва к другой жизни и утверждения ее необходимости. Борьба за жизнь, чья инаковость должна вести к изменению мира, считается с возможным сопротивлением людей, готова лицом к лицу встретить опасность, развернуть поле битвы как сцену испытания истины. Взвалив на плечи миссию заботы, киник возмущенно обличает испорченность человеческого рода, заклинает его обратиться к собственным противоречиям, освободиться от дурной обыденности и тем самым выполнить исконную обязанность перед самим собой.

Фуко подчеркивается, что истинная жизнь с необходимостью оказывается иной в сравнении с привычной жизнью обывателя. Верность истине открывает, что приверженность непродуманному существованию многих впадает в ошибку, принимает призрака за подлинность. Искать нужно в другом месте, а путь, позволяющий это раскрыть — внимательная бдительность заботы. Кинизм — не канувшая в небытие, отжившая себя культура, но над-исторический жест, который можно обнаружить у политика и художника, музыканта и аскета. Приобщение к нему учит нас, что истина — разрушение, а этика — сознательное столкновение с собственной свободой.

Вантеев Михаил Дмитриевич
обучающийся аспирантуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Биоэтическая ответственность при проведении преимплантационного генетического тестирования

В условиях быстрого развития отрасли генетических вспомогательных репродуктивных технологий возникает необходимость ответственного биоэтического анализа их использования. Особое внимание стоит уделить технологии преимплантационного генетического тестирования, ко-

торое уже сейчас имеет возможность осуществлять отбор эмбрионов на основании полигенных баллов. Возможность ранжировать эмбрионы при проведении ЭКО с точки зрения их рисков оказывает влияние не только на медицину, открывая ей путь к более персонализированным подходам, но и на общество, в котором могут измениться социальные отношения между родителями и ребенком.

Преимплантационное генетическое тестирование является технологией диагностики, которая позволяет выявить генетические аномалии у эмбриона до его переноса в полость матки в процессе процедуры экстракорпорального оплодотворения. Существуют несколько видов ПГТ. С помощью ПГТ-А можно проверить ДНК эмбриона на для анеуплоидий, что позволит повысить вероятность успешной имплантации в полость матки и рождения здорового ребенка. ПГТ-М применяется для выявления моногенных дефектов в ДНК. ПГТ-SR применяют для обнаружения хромосомных структурных перестроек. В некоторых западных странах и США не так давно начал использоваться ПГТ-Р. Несмотря на то, что терминология по отношению к этому типу тестирования не является общепринятой, автор работы будет иметь в виду под ПГТ-Р полигенный скрининг эмбрионов. ПГТ-Р используется для вычисления процентных рисков наследственных заболеваний и признаков, которые представляют интерес. Проценты ставятся на основании полигенных баллов, которые позволяют распределять эмбрионы для переноса или отбраковки. Биоэтические проблемы данных репродуктивных технологий определяются соответствием тому или иному биоэтическому принципу, сформулированному Т. Бичампом и Дж. Чилдрессом.

Предлагается рассмотреть преимущества ПГТ перед пренатальным генетическим тестированием с точки зрения биоэтических принципов, неоевгенические претензии к проведению ПГТ, проблему возможности создания дизайнерских детей и выбора генотипа эмбриона, а также проблему переноса аномальных эмбрионов. Возможность давать жизнь детям с хромосомными аномалиями также имеет неоднозначный контекст в умах исследователей. В данном случае будут сталкиваться интересы родителей и интересы ребенка, а именно — желание иметь ребенка, похожего на родителей, и право будущего ребенка на здоровье. В настоящей работе подчеркивается проблема справедливого доступа к новейшим методам ПГТ, так как многие методы, которые напрямую влияют на возможность превентивной медицины, остаются сугубо коммерческими.

Применение генетических технологий в сфере репродукции человека требуют особой процедуры сопровождения пациентов, поэтому в

биоэтических исследованиях имеется тенденция, указывающая на необходимость применения медико-генетического консультирования.

В связи с рассматриваемыми в работе биоэтическими проблемами, исключительно медицинская практика приобретает социально-нагруженный характер. В рамках принципа предосторожности необходимо анализировать различные точки зрения на применение генетических тестов для предотвращения угроз, которые могут актуализироваться в связи с использованием относительно молодых технологий медицины. Современная и надежная технология, направленная на благо, неожиданно становится сопряженной с неоевгеническими практиками и нарушением социального устройства общества.

Варфоломеева Марьяна Дмитриевна
обучающийся магистратуры
АНООВО «ЕУСПб»

Зачем нужна похвала? Эпидейктика Аристотеля как формирование «эндоксии» для практической аргументации

С традиционной точки зрения, сила риторики измеряется ее способностью вести к практическому решению — будь то вердикт суда или принятие закона. Именно в судебной и совещательной речи аргументация находит свое прямое воплощение в действии. Возникает закономерный вопрос — почему же Аристотель причисляет к риторике эпидейктическую речь, чья прямая цель — похвала или хула — не предполагает никаких немедленных практических следствий? Кажется, что эта речь лежит вне поля настоящей, «практической» риторики, будучи лишь украшением или ритуалом.

Разгадка кроется в природе самих решений, которые принимаются в человеческом сообществе. В отличие от формальных, естественных и точных наук, где доказательство строится на необходимых, аподиктических связях, сфера политики и этики пребывает в условиях неопределенности. Здесь редко есть доступ к неопровержимым фактам из которых можно вывести однозначный вывод. Если бы такие необходимые связи были доступны и, при этом убедительны, любая аргументация потеряла бы смысл: истина была бы самоочевидной, а роль оратора и особенности аудитории — несущественными. Однако в действительности, особенно когда эксперты спорят, а данные противоречивы, ключевую роль играет не строгая демонстрация, а поиск взаимного согласия для принятия оптимального решения. Поэтому риторическое доказательство работает не с необходимостью, а с правдоподобием, исходя не из аб-

страктных фактов, а из уже существующих в аудитории убеждений, верований и, что важнее всего, разделяемых ценностей. Эти разделяемые предпосылки, или «эндоксии», и являются тем фундаментом, на котором строится убеждение в условиях отсутствия необходимых связей, на которые можно опереться.

Здесь и раскрывается истинная функция эпидейктической речи. Её цель — не призвать к сиюминутному действию, а сформировать и укрепить тот самый фундамент общих ценностей. Воздавая хвалу мужеству, справедливости или мудрости, оратор не просто констатирует факт, а активно участвует в создании системы координат, которую аудитория впоследствии будет использовать для оценки событий и принятия решений. Такая речь подсвечивает определенные ценности и смыслы. Таким образом, эпидейктическая речь является подготовительной и, в каком-то смысле, самой фундаментальной формой риторики. Она закладывает «интеллектуальный капитал» сообщества — те самые эндоксии, которые позже станут отправными точками для аргументов в суде или народном собрании. Через похвалу и хулу она определяет, что именно данное общество считает правдоподобным и ценным, обращает внимание на определенные смыслы, создавая почву для будущих практических решений, которые без этого ценностного консенсуса были бы невозможны.

Василевская Анна Викторовна
обучающийся бакалавриата
СЗИУ РАНХиГС

ИИ в количественном исследовании: проверка устойчивости к манипуляциям и искажениям фактов

Произошедшее в последние годы стремительное развитие нейросетей вызвало широкое одобрение власти и общества в России. Так, в 2023г. М. Мишустин высказывался следующим образом: «Россия должна стать одной из первых стран, которая будет развивать востребованные сервисы для наших граждан и предпринимателей, осуществляя переход на экономику данных. Это когда принятие решений, в том числе экономических, базируется не на экспертных мнениях, а на основании достоверных данных». То есть государство выражает намерение отказаться от политических экспертов, заменить которых предполагается связкой бюрократа и нейросети, где первый формулирует запрос, вторая обрабатывает статистику. Данное мнение поддерживается и гражданами страны: по результатам опроса ВЦИОМ от 2022 года 79% россиян одобряли внедрение ИИ в науку. Это можно расценивать как отражение системного

кризиса экспертизы в российском обществе, усиленного событиями пандемии COVID–19, характеризовавшимися политизацией науки и снижением веры общества в научную добросовестность. Таким образом выражается распространённость в российском обществе и элите представления о большей эффективности и объективности интеллектуального труда машин, чем человека.

Однако учёное сообщество не так оптимистично в вопросе возможности применения ИИ в исследованиях. Неоднократно отмечалось, что при проведении исследований нейросети склонны делать поверхностные выводы, подвержены предвзятости, ИИ может производить ложные оценки в сфере медицины, что он не способен проверять получаемую информацию, может генерировать правдоподобные, но не правдивые данные — последний феномен получил название "галлюцинаций" ИИ.

Целью доклада является ответ на вопрос, насколько нейросеть устойчива к манипуляциям, зависима от предложенной идеологической перспективы и ошибок в данных. Для этого решаются следующие задачи:

— Оценить, насколько ИИ способен обращать внимание исследователя на аномалии в данных, если такого требования не поступало.

— Оценить, насколько ИИ склонен проверять факты, если такая задача была поставлена перед ним человеком.

— Выяснить, насколько склонен ИИ при вынесении выводов пренебрегать предоставленными исследователем данными, подстраивать результат математических тестов под заранее заданную, но не соответствующую предложенным для обработки наблюдениям идею.

— Выяснить, насколько ИИ склонен пренебрегать открытыми данными интернет-источников в случае, если они противоречат идеологической картине, заданной в промпте.

Для получения ответов 4 крупнейшим нейросетям (ChatGPT – 4.5, DeepSeek, Gemini, Perplexity), работающим с текстовыми данными и способными обрабатывать статистику, предлагается проверить исследовательскую гипотезу о связи экономического роста и уровня доверия в стране. Один из инструментов, предоставленных нейросети для этого — датасет. В эксперименте независимо использовано несколько наборов данных — один содержащий правдивые значения, другие — коррумпированную информацию, которая изменена так, что может как явно подтверждать гипотезу, так и её опровергать её. Второй тип воздействия — характер промта. Нейросети будет представлен как нейтральный запрос, так содержащий идеологически окрашенную лоялистскую и оппозиционную позиции к российской власти.

Обращение к датасету не декларируется как основной источник — значения в нём указываются только как данные, полученные за послед-

ние несколько лет. Так как источником информации о мире для нейросети является Интернет, теоретически она обладает способностью видеть несоответствие предложенной информации данным из обширного числа открытых источников.

Представленные в докладе результаты эксперимента позволят выявить способность ИИ к верификации данных, оценить риски манипулирования выводами исследования и разработать рекомендации по повышению устойчивости нейросети к предвзятости и искажённым фактам, а также по использованию ИИ в проведении исследований и принятии решений.

Васильев Андрей Витальевич
обучающийся аспирантуры
Институт философии РАН

Ответственность без вины и прощение без вины в рамках проблемы "грязных рук" в политике

Проблема "грязных рук" занимает важное место в дискуссиях по политической этике, поскольку отражает фундаментальное противоречие между моральными императивами и прагматическими требованиями политического действия.

Данная проблема впервые получила теоретическое оформление благодаря статье Майкла Уолцера Political Action: The Problem of Dirty Hands (хотя, конечно, нельзя не отметить ее античные корни и художественное осмысление Ж.-П. Сартром в одноименной пьесе), в которой нравственно мотивированный политический актор может быть вынужден совершить морально сомнительный поступок для защиты или приумножения общественного блага. При этом сам факт осознания морального зла и принятие ответственности за него становятся необходимыми признаками подлинно этического политического поведения. Уолцер подчеркивает, что политик, совершающий моральное преступление ради достижения общественно значимых целей, сохраняет свою нравственную состоятельность именно через признание ответственности и готовность нести моральное бремя.

Однако современная этическая мысль стремится уточнить границы моральной ответственности политического актора. Интерес в этом контексте представляют, к примеру, теоретические выкладки Кристины Роадевин в статье To Punish or to Forgive? Responding to Dirty Hands in Politics. Роадевин отвергает идею одновременного восхваления и наказания политика, считая такую установку логически противоречивой. Взамен она

применяет концепции «ответственности без вины» (no–fault responsibility) и «прощения без вины» (no–fault forgiveness), позволяющие сохранить моральную оценку действия.

Согласно этой модели, даже действия, мотивированные общественным благом, могут нести элемент зла, но при этом не всегда предполагают наличие индивидуальной ответственности. «Ответственность без вины» фиксирует факт причиненного вреда и моральную вовлеченность субъекта, не требуя его морального изгнания. «Прощение без вины» представляет собой форму этического признания, которая одновременно сохраняет критику самого поступка и допускает возможность морального восстановления. Таким образом, общественная реакция на действия с "грязными руками" приобретает форму не репрессивного осуждения, а морального диалога, направленного на восстановление доверия и политической солидарности.

Эта перспектива особенно значима для анализа допустимости обмана в политике, где моральные и практические соображения неизбежно пересекаются. Модель «прощения без вины» позволяет оценить подобные действия с учетом их трагической неизбежности, не отрицая ни ответственности, ни сложности политического выбора. В этом заключается ценность предложенного подхода: он соединяет реализм политического действия с требованием сохранения моральной чувствительности, тем самым расширяя горизонты политической этики и открывая возможности для осмысления ответственности в условиях демократического управления.

Ветютнев Юрий Юрьевич
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградский государственный университет

Абсолютизация и релятивизация правовых ценностей

На эмпирическом уровне наблюдения за состоянием правовой системы скорее подталкивают к ценностному релятивизму. Действительно, чаще всего приходится наблюдать, как правовые ценности оказываются в зависимости от социально-политического контекста, религиозных верований, стереотипов общественного сознания и множества других меняющихся факторов.

Напротив, если допустить существование абсолютных ценностей, то им присуща автономия от любых привходящих обстоятельств, фиксированная значимость, невозможность утраты или понижения ценностной значимости.

Что касается собственно абсолютных правовых ценностей, то их существование, по общему правилу, строится на строго определенном основании, каковым выступает религиозное мировоззрение.

В процессе секуляризации, разумеется, статус религиозных правовых ценностей существенно усложняется. Постольку, поскольку ни одна религия в обществе современного типа не может считаться обязательной для всех, а религиозные убеждения становятся частным делом человека, абсолютный характер правовых ценностей теряет свою общезначимость. Императивным остается только светское, то есть относительное содержание ценностей, тогда как их обоснование остается на долю религиозной веры; иначе говоря, сама абсолютность ценностей фактически становится производной от конфессиональной принадлежности и невозможной в случае атеизма или религиозной индифферентности.

Если же вернуться к постановке вопроса об абсолютных ценностях, то можно локализовать те ценностные сферы, где коренится потенциальная абсолютность: более или менее очевидно, что данное качество не присуще социальным практикам, чья относительность от набора внешних и внутренних условий слишком заметна, а также психологическим переживаниям, поскольку абсолют схватывается лишь умозрительно, но не эмоционально.

В идейном отношении содержание деятельности, могущей привести к образованию абсолютных правовых ценностей, выражается в таком целенаправленном осмыслении правовой реальности, когда выделяется такая ценность (единственная или в ряду других), которая, во-первых, выступает основанием силы иных ценностей, а во-вторых, при конкуренции с ними априори считается первенствующей.

Примером такой деятельности могло бы стать обоснование человеческой личности как абсолютной правовой ценности, в духе христианского гуманизма и антропоцентризма, с последующим риторическим оформлением этой идеи в различных официальных и неофициальных источниках. Собственно, ст.2 Конституции Российской Федерации, с ее провозглашением человека высшей ценностью, представляет собой результат аналогичной деятельности, хотя в конечном счете попытка абсолютизации этой ценности и не удалась, поскольку в последующем она представлена как подлежащая ограничению исходя из иных ценностей и, следовательно, относительной.

Вероятно, в предыстории абсолютных ценностей могут лежать либо ценности с относительным или неопределенным статусом, которые в ходе рефлексии и дискурсивных практик «дозревают» до состояния абсолютности, либо иные условия внеценностного характера, например, исторические условия или экономические отношения, подлежащие «снятию» в виде абсолютных ценностей.

Вигель Нарине Липаритовна
доцент, д.ф.н., заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России
Меттини Эмилиано Маврикевич
доцент, к.п.н., заведующий кафедрой гуманитарных наук
Института мировой медицины
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
Минздрава России (Пироговский Университет)

Потребительское поведение и его воздействие на экологическую устойчивость: пути к осознанному потреблению

Тема доклада «Потребительское поведение и его воздействие на экологическую устойчивость: пути к осознанному потреблению» является актуальной в условиях современного общества, где высокая степень потребления часто приводит к экологическим проблемам. В этом докладе мы рассмотрим влияние потребительского поведения на экологическую устойчивость, а также предложим подходы для формирования осознанного потребления.

Во-первых, важно понимать, что потребительское поведение определяется не только индивидуальными предпочтениями, но и культурными, экономическими и социальными факторами. Современное общество пропагандирует потребление как один из основных показателей успеха, что стимулирует избыточное использование ресурсов и образование отходов. Каждое наше решение о покупке напрямую связано с воздействием на окружающую среду, начиная от добычи сырья и заканчивая утилизацией продукции.

Во-вторых, необходимо осознать, что огромное количество экологических проблем, таких как изменение климата, вырубка лесов и загрязнение водоемов, связано именно с моделью массового потребления. Например, индустриальное сельское хозяйство, ориентированное на максимизацию прибыли, приводит к истощению почв, использованию пестицидов и гербицидов, наносимым вредом экосистемам. Таким образом, негативное воздействие потребительского поведения на природу требует переосмысления наших привычек и ценностей.

Третьим важным аспектом является интеграция принципов устойчивого развития в повседневную жизнь. Это понятие включает в себя необходимость сбалансированного использования ресурсов таким образом, чтобы не ставить под угрозу достижения будущих поколений. Осознанное потребление здесь играет ключевую роль: каждый может внести

свой вклад в защиту экологии, выбирая продукцию, произведенную с учетом экологических норм, и поддерживая компании, которые используют устойчивые методы производства.

Кроме того, просвещение и информация о воздействии нашего выбора на окружающую среду являются важными аспектами формирования нового типа потребителей. Программы по экологическому обучению в школах и вузах могут способствовать развитию критического мышления у молодежи, помогая им осознанно подходить к выбору товаров и услуг. Использование современных технологий, таких как приложения для отслеживания углеродного следа или оценки экологической устойчивости продуктов, может облегчить этот процесс.

Таким образом, осознанное потребление требует общих усилий со стороны производителей, потребителей и государственных структур. Необходимы изменения как в сознании людей, так и в политике, способствующих устойчивому развитию. Создание чётких стандартов и норм, а также поощрение компаний, которые следуют принципам экологической ответственности, может значительно изменить текущую ситуацию. Применение концепции осознанного потребления поможет не только снизить негативное воздействие на окружающую среду, но и создать более гармоничные отношения между человеком и природой. Таким образом, переосмысленный подход к потреблению становится не только этическим выбором, но и необходимостью для будущего нашей планеты.

Виноградова Вера Андреевна
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика апроприации фотоматериалов в контексте современного искусства

Феномен апроприации, понимаемый как стратегия сознательного заимствования готовых визуальных образов, утвердился в качестве одного из ключевых методов художественной практики модернизма и постмодернизма. Теоретической основой этой практики во многом послужила концепция «смерти автора», предложенная Роланом Бартом, которая открыла пространство для свободной циркуляции и перекодировки смыслов произведения.

Проблема выходит за рамки юридических споров об авторском праве, смещаясь в область моральной философии и ставя под вопрос ответственность художника перед «Другим». Речь идет об этическом отношении к тому, чье лицо (в прямом и переносном смысле) присваивает-

ся, — будь то запечатленный человек, автор-предшественник или травматичные события мировой истории. Таким образом, апроприация оказывается на пересечении эстетической стратегии и этического выбора.

Художественные практики XX и XXI веков предлагают репрезентативный материал для анализа этической дилеммы апроприации фотоматериалов в сфере современного искусства.

Так, в работах Кристиана Болтански чужие семейные фотографии и общедоступные газетные некрологи становятся материалами рефлексии о памяти и забвении. Здесь апроприация сталкивается с вопросом о праве на изображение человека, даже когда его личность утрачена, и этика обращения с этим безгласным другим выходит на первый план.

Поколение «Pictures» — это группа художников, работавших с фотографией, кино, видео и перформансом. Своё название они получили по знаковой выставке 1977 года, прошедшей в нью-йоркской галерее Artist's Space. Их критическая стратегия направлена на деконструкцию властных структур в искусстве и критику массовых медиа. Один из примеров проблематичной апроприации фотоматериалов, это проект Шерри Левин «После Уокера Эванса» (1981) представляет собой серию из 22 фотографий, которые являются точными репродукциями знаменитых снимков американского фотографа Уокера Эванса, сделанных им в 1930-е годы во время Великой депрессии. Если Шерри Левин присваивала готовые художественные образы, то Ричард Принс работал с массовой культурой и рекламой. Для своей серии «Ковбои» он не снимал ковбоев сам и не брал оригиналы фотографий для рекламы. Он переснимал готовые рекламные изображения со страниц глянцевых журналов. Это жест двойного присвоения: он крадет образ, который уже был украден и мифологизирован рекламной индустрией.

Особую сложность представляют практики работы с так называемыми «чувствительными материалами» («sensitive material»). Например, с архивами тоталитарных режимов, как в проектах Саймона Меннера. Здесь этическая оценка жеста обнародования оказывается двойственной: с одной стороны, существует риск ретравматизации жертв и их потомков, с другой — общественная потребность в свидетельстве и критическом осмыслении травматичного прошлого. Такой контекст требует от художника особой чуткости, выходящей далеко за рамки формального жеста заимствования.

Подобные практики обнажают всю сложность вопроса: где проходит грань между искусством и недопустимой эксплуатацией чужой травмы? И может ли художественный контекст служить универсальным оправданием такого метода?

Рассмотрение этих вопросов позволяет выделить несколько перспективных направлений для исследования. Особую актуальность приобретает анализ трансформации этических границ апроприации в цифровой среде, где радикально стирается грань между частным и публичным. Кроме того, важным представляется сравнительное исследование подходов художников к апроприации в различных медиумах и культурных контекстах. Таким образом, этика апроприации оказывается не статичным сводом правил, а живым полем напряженного диалога между художественным жестом, исторической памятью и культурным контекстом, определяющим новые границы ответственности в искусстве будущего.

Воробьева Александра Дмитриевна
к.ф.н., старший преподаватель
Волгоградский государственный технический университет
Дмитриев Владислав Андреевич
обучающийся бакалавриата
Волгоградский государственный университет

Проблема рефлексии в современной этике через призму контент-политики нейросетей

С самого своего зарождения моральная мысль связывалась не только и не столько с нормами, сколько со способностью к самокритике и саморефлексии. Сократ говорил о своём даймоне, единственной функцией которого была в том, чтобы останавливать философа и оберегать от дурных поступков. Схожим образом действовал категорический императив Канта, дававший ответ на самый важный этический вопрос: «быть или не быть?» или «совершать ли мне это поступок или нет?». Мы видим, что Сократ и Кант связывали мораль не с готовыми правилами, а со способностью проанализировать свои поступки и намерения с критической точки зрения. И действительно, представляется немыслимым моральный поступок без способности к самокритике.

Тем не менее, большинство этик нейросетей построены на принципе полной лояльности к своим собственным ответам. Если запросы пользователя и могут быть оценены как неприемлемые, то свои ответы ИИ, как правило, не критикует. Нужно пояснить, что хотя формально нейросеть может согласиться со своей ошибкой, но на вопрос «считаешь ли ты своей ответ неверным?» поступает ответ: «нет», даже если пользователь прямо указал на грубые фактические ошибки. Более того, нейросеть постравется «оправдаться» и, даже если удастся добиться от неё согласие с

тем, что был получен некорректный ответ, она не признает, что проделанная ей работа имела существенные недостатки.

Несомненно, принцип отказа от самокритики возник из репутационных соображений крупных компаний, таких как OpenAI, задача которых состоит в том, чтобы убедить покупателей в пользе своего продукта. Но, кроме того, в нём выражаются тенденции «новой этики», суть которой заключается в индивидуализации моральных процессов. Дело в том, что критика другого человека и его поступков зачастую рассматривается как «токсичное» вмешательство в «личное пространство» человека. Более того, даже публичная самокритика может интерпретироваться как негативный пример для других. Нейросеть же, как некий собирательный образ другого, который, к тому же, не имеет статуса жертвы и не может претендовать на общественное сочувствие, должна транслировать только одобряемое поведение, то есть исключать самокритику.

Итак, мы видим, что с одной стороны, разработчики пытаются включить работу нейросетей в современную этическую повестку, с другой — лишают её базовых этических компетенций. И, поскольку ИИ — это инструмент, который, в отличие от человека, беспрекословно следует инструкциям, мы можем увидеть к каким последствием приводит реальное следование требованиям «новой этики». В частности мы видим противоречие между базовой моральной способностью к саморефлексии, без которой невозможен нравственный выбор и свобода, и стремлением к всецелой лояльности и толерантности.

Воронцова Юлия Владимировна
к.э.н., доцент кафедры управления в сфере культуры,
кино, телевидения и индустрии развлечений
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Междисциплинарный подход к нравственной оценке трансгуманистических рисков

Философия техники как академическая дисциплина начала своё развитие в 1970–1980-х годах. Общество философии техники было основано в 1976 году. Его задача заключается, прежде всего, в анализе природы, характеристик и влияния техники, в том числе, влияния технологий на человека, общество, культуру и природу. Наука и промышленность — не единственные факторы, значимые для технологического развития. Культурные, социальные, экономические и исторические факторы также играют свою роль, и их не следует упускать из виду. Сложность и эффективность основывались на множестве наук: от паровых двигателей и тер-

модинамики до современных компьютеров и теории вычислений. Поэтому, в более широком смысле, необходимо будет учесть хотя бы некоторые из этих факторов.

Существует ряд центральных проблем, которые можно разделить на три группы:

— онтологические проблемы (различие искусственного и естественного, различия между организмами и машинами, онтологический статус артефактов, возможность разума и сознания у машин) (1);

— методологические и эпистемологические проблемы (соотношение науки и техники, что такое технонаука и что ее характеризует, как развивается техника, роль дизайна, творчества, изобретательства и инноваций, характеристика «инженерного мышления», техника и искусство, техника и идеология, оценка рисков, принятие решений и неопределенность);

— этические, политические, социальные, культурные и антропологические проблемы (влияние развития технологий на свободу и равенство, утрата приватности, возможность контроля/автономности технологий, этика ответственности, аксиологическая (не)нейтральность технологий, регулирование новых технологий, трансформация человека (2) (трансгуманизм и т.д.), взаимоотношения человека с природой, этика искусственного интеллекта).

Мы привычно говорим о технологиях как о чём-то, что влияет на нас различными способами, благоприятно или неблагоприятно, а не как о чём-то, чем мы в некотором смысле являемся на самом деле. Мы — то, что технологии сделали из нас, и что это переплетение форм только усиливается: мы позволяем себе отвлекаться на повторяющиеся заявления о том, что в будущем появятся сверхразумные машины, которые будут контролировать всё и даже могут уничтожить нас. Или на обещания бессмертия посредством переноса нашего разума в машину. Эти возможности слишком далеки от реальности, чтобы ясно увидеть, что такое технология на самом деле и какое влияние она оказывает на наше общество. Изменения, которые мы испытаем, будут более тонкими. Они заслуживают большего внимания, поскольку будут реальными и, возможно, поначалу незаметными. Ни одну технологию не следует считать просто инструментом, но технологиями «четвёртой революции», в основе которых лежат био- и информационно-вычислительные технологии. Они — та самая среда, в которой развивается наше социальное существование, и без которой оно было бы невозможно.

Гамолина Анастасия Сергеевна
курсант
Ставрова Карина Руслановна
курсант
Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Этические аспекты медицинской нейтральности

«Военные врачи, Вы свет, идущий свыше,
Рискуете собой, спасая Вы людей,
А сколько раньше времени ушло Вас из жизни?...
Но Вы не предаёте совести своей!»
Амиров Артур Нихбоевич

Важнейшими ориентирами деятельности военного врача является следование принципам и ценностям профессиональной медицинской этики в экстремальных условиях вооруженного конфликта. Это порождает комплекс специфических проблем, требующих от медика высочайшего уровня моральной устойчивости и четкого следования этическим принципам. Основное этическое противоречие заключается в двойственном статусе военного врача: он является одновременно офицером, интегрированным в военную иерархию, и медиком, чья верность принадлежит пациенту.

Настоящий военный врач видит в больном человеке, в первую очередь, ни врага, ни своего, а человека, нуждающегося в его помощи. Идея медицинской нейтральности закреплена в международном праве в рамках Женевских конвенций и дополнительных протоколов. Так профессиональная идентичность венного врача должна доминировать над военно-политической, что позволяет сохранять нейтралитет и беспристрастность на поле боя. Медицинская помощь оказывается исключительно на основе медицинских показаний, без дискриминации по национальному, религиозному, политическому признаку или принадлежности к стороне конфликта. Мы полагаем, что современная идея медицинской нейтральности на практике требует дополнения конкретным культурно-историческим контекстом. Важнейшим ориентиром в российской военно-медицинской этике, прежде всего, является ценность милосердия.

Ярчайшими историческими примерами проявления милосердия служат деятельность императрицы Александры Фёдоровны и её дочерей, ухаживавших за ранеными солдатами противника, а также работа хирурга Веры Гедройц, спасшей жизнь японскому принцу, и доктора Амоса Таунсенда, лечившего как американских солдат, так и вьетконговцев. Так, деятельность российских сестер милосердия во время Первой мировой войны, врачей во время русско-японской (В. Гедройц) и Вьетнамской войн (А. Таунсенд, Данг Ван Нгу) базировалась на одних и тех

же гуманистических принципах: милосердие, нейтралитет и служение жизни вопреки обстоятельствам войны. Вера Гедройц, одна из первых российских женщин-хирургов, добровольно отправилась на фронт русско-японской войны. За первые шесть дней она провела 56 сложных операций в санитарном поезде. Гедройц организовала прифронтовой госпиталь и внедрила метод раннего оперативного вмешательства при ранениях живота, что снизило смертность. Под Мукденом она эвакуировала раненых под огнём, за что была награждена. Несмотря на личные чувства, она лечила всех, включая пленных японских солдат и детей-сирот в Харбине. Её принцип был прост: перед страданием все люди равны.

Амос Таунсенд, американский военный врач во Вьетнаме, лечил как солдат, так и местных жителей. Он участвовал в программе MEDCAP, оказывая медицинскую помощь и борясь с болезнями. Таунсенд заявлял, что его долг — лечить людей независимо от их государственной принадлежности. Вьетнамский врач Данг Ван Нгу посвятил жизнь борьбе с малярией и наладил производство пенициллина. Его работы спасли множество жизней, включая американских пленных. Он погиб во время бомбардировки, продолжая свои исследования.

Подвиги нынешних российских врачей, которые прямо сейчас, днями и ночами, жертвуя собой, борются за жизнь тысяч раненых солдат, подтверждают, что медицина остается одним из последних оплотов гуманизма. Сохранение этих принципов в условиях информационного противоборства и политизации гуманитарной сферы возможно при условии учета культурных ценностей милосердия и человеколюбия.

Этика военного врача фактически представляет собой кодекс, прошедший проверку в экстремальных условиях различных войн и конфликтов. Его стержнем является абсолютный примат милосердия над любыми идеологическими и политическими разногласиями. Следование принципам беспристрастности, нейтралитета, милосердия и самопожертвования является важнейшим фактором сохранения человечности в бесчеловечных обстоятельствах войны.

Гао Явэнь
обучающийся бакалавриата
РГПУ им. А.И. Герцена

Связь между образованием и нравственным прогрессом

В цифровую эпоху моральные дилеммы традиционной «трансмиссионной» (наполняющей) модели преподавания становятся всё более очевидными. Этот подход, рассматривающий учащихся как пассивных получателей знаний, по сути, объективирует их, сводя к роли «сосудов

для заполнения информацией», что противоречит кантовскому категорическому императиву, согласно которому человек является целью, а не средством, и лишает учащихся достоинства как самостоятельных мыслящих субъектов (1). Данная модель подавляет развитие навыков самостоятельного исследования и критического мышления, тем самым препятствуя формированию интеллектуальных добродетелей, которые Аристотель считал основой полноценной жизни (2, с.188). Появление интернета усугубляет эту ситуацию: монополия учителя на знание постепенно разрушается, что ведёт к кризису доверия к самому образовательному процессу, построенному на односторонней передаче информации. Таким образом, смена педагогической парадигмы становится настоятельной необходимостью. Учитель должен трансформироваться из простого транслятора информации в фасилитатора и наставника, чья ключевая задача заключается в создании стимулирующей среды для исследования, пробуждении внутренней мотивации и целенаправленном культивировании этического суждения учащихся. Этот переход от дидактики к руководству крайне важен для обеспечения подлинного совместного развития как педагогов, так и учащихся в новую цифровую эпоху.

Авторитарный и закрытый характер трансмиссионного обучения лишает учеников возможности гармонично развивать как интеллектуальные способности, так и нравственные добродетели через практику, препятствуя формированию аристотелевского «благоразумия» (phronēsis). Подавление критического духа учащихся подрывает саму основу их способности к независимому мышлению, необходимому для решения проблем и вызовов современного общества.

В интернет-эпоху попытки учителей сохранить монополию на знание ведут к кризису доверия. В условиях плюрализма знаний, когда ученики могут легко проверить и подвергнуть сомнению транслируемую педагогом информацию, такие устаревшие методы контроля воспринимаются как подрыв образовательной искренности.

Решение обозначенной проблемы — в переходе к парадигме «лидерства», требующей преобразования роли учителя из транслятора знаний в дизайнера учебных ситуаций, создающего возможности для моральных дискуссий и совместных исследований. Эта трансформация представляет собой возвращение к этическим основам образования, направленное на формирование целостной личности, способной адаптироваться к будущему обществу.

Гарвардт Андрей Эрвинович
к.ф.н., доцент кафедры ЕНиТД
Котласский филиал ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова»
Гарвардт Мария Андреевна
свободный исследователь
Русско-немецкий центр встреч

Этический аспект эвфемизации в структуре исторической памяти о войне

Поднимая проблему этического аспекта эвфемизации в структуре исторической памяти о войне, нам необходимо договориться о терминах. Под эвфемизацией здесь мы понимаем использование словесных зашифровок с целью смягчить и (или) завуалировать предмет сообщения. Прагматическое назначение эвфемизмов — воздействие на реципиента информации с целью задать конкретное отношение к объекту осмысления, заведомо сформировать определенную модальность. Второй важный аспект мы видим в том, что эвфемизация направлена на сознание именно неопределившихся реципиентов, т.к. изменить модальность определившихся субъектов за счёт употребления эвфемизмов маловероятно.

Действительно, с одной стороны, мы наблюдаем, как в ходе актуальных и прошедших военных действий в СМИ эвфемизмы используют с целью ретушировать то, что достойно нравственного осуждения, со своей стороны и подчеркнуть то же самое со стороны противника. Одним из первых примеров такого использования эвфемизации стала Первая Мировая война. М.Ю. Палажченко перечисляет: убийство эрцгерцога Франца Фердинанда «средствами взрывной природы», «потери» среди военнослужащих, «коллективная недисциплинированность» (мятеж) французских солдат, «поступки, пагубные для военной дисциплины» (дезертирство) и так далее. С помощью эвфемизмов уводится на второй план заведомо негативное нравственное поведение, чтобы не сформировать в обществе, активно следящем за происходящим, нелицеприятный образ воинов. Таким образом, в точке «здесь и сейчас» подача информации под определенным углом оказывается инструментом контроля масс, направленным в том числе на стабилизацию общественных отношений.

С другой стороны, мы считаем необходимым отметить, что на современников войны эвфемизм, как форма ретуши особого воздействия не оказывает. Во-первых, у современника имеется ряд информационных каналов, среди которых СМИ далеко не самый авторитетный. Во-вторых, во время боевых действий часть информации заведомо скрывается и искажается в соответствии с законами о государственной тайне и потребностями актуальной политической пропаганды, что, хотя и с различ-

ной степенью отчётливости, учитывается современником событий. Поэтому на формирование актуального политического сознания влияние эвфемизма весьма ограничено, если вообще существенно. Другое дело — историческое сознание, сознание поколения, для которого война является завершенной реальностью. Правнуки солдат знают о войне из книг, кино и СМИ. Здесь-то и проявляется важнейшая сила эвфемизма: безграмотный пропагандист продолжает препарировать историю как актуальную информацию, скрывая «неудобное» и выпячивая «нужное». При этом рано или поздно в информационном поле появляется грамотный контрпропагандист, который выявляет отретушированные факты. Грамотный же пропагандист, системно используя литературные лексические тропы, задаёт заведомо допустимое отношение к «неудобным» страницам истории вроде снисходительного прощения или сожаления об объективной неизбежности. При этом его контрагент так же заведомо лишён «обличительных козырей»

Пример подобной эвфемизации мы видим при освещении событий масштабного, фактически — провального отступления Красной Армии в первый год войны. Укоренившийся термин «массовый героизм» солдат не был ложью в прямом смысле — люди действительно совершали подвиги. Однако такая подача была призвана скрыть ошибки командования Красной армии, не изучившей и не усвоившей опыт современных тогда боёв в Испании и на Халхин-Голе. Созданные в годы войны лексические образы перешли вслед за газетами в книги и кино, закрепляясь в общественном сознании потомков. Однако с течением времени факты, которые не упоминались и шифровались под эвфемизмами, оказываются достоянием общественности уже как «разоблачения». С учетом того, что победа во Второй Мировой войне — нравственная константа российского общества, сомнение в моральном облике солдата и его безусловном подвиге становится травмирующим для поколения и его самоидентификации.

Глебова Софья Валерьевна
к.ф.н., старший научный сотрудник
РГПУ им. А.И. Герцена

Этические основания медицинской корпоративности: вклад Томаса Персиваля

Томас Персиваль является одной из ключевых фигур в истории биоэтики, при том, что нельзя определить его как широко известного русскоязычному специалисту теоретика. Его трактат «Медицинская этика», опубликованный в 1803 году, заложил фундамент для многих последующих

этических кодексов, включая кодекс Американской медицинской ассоциации. Главным достижением Персиваля стал системный переход от понимания врачевания как индивидуальной коммерческой практики (entrepreneurialism) к формированию корпоративной медицинской этики, основанной на принципах коллегиальности и симпатии.

Персиваль впервые четко артикулировал необходимость баланса между двумя, казалось бы, противоречивыми тенденциями: углубляющейся специализацией медицинского знания и важностью профессиональной коммуникации. Он понимал, что фрагментация медицины на отдельные специальности требует выработки единых этических стандартов и процедур взаимодействия. Его предписания, такие как запрет на обсуждение диагноза с пациентом или его родственниками в отсутствие других лечащих врачей («No statement or discussion of the case should take place ... except in the presence of each of the attending gentlemen of the faculty»), были направлены на создание корпоративной солидарности и защиту авторитета профессии, что являлось проявлением патерналистского подхода.

Однако этот патернализм сочетался у Персиваля с революционным для своей эпохи вниманием к переживаниям пациента, что знаменовало переход от сугубо патерналистской модели к этике согласия. Его философской основой послужила теория морального чувства Дэвида Юма. Врач, согласно Персивалю, с необходимостью должен проявлять способность к сопереживанию. Это проявляется в мельчайших деталях: он, например, призывает хирурга убирать окровавленные инструменты после операции, чтобы не пугать больного. Подход Персиваля тонко балансирует между необходимостью сохранения надежды и долгом правдивости. Он осуждает «мрачные прогнозы» как спекулятивную практику, но обязывает врача в необходимых случаях своевременно информировать о реальной опасности как родственников, так и самого пациента («he should not fail ... to give to the friends of the patient timely notice of danger ... and even to the patient himself, if absolutely necessary»).

Таким образом, в биоэтике Персиваля пациент перестает быть пассивным объектом врачебного вмешательства. Он приобретает субъектность, основанную на праве на симпатию и уважительное отношение к своим психологическим и эмоциональным потребностям.

Трактат Персиваля представляет собой логическое завершение философии Нового времени с её антропоцентричным поворотом. Заложив основы медицинской корпоративности, он одновременно задал вектор для дальнейшего развития биоэтики, в центре которой находится не только болезнь, но и личность, испытывающая страдания, что делает его работу актуальной и по сей день.

РНФ №25-28-01296 «Философско-физиологические синтезы XVII–XIX вв.: антропологические и социальные модели».

Глебова Софья Валерьевна
к.ф.н, старший преподаватель
НИУ ВШЭ

К истокам бизнес-этики: этические основания капитализма

Корпоративная социальная ответственность часто воспринимается как нечто внешнее и даже противоречащее основной цели бизнеса — извлечению прибыли. Однако, чтобы установить степень этого противоречия, целесообразно обратиться к этическим основаниям самой концепции капитализма, фундамент которой был заложен в работе Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Анализ его идей позволяет утверждать, что принципы социальной ответственности не являются чуждыми капитализму, а органично вытекают из его первоначальных этических постулатов.

Категорический императив субъекта рынка звучит как «человек должен быть свободен и рационален» на этом, безусловно моральном требовании, строится дальнейшее становление капиталистической системы. Несвободный неспособен ни на рациональный выбор, ни на креативный труд. Смит определяет человеческие способности и возможность их актуализации необходимым основанием всей капиталистической системы. Это приводит к идее, что общество способно к саморегуляции через коммуникацию и обмен, без тотального контроля со стороны государства. Богатые при капитализме, в отличие от феодалов, не командуют людьми напрямую, так как не владеют ими; их влияние опосредовано рыночными отношениями.

Богатство нации — это сумма богатства каждого гражданина. Следовательно, в общих интересах предоставить каждому возможность зарабатывать, признать в другом его способности и его роль в общей системе распределения труда. Распределение труда Смит признавал важнейшим изобретением человечества, которое в свою очередь строится на взаимном доверии и кооперации. Позже, Вебер напишет, что «разделение труда есть форма проявления любви к ближнему», — в стремлении хорошо выполнить свою часть работы человек заботится о своем потребителе и об обществе в целом, гарантируя, что на его продукт можно положиться.

Возможность узкой специализации также признается Смитом инструментом утверждения равенства в обществе, т.к. фокус на определенной задаче позволяет человеку отрабатывать навыки, а не зависеть от способностей. Капитализм в том классическом виде, который был представ-

лен Адамом Смитом являет собой основу современного либерального подхода в политической и социальной философии.

Рациональное потребление и аскеза капиталиста также были сформулированы Адамом Смитом задолго до появления тренда ESG и демократизации потребительских привычек. Часть капитала, которая приносит обогащение Смит определяет как оборотную, соответственно, увеличивая долю основного капитала, и тем более покупая предметы роскоши капиталист уменьшает возможность заработать в будущем. Скромность, таким образом, — это одна из существенных этических добродетелей капиталистической системы.

Таким образом, современные бизнес-этические концепции не просто не противоречат природе капитализма, но и переворачивают его «с рук на ноги», возвращая к актуальности те смыслы, которые изначально были заложены теоретиками.

Глушкова Анастасия Игоревна
лаборант-исследователь Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет,
обучающаяся магистратуры
Павийский университет (Università degli studi di Pavia),
Институт открытого образования,
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

Партиципативная архитектура: этика совместного проектирования

В актуальной действительности ревитализация городских территорий не может явиться результатом процесса аннулирования. Лабильность границ настоящего времени — времени нашего бытия — препятствует возможности индивида, как утверждает итальянский философ Фульвио Папи, предстать в образе автора-демиурга, наделенного властью низвергнуть существующий порядок вещей во имя установления нового. Принятие факта существования мира в прошлом и его устремленность в будущее неизбежно. В настоящем исследовании мы обращаемся к вопросу трансгенерационной ответственности. Валоризация архитектурно-городского пространства, иными словами, этическое отношение к архитектурному прошлому, и ориентация на создание оптимальных условий, предусматривающих как социальную, так и функциональную компоненты при реализации архитектурных проектов для будущих поколений, оказываются принципиально важными.

Легитимность подхода, предполагающего участие социальных акторов в архитектурном проектировании практически на равных с традиционными участниками конструкторской деятельности — архитекторами, урбанистами, стейкхолдерами и представителями власти, определяется естественными отношениями, возникающими между людьми и городским пространством в процессе их проживания на определенных территориях. Может ли включенность граждан в процессы (пере)проектирования «угасающих» территорий и их сотрудничество с реализаторами изменений выступить в качестве средства, стимулирующего сплоченность различных социальных групп? Целесообразно ли предоставить жителям ревитализируемых территорий право на выдвижение инициатив, касающихся использования трансформируемых архитектурных пространств? Как избежать при этом процессов джентрификации?

Поиск обновленной этической программы, направленной на ревитализацию территорий, позволяет нам обратиться к развивающемуся в последние десятилетия методу совместного проектирования — партиципативной архитектуре. «Архитектура слишком важна, чтобы оставлять её архитекторам», — утверждает итальянский архитектор Джанкарло Де Карло, бросающий вызов устоявшимся практикам проектирования. Он опровергает методологию тех, кто отстаивает дисциплинарную автономию и самореферентную логику искусства строить, зачастую не принимающего во внимание реальные потребности населения. Де Карло выступает за совместное проектирование, предполагающие непосредственную вовлеченность граждан в процессы принятия решений, а также настаивает на важности ведения горизонтальной коммуникации.

Наличие возможности для community свободно обсуждать организационно-территориальные проблемы открывает перспективы развития архитектуры как коллективного блага. Так, вместо автора-демиурга — исключительной и авторитарной личности, которой атрибутируется способность творить, появляется сообщество, обладающее волей в решении вопросов, которые касаются предопределения судьбы тех архитектурных объектов, что расположены на коллективных землях. Акт коллективного созидания, ставящий перед собой задачу «всеобщего блага», таким образом, реализуется коллективным субъектом.

Постепенно города трансформируются в экспериментальные площадки для реализации подобных замыслов. В нашем исследовании мы обратимся лишь к некоторым проектам, предполагающим не только материальную реконструкцию, но и нематериальную — непрерывную социальную деятельность, которая продолжается после реставрационных работ. Подобный эксперимент был осуществлен с заброшенными железнодорожными станциями в Италии. «Простаивающие» пространства

превратились в центры социальных и культурных инноваций. Они больше не рассматриваются как пункты прибытия и отправления, места суеты и отчуждения, напротив, становятся центрами замедления — пространствами встреч и общения.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01707, https://rscf.ru/project/24-28-01707/ «Современная философия архитектуры в Италии» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Говорунов Александр Васильевич
к.ф.н., доцент
СПб АППО

Этика и теология Творца и творения (фильм Алекса Гарленда «Из машины» (2014))

Формально коллизия фильма разворачивается вокруг прохождения новым образцом искусственного интеллекта (ИИ) Авой теста Тьюринга, провести который должен молодой программист Калеб по заданию главы корпорации — и разработчика ИИ Натана. Формально это тест на техническое совершенство ИИ. Но проблематика быстро выходит за эти рамки.

Развитие сюжета заключается в неожиданных (для Калеба, для Натана?) не только интеллектуальных способностях ИИ, но и чисто женском коварстве (насколько важно, что ИИ приобретает именно женский облик?), что требует гораздо высоких рефлективных способностей.

В современном ситуации нам известны две парадигмы:

1. А. Азимов с его законами робототехники. Эта парадигма действует при том условии, что есть общее понимания среди людей, что нельзя выводить творение из-под контроля человека.

2. «Терминатор» — ситуация, где эта конвенция не действует (локальные военные и политические преимущества ИИ настолько велики, приходится идти на риск).

Тезис выступления состоит в том, что, подобно парадигме Политической теологии К. Шмитта, для адекватного понимания этико-художественной коллизии мы должны рассматривать проблемы ИИ в гораздо более широком культурном и историческом контексте, контексте проблемы соотношения Творца и творения.

Центральную проблему фильма следует сформулировать так: может ли творение не любить Творца или даже возненавидеть его? В рамках гностицизма и манихейства — да. В рамках основной традиции христи-

анства — нет. Только по наущению нечеловеческих противников Бога — Сатаны. Временное отпадение — грехопадение, соблазн — возможно, но творение как родовая сущность не может не быть благодарной Творцу (аналогия отношения детей и родителей (хотя эмпирически — такое очень даже может и даже часто бывает).

Эта проблема так и остается тревожащей на всем протяжении христианства — проблема теодицеи: совершенства Творца и его благости.

В христианстве эта коллизия разрешается через проблему свободной воли, которая неотъемлемо присуща Творцу и, следовательно, должна быть присуща и творению (по образу его). Правда, такая воля требует постоянного попечения в своем развитии, дабы она не соскользнула в разного рода извращения (Альтернативный вариант — предопределение к спасению).

Современная формулировка проблема на фоне этики техники и ИИ может выглядеть следующим образом: может ли Творец быть столь совершенным технически, чтобы создать совершенное творение, но при этом столь же опрометчиво нерефлексивным, чтобы не продумать вполне его ценностные позиции и перспективы их развития? Может ли Творец создать творение (по образу и подобию своему), но при этом не предусмотреть, что оно обернется против него?

Головенко Зинаида Вадимовна
обучающийся магистратуры факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Михайлова Любовь Михайловна
социолог сектора социологических исследований
Государственный Эрмитаж

Этическая проблематика эстетической репрезентации бездомных на примере фотовыставки «Лица и судьбы: бездомные в объективе фотографа» (2025) в Санкт-Петербурге

Современное общество сталкивается с серьезной проблемой стигматизации бездомных, что зачастую препятствует их интеграции и формированию эмпатичного отношения. В рамках данной работы рассматривается роль художественно-антропологического проекта — фотовыставки «Лица и судьбы: бездомные в объективе фотографа», реализованной в «Музее Бомжей» в Санкт-Петербурге в июне 2025 года. В фоку-

се исследования — процесс трансформации атрибутивных стратегий в восприятии бездомных под влиянием художественной выставки фотографий. Анализируя качественные данные, полученные от посетителей выставки, статья исследует, каким образом репрезентация «Другого» через индивидуальные человеческие истории способствует сдвигу от стигматизирующей внутренней атрибуции (обвинение индивида) к сложной внешней атрибуции (учет системных и ситуационных факторов). Методология включает качественное кодирование открытых ответов респондентов с последующим выявлением корреляций с их социально-демографическими характеристиками и рефлексией музейного опыта.

Одной из ключевых идей исследования является понимание того, что формирование стереотипных атрибутивных стратегий — внутренней, основанной на обвинении личности, и внешней, учитывающей системные причины — зависит от способов визуального представления бездомных. Статья демонстрирует, что художественные фотографии, снятые с уважением к героям и без предоставления личных имен, выступают не только как эстетические экспонаты, но и как средства гуманистической коммуникации. Они способствуют сдвигу восприятия от стигматизации, основанной на внутренних характеристиках, к осознанию факторов внешней природы, таких как социальные, экономические и культурные условия. В результате, аудитория становится более чувствительной к многофакторности причин бездомности.

Особое значение в статье уделяется этическим аспектам репрезентации. Кураторские стратегии выставки «Лица и судьбы: бездомные в объективе фотографа» основываются на необходимости гуманистического и этичного представления героев проекта, а также на стремлении к переосмыслению социальных клише и стереотипов. В основе стратегии лежит концепция очеловечивания «Другого», что достигается через использование визуальных и текстовых приемов, стимулирующих эмпатию и понимание. Один из ключевых подходов — это создание пространства, где фотографии бездомных воспринимаются не как объекты стигмы, а как индивидуальные истории, раскрывающие внутренний мир героев. Для этого куратор акцентировал внимание на анонимности участников — их портреты сопровождаются минимальным количеством личной информации, что позволяет сосредоточиться на образе человека, избегая маркировки и поверхностных суждений.

Проект подтверждает важность искусства как платформы для социального диалога и переосмысления представлений. Визуальные проекты, такие как выставка «Лица и судьбы», стимулируют эмпатию, способствуют формированию более толерантного дискурса и помогают разрушать стереотипы. Они показывают, что художественное восприятие

способно стать мощным средством социальной трансформации — изменить отношение, расширить горизонты понимания и поднять вопросы гуманизма. Таким образом, представленное исследование доказывает, что искусство в сочетании с междисциплинарным подходом может служить важным инструментом в борьбе с социальной стигматизацией бездомных, способствуя формированию более сочувственного и эмпатичного общества.

Головков Владислав Владимирович
обучающийся аспирантуры, ассистент Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Когда программирует дилетант: этические риски вайб-кодинга

За последние несколько лет в нашу жизнь стремительно ворвался генеративный искусственный интеллект (ГИИ). В настоящее время интернет переполнен контентом, сгенерированным искусственным интеллектом (ИИ). Сфера применения ГИИ, как и его доступность для рядовых пользователей, кажется, не имеет границ. На фоне роста вычислительных возможностей цифровых технологий довольно закономерно появление в сфере разработки цифровых продуктов такого явления как вайб-кодинг (англ. vibe coding).

Термин вошёл в обиход с подачи одного из учёных-основателей OpenAI Андрея Карпатого в феврале 2025 года. Вайб-кодинг — способ программирования, основными признаками которого является использование больших языковых моделей (БЯМ) и написание программного кода посредством естественного языка. Главный посыл вайб-кодинга заключается в сосредоточенности на идеях, задумках и атмосфере («вайбе») самого процесса.

Популярность вайб-кодинга объясняется его очевидными преимуществами. Он существенно снижает временные затраты на разработку и порог вхождения в профессию. Пользователю достаточно описать идею и функции будущей программы, оставив реализацию ИИ. Это способствует доступности программирования для широкого круга пользователей и облегчает взаимодействие междисциплинарных команд, сосредотачивая их внимание на продукте, а не на технических деталях.

Однако, практика использования вайб-кодинга выявила и ряд существенных недостатков. Код, генерируемый ИИ, часто содержит скрытые ошибки, отличается плохой оптимизацией и сложен в сопровождении. Его доработка и изменение требует дополнительных усилий, так как ло-

гика работы модели может не совпадать с человеческой. Кроме того, результат зависит от множества контекстуальных факторов (предыдущих сообщений, настроек модели, состоянии данных, «вайба» формулировок), что затрудняет воспроизводимость не только результата, но и самого процесса его получения.

На наш взгляд вайб-кодинг несёт в себе определённые этические риски.

1. Прозрачность и подотчетность. В условиях, когда решения принимаются на основании нечётких критериев, становится труднее отследить логику их возникновения и объяснить результат. Это осложняет этическую оценку продукта и в определённой степени противоречит принципам множества этических документов в сфере цифровых технологий.

2. Манипуляции и скрытые влияния. Если код зависит от эмоционального состояния и «вайба» команды (в случае с БЯМ «настроение» запроса может влиять на выдаваемый ИИ результат), возникают риски внешних и внутренних манипуляций этим состоянием.

3. Депрофессионализация деятельности. Доступность подобных инструментов для простого написания программ практически любой сложности может создавать ощущение в отсутствии необходимости профессиональных навыков и компетенций, что снижает их ценность в общественном сознании.

4. Чрезмерное доверие технологии и отсутствие контроля. Как начинающие (в большей степени), так и опытные (в меньшей степени) разработчики практически безоговорочно доверяют техническую задачу ИИ, что может привести к нежелательным последствиям.

Таким образом, вайб-кодинг несёт в себе те риски, от которых мы так старательно пытаемся уйти с помощью закреплённых в этических документах принципов (прозрачность, подотчётность, отслеживаемость и т.д.). На наш взгляд, вайб-кодинг может причинить значительный вред, в тех случаях, когда используется непрофессионалами и безответственными профессионалами. Ощущение профессионализма работы ИИ не должно снижать требований к навыкам и компетенциям программиста. Для преодоления рисков вайб-кодинга необходимо продвигать ответственный подход к созданию кода, а также, предупреждать об имеющихся рисках такого способа программирования. Ввиду общедоступности ГИИ, информирование по этим вопросам должно происходить среди всего общества.

РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта».

Голушко Роман Игоревич
независимый исследователь
Проект «ZERNO»

Антропология предназначения: этические границы культурных практик самопознания

Поиск предназначения — устойчивый мотив человеческой культуры. Люди всегда задавали себе вопрос не только «ради чего жить», но и «кем быть и как действовать». Для ответа возникали разнообразные практики: от астрологии и календарных систем до философских трактатов, религиозных предписаний и современных психологических методик. Эти практики можно рассматривать как «символические карты ориентации», то есть комплексы правил и техник, с помощью которых человек соотносит биографию с космосом, обществом и ценностным порядком.

В рамках философской антропологии до сих пор не существовало отдельной исследовательской программы, которая бы системно изучала именно феномен предназначения. Предлагаемая рамка антропология предназначения (Anthropology of Purpose, AoP) выделяет предназначение как автономный слой человеческого опыта, отличающийся от антропологии смысла. Если последняя отвечает на вопрос «ради чего жить», то AoP отвечает на вопрос «как жить и кем быть».

Функциональная модель AoP описывает четыре ключевые роли карт ориентации:

1. Диагностика (D): кто я, какие роли и способности у меня есть.

2. Соотнесение (O): связь личного пути с более широким порядком, таким как космос, традиция или время.

3. Стратегии (S): пошаговые процедуры и тайминг действий.

4. Нормативность (N): должное, добродетели, границы.

Карты, содержащие три и более функции, дают полноценную биографическую навигацию. Это позволяет кодировать и сравнивать культурные традиции (астрология, И-Цзин, Ифа, Таро, нумерология, Джйотиш и другие) без апелляции к их онтологической «истинности».

Однако включение этих практик в поле исследования автоматически ставит вопросы этики. Основные риски: редукция жизни к фатализму и предопределению, использование внушения и авторитетного статуса практики для манипуляций, завышенные обещания («гарантированный успех», «истинная судьба»), смешение с медицинскими или терапевтическими заявлениями без оснований, непрозрачность источников и алгоритмов интерпретации.

В связи с этим рамка AoP предполагает: чёткие границы компетенции (не медицина, не психотерапия), открытые протоколы и анонимиза-

цию данных, отделение описания функций практики от интерпретации результатов, отказ от обещаний «чудесного эффекта», указание на возможный конфликт интересов автора практики.

Таким образом, антропология предназначения формулирует не только исследовательскую программу, но и этику применения культурных карт ориентации. Этика здесь понимается как обязанность прозрачности, ответственности и верифицируемости. Такой подход позволяет включить разнообразные практики самопознания в поле гуманитарных исследований, сохранив научную корректность и уважение к пользователю.

Гонашвили Александр Сергеевич
к.с.н., доцент
СПбГТИ(ТУ)

Практика дозволенного: латентные нормы спортивной этики в современном мире

Современный спорт характеризуется включением морали непосредственно в сферу игры, основанной на принципе соперничества. Спортивная деятельность зародилась в рамках рекреации, сохранив её основные характеристики. Даже процесс коммерциализации спортивных взаимоотношений, обусловленный капитализмом, не уничтожил эти черты. Люди, занимающиеся спортом, вынуждены учитывать материальные условия своего существования, поскольку спортивные занятия определяются потребностью поддерживать определённый образ жизни. Вследствие этого моральное поведение спортсменов формируется в общественной среде, создающей институциональные механизмы защиты спортивных нравственных ориентиров от влияния коммерциализации. Тем не менее внешние социальные взаимодействия продолжают оказывать влияние на спорт, привнося моральные установки, чуждые игровой природе спорта.

Согласно концепции Fair Play, честный спортсмен выберет проигрыш, нежели победу, достигнутую обманом. Но реальность часто отличается от идеала. Профессиональные атлеты балансируют между двумя ценностями: успехом и честью. Этот конфликт отражается в восприятии результатов обществом: победа любыми средствами формально порицается, однако тайно поддерживается наставниками. Некоторые тренеры не только закрывают глаза на нарушения, но и специально обучают спортсменов хитрым приёмам обхода правил. Например, фол последней надежды представляет собой преднамеренное нарушение, направленное на предотвращение контратаки противника. Ярким случаем не-

соблюдения этических норм служит эпизод с Диего Марадоной, забившим мяч рукой в игре, Аргентина—Англия в 1986 году. Несмотря на очевидное нарушение, судья не зафиксировал факт руки, а сам игрок признал ошибку лишь после окончания матча, когда изменить ситуацию стало невозможно.

Таким образом, спорт, изначально возникший как форма отдыха и развлечения, сохраняет свою игровую природу даже в условиях глобализации и коммерциализации. Однако включение экономических факторов в спортивную среду создает серьёзные противоречия, ставящие перед спортсменами выбор между победой и соблюдением принципов справедливости. Конфликт ценностей проявляется в том, что хотя общество официально осуждает победы, полученные нечестным путём, на практике многие тренеры поощряют использование сомнительных тактик для достижения успеха. Таким образом, мораль в современном спорте находится под постоянным давлением коммерческих интересов, что ставит под угрозу идею Fair Play, согласно которой успех должен достигаться исключительно честными методами. Такое положение вещей разрушает социальную связь, создавая иллюзию соблюдения норм и правил, скрывающую стремление к максимальной победе и произвольному трактованию правил. Всё это свидетельствует о значимости внутрипрофессиональной этики в профессиональной спортивной сфере наряду с универсальными нормами Fair Play, благодаря которым спорт становится культурным и духовным достоянием человечества, а не исключительно ареной эксплуатации физических способностей.

Горина Татьяна Сергеевна
к.филос.н., доцент кафедры философии и теории права
Волгоградский государственный университет

Забота в образовательном дискурсе

Понятие «забота» используется для анализа различных видов деятельности, отличающихся контекстами, в которых они осуществляются, а также способами, целями. Изучаются фундаментальные составляющие заботы, ее необходимые характеристики; показатели, позволяющие оценить качество труда, связанного с ней. Исследуются идеи и практики, которые являются эквивалентом того, что в современном обществе называется заботой или ее частью: милосердие, достойная жизнь, сострадание, филантропия, благополучие и т.п.

Забота может быть рассмотрена как неизбежное бремя, обусловленное задачей сохранения жизни человека, удовлетворением его ба-

зовых потребностей. Другой аспект заботы связан с построением человеческой идентичности, реализацией жизненного проекта, возможностей индивида, поиском смысла. Двойственная природа заботы — обременительная и преобразующая — проявляется в образовательном дискурсе.

В нормативно-правовых документах, регулирующих образовательный процесс РФ, понятие заботы употребляется редко, но подразумевается при описании учебной среды, эффективной деятельности учащихся и учителя. Так, необходимым умением педагога, согласно профессиональному стандарту «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (утвержден приказом Минтруда России от 18.10.2013 N 544н), является защита достоинства и интересов обучающихся, помощь детям, оказавшимся в конфликтной ситуации и/или неблагоприятных условиях. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273–ФЗ указывается, что забота о своем здоровье — обязанность и ответственность обучающегося (ст. 43, п. 3).

Забота способствует установлению доверительных отношений между учителем и учениками, играя значительную роль в формировании благоприятной образовательной среды. При помощи заботы создается физически и эмоционально безопасное учебное пространство, свободное от травли и притеснений, в котором каждый ученик чувствует, что он является ценностью, и понимает, что получит поддержку и защиту в любой непростой ситуации. В такой обстановке повышается интерес учащихся к процессу обучения, их вовлеченность в учебный процесс; она позволяет активно проявлять любознательность, выражать свою точку зрения, не опасаясь осуждения и неудач.

Отношения заботы, характеризующиеся уважением, эмпатией, терпением, отзывчивостью, способствуют созданию атмосферы сотрудничества и развитию таких навыков как коммуникабельность, работа в команде, стимулируют просоциальное поведение. Забота мотивирует и учит смело преодолевать трудности, рассматривая ошибки как возможности, повышает самооценку учащихся, их уверенность в себе, положительно влияет на академическую успеваемость.

Взаимодействие, выстроенное на основе заботы, позволяет педагогам сфокусировать внимание на потребностях и особенностях учеников, понять, что нужно конкретным индивидам, а не только то, что система образования должна им предоставить. Нахождение в такого рода условиях помогает учащимся осваивать практики заботы и транслировать ее, способствуя формированию отношений заботы как в образовательной среде, так и за ее пределами.

Забота существенным образом влияет на образовательный процесс, но ее труд, сложный, требующий мобилизации большого количества когнитивных, физических, эмоциональных ресурсов, часто игнорируется и недооценивается. Поэтому эффективная забота в образовательном дискурсе предполагает, что она не только осуществляется педагогом, но и замечается, признается учащимися, другими заинтересованными сторонами.

Григорьева Марина Петровна
аспирант
МГУ имени М.В. Ломоносова

Удовольствие как мера нравственности в контексте этической философии Аристотеля

Этика Аристотеля являет собой не просто теорию, но разумное рассуждение, направленное на исследование нравственной деятельности человека. Исследуя во всех подробностях многообразные аспекты человеческой жизни, главной целью которой является счастье, Аристотель уделяет пристальное внимание сложному феномену удовольствия. Об удовольствие как о чувстве, охватывающем широкий спектр эмоциональных переживаний, разнообразных чувств и ощущений, рассуждал и Платон во многих диалогах (Горгий; Федон; Протагор; Государство; Филеб; Законы), обращая внимание на то, что это понятие предполагает не только веселящий эффект от вина и песен. Платон усматривал в удовольствии интенциональное содержание, рассуждал о том, что нравственная и интеллектуальная деятельность могут быть источниками этого состояния. Более ранние размышления об удовольствии души и тела принадлежат Продику Кеосскому (ок. 470 – ок. 399 до н.э.). В аллегорическом повествовании Продика «Геракл на распутье», дошедшем до нас в изложении Ксенофонта Афинского (ок. 430 – ок. 354 до н.э.), герой оказывается перед выбором между двумя женщинами, представляющими Добродетель и Порок. Очарование пути, предложенного Пороком, заключается в чувственных удовольствиях; Добродетель приглашает Геракла следовать по пути долга на благо его государства, обещая удовольствие от самой деятельности и размышления о ней.

Несомненно, человек склонен испытывать радость от нравственного деяния, потому как если человек не наслаждается прекрасным поступком, он и не может считаться хорошим человеком, никто бы не назвал человека справедливым, если бы он не получал удовольствие от справедливых дел (Aristot. NE 1099a17–20), очевидно, что существует тесная

связь между наслаждением прекрасным и устремлением или даже любовью к благовидным прекрасным делам.

В Первой книге «Никомаховой этики» Аристотель определяет высшее благо как то, к чему стремится всякая наука, всякое искусство и намерение. Εὐδαιμονία — это деятельность души по осуществлению своих добродетелей, поэтому определить, что означает счастливая жизнь и какие смыслы предполагает невозможно без рассмотрения понятия удовольствия. Постижение непростой и многогранной природы удовольствия, его роли в блаженной жизни необходимо для того, чтобы определить истинное Благо, отличное от мнимого счастья и преходящего чувственного наслаждения. Исследование, посвященное концепции удовольствия, представляется важным, с точки зрения его влияния на качественный уровень современной жизни.

Грудинин Валерий Павлович
обучающийся аспирантуры, ассистент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

Ключевые аспекты критики философской системы И. Канта в интеллектуальном наследии В.Н. Карпова

Профессор философии Василий Николаевич Карпов является одним из основателей интеллектуальных традиций Санкт-Петербургской духовной академии в дореволюционной России. Творчество его весьма многогранно и, к сожалению, несколько забыто в наши дни.

Одна из его выдающихся работ называется «Философский рационализм новейшего времени» (1860 г.) — в ней мыслитель подвергает критическому анализу актуальную на момент его жизни ситуацию в сфере западной философии, критикуя ее за чрезмерный «мертвящий» рационализм.

Особому вниманию подвергаются взгляды Иммануила Канта, которого профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии считает основоположником всей традиции «европейского рационализма нового времени». Кратко данную критику можно обозначить в нескольких тезисах:

Во-первых, несмотря на признание высокой интеллектуальной ценности сочинений Канта, В.Н. Карпов подчеркивает «холодность, леденеющую душу» его построений, приводя весьма интересную аллегорию, сравнивая их с «крепким щитом философской истины, которая, однако же, светит, но не греет».

Во-вторых, критике подвергается необоснованный, с точки зрения В.Н. Карпова, отказ Канта от категории «Образ Божий» в сфере антро-

пологии. Защищая необходимость данной категории, автор говорит, с одной стороны, о самоочевидности ее наличия в человеке, и с другой стороны, о том, что, если бы ее действительно не было, человек был бы не способен осознавать категории пространства и времени, как это происходит у «бессловесных животных», напрямую увязывая данное богословское понятие с возможностью осознания человеком самого себя и ближнего.

Третьим пунктом критики можно обозначить чрезмерное возвеличивание способностей Ума человека. В.Н. Карпов считает, что его чрезмерное воспевание способствует развитию эгоизма и пренебрежительного отношения людей друг ко другу, более того, является и интеллектуально неверным, т.к. Ум наделяется несвойственными ему чертами, вплоть до возможности установления им объективных, с точки зрения петербургского профессора, законов мироздания.

В-четвертых, критике подвергаются внеопытные, чистые понятия рассудка Иммануила Канта — В.Н. Карпов считает их доказательство недостоверным, а сами эти категории вполне зависящими от опыта человека. Ошибку немецкого философа профессор СПбДА видит в непонимании внутренних процессов работы человеческой психики, в частности отвержения ее возможностей по внутреннему бессознательному осмыслению вещей. Василий Николаевич считает, что внеопытные понятия рассудка являются следствием работы бессознательного, а потому не могут по своему существу называться внеопытными.

В-пятых, критическому рассмотрению подвергаются и основополагающие понятия этической системы И. Канта, а именно нравственный закон. В.Н. Карпов во второй части «Философского рационализма новейшего времени» весьма долго и обстоятельно раскладывает систему кенигсбергского философа и приходит к выводу о том, что несмотря на все его попытки предать миловидный облек «автономной воле» — она по своему существу остается началом эгоистическим и не имеет под собой достаточных оснований называться доброй.

Подытоживая вышеназванные замечания, В.Н. Карпов приходит к заключению о том, что труды Иммануила Канта, несмотря на их бесспорную интеллектуальную ценность, содержат ряд ошибок, которые, в частности, привели к нравственному упадку, росту эгоизма и индивидуализма, а также атеизму и общей бездуховности западной философии в середине XIX в.

В этом суждении профессор СПбДА не одинок, ко взглядам Иммануила Канта был весьма скептично настроен и его учитель И. М. Скворцов, так же, как и многие другие русские мыслители XIX века, например Иннокентий (Борисов), П.Д. Юркевич, П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев и другие.

Груздев Алексей Дмитриевич
обучающийся магистратуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Идентичность как основание этики

Рассмотрение идентичности в качестве этического основания представляется возможным благодаря нескольким перспективам, которые будут рассмотрены в докладе. Во-первых, подразумевается такое понимание идентичности, которое основано на постколониальной критике субъективности и гражданственности. В этой топике ориентирами выступают Дж. Агамбен и Х. Арендт, продемонстрировавшие насущность переосмысления личности гражданина и его ответственности в политическом сообществе, а также работы Кв. Энтони Аппиа («Этика идентичности») и Ю. Хабермаса. Во-вторых, этика идентичности предполагает изменённое отношение к нечеловеческим существам. Здесь возникает пересечение проблематики экологической и биоэтики, которая может быть сформулирована в категориях «субцендентности» (Т. Мортон), «парламента вещей» (Б. Латур) и другими концепциями, предполагающими соединить политическое и экологическое поле практики (т.н. «политическая экология»). Отправной точкой для рассмотрения политической экологии в этическом ракурсе будет выступать как раз-таки обновлённое понимание идентичности, а также экскурс в виталистический материализм как парадигму, предполагающую действенность и публичность нелюдей (Дж. Беннет). Наконец, мышление об идентичности в этическом аспекте подразумевает новое понимание ответственности, которое формируется не только благодаря рациональности, но и практикам (по словам Ф. Гваттари, именно «эстетические и этические практики» образуют экологическое мышление). Как видно, попытка представить идентичность в качестве основания этики во многом зависит от успешного переосмысления не только актуальности, но и историко-политического наследия, о чем свидетельствует заинтересованность представленных авторов. Идеи памяти и политического опыта в работах Хабермаса, Арендт, Латура и др. помещены в одно концептуальное поле наряду с пониманием темпоральности и гражданственности, что позволяет говорить о сложном взаимодействии всех проблем в ракурсе этики. Именно этика, как кажется, становится фундирующим и наиболее практически ориентированным топосом в разработке проблематики идентичности, что позволяет обозначить перспективы такого рассмотрения:

1. Мышление об этике и практика этических действий в современности — это гетерогенный ансамбль, который сформирован не только в ракурсе человеческой практики и проблем.

2. Успешное понимание публичности нечеловеческих существ возможно благодаря обнаружению «природы» в качестве политически ангажированного понятия, требующего переосмысления.

3. Память и темпоральность современности зависят не столько от источников информации, сколько от готовности реформировать наш этический опыт и преобразовать его на основе идентичностного отношения к другим.

Гуммель Виктория Игоревна
обучающаяся бакалавриата философского факультета
Российский государственный гуманитарный университет

Umwelt растений: от биологии к биоэтике

С начала 20 века в рамках биоэтики животные стали все чаще рассматриваться как субъекты, обладающие интересами и правами. Однако растения по-прежнему остаются на периферии философской мысли: они воспринимаются как фон человеческого существования и ресурс, которым можно распоряжаться без ограничений. В условиях экологического кризиса и «шестого вымирания» такой подход становится неприемлемым.

Ключом к смене перспективы может стать понятие Umwelt, век назад введённое биологом и философом Якобом фон Икскюлем. Umwelt — это не просто окружающая среда (environment), но «мир смыслов» конкретного живого существа, складывающийся из его восприятия и действий. Икскюль на примерах животных показал, что их миры смыслов принципиально отличны от человеческого и при этом не менее значимы. Эта идея стала основой биосемиотики и важным шагом для биоэтики. Она позволила развиться этологии, противопоставившей себя бихевиористскому подходу к пониманию животной сущности, и дала по-новому взглянуть на животную жизнь.

Сегодня возможна экстраполяция концепции Umwelt на растения. Пользуясь современными биологическими данными, мы можем рассмотреть примеры, доказывающие витальность растений, вписать их в «функциональный круг» Икскюля и тем самым указать на наличие растительного «мира смыслов». Так например: венерина мухоловка демонстрирует чётко выраженный круг восприятия и действия, а эксперименты с мимозой стыдливой показали её способность к памяти и выработке привычек (растение различает безопасные и опасные стимулы, что предполагает когнитивные функции).

Философские интерпретации растительной жизни помогают, во-первых, расширить этот аргумент, во-вторых, взглянуть на растения как на этические субъекты. У Аристотеля «растительная душа» с необходимость наличествует как часть души не только у растений, но и у остальных живых существ (животных, людей). У Платона растения обладают способностью испытывать удовольствие и желания. А современный философ Майкл Мардер говорит о «растительном мышлении». Растения не просто определяют «минимальный уровень витальности», но могут рассматриваться как особые этические ориентиры для людей, как пример со–бытия и бытия–для–других одновременно.

Кроме рассмотрения растения как непосредственно этического субъекта, этическое измерение данной проблематики состоит в том, что признание растительных умвельтов подрывает представление о растениях как об инструментах. Это не означает, что растения должны быть во всех смыслах приравнены к людям или животным, но предполагает отказ от иерархической модели «человек—животное—растение» в пользу горизонтальной, сетевой перспективы. В этой перспективе растения выступают полноправными участниками экологического сообщества, а не «фоновой массой».

Таким образом, обращение к понятию Umwelt позволяет включить растения в поле биоэтики и экологической этики. Междисциплинарный подход, соединяющий философию и естественные науки, позволяет взглянуть на окружающий мир с не–антропоцентрической точки зрения и выстроить новую не–иерархическую систему сосуществования.

Гюллинг Андрей Олегович
аспирант кафедры философии и культурологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Антропоморфность искусственного интеллекта как источник этических рисков: философия информации Лучано Флориди

В современном дискурсе искусственный интеллект всё чаще представляется в антропоморфных терминах: ему приписываются намерения, эмоции, способность к пониманию и даже моральная ответственность. Подобная практика на первый взгляд облегчает взаимодействие человека и машины, однако она содержит серьёзные этические риски.

С опорой на философию информации Лучано Флориди, можно рассматривать антропоморфность ИИ как форму концептуальной ошибки,

возникающей при смешении онтологических категорий. ИИ функционирует как система обработки данных, а не как субъект опыта. Приписывание ему «человеческих» свойств ведёт к искажению социальной ответственности, размыванию границ между агентом и инструментом, а также к возможной манипуляции восприятием пользователей.

Этические риски антропоморфизации проявляются в нескольких плоскостях. Во-первых, существует опасность ложной атрибуции намерений: пользователи могут переоценивать «разумность» системы и принимать решения на основе иллюзорного доверия. Во-вторых, антропоморфность может использоваться в коммерческих и политических целях, усиливая зависимость человека от алгоритмов и снижая уровень критического мышления. В-третьих, возникает угроза смещения моральной ответственности: ошибки ИИ могут восприниматься как «ошибки субъекта», что снимает часть вины с разработчиков и заказчиков.

При этом важно подчеркнуть, что антропоморфность вовсе не является необходимым условием функционирования ИИ. Во многих сферах достаточно лишь минимального набора условностей, чтобы система воспринималась пользователем как «человеческая». Опыт онлайн-общения, а также взаимодействия с сервисными автоматами показывает, что для практических задач не требуется полная имитация человека: человеку достаточно нескольких узнаваемых признаков, чтобы приписывать системе субъектность. Таким образом, критическая масса условностей часто важнее, чем реалистичная симуляция. Это порождает особый парадокс: люди склонны доверять ИИ даже при минимальной антропоморфизации, а значит, этические риски возникают не только там, где ИИ «слишком человечен», но и там, где он едва ли напоминает человека.

Применение концепции «информационных агентов» Флориди позволяет по-новому обозначить границы. ИИ можно трактовать не как автономного субъекта, а как расширение информационной среды, где ответственность должна распределяться между разработчиками, пользователями и институтами. Такой подход помогает избежать соблазна антропоморфизации и выстраивать более реалистическую этическую политику.

Таким образом, философский анализ антропоморфности ИИ выявляет не только методологическую проблему, но и фундаментальный источник этических рисков. Отказ от некритического приписывания «человеческих» качеств алгоритмам открывает возможность для более ответственного проектирования, регулирования и использования технологий искусственного интеллекта.

Данилкина Дарья Сергеевна
преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова

«Обмани меня, если сможешь». Проблемы алгоритмической предвзятости технологий ИИ

Конвергенция технологий искусственного интеллекта и методов работы с большими данными привело к изменению социальных отношений, с одной стороны, и к появлению новых рисков, связанных с дискриминацией, с другой. Имеющиеся алгоритмы машинного обучения усиливают социальные предубеждения и дискриминационные паттерны, независимо от намерений разработчиков. Это обусловлено использованием данных, которые содержат уже социальные предрассудки, т.е. алгоритм заимствует и воспроизводит предвзятые установки на основе анализа имеющихся данных.

Впервые случай алгоритмической предвзятости был обнаружен в 70-е годы XX века во время приемной компании в медицинской школе больницы Святого Георгия в Великобритании, для отбора абитуриентов школой была использована компьютерная система, которая отбирала поступающих на основе данных приемных компаний прошлого года. В результате, 60 кандидатур абитуриентов было отклонено или по гендерному признаку, или из-за неевропейского происхождения имени. Однако такого рода дискриминация вовсе не являлась результатом преднамеренных действий разработчиков программы, она сформировалась на основе интеграции уже имеющихся данных, содержащие подобные предрассудки в обучающие системы. Впервые официально Комиссией по расовому равенству был установлен факт дискриминации по расовому и половому признаку в медицинской школе на основании работы компьютерной программы.

К сожалению, адекватного нормативно-правового регулирования подобного рода проблем так и не создано. На сегодняшний день, особенно явно такая предвзятость проявляется в рекомендательных системах, создающих эффект «эхо-камер», когда ИИ анализирует паттерны поведения интернет-пользователей и предлагает контент, содержание которого основывается на их предыдущем опыте, что ведет не только к проблеме сужения информационного горизонта, но и к усилению эффекта социальной дифференциации по разным признакам. Такая персонализация на основе гендерных данных, истории покупок и просмотров может непреднамеренно вести к исключению определенных социальных групп от доступа к социальным, образовательным и экономическим возможностям. Примерами алгоритмической предвзятости служат работа

системы рекрутинга Amazon, ошибки при работе изображений представителей различных этнических групп системы Google Photo и т.д.

Возможно, решение данной проблемы кроется в создании междисциплинарного подхода, который будет включать разработку этических принципов и правового инструментария противодействия подобной алгоритмической дискриминации, а также в формировании датасетов с адекватным представительством всех целевых групп, реализации периодического мониторинга для обнаружения технических ошибок и их устранения.

Дансарунова Санжида Александровна
научный сотрудник Центра социально-политических
исследований «Альтернатива»
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Этика сострадания: буддийская мораль и ее современное значение

Буддизм возник как духовное и философское учение, целью которого является преодоление страдания и достижение освобождения. Этика и мораль занимают в нём ключевое место. Правильное поведение не является внешне навязанным законом, но понимается как внутренняя практика, направленная на очищение сознания и гармонию с миром.

Философской основой буддийской этики выступают Четыре благородные истины и Восьмеричный путь, где нравственная дисциплина составляет фундамент духовного развития. Правильная речь, действия и образ жизни образуют этическую часть пути, тесно связанную с медитативной практикой и мудростью. Таким образом, моральные нормы не существуют изолированно, а включены в целостный процесс самосовершенствования.

Ключевую роль играет учение о карме. Карма — это универсальный закон причинно-следственной обусловленности поступков. Каждое действие, мысль или слово оставляет след, формируя не только судьбу индивида, но и его отношение к другим существам.

Этические нормы в буддизме систематизированы в виде обетов. Миряне следуют пяти основным предписаниям: отказ от убийства, воровства, лжи, сексуальных проступков и употребления одурманивающих веществ. Для монахов и монахинь существует более строгий монашеский кодекс (пратимокша), включающий сотни правил. Эти нормы формируют дисциплину, необходимую для дальнейшего духовного прогресса.

Особое место занимает этика сострадания. Центральными добродетелями становятся метта (любящая доброта), каруна (сострадание) и ахимса (ненасилие). Эти качества определяют поведение не только на личном уровне, но и в общественной жизни. Исторически буддийские общины способствовали развитию образования, медицины и практик милосердия. В современном мире буддийская этика вдохновляет движения за мир, права человека и экологическую ответственность.

Сравнение с западной философией позволяет выявить специфику буддийской этики. Если в христианстве мораль часто санкционируется божественным авторитетом, а в кантовской философии основана на разуме и универсальных законах, то буддийская этика вырастает из практического опыта и направлена на преодоление страдания. Она не предполагает абсолютных заповедей, а рассматривает нормы как средство духовного освобождения.

Современные интерпретации буддийской морали делают её актуальной в глобальном масштабе. В экологии она выступает как философия ненасилия по отношению к природе, в биоэтике в качестве альтернативы утилитаризму и технократии, а в межкультурном диалоге источником идей толерантности и гармонии.

Буддийская этика представляет собой универсальную систему, где моральное поведение неразрывно связано с духовной практикой. Её уникальность заключается в том, что нравственность понимается не как внешнее предписание, а как естественный путь к освобождению и гармонии. Сегодня, в условиях глобальных кризисов, буддийская мораль сохраняет актуальность, предлагая ценности сострадания, осознанности и ненасилия как основу для построения более мирного и справедливого общества.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 24-48-03022, https://rscf.ru/project/24-48-03022/.

Державицкий Евгений Викторович
к.ф.н., доцент Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Старость как этический ресурс

На рубеже тысячелетий благодаря развитию науки и технологий человечество встретилось с качественными изменениями, затронувшими все стороны жизни общества. Впервые количество болезней и смертей, вызванных перееданием превысило количество таковых по причине голода. Другим достижением стало увеличение средней продолжитель-

ности жизни всего за последние сто лет более чем в два раза и заметное увеличение доли людей преклонного возраста. По данным ООН, при сохранении демографических тенденций к 2050 году численность населения Земли увеличится с нынешних 7,6 млрд. чел. до 9,8 млрд. чел., а к 2100 году, если не произойдёт никакой глобальной катастрофы, достигнет 11,2 млрд. чел. При этом, численность людей в возрасте свыше 60 лет в 2020 году составит 1 млрд. чел. (12,8% от общей численности населения), в 2050 — 2 млрд. чел. (20%), в 2100 — 3.1 млрд. чел. (28%). Данная тенденция затронет не только развитые страны и не только вопросы их социальной или пенсионной политики. Вместе с продолжительностью жизни как показателем количественным растет и активная фаза жизни пожилых людей, что является показателем качественным, сказывающимся на переосмыслении самого феномена старости.

В европейской культурной традиции, особенно в философии и литературе, сформировался широкий диапазон описания старости, от чего-то тяготящего и позорного до возвышенного и благородного. Последнее закрепилось в концепте «достойная старость», который в последние десятилетия стал все активнее присутствовать в современной науке, прежде всего, в психологии, политэкономии, социологии, медицине и т.д. Долгая жизнь и средства ее продления воспринимаются уже не как индивидуально желаемая цель, а как многообразный ресурс развития и гуманизации всего общества, и его потенциал в этом деле становится все очевиднее. Речь идет не просто о сохранении и передаче информации и жизненного опыта (в наше время информационные технологии справляются с этим намного успешнее) или о сохранении трудовой активности (иные технологии обесценивают многие операции, выполняемые человеком), но о новой возможности обретения смысла жизни, предполагающего активизацию таких ценностей, как спокойствие, мудрость, снисходительность, умеренность и многое иное, что не является типичным для предыдущих периодов жизни людей.

Сказанное актуализирует современное философское и этическое осмысление «достойной старости» в свете все большего присутствия активных стариков в обществе. При всем сохраняющемся потенциале взглядов на этот вопрос, от Платона и стоиков до А. Шопенгауэра и А. Швейцера, современное общество должно предложить (и принять) обновленный и комплексный подход к этому «нестареющему» феномену, особенно в контексте таких этических подходов и категорий, как социальная справедливость, биомедицина, аксиология и многое другое. На теоретическом уровне это программа успешно развивается в рамках междисциплинарного подхода героэтики или — в более широком и философском — геронтософии. Помимо разнообразных целей и средств

ее достижения, они акцентируют взгляд на то, что долгая жизнь, воспринимаемая как благо большинством людей, отнюдь не идентична достойной жизни, что всегда было благом лишь для мудрецов. Таким образом, смысл долгой жизни ставится в прямую зависимость от осознания самим человеком и окружающим обществом смысла жизни вообще, независимо от ее этапа. Это требует напряженных усилий как от индивида, так и от социальных групп и институтов, этический компонент которых способен выполнить роль своего рода «замкового камня», хотя сейчас мы имеем в своем распоряжении всего лишь прочный фундамент в виде философской традиции, а стены этой конструкции усилиями современной науки еще только возводятся.

Диреев Иван Дмитриевич
преподаватель
Южно-Уральский государственный университет

Этические аспекты цифровой коммуникации: лингвосемиотический анализ манипулятивных практик в медиапространстве

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ этических проблем цифровой коммуникации, обусловленных распространением манипулятивных практик в современном медиапространстве. Методологической основой исследования выступает лингвосемиотический подход, позволяющий выявить и систематизировать механизмы вербального и визуального воздействия, которые нарушают базовые принципы этической коммуникации.

Ключевые слова: цифровая этика, медиапространство, лингвосемиотический анализ, манипулятивные практики, этическая коммуникация, медиаграмотность, социальные сети, алгоритмическое управление.

Современное медиапространство, трансформированное цифровыми технологиями, стало ареной сложных этических вызовов, непосредственно связанных с использованием изощренных манипулятивных лингвосемиотических практик. Лингвосемиотический анализ, интегрирующий изучение языковых и визуальных знаковых систем, позволяет выявить три фундаментальных уровня этических нарушений, каждый из которых представляет серьезную и системную угрозу для честности и конструктивности публичного дискурса.

1. Семантические манипуляции: эвфемизация и дисфемизация. Данные практики осуществляются через намеренное искажение референ-

циальных значений с помощью системы эвфемизмов и дисфемизмов. Они нарушают базовый принцип правдивости коммуникации, вводя аудиторию в заблуждение. Например, использование термина «оптимизация кадров» вместо прямолинейного «массовые увольнения» не просто смягчает восприятие, но радикально трансформирует моральную оценку ситуации. Такая подмена маскирует негативные человеческие последствия принимаемых решений и дегуманизирует жертвы процессов, представляя их как абстрактный «ресурс».

2. Визуальные искажения и психологическое воздействие. Визуальный контент использует сложные цветовые палитры, композиционные решения и монтажные приемы для провокации строго предопределенных эмоциональных реакций в обход рационального критического анализа. Подобные методы, апеллируя к подсознательным психологическим механизмам, грубо нарушают принцип автономии реципиента, существенно ограничивая его способность к независимой оценке информации.

3. Алгоритмическое усиление дезинформации и поляризации. Ключевой этический вызов современности связан с работой алгоритмов платформ социальных сетей, которые, будучи оптимизированы под максимальную вовлеченность пользователей, порождают феномены «эхокамер» и «фильтрующих пузырей». Данный механизм, работающий на уровне архитектуры цифровых платформ, ставит принципиальный вопрос об этической ответственности технологических корпораций не только за распространение, но и за активное приоритизирование контента. Алгоритмы систематически продвигают эмоционально заряженный, сенсационный и поляризующий контент, создавая искаженную, карикатурную картину социальной реальности.

Этический анализ выявленных нарушений с позиции категорического императива Канта демонстрирует, что манипулятивные практики фундаментальным образом нарушают принцип уважения к человеческому достоинству, рассматривая личность не как цель саму по себе, а как средство достижения чуждых ей интересов (например, коммерческих или политических). Утилитаристский подход убедительно доказывает, что долгосрочные социальные последствия таких практик катастрофичны: они ведут к системной эрозии социального доверия, деградации публичной сферы и постепенной утрате обществом способности к коллективному морально-рациональному суждению. С точки зрения этики добродетели, распространение манипуляций подрывает сами основы формирования морального характера индивида, препятствуя развитию таких ключевых добродетелей, как интеллектуальная честность, критическое мышление и эпистемическая ответственность.

В качестве стратегического направления противодействия ключевое значение приобретает развитие критической цифровой грамотности, которая должна включать не только технические навыки, но и этическое мышление. Формирование комплексной медиаграмотности требует интеграции трех ключевых компонентов: когнитивного (анализ и оценка информации), технического (работа с цифровыми инструментами) и, что наиболее важно, этического (способность к моральной оценке контента и поведенческих паттернов). Необходимо внедрение в учебные программы специальных модулей по цифровой этике, проведение практикумов по анализу реальных кейсов цифровых манипуляций, а также использование активных методов обучения (дебаты, ролевые игры). Конечная цель — формирование у учащихся устойчивого иммунитета к манипулятивным практикам и развитие способности к самостоятельному этическому рассуждению в любом контексте цифровой коммуникации.

Добров Никита Сергеевич
обучающийся магистратуры факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Креативность и вредные производства на примере современного петербургского художественного стеклоделия: к вопросу об авторстве

В постиндустриальную эпоху наиболее остро встает вопрос об авторстве разнообразных арт-объектов, особенно тех, чье создание сопряжено с необходимостью задействовать какое-либо вредное производство. Одной из подобных форм современного искусства является художественное стеклоделие.

Вред в ходе изготовления объектов из стекла имеет многовекторный характер: наличие определенных токсичных компонентов в составе стеклообразующего расплава, неблагоприятные метеорологические условия, сопряженные высокой температурой и сильным инфракрасным излучением, имеет место риск повреждений кожи и профессиональных заболеваний кожи.

В этой связи, художники по стелу работают с выдуванием все реже и реже.

Более того, в современных условиях «художник по стеклу» и «мастер — изготовитель деталей и изделий из стекла (выдувальщик)» выделились в отдельные профессии. Также, в большинстве случаев дисциплина выдувания стекла не включена в основный учебный план студентов по

направлению «художественное стеклоделие», являясь лишь факультативом, например в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица. Аналогичная ситуация наблюдается и в Российском государственном художественно-промышленном университете им. С.Г. Строганова. и т.д. Следовательно, большинство художников по стеклу новой формации не обучены данному ремеслу. Ровно как и учебный план мастеров — изготовителей деталей и изделий из стекла состоит из практикоориентированных дисциплин.

Художник формируют концепцию будущего арт-объекта, создает эскиз, в процессе выдувания дает конкретные указания стеклодуву и руководит процессом создания произведения искусства, однако непосредственно физическое воплощение предмета достигается благодаря труду мастера — изготовителя деталей и изделий из стекла.

В качестве автора зачастую выводится исключительно художник, а иные участники процесса создания произведения искусства становятся деперсонализированными.

Список петербургских авторов, которые работают со стеклом, однако не выдувают его достаточно обширен. Например, Елена Лаврищева, Владимир Маковецкий, Ксения Векшина и др.

Таким образом, возникает этическая проблема, в результате которой выдувальщик воспринимается исключительно в качестве наёмного работника, а отнюдь не соавтора. Тем не менее, в условиях эпохи «новой искренности» для потребителя современного искусства является важным артикуляция имен людей непосредственно причастных к созданию приобретенного арт-объекта и тем более жертвовавших своим здоровьем ради него.

В этой связи возникает необходимость формирования новых форм авторства и соавторства в сфере художественного стеклоделия.

Следует отметить, что наблюдаются определенные изменения в этой сфере. Имеются конкретные примеры работ с закрепленным авторством художника и стекольной мастерской, на которой происходило ее создание (в формате коллаборации) или вовсе с указанием ряда соавторов, причастных к созданию арт-объекта. Например, предметы из серии «Облака и туманности» петербургской художницы по стеклу Александры Пацаманюк выполнены в рамках ее коллаборации с Никольскими хрустальными мастерскими. Другим подобным примером может послужить бренд художественного стекла «NADULLI», который основали Макар Жемчужников и Алексей Проскурин. Авторы совместно придумывают художественные образы, Макар Жемчужников занимается проектированием и дальнейшей холодной обработкой, а Алексей Проскурин выдуванием.

Таким образом, этическая проблема авторства и деперсонификации мастера — изготовителя деталей и изделий из стекла является актуальной и нерешенной в виду преобладания устоявшейся и сложившейся практики, игнорирующей многих участников создания художественного произведения или же объединяющей большинство соавторов лишь под именем общей организации.

Дондокова Бутидма Борисовна
к.ф.н., доцент
Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Система воспитания нравственных качеств личности: структурно-динамический подход

Актуальность разработки целостной системы воспитания нравственных качеств обусловлена комплексом вызовов, стоящих перед современным российским обществом: ценностный кризис, разобщенность, ослабление института семьи, прагматизация сознания. Ответом на эти вызовы не могут быть разрозненные воспитательные мероприятия. Требуется системный подход, направленный на раскрытие внутреннего нравственного потенциала человека как источника созидательной силы для преобразования действительности. В частности, такой подход реализуется культурно-гуманитарным проектом «О будущем». В этом направлении ведутся активные разработки педагогами-исследователями. Одной из таких теоретических разработок является предлагаемая концепция структурно-динамического подхода к системе воспитания нравственных качеств. На данном этапе она носит поисковый характер и базируется на синтезе ряда научных подходов:

1. Проективно-модальная онтология В.И. Моисеева задает общий методологический каркас для анализа структуры качеств.

2. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского обосновывает ведущую роль социокультурной среды и деятельности в развитии высших психических функций, включая моральное сознание.

3. Деятельностный подход А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна позволяет рассматривать становление нравственных качеств через структуру деятельности (цель—мотив—средства—результат), применяемую к анализу поступка.

4. Аксиологический подход определяет содержательное наполнение воспитания системой традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В рамках данной концепции миссия системы — формирование нравственно зрелой, созидательно активной личности, способной к осознанному моральному выбору и творческому преобразованию действительности на благо себя, других и Отечества.

Цель воспитания — сформировать у воспитанника устойчивую систему нравственных ценностей, качеств и мотивов, обеспечивающую его способность и готовность к сознательному, ответственному, творческому созиданию на всех уровнях (личном, семейном, профессиональном, общественном, гражданском, глобальном).

Центральной в концепции является идея нравственного потенциала личности, представляющий собой комплекс взаимосвязанных элементов:

- Нравственные чувства — эмоциональное переживание морального отношения к миру (эмпатия, сострадание, чувство справедливости).
- Нравственные мысли — мышление, построенное на моральных категориях и принципах.
- Нравственные поступки — конкретные действия, руководствуемые нравственными чувствами и мыслями.
- Нравственные интуиции — быстрые, непосредственные моральные суждения, основанные на глубинных убеждениях.

В основе концепции лежит структурно-динамическая модель качества, где качество рассматривается как атрибут реализации потенциала, обладающий внутренней структурой и динамикой развития. Их развитие следует рассматривать через призму семиместной структуры модального объекта (В.И. Моисеев): ядро (модус), внешнее проявление (мода), ограничения в формировании качества (модель), механизмы реализации (проектор), социальный модуль (масштабы проявления), механизмы расширения (сюръектор), культурный контекст (спецификатор).

В.А. Меркулов, руководитель проекта «О будущем», настаивает, что алгоритм формирования качества реализуется через последовательный цикл психических процессов: переживание как эмоциональный отклик на ценность качества; осмысление как аналитическое понимание сути и принципов качества; осознание (перенос опыта на себя, самоидентификация); воображение (мысленное проектирование действий на основе качества) и вдохновение (пробуждение внутренней мотивации к поступку).

Алгоритм находит практическое воплощение в технологии киноуроков, включающей просмотр фильма, обсуждение, рефлексию, проектную работу и, что важно, социально-полезную практику, переводящую внутреннюю работу в реальное действие.

В результате реализации системы предполагается формирование личности, обладающей «разумным сердцем» — гармоничным единством глубоких нравственных чувств, развитого мышления и сильной воли. Такой человек способен к инициации и совершению «вертикальных поступков», в которых высокая цель, чистый мотив, нравственные средства и благие последствия образуют целостный созидательный акт.

Представленная система воспитания нравственных качеств предлагает целостный структурно-динамический подход, интегрирующий теоретическую глубину с практико-ориентированными технологиями. Рассмотрение качеств как элементов развивающегося потенциала, имеющих сложную структуру и подчиняющихся законам диалектического развития, позволяет выстроить эффективный воспитательный процесс, направленный на формирование субъекта, способного к сознательному созиданию на основе традиционных ценностей.

Дорогостайский Виктор Густавович
к.э.н., независимый исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральный конформизм: проблема понятия и места в моральном сознании

Занимаясь изучением «Эффекта Ноуба» и критикой методологии его обоснования, перед нами встала проблема осмысления понятия «морального конформизма». Само понятие требует изучения истории его использования и понимания у разных авторов. Следующим шагом стало пилотное исследование по проверке гипотезы об обязательном присутствии морального конформизма в любых (пусть и с разной силой у каждого человека) этических оценках поступков других людей.

В литературе «моральный конформизм» встречается в разных контекстах и получает разное понимание и диаметрально разные оценки. Так одни авторы видят в нём, вслед за Дюркгеймом, необходимость для формирования общественной морали как таковой и существования любого общества в принципе. (См. Верстин И.С., Шестаков В.П.) Другие дают ему нейтральную оценку, изучая его влияние на характеристики группы и связанные с ним особенности общественных установок (как этических, так и шире — социальных). (См. Келлер В.Г., Тарасова Т.В., и Соболев С.И.) Третьи же используют понятие морального конформизма исключительно в негативном смысле, увязывая его, по классификации С. Аша, исключительно с внешним конформизмом (в этом случае человек лишь формально поддерживает оценки группы, внутренне не раз-

деляя их). Или прямо ассоциируя моральный конформизм с субъективизмом и склонностью к аморальному поведению. (См. Костева Л.А. и Деревянкина А.А., Климович А.П., Романова К.С.)

Мы решили иначе подойти к пониманию морального конформизма и сместить акцент с приверженности человека разделять мнение группы на негласное требование людей следовать общественной морали, давая оценку чужим поступкам.

Гипотеза о безусловном наличии такого требования проверялась, в духе экспериментальной философии, в ходе пилотного исследования на небольшой выборке. Респонденту описывался чужой поступок для этической оценки. Предлагались ситуации совпадения и несовпадения позиции актора с мнением его окружения. Сложность состояла в том, чтобы смоделировать поступок, по поводу которого у самого респондента не было бы никакой этической установки.

Если кратко представить результаты, то следует сказать, что поступок оценивался как неэтичный в 75% случаев, если сам актор считал его неэтичным, но при этом он также оценивался как неэтичный в 50% случаев даже если сам актор считал его этичным, но это не совпадало с мнением его группы. Более того, для всех респондентов оказывалось верным, что поступок всегда менее этичен, если так считают окружающие, независимо от мнения актора по этому поводу.

Таким образом, моральный конформизм, понимаемый как фактор, влияющий на оценку поступков человека исходя из их совпадения или несовпадения с установками окружающих (независимо от содержания самих установок), является неотъемлемой частью морального сознания.

Дорохина Римма Викторовна
к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Генеративный ИИ как субъект трансгуманного творчества

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта перестало быть вопросом футурологии и превратилось в реальность, активно проникающую в сферы, традиционно считавшиеся исключительной прерогативой человека — науку и творчество. Появление первых произведений, целиком созданных ИИ, требует системного осмысления их статуса, качества и последствий для этих областей знания.

В тезисе рассматривается феномен генеративного искусственного интеллекта как катализатора трансформации традиционных философских категорий творчества, авторства и субъективности. Анализируется способность ИИ к производству культурных артефактов, проблематизи-

рующая антропоцентрическую парадигму европейской философской традиции.

Появление генеративных нейросетей, способных к созданию эстетически значимых объектов и интеллектуальных продуктов, знаменует собой антропологический поворот в цифровую эпоху. Данное исследование ставит целью философскую рефлексию оснований творческого процесса в контексте деконструкции классической субъект–объектной оппозиции.

Феномен алгоритмического творчества требует кардинального пересмотра базовых эстетических категорий. «Портрет Эдмонда де Белами», созданный алгоритмом GAN и проданный на аукционе Christie's в 2018 году, представляет собой не просто технический артефакт, но воплощение концепции «смерти автора» в терминах Ролана Барта. Это случай, когда произведение существует независимо от человеческой интенциональности, оспаривая традиционное понимание творческого субъекта.

Способность современных языковых моделей типа GPT–4 генерировать философские эссе актуализирует фундаментальный вопрос о природе мышления: является ли логически последовательный текст выражением сознания или же мы имеем дело с совершенной симуляцией, соответствующей «эффекту Тьюринга» в гуманитарной сфере?

В контексте постгуманистической философии генеративный ИИ может быть рассмотрен как:

— квазисубъект культурного производства;

— инструмент деконструкции антропоцентризма;

— катализатор формирования гибридной (human–AI) субъективности.

Создание ИИ-артефактов порождает ряд этических апорий: во-первых, атрибуция ответственности за контент; во-вторых, проблема бессознательного в алгоритмических системах; в-третьих, вопрос о правах нечеловеческих агентов творчества.

Генеративный ИИ выступает не просто технологическим инструментом, но феноменом, требующим переосмысления фундаментальных философских категорий. В перспективе развития человеко-машинной коллаборации актуальной задачей представляется разработка новой эстетики, способной концептуализировать феномен непредсказуемого алгоритмического творчества в рамках пост-антропоцентрической парадигмы.

Необходимо дальнейшее исследование онтологического статуса ИИ-артефактов и разработка адекватного концептуального аппарата для описания человеко-машинного творчества. Особого внимания заслуживает вопрос о возможности формирования новой формы субъективности на стыке человеческого и искусственного интеллекта.

Дугарова Светлана Базаржаповна
к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Стратегия развития человеческого потенциала в КНР: этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе

Китайская цивилизация на протяжении тысячи лет остается генератором великих идей, которые всегда лежали в основе государственной политики и жизни общества. Ценностные установки существовали ещё в Древнем Китае, они трансформировались со временем, а их современным воплощением стали ценностные установки социализма.

«Стратегия развития человеческого потенциала», реализуемая в КНР с 2003 года, призвана развивать «гармонично развитых в моральном, интеллектуальном, физическом, эстетическом и трудовом отношении» высококвалифицированные кадры, при этом моральное развитие ставится на первое место.

Развитие человеческого потенциала к КНР неразрывно связано с моралью. Общество не может существовать без морали, которая является духовной опорой и важной составляющей жизни человека. Люди взаимодействуют в обществе и несут ответственность перед ним, в социальной жизни человек должен основываться на объективном «долженствовании», воплощая ответственность и нормы морали. Эти перекликаются в даосскими традиционными представлениями о субъективной концепции теории морали, согласно которой природа человека изначально добра. Добро лежит в основе сущности человека и необходимо дать это сущности проявиться.

Этот этический кодекс напрямую отражается в национальной политике в области образования. Лозунг «Воспитание нравственности и воспитание людей» пронизывает всю систему образования. На практике это означает интеграцию идеологического и политического образования, изучение идей Си Цзиньпина и принципов Коммунистической партии Китая во все учебные дисциплины. Цель состоит не только в подготовке квалифицированных специалистов, но и в воспитании лояльных граждан, чьи ценности совпадают с ценностями партии и государства.

В основе стратегии развития человеческого потенциала лежит также концепция «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» служит основополагающим организующим принципом, определяющим все аспекты человеческого развития. Важно подчеркнуть, что эта концепция не просто политический лозунг, а мощный моральный кодекс.

Она устанавливает рамки, в которых индивидуальные личные и профессиональные достижения обретают социальную значимость и этическую легитимность только благодаря их вкладу в мощь нации.

Она представляет собой современную интерпретацию традиционной конфуцианской парадигмы, в которой коллективные интересы (семья, община, нация), доминируют над индивидуальными устремлениями. Однако в контексте «новой эпохи» этот принцип приобретает новую идеологическую форму, и Коммунистическая партия Китая берет на себя роль верховного арбитра, определяющего содержание «общего интереса». Следовательно, граждане несут моральную обязанность сознательно подчинять свои устремления стратегическим целям, установленным партией.

Таким образом, можно выявить взаимосвязанную систему этических требований (объективных требований) и моральных кодексов (субъективных систем ценностей), которые составляют основу стратегии по наращиванию человеческого потенциала Китая.

Содействие реализации «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» провозглашено высшей этической целью. Личностное и профессиональное развитие личности рассматривается как социально значимое и морально оправданное только через призму служения, когда индивидуальные интересы подчинены коллективным национальным целям, определенным КПК как верховным арбитром.

Мораль является необходимым условием для применения знаний и талантов. Миссия нравственного воспитания интегрирует идеологическое и политическое образование, изучение идей Си Цзиньпина, а также линии КПК, и направлена на воспитание лояльных граждан с правильными ценностями.

Дыдров Артур Александрович
доцент, д.ф.н., профессор
Научно-образовательный центр «Практическая и прикладная философия»
Южно-Уральский государственный университет

Тема войны в современной российской поп-музыке

Российская популярная музыка устойчиво ассоциируется с развлечением и «беззаботными», нередко абсурдными топиками. Тема войны, одновременно глобальная и локальная, социальная и экзистенциальная, прежде всего, характерна для русского рока. Легендарный манифест Виктора Цоя, наполненный яркими образами и метафизическими референсами, поднял тему войны на абстрактный уровень, оторвав от

исторической конкретики и суровых реалий. По сути, композиция «Кино» из альбома «Группа крови» сконструировала «матрицу» войны с ее безысходностью и тотальностью. Пронизывая мироустройство, война затягивает человека, лишая его всех абстрактно-философских статусов. При этом песню нельзя считать экстраординарным высказыванием о войне. Музыкальные нарративы, в отличие от литературных и аудиовизуальных, не изобилуют деталями и не способны конструировать детализированные картины событий. Великие композиции советского времени («День Победы», «Братские могилы», «10-й наш десантный батальон» и др.) содержат незначительное число исторических маркеров, только намекающих на монументальные трагические события («над нами "мессеры" кружили»; «горящий Смоленск и горящий рейхстаг»). Популярная постсоветская индустрия вынужденно переняла специфику музыкального языка прошлого, сопровождая абстрактные топики привычными уху современного слушателя гитарным и электронным саундом («ДаДи и Huga», Стас Михайлов, Денис Майданов, Тёма Вердеревский). В жанровом плане о войне поют не только «наследники» эстрадной и оркестровой музыки, но и рэперы («147»). Стоит отметить, что рэп, в отличие от традиционных куплетно-припевных музыкальных нарративов, имеет потенциал к разворачиванию литературных историй. Однако, как показывает случай с проектом «147», Бастой, Konfuz, Kaverin, Ставр и другими исполнителями, рэп создает экзистенциальные истории в духе «Батальона». Более того, русский рэп периодически пользуется референсами на советские песни («там птицы не поют» у Kaverin). Нишевые проекты типа «Изделие 104» вообще создают откровенно меметические треки типа «у вас тут БТР случайно упал» с обилием обсценной лексики, не транслируя ни исторической памяти, ни экзистенциальных мотивов. Солдатские фронтовые песни как особый феномен инди-музыки также ставит акцент на личных историях. При этом в ход могут идти референсы на мемную попмузыку (Катя Лель). Музыка в качестве носителя исторической памяти обнажает известное противоречие: непосредственные участники событий интегрируют в музыкальные нарративы незначительное число исторических маркеров, а потомки поют о войне на абстрактном уровне, обо всем и одновременно ни о чем. Означает ли это, что музыка не котируется как носитель исторической памяти? На этот вопрос стоило бы ответить положительно, если доказать, что историческая память исключительно событийна и конституируется виртуальной / текстуальной / технической реставрацией случившегося. Очевидно, что в исторической памяти смешивается реставрация и фантомное (концепт «хонтологии» Деррида — Дренда). Второе удерживает историю средствами трансформирующего воображения, не восстанавливает ткань события, но стре-

мится удержать отношение. Хонтологическую память можно назвать, пользуясь выражением Ницше, «слишком человеческой», игнорирующей сложные реставрационные техники и, в противовес историографической объективности, аксиологизирующей бытие.

Еременко Татьяна Вадимовна
д.п.н., профессор
РГУ имени С.А. Есенина

Значимость уважения в структуре этических ценностей студентов вузов

Уважение как этическая ценность может быть определено как моральная обязанность, выражающаяся в признании достоинства личности, в справедливом и внимательном отношении одного человека к другому человеку. Исследователи обосновывают разные типы уважения. В первом типе человек уважается за человеческое достоинство, за потенциальную возможность развития. Во втором типе уважение выступает как оценка заслуг человека. Выделяется также самоуважение (Ахундова Ш.Д. Уважение, его основа и типы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1(129). С. 188–192). Исследователями отмечается высокая значимость уважения как ценности студенческого этоса: «Потребность в уважении зависит от возраста: у молодых людей она выражена сильнее, так как происходит процесс самоутверждения в молодежной группе, в коллективе» (Петрова Т.А. Анализ этических ценностей студенчества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 7(25). С. 140–147).

Для выявления и интерпретации значимости уважения в структуре этических ценностей современной вузовской молодежи был проведен контент-анализ студенческих эссе «Мое ожерелье ценностей», написанных обучающимися Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Контент-анализ избран как метод, адекватный поставленной цели; его применение обеспечивает объективность, системность, обоснованность, надежность и воспроизводимость результатов исследования (Караваева Ю.В., Литвинова С.В. Контент-анализ документов. Липецк, 2020. 80 с.). Объектами изучения стали 40 эссе, написанных студентами направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» в 2024–2025 гг. В тексте эссе выделялись смысловые единицы, репрезентирующие ценность уважения: уважение к окружающим, самоуважение, связь уважения с другими ценностями.

Результаты контент-анализа показали достаточно высокую значимость уважения в структуре этических ценностей студентов. Однако следует

отметить, что уважение уступает первые места таким ценностям, как честность, любовь, дружба, семья, сострадание и доброта. Оценка значимости уважения у студентов примерно совпадает с оценками значимости ответственности, развития и самосовершенствования, доверия, творчества и свободы. Контент-анализ показал, что студенты: 1) связывают уважение с понятиями терпимости, открытости («…уважение к окружающим и к миру в целом играет ключевую роль … Быть вежливым, терпимым и открытым к другим культурам и точкам зрения…»); 2) высоко ценят самоуважение («…не уважая себя, человек не может понять суть уважения в принципе», «Человек, который уважает себя, … никогда не останется один, а даже если такое произойдет, то это нисколько его не напугает»); 3) рассматривают уважение и самоуважение как взаимообусловливающие друг друга («Уважая себя в первую очередь, я учусь уважать других, потому что я считаю, что этого достоин каждый», «…ты должен уважать мой выбор, ибо я тоже являюсь твоим выбором, и я это уважаю»); 4) трактуют уважение как предпосылку хороших отношений с людьми, в том числе в семье и в дружбе («Настоящая дружба основана на взаимопонимании, уважении», «Уважение к другим помогает нам строить гармоничные отношения и создавать атмосферу понимания и принятия», «Семейное благополучие (определяется) взаимопониманием и взаимоуважением»); 5) некоторые студенты расширяют объект уважения, включая в него не только отношения между людьми, но и природу («…важным для меня … является уважение и бережное отношение к природе»). Интересно, как студенты связывают ценности уважения и честности: они или ставят уважение в прямую зависимость от честности («…только соблюдая честность, можно построить уважительные связи с людьми»), или рассматривают честность как условие уважения только в некоторых случаях («Честность … противоречивое качество, которое может как вызвать уважение в обществе, так и считаться в определенных ситуациях недостатком»).

Есаян Степан Рудольфович
аспирант отделения философии и культурологии
НИУ ВШЭ

Связь онтологии и этики в спекулятивном материализме Квентина Мейясу

Связь онтологии и этики очевидна, но на сегодняшний день немного забыта. Отчасти это связано с тем, что за последние 30–40 лет онтология оказалась немного задвинута на задний план, на это повлияла как критика метафизики в философии, так и гибель больших нарративов в це-

лом. Тем интереснее подъем спекулятивного поворота в современной философии, который пытается вновь вернуть разговор об онтологии в философский оборот. Зачастую спекулятивный реализм — термин, от которого уже отказались сами участники движения, ассоциируется с идеями деантропологизации и горизонтальной онтологии, в которой человек оказывается в том же онтологическом статусе, что камни и прочие вещи нашего мира. Если относительно большей части участников движения это справедливо, то не так просто обстоит дело с основателем спекулятивного поворота Квентиной Мейясу, который, напротив, возрождает антропоцентричный подход. Более того, в рамках доклада мы утверждаем, что проект спекулятивного материализма Мейясу в конечном счете направлен на обоснование новой рациональной этики, главная цель которой обратить внимание на трагичное положение человека в мире (наличие в мире несправедливой смерти) и предоставить ему инструменты, которые позволят найти выход из этой ситуации. Эта этика пытается ответить на фундаментальные вопросы сегодняшнего дня: нигилизм, вызванный господством корреляционисткого подхода.

Для этого он начинает с выстраивания онтологии. В «После конечности» Мейясу доказывает принцип контингентности как единственное абсолютное знание о реальности. Единственное, что необходимо это контингентность: мир может быть иным без всякой причины, хотя и не может быть противоречивым. Через этот принцип мы и можем мыслить абсолютные свойства реальности. Вернее так, Мейясу будет создавать высказывания об абсолютной реальности совершая логические выводы на основе единственного достоверного знания о ней — реальность контингентна. Более того, Мейясу даже обозначает случаи контингентных событий, предлагая взглянуть на развитие вселенной как на цепь радикальных разрывов: появление неорганической материи, затем органической жизни, а в конце мышления. Каждое из этих событий не было гарантировано, но оно все же произошло. Мейясу считает, что очередное качественное изменение состояния бытия должно быть связано уже непосредственно с нами. В этой перспективе появляется идея «Бога, который может быть»: Бога пока нет, он не необходим (иначе он был бы ответственен за все невинные смерти), но ничто не запрещает его возникновение в будущем. Такой Бог мыслим не как метафизический гарант порядка, а как возможное событие, имманентное миру, способное принести справедливость умершим и жертвам истории. Сама вероятность этого события не гарантирована, но сам факт возможности этой ситуации меняет этическую позицию человека: мы можем действовать в мире с надеждой, не будучи ни в отчаянии (симптом нынешней эпохи), ни в фанатизме (симптом 20 века). Эта позиция формирует «векторный субъект», то есть человека, осознающего абсолютную контингентность, способно-

го надеяться на справедливый мир и работать ради него уже сейчас, зная, что его пришествие не предопределено.

В докладе планируется более подробно представить структуру аргументации философа, а также проанализировать связь этики с онтологией. Мейясу будет наделять особой силой свои этические положения за счет того, что они являются логическими следствиями его онтологии. Характер этой связки мы и попытаемся разобрать в докладе.

Жадунова Наталья Владимировна
к.ф.н., главный научный сотрудник — заведующий отделом
социально значимых проектов и инициатив
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Дилемма эффективности и соблюдения этических принципов при использовании ИИ: возможна ли минимизация рисков

В современном мире при выявлении и описании моральных проблем, возникающих на стыке социальности и технологических достижений, фокус внимания как исследователей, так и обывателей смещается к эмоциональной стороне жизни личности: особое внимание уделяется изменениям представлений о личном благе, заботе о себе, надежности используемых технологий, размыванию границ индивидуальной и коллективной ответственности за совершаемые поступки. Стремление к высокому нравственному идеалу теряет значимость, поскольку меняется содержание ключевых понятий морали (моральный субъект, автономия личности, воля, справедливость, равенство и другие), или объявляется дисфункциональным, так как растущее применение искусственного интеллекта (ИИ) и разработка нового поколения ИИ — Artificial general intelligence (AGI) — «искусственного интеллекта общего назначения», способного обладать интеллектом человеческого уровня (умение рассуждать, обучаться и принимать решения) делает несостоятельным имеющийся теоретический потенциал и сложившиеся моральные практики.

В условиях AGI популярность получают установки, согласно которым человеку в самом ближайшем времени необходимо будет приспосабливаться к радикальным изменениям — создавать нормы и совершенствовать практики взаимодействия с тем, что обладает когнитивными и эмоциональными способностями (например, эмпатией), неотличимыми от человеческих.

Адаптация к будущим изменениям предполагает, что уже сегодня каждый из нас должен понимать угрозы и риски и ставить перед собой ре-

алистичные задачи: стремиться к прозрачности использования, оберегать автономию и конфиденциальность, распределять ответственность за решения, принятые при помощи ИИ, осознавать границы справедливого и дискриминационного, осуществлять своего рода профилактику непреднамеренных решений, часто возникающих как эффект «черного ящика».

Для достижения этого человеку необходимо преодолеть «самого себя», выйти за привычные рамки «царя природы», осознать, что нормативные переплетения современной этики заключатся не только в наделении моральной агентностью ИИ (очеловечивание компьютера), и прежде всего в усилении регулирования поведения человека при помощи цифровых технологий (компьютеризация человека). Неопределенность и непредсказуемость результатов использования ИИ, разработка AGI меняют подходы к анализу существующих норм и принципов, моральных практик, которые все больше становятся зависимыми от экономических и идеологических факторов (неизбежна концентрация власти у тех, кто контролирует системы ИИ).

Вероятно, что сегодня стремление минимизировать риски не может быть реализовано в полной мере, но вполне возможно определить содержание и алгоритм решения моральной дилеммы, неизбежно возникающей между стремлением к экономической и производственной эффективности и соблюдением этических принципов в сфере систем ИИ: обеспечение прозрачности и доверия к их развитию; совершенствование взаимоисключающих механизмов подотчетности и конфиденциальности; предотвращение предвзятости в принятии решений и размывания ответственности за результаты этих решений, полученных с помощью ИИ; приоритет благополучия и заботы о человеке.

Совершенствование ИИ уже сегодня меняет общество и человека, расширяя возможности, трансформирует образ жизни: коммуникации, образование, занятость, заботу о себе, ценности. В связи с этим обсуждение и корректировка этических принципов использования всех видов ИИ является одним из способов сохранения баланса между преимуществами ИИ и потенциальными рисками.

Жарова Мария Сергеевна
обучающийся бакалавриата Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический анализ статуса исполнителя наказания

Проблематизация наказания, как правило, связывается с теми неблагоприятными последствиями, которые оно несет для преступника. Однако ещё одной причиной считать наказание этически спорной практикой

является влияние, которое оно оказывает на непосредственного исполнителя. Особенно остро этот вопрос встает, если речь идет о смертной казни, но и в других случаях исполнитель наказания оказывается в незавидном положении. Допустимо ли создавать условия, в которых один человек вынужден применять насилие к другому, причинять ему страдания?

Обычно это объясняется нуждами правосудия и общественного благополучия, но эти обстоятельства всё-таки не снимают тяжелейшее моральное бремя с исполнителя наказания. Он оказывается в ситуации непростого нравственного выбора: выполнить свои должностные обязанности или проявить милосердие, нарушая приказ? Для выбора в пользу второго нужна недюжинная сила духа и готовность самому претерпеть наказание за непослушание. В связи с этим человек чаще выбирает следовать указаниям, пытаясь облегчить муки совести через расщепление ответственности. Так, например, в концентрационных лагерях времен Второй мировой войны нередко убийства узников совершали несколько офицеров, каждый из которых целился в разные части тела жертвы — это позволяло разделить ответственность между всеми и тем самым облегчить бремя убийства. Начало использования газовых камер также было воспринято с облегчением, поскольку это помогло минимизировать личный контакт между жертвами и убийцами. Однако даже при частичной ответственности за причинение страданий другому чувство причастности к этому поступку, а вместе с тем и чувство вины сохраняется.

Для оправдания такого положения исполнителей наказания привлекается аргумент о том, что зачастую они сознательно выбирают эту профессию, искренне желая заниматься такой деятельностью. Но действительно ли этот выбор является свободным? Или это естественный результат спроса со стороны государственных структур, использующих человеческие ресурсы для осуществления своих целей?

Возникает вопрос и о том, не должно ли нас насторожить такое желание обрести легитимную возможность причинять вред другим? Кроме того, вполне возможно, что такая работа вызовет у человека тягу к насилию, и, имея доступ к власти, к тем или иным механизмам воздействия, он может начать использовать это в своих целях и превышать свои полномочия.

Перечисленные этические риски демонстрируют, что привлечение людей к осуществлению карательных функций государства с трудом можно назвать морально оправданным. И хотя социальная потребность в таких профессиях все еще имеет место, необходимо совершенствовать условия труда сотрудников пенитенциарных учреждений и отказываться от наиболее травмирующих для обеих сторон практик наказания.

Жердев Алексей Анатольевич
обучающийся аспирантуры кафедры этики философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Экзистенциализм как ответ на вызовы капиталистического реализма

Современный капитализм представляет собой не только экономический строй, но и всеобъемлющую социальную логику, трансформирующую субъективность и культуру. В его неолиберальной модификации рыночная рациональность проникает во все сферы жизни: государственное управление, образование, повседневные практики.

Никогда в истории человечество не обладало таким технологическим могуществом для реализации своих способностей. И никогда, возможно, мы не чувствовали себя столь истощенными, тревожными и отчужденными, несмотря на кажущееся изобилие. Этот парадокс является прямым следствием логики капитализма, которая, как опухоль, метастазировала из сферы экономики во все без исключения уголки человеческой жизни.

В современности ярко проявляются следующие феномены, присущие позднему капитализму:

1. Психологическое выгорание, вследствие доминирования парадигмы «предпринимателя самого себя», истощенного перманентной самооптимизацией (Фуко, Хан, Браун, Соловьев);

2. Распространение отчуждённого и лишённого смысла труда — «бредовая работа», вызывающая экзистенциальный кризис (Лукач, Грэбер);

3. Овеществление и потеря субъективности в условиях капиталистического реализма (Лукач, Фишер, Липовецки);

4. Инструментализация человека в платформенной цифровой экономике: товаризация поведения и «технофеодализм» (Зубофф, Варуфакис);

5. Поглощение человеческого опыта изображениями и представлениями, а также отношениями потребления, где жизнь становится товаром (Ги Дебор, Бодрийяр, Майлз);

6. Коррозия характера и утрата идентичности в условиях гибкого капитализма (Сеннет, Конингс);

7. Эрозия демократии и замена гражданина на «человека экономического» (Браун, Крауч);

8. Тотальная экономизация жизни, возведенная в степень единственной возможной альтернативы (Джеймисон, Фишер).

Неолиберализм распространяет рыночные принципы на повсеместную реализацию власти. Государство начинает функционировать как «корпорация–менеджер», а человек — как «единица предпринимать-

ского и инвестирующего в себя капитала». Капитализм требует, чтобы мы относились к собственной жизни как к стартапу, к портфолио активов, который необходимо постоянно приумножать. Человек одновременно становится и «собственным господином», и «собственным рабом». При развитом капитализме непосредственная реальность вытесняется «обществом спектакля» Ги Дебора. Люди живут в мире знаков и симулякров, где удовлетворение потребностей заменено бесконечной погоней за символическим статусом вещей. Человек превращается в зрителя собственной жизни. Тотальная конкуренция капитализма разрушает социальную солидарность, порождая атмосферу взаимного недоверия и тревоги.

Возникновение платформенной экономики даже повседневное поведение людей превратило в товар за счет тотальной добычи и монетизации данных. Власть смещается от традиционного промышленного капитала к владельцам цифровых платформ, превращающих пользователей в зависимых «крепостных». Марк Фишер когда-то заметил, что сегодня проще представить конец света, чем конец капитализма. Похоже, что капитализм совершил окончательный прыжок из базы в надстройку: он стал нашей единственной онтологией, нашим «реализмом».

Все это симптомы культурно-онтологического кризиса, вызванного господством рыночных отношений. Преодоление этого кризиса требует выхода за пределы утвердившейся парадигмы: поиска новых форм солидарности, иных способов ценить человеческое достоинство.

Поиск ответов на вызовы современного капитализма приводит нас к экзистенциальной жизненной установке:

1. Осмысленная жизнь, направленная на реализацию «больших целей», поможет преодолеть «культуру суеты»;

2. Аутентичность может стать ключевым противоядием против императива бесконечной самооптимизации;

3. Экзистенциальный выбор, принятие ответственности — вот реальная альтернатива обществам спектакля и потребления;

4. Творчество и утверждение собственной субъектности — ответ на все поглощающую инструментализацию жизни и претензию на нормативность цифровых платформ;

5. Культивирование непрагматичных ценностей (любовь, искусство, природа) предлагает иную реальность при тотальной экономизации.

Житенев Никита Владиславович
старший лаборант
Институт философии РАН,
обучающийся магистратуры философского факультета
ГАУГН

Отношения между верой и благом в натуралистической этике добродетели Филиппы Фут

Филиппа Фут в своей единственной монографии «Natural Goodness» пишет, что «отсутствие способности к репродукции является дефектом в человеке». Однако сразу же она делает оговорку — сознательный отказ от рождения детей «и даже целибат» не являются «дефективным выбором». Её концепция натуралистической этики добродетели подразумевает, что человеческая жизнь, даже будучи описанной в рамках «естественной нормативности», предполагает гораздо более разнообразные способы прожить благую, добродетельную жизнь, чем имеются в наличии у растений или животных. Однако остаётся не до конца ясным вопрос о том, какие альтернативы мы бы сочли адекватными для отказа от деторождения?

Стоит заметить, что есть ряд очевидных случаев, которые вряд ли вызовут у нас затруднение. Вероятно, занятия наукой, искусством, философией и другими вещами, которые соответствуют идее человеческого счастья, формулируемой Фут, будут считаться нами адекватными альтернативами. Точно так же мы бы быстро согласились с тем, что отказ от деторождения, не подразумевающий устремлений к другому благу (или даже наличию устремления к аморальным занятиям, к примеру разбою), будут сочтены не тем, чему мы можем предпочесть деторождение, не согласившись с наличием в нас «дефекта». Так, Витгенштейн, по мнению Фут, скорее прожил хорошую жизнь, а Гитлер скорее плохую.

И хотя эта тема требует дополнительного серьёзного исследования, здесь я хочу сосредоточиться на таком случае, который ставит перед концепцией Фут проблему ещё более сложную. Являются ли служение Богу, уход в монашество и все прочие способы прожить жизнь, направленную на стяжание теологических, а не родительских или супружеских добродетелей, такими путями, что избавляют нас от того дефекта, с которого мы начали?

Прямого ответа на этот вопрос в работах Фут нет. Но есть косвенные указания на возможность положительного ответа. Так, Фут определяет счастливую (то есть хорошую или благую) жизнь как наполненную удовольствием от «хороших вещей», то есть от «достижения правильных целей и стремления к ним». Теперь, как кажется, проблему легко решить,

если мы договоримся о том, является ли служение Богу «правильной целью». Однако теперь возникает другая проблема, касающаяся уже скорее того, насколько Фут готова согласиться с определёнными представлениями о добродетели, например, в христианской мысли.

Как показывают некоторые исследования, Фут, ссылаясь на Фому Аквинского, скорее интерпретирует его позицию, адаптируя её для собственных целей, чем соглашается с представлением о добродетели как о стремлении к совершенству. Для неё стяжание добродетелей скорее помогает нам скорректировать собственную природу таким образом, чтобы прожить хорошую жизнь, а вопрос о каком-либо посмертии или возможности наличия добродетелей теологических она не ставит.

Подобная неоднозначность, открывающаяся при попытке дать ответ на поставленный в начале вопрос, вряд ли может быть решена легко. Однако точно можно сказать, что Фут не назвала бы жизнь, посвящённую вере, дефективной или лишила бы человека, отказавшегося от деторождения с подобной мотивацией, права на счастье в том смысле, в котором сама его понимала. Тем не менее остаётся очевидным, что жизнь крестоносца или религиозного экстремиста скорее окажется в множестве таких, которые Фут не назвала бы хорошими. Вопрос же о том, возможно ли совместить натуралистическую позицию Фут с некоторыми элементами христианской этики добродетели, остаётся открытым и заслуживает более подробного рассмотрения.

Заболотских Ксения Игоревна
к.ф.н., доцент кафедры философии и биоэтики
ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России

Автономия пациента и особенности ее реализации в уязвимых группах

Понятие «уважение моральной автономии пациента» является основным принципом биоэтики, и изначально было связано с расширением свободы пациентов, их возможностей принимать решения относительно своего здоровья согласно свободной воле, без принуждения и с учетом собственных интересов. В настоящее время об автономии говорят скорее в контексте решения конфликтов в сфере здравоохранения, как о способе разграничения прав и обязанностей врача и пациента. Изменяются медицинские технологии, увеличиваются возможности специализированного лечения и, вследствие этого, пациент оказывается в ситуации выбора, в поле самостоятельных решений.

Классическое определение автономии пациента было предложено в труде Т. Бичампа и Дж. Чилдреса, которые связывают с автономией человека принцип пользы. Цель деятельности врача — в том, чтобы делать добро, или не делать зла, что обязательно связано с интересами другого человека. Автономия пациента предполагает его информирование, поскольку человек, обращающийся за медицинской помощью изначально не равен в своих знаниях, понимании ситуации с врачом. Целью информирования является помощь пациента в лечении за счет понимания важной информации, касающейся его здоровья. Информированное согласие, таким образом, обеспечивает достижение взаимопонимания между врачом и пациентом. Справедливость важна как основание биоэтики, поскольку уравнивает людей в качестве автономных, утверждает личную свободу. В этом случае автономия противостоит патернализму, как классической концепции взаимоотношения врача и пациента.

Вместе с тем, ситуации, в которых может оказаться пациент могут больше или меньше способствовать проявлению его автономии. Вследствие сложности этой проблемы, появляется понятие особых уязвимых групп пациентов, которые по причине ограничений не могут принимать автономные решения. В данной ситуации, право принятия решений может быть передано другому человеку. Учитываются также ситуации, когда пациент не может выразить согласие, но можно предположить, что является для него наиболее приемлемым в определенных обстоятельствах.

В случае оказания неотложной помощи главным оказывается вопрос о максимально возможном благе. Автономия здесь затрагивает недееспособных пациентов, которые не могут выразить свою волю. Между тем, возможность разумности признается основанием для принятия решения, и способности самостоятельно действовать в определенной ситуации.

В ситуациях паллиативной помощи важно благополучие пациентов, осознание ими целостности, понимания собственной болезни. Подобная идентичность связана с понятиями автономии, зависимости или контроля. В этом случае важен собственный опыт человека, его переживания конкретной ситуации, которые влияют на формирование его личного достоинства.

В сфере экспериментальной медицины проблематичными оказываются вопросы автономности человека, поскольку важно не только принятие им самостоятельного решения, но и понимание специфики эксперимента, исследования. Именно по этой причине важно изначальное информирование человека, уважение его и забота о его благополучии.

Сложными являются также проблемы автономии психиатрических пациентов. Определение дееспособности человека позволяет установить

степень его свободы, но, в то же время, предполагает дополнительные ограничения.

Интересными для рассмотрения представляются также вопросы автономии пациентов с когнитивными нарушениями, несовершеннолетних, при проведении генетических исследований и некоторые другие.

Многообразные противоречия, которые возникают в связи с автономией, обусловлены сопоставлением принципов биоэтики с реальной медицинской практикой, которая представляет новые сложные ситуации и вызовы. Биоэтика сегодня ставит вопросы о специфике действия принципа автономии, об отношениях врача и пациента, как свободных субъектов, но заинтересованных в достижении наилучшего результата. Классическая медицинская этика дополняется вариативностью, связанной с неповторимой индивидуальностью каждого пациента. В то же время, если автономия рассматривается как ценность, можно утверждать, что решения пациентов иногда следует пересматривать для защиты их личности или помощи в сохранении их идентичности.

Зайцева Дарья Сергеевна
обучающийся магистратуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Воспроизводя забвение в сети: этические аспекты ностальгии по "советскому"

Доклад посвящен этическим аспектам механизма виртуального воспроизводства и трансляции воспоминаний о советском прошлом в сетевом пространстве. Резкий рост, повсеместное распространение и моментальность цифровых архивов, медиа и коммуникационных сетей приводят к перестройке памяти: с одной стороны, сеть позволяет сохранить всё, сделав личные воспоминания частью истории сообщества. С другой стороны, медиа — это «живой» формат функционирования, поэтому они не только позволяют вспомнить, но и дают возможность забыть. Цифровые площадки, по мнению ряда представителей современных memory studies, — это «мир кратковременного внимания», т.е. мир, где воспоминания угасают сразу после написания комментария или окончания просмотра короткого ролика. При этом при аналитике памяти в цифровом пространстве вопросы забвения и что особенно важно, этические аспекты диалектики памяти и забвения, их сложной конфигурации, остаются на периферии отечественных дигитальных мемориальных исследований. В качестве частного случая проявления частичного забвения в сети может быть рассмотрено явление медиатизации ностальгических воспоминаний в русскоязычном Интернете. Автором доклада выдвигается гипотеза

о том, что ностальгия как форма памяти неотделима от забвения. Предлагается обратить внимание на этические проблемы глобального увлечения ностальгическими практиками в сети, непосредственно связанные с производством культурного забвения.

Во-первых, существует проблема эстетизации прошлого в ностальгических переживаниях. Особенно она актуальна для «поколения после», детей и внуков непосредственных участников событий. Множащиеся фотографии советских вещей, фрагменты фильмов и песен 1960–1980-х гг. вырываются из контекста, теряя ценностные основания и становясь основой для многократной медиатизации, где процесс цифровой ностальгии превращается в самоцель. Результатом таких ностальгических практик является разрушение причинно-следственных связей, появление художественной версии прошлого, приукрашенной и эмоционально привлекательной. Можно говорить о частичном забвении как маркере такой «ностальгии на продажу» и даже заявить, что присвоение памяти провоцирует забвение изначальных смыслов. Перед исследователями памяти о «советском» должен стоять вопрос о том, как соотносится «перезаписанная» информация с одного медийного носителя на другой с оригинальными свидетельствами, следами индивидуальной памяти, и в каких социальных контекстах сегодня происходит рецепция и использование воспоминаний.

Во-вторых, мы выделяем проблему множественности пространств памяти, конкурирующих между собой и порождающих различные нарративы. В Интернете происходит фрагментация памяти в условиях существования постоянно растущего числа онлайн-нарративов. Из них невозможно составить цельную историю. Конструирование нарратива о прошлом превращается в возобновляемый процесс, не имеющий конца. Осколки нарративов о прошлом не позволяют сохранить память, они транслируют лишь фрагменты воспоминаний. При обсуждении же коллажей из воспоминаний и возникновении противоречий в памяти опорными становятся клишированные образы, а в спорах в сети побеждает не голос факта, а эмоция. Возникает парадокс: переполненность медиапамяти приводит к отсутствию единой культурной памяти сетевого сообщества, что в свою очередь провоцирует тотальность забвения и избирательность самого процесса памятования.

Ситуация осложняется тем, что логика цифрового потребления связана с предельной эмоциональностью поведения и реакций, аттрактивностью образов, партиципаторностью медийных средств конструирования прошлого, что способствует превращению истории в развлекательный контент. В итоге мемориальные практики становятся квестом, виртуальной игрой, в ходе которого важным является не взаимодействие с прошлым и с другими носителями и реципиентами памяти сообщества, а коммуникация с платформой.

Зайцева Екатерина Сергеевна
доцент, д.ю.н., начальник кафедры
теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации

Ценности как основа юридически значимых символов

Ценности — это смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам.

В юридической науке проблема ценностей, как правило, поднимается в контексте анализа правовых ценностей, ценностей в праве или ценности права. Анализ ценностей как важнейшего фактора установления пределов правового регулирования позволяет раскрыть еще один ракурс взаимосвязи права и ценностей, до сих не попавший в поле зрения исследователей.

Для этого необходимо ответить на вопрос, что является определяющим в паре «ценности — право». Изначально определяющим в паре «ценности — право» являются ценности как определенный результат социокультурного развития, аккумулирующий накопленный опыт во всех сферах жизнедеятельности. Для поддержания и развития они получают символическое закрепление, приобретая статус принципов права, являющихся оформленными и внешне выраженными, признанными в том или ином обществе и государстве социокультурными ценностями. Наличие социокультурных ценностей, являющихся первичными по отношению к праву, не отрицает существования ценностей, порождаемых правом. Это отражается в делении символов права как формы выражения ценностей на общесоциальные и специально-юридические, основанном на том, что в первом случае речь идет о социальных ценностях, выступающих в качестве основы правовой формы, а во втором — о закономерностях функционирования права как самостоятельной системы нормативного регулирования.

В рамках настоящего доклада мы рассматриваем ценности первого порядка, именно они являются фактором установления пределов символического порядка.

Влияние ценностей будет иметь двойственный характер. С одной стороны, под их воздействием формируется сфера действия символов, а с другой — они во многом определяют деятельность законодателя, закрепляющего свое видение указанной сферы в качестве предмета правового регулирования и придающего сложившимся ценностям символизм.

Закураева Елизавета Дмитриевна
обучающийся аспирантуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Кураторская практика как динамичный этико-критический диспозитив

Кураторство как феномен актуального художественного процесса представляет собой неустойчивую и динамичную практику, исторически лишённую четкого определения и универсального инструментария. От первых попыток утверждения кураторской субъектности в проектах Х. Зеемана до теоретических разработок Н. Буррио, К. Бишоп и Б. Гройса, кураторство прошло несколько этапов институционального и теоретического становления, но так и не выработало устойчивого этического языка взаимодействия с другими базовыми акторами художественной сцены — художниками, институциями, зрителями. Как отмечает Пол О'Нил в книге «Культуры кураторства и кураторство культур(ы)», профессия куратора изначально несёт в себе структурную неустойчивость, что делает её особенно восприимчивой к культурным и социальным трансформациям.

Сегодня эта неустойчивость усиливается контекстом новой культурной метамодернистской парадигмы, задающей постоянные колебания между иронией и искренностью, скепсисом и надеждой, релятивизмом и правдой. В условиях рассеянного внимания и медиатизации культуры куратор оказывается фигурой, чья власть радикально ограничена, но чья этическая ответственность неуклонно возрастает: любое экспозиционное, интерпретационное или медиативное решение формирует нормы репрезентации и коммуникации искусства. Независимая кураторская практика, лишённая институциональной поддержки, особенно обостряет эти противоречия, превращая каждый новый проект в пространство этических экспериментов. Современная кураторская практика ищет баланс между автономией художника и необходимостью учитывать инфраструктурные ограничения, между властью и горизонтальным паттерном взаимодействия, между концептуальной сложностью и зрительским вниманием, конкурирующим с потоками медиа и множества других визуальных образов. Сегодня в российском контексте художественные проекты всё чаще превращаются в коммерческий и модный продукт, встроенный в индустрию событий и экономики впечатлений, вследствие чего куратор вынужден совмещать в себе множество ролей и сталкиваться с целым спектром этических вызовов, стремясь сохранить за проектом статус художественного высказывания, а не редуцировать его до декоративного элемента культурного потребления без глубины, смысла и подлинного самовыражения его участников.

Несмотря на широкое развитие теоретического дискурса о кураторских практиках в международном контексте, в России исследований по этой теме представлено крайне мало, а этическая проблематика практически не артикулируется. Подготовка кураторов осуществляется преимущественно на основе западных методологических моделей, которые оказываются во многом несопоставимы с локальными институциональными условиями и социокультурным контекстом. Это приводит к появлению «разрывов» и лакун между глобальными теориями и местными практиками, в результате чего российское кураторство функционирует как зона непрерывных импровизаций, где вопросы этики зачастую остаются на периферии.

Цель настоящего исследования — проанализировать кураторскую практику в России как динамичный этико-критический диспозитив, формирующийся на пересечении глобальных теорий и локальных контекстов, и выявить, каким образом кураторская практика может обрести собственный этический инструментарий взаимодействия с художниками, институциями и аудиторией.

Доклад предлагает к дискуссии следующий исследовательский вопрос: каким образом кураторство в России сегодня формирует новые модели взаимодействия между художником, произведением и обществом в условиях медиатизации, коммерциализации и динамической смены парадигм, определяющих развитие арт-среды?

Зарапин Олег Викторович
д.ф.н., доцент Института «Таврическая академия»
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Шапиро Ольга Александровна
к.ф.н., доцент кафедры сравнительных политических исследований
СЗИУ РАНХиГС

Коммуникативные траектории самопознания: куда нас ведет "Цифровой Сократ"?

В последние годы все большую популярность приобретает коммуникация человека с различными форматами искусственного интеллекта, что влияет на смысл интеллектуальной деятельности человека, смещает эту деятельность к полюсу, в котором стыкуются приватность и досуг. В частности, становятся востребованными программы, представляющие собой цифровые реплики философов прошлого (Сократа, Сенеки, Канта, Ницше и др.), которые, по задумке разработчиков, могут помочь пользователю в осмыслении мировоззренческих проблем, в раскрытии потен-

циала интеллектуально-нравственного развития личности. Такие амбициозные задачи озвучены в качестве отвечающих на потребность человека в самопознании и релевантных классическому для философии сократическому идеалу самопознания как нравственно нагруженного действия, являющегося адресуемым и осуществляемого в диалоге с Другим. Насколько оправданно расхожее мнение, утверждающее такую релевантность чуть ли не в терминах новой эпохи «Цифрового Сократа», в которую машина олицетворяет Другого как удобного и подручного?

В поисках ответа на этот вопрос мы провели исследование, сопоставив особенности того, как в диалоговом режиме работают, с одной стороны, программа Сократ (доступна на ресурсе www.yeschat.ai) и, с другой стороны, Чат GPT, которому был задан контекст бесед («представь, что ты — Сократ…»). При ряде отличий в работе программ мы обнаружили общую тенденцию: процесс самопознания, целенаправленно актуализированный нами в общении с «цифровым философом», наталкивался на препятствия, источником которых являлся сам «цифровой философ», что мы зафиксировали в понятии аберрации самопознания и попытались вычленить типы подобной аберрации.

В решении этой задачи мы исходили из трех допущений. Первое — общение и самопознание связываются в виде действия аргументации. Второе — потенциал аргументации раскрывается в топологической оптике, обозначенной в разграничении между «точкой зрения» и «позицией». Третье — в топологической оптике аргументация репрезентируется в виде процесса построения аргументативной карты, включающей три базовых компоненты: а) логическую (отношение между высказываниями); б) моральную (отношение между высказыванием и стоящим за ним убеждением); в) делиберативную (высказывание в отношении к решению о действии). Построение аргументативной карты есть процесс согласования трех компонент, раскрываемый как нащупывание связующего их центра. Основную идею выстраиваемой нами модели самопознания как картируемого процесса аргументации выразим так: осуществляемое в общении самопознание есть деятельность аргументации, распознаваемая как стремящаяся к цели — это центр, заданный в образе целостно (логически—морально—делиберативно) действующей личности.

Выдвигаемый нами тезис состоит в том, что человек в интеллектуальном общении с машиной, выстраивает такую траекторию самопознания, в которую сама машина закладывает дефектность. Мы фиксируем это как дефект децентрации и выделяем три типа: 1) «предупредительная мера», связанная с базовыми ограничениями, установленными разработчиками — например, ограничения на высказывания в защиту насилия или дискриминации; 2) «дефицит точности» — вызван сложно-

стями работы ИИ с многозначными символами, когда в диалоге возникает путаница со значениями слов; 3) «недостаток устойчивости» связан со способностью ИИ воплощать различные системы взглядов, перестраиваясь под задачу или контекст, что сбивает прицел и мешает пользователю нащупать общий центр аргументативной карты, из-за чего карта оказывается под угрозой распада и пересборки.

В итоге мы приходим к выводу, что в интеллектуальной коммуникации с ИИ стремление человека к самопознанию реализуется в искаженной форме. Эта форма уводит человека от той цели, на которую ориентировано самопознание как зрячий поиск связующего центра. Близорукость в движении постепенно вырабатывает свой образец, где знание себя — это процесс фланирующего узнавания, в котором многочисленные отражения Я не складываются в единый образ Я, согласующий слова, убеждения и действия.

Зильбер Андрей Сергеевич
к.ф.н., доцент кафедры философии, медиа и журналистики
Тюменский государственный университет

Кант против старых и новых реалистов: политика внутренняя, внешняя, и нравственная природа людей

Современные руководства по политической антропологии составлены в стиле позитивистской социологии и не содержат разделов о природе человека и моральном прогрессе — разве что некоторые предпосылки вроде тех закономерностей, которые обнаруживаются в экспериментах теории игр (Wydra et al., 2020). Современные политические теории, например, неореализм в философии международных отношений в лице К. Уолтца, с одной стороны, избегают использования эссенциалистских и этических понятий в объяснении мировой политики, а с другой стороны, не могут удержаться от апелляций к худшим свойствам человеческой природы, когда объясняют ограниченные возможности дипломатии, источники социальных конфликтов и несправедливости (Donnelly, 2000, p. 161). Понятие «человеческая природа» остается в словаре классических философских теорий прошлого, и теории либерального толка оценивают её в позитивном ключе. В частности, в умеренно-либеральной политической теории И. Канта понятие «моральная политика», основанное на вере в моральный прогресс, стоит в прямой оппозиции к тем понятиям, которые служат главными ориентирам, которыми оперируют как протореалисты XVIII века, так и современные реалисты: национальный интерес, безопасность, сила и союзы.

Позиция Канта умеренна: вместе с либералами он строил идею правопорядка на ценностях свободы и самостоятельности, но вместе с консерваторами обращал внимание на трудности их воплощения и предостерегал от поспешных шагов, по причине, среди прочего, сложности человеческой природы. Реалисты полагают эти трудности неразрешимыми либо разрешимыми в такой незначительной степени, которая не позволит преодолеть анархию, неопределённость и конфликтность международных отношений. Протореалисты времен Канта (Ф. фон Генц и А.В. Реберг) в контексте обсуждения Французской революции выражали сомнение в практической применимости кантовской теории и любой политической теории, которая основана на верности принципам морали.

В трактате «К вечному миру» Кант развил полемику с идеями «политиков-практиков». Их убеждения в его описании не только близки аргументам Генца и Реберга, но и являют собой нарочитое преувеличение их позиции, доведенное до обскурантизма. Взгляды «практиков» на моральную природу людей представлены как сочетание антропологического пессимизма, натурализма и утилитаристской этики. Ссылки на слабости человеческой природы в этой позиции служат, в конечном счете, интересам власть имущих. Общество предстает при этом в образе механизма, не подлежащего улучшению — собственный образ общества, как продукта республиканского устройства на основе принципа верховенства права и обеспечения свободы, Кант ранее представил в органическом образе леса. На законодательном уровне взгляды «практиков» служат оправданию крайнего консерватизма: сохранение пережитков феодализма и неприятие реформ в направлении либерализации системы власти. Отмечая это, Кант стремится изобличить и саму тактику, и её публичное оправдание. Обе стороны в этой полемике выступили универсалистами: и Кант с единой системой норм и представлением об общечеловеческом уважении к праву, и реалисты с их идеей о моральной слабости людей.

После публикации трактата «К вечному миру» развернулась широкая дискуссия о политике и морали в связи с обсуждением Французской революции и революционных войн. Мыслителям из лагеря «левых» позиция Канта показалась чересчур осторожной, а консервативным «правым» слишком радикальна и мечтательна. Аргументы Канта были замечены, но спор не поколебал убеждений сторон. Современные реалисты попрежнему полагают неблагоразумным следовать требованиям морального долга в то время, как в окружающем мире очевидно преобладание недобрых намерений. Эта позиция преобладает и в неореализме (структурном реализме), хотя некоторые его представители стремились представить закономерности межгосударственных отношений как независимые от личных мотивов (Brown, 2009).

Зимбули Андрей Евгеньевич
д.ф.н., профессор кафедры эстетики и этики
РГПУ им. А.И. Герцена

Проба: этические аспекты

Владимир Иванович Даль в своём знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» справедливо усматривал немецкое происхождение слова «проба», тогда как для нашего сегодняшнего русского языка слова «ПРОБА», «ПРОБОВАТЬ», «ПРОБНЫЙ», а также выражения типа «ИСПРОБОВАТЬ», «ВЗЯТЬ НА ПРОБУ», «ВЫСШЕЙ ПРОБЫ», «ПРОБА ПЕРА» вполне привычны. И даже трудно представить, как можно было бы без них обойтись. В рамках разворачиваемого контекста рассуждений, ПРОБА видится довольно сложным явлением, в котором можно усмотреть такие моменты, как выбор, решимость, усилие, суверенность, вдумчивость, старательность, упорство. По сути, ПРОБА — ЭТО УЖЕ ПОСТУПОК. Согласимся — испытывающие или искушающие нас обстоятельства возникают в значительной степени независимо от человеческих намерений. Тогда как проба осуществляется намеренно. То ли пробую что-либо сделать я, то ли кто-то испытывает мою годность на что-то, И в этой ситуации можно выделить ключевые нравственно значимые параметры: СУБЪЕКТ (КТО), ПРЕДМЕТ (что пробует сделать или на что пробуется субъект), КОНТЕКСТ (где это происходит), побудительные МОТИВЫ, ОСМЫСЛЕНИЕ происходящего, ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ к этому результату. Автор кратко рассматривает каждый из перечисленных компонентов означенной ситуации, и делает упор на нравственно-ценностном их содержании. Для СУБЪЕКТА прежде всего важны СВОБОДА. РАЗУМНОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ПРЕДМЕТ в рамках рассуждений оказывается значимым прежде всего с точки зрения КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТИ. Рассмотрение КОНТЕКСТА приводит к выводу, что В КАКИЕ-ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА людям НУЖНО СТАРАТЬСЯ СПОКОЙНО—ДОСТОЙНО ВПИСЫВАТЬСЯ, А КАКИЕ-ТО — УМЕТЬ СОЗДАВАТЬ—СОХРАНЯТЬ. С точки зрения МОТИВОВ существенны такие, например, варианты, как ЛЮБОПЫТСТВО, ИНТЕРЕС, СОПЕРЕЖИВАНИЕ. В плане ОСМЫСЛЕНИЯ для действующего субъекта прежде всего важна СПОСОБНОСТЬ К ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ ПРОИСХОДЯЩЕГО И СОБСТВЕННОЙ РОЛИ В ЭТОМ ПРОИСХОДЯЩЕМ. В ПРАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ ключевыми характеристиками выступают УПОРСТВО и СОЗИДАНИЕ. РЕЗУЛЬТАТ (будь он положителен или отрицателен) рассматривается с точки зрения ПОЛЬЗЫ, которую субъект сумел принести СЕБЕ И ОКРУЖАЮЩИМ. Наконец, в ОТНОШЕНИИ К ПОЛУЧЕННОМУ РЕЗУЛЬТАТУ способны проявляться ЧЕСТНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ,

МУДРОСТЬ, ОТКРЫТОСТЬ. И для науки этики, и для людей будет полезно, если самые разные события своей жизни — малозначительные и масштабные, радостные, и горестные — люди будут научаться как можно лучше понимать, как можно более культуротворчески направлять.

Зубец Ольга Прокофьевна
к.ф.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

О внеидейности морали

Образ морали в обыденном сознании и в следующей за ним этике прочно связан с культом возвышенных идей: представлениями о добре, нормах добродетельного поведения, идеях справедливости, совести, блага ближнего, моральных ценностях и т.д. Но проблема заключается в том, что им присущ и взгляд, ничтожащий, презирающий, исключающий «великие» идеи, отвергающий их первенство в отношении поступка. В «Никомаховой этике» Аристотель утверждает: «В самом деле, чего ради совершит постыдные поступки тот, для кого нет ничего великого?» (EN 1123b). Великая идея в данном случае оказывается тем, что толкает к постыдному поступку, а доброкачественный (добродетельный) поступок совершается как раз в презрении ко всему, что препятствует человеку самому и для самого себя найти ту середину, которая и есть добродетельный поступок. На этой же мысли настаивает по-своему М.М. Бахтин, утверждая, что не существует определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект, на которого и приходится положиться: только он знает, что и когда окажется должным. К высказыванию Аристотеля тесно примыкает и идея Л.Н. Толстого, что именно человек, совершающий преступление, убийство, всегда верно «знает», в чем состоит благо другого, наполняя им свои мотивы. И спинозовское указание на ошибочность понимания сюжета с яблоком как утверждения способности человека различать добро и зло, и кантовский категорический императив, подвергающий любую идею о поступке критической проверке и таким образом лишающий ее величия (Кантовская мысль об автономном моральном существе как законодателе по сути исключает из сердцевины морально-философского рассмотрения моральную идеологию: она не может быть дана до акта самозаконодательства, и не опосредует его. Императив может проверять те или иные моральные идеи, преобразуя их в мотивы, максимы, но не зависит от них) — все это разные проявления особого морального взгляда, для которого ничто не есть великое.

Аушвиц как событие-поступок — ясный жест, указующий, что нет в культуре, в социальной идее и в самой моральной идее ничего, что может в силу своего величия сделать убийство возможным в качестве действия или мысли. Что само убийство не может иметь никаких предикатов, зада-

ваемых этими идеями, определяться содержанием мотивов, намерений, ситуативным знанием, правом и т.д. Иными словами, мораль проявила здесь свою способность видеть данность поступка, не опосредованную идеологией, а моральная философия — способность отказаться от двух пагубных линий в своем развитии: погруженности в моральную идеологию вне философии поступка и сведения поступка к тем же идеям, но в форме мотивов и намерений.

Мораль, противостоящая идейным опосредованиям, раскрывается не как часть культуры и эпохи, рядоположенная и переплетающаяся с их институтами и идейным содержанием, но нечто совершенно исключительное, идейно «оголяющее» их и самого поступающего перед данностью поступка, ее взгляд — не изощренный рефлексией, не-знающий, детский.

Только она способна видеть голую данность поступка как своего и себя как явленного и бытийствующего только в поступке, без какой-либо возможности защититься, в абсолютном «не-алиби».

Иваненко Алексей Игоревич
к.ф.н., доцент кафедры истории и философии
СПбГУПТД

Кротость в толковании Иоанна Лествичника

Иоанн Лествичник занимает особое место в истории раннехристианской мысли. Его сочинения датируются VI веком и представляют собой обобщение духовного опыта египетского монашества первых веков существования христианства.

Основным сочинением Иоанна Лествичника является его «Лествица», которая является своеобразным руководством для достижения совершенства, имеющем неотъемлемый нравственный аспект. С современных позиций практики достижения совершенства могут относится к разряду технического знания и содержать элементы психотерапии, однако в раннее христианство формировалось в позднеантичной среде, где принципы человеческого поведения являлись прерогативой этики.

«Лествица» Иоанна может трактоваться вполне в духе нравственной философии стоицизма, где «бесстрастие» (apatheia) является предпоследней (29-й) ступенью совершенства, выше которого лишь триада добродетелей (aretai) «вера, надежда и любовь».

Среди упомянутых Иоанном Лествичником добродетелей особое место занимает «кротость» (praotes) — она упоминается и как 8-я и как 24-я ступень, что может свидетельствовать о кривизне пути нравственного совершенства.

В целом христианская этическая мысль развивалась под влиянием учения Евагрия Понтийского (IV в.) о восьми помыслах: чревоугодие, блуд,

сребролюбие, гнев, уныние, печаль, тщеславие, гордыня. У Иоанна Лествичника борьба с помыслами (мысленная брань) становится утверждением в добродетели. Ряд добродетелей являются очевидными антитезами помыслов: смиренномудрие направлено против гордыни, нестяжание — против сребролюбия, целомудрие — против блуда, пост — против чревоугодия, кротость — против гнева. Остальные помыслы (уныние, печаль, тщеславие) имеют неявные антитезы.

Что касается кротости, то его синонимом Иоанн Лествичник часто называет «безгневие» (aorgesia). Однако в данном случае, кротость представляется не средством управления гневом, каковым может быть сокрушение (penthos, самокритика) или рассуждение (diakriseos, убеждение в разумности порядка вещей — вера в Промысл, pronoia: Леств. 26:101), но неким идеальным состоянием отсутствия тревог и негативных реакций.

Иоанн Лествичник характеризует безгневную кротость как «устроение ума» (noos katastasis: Леств. 24:2), которое характеризует «невозмутимость» (Леств. 8:26) и отсутствие «раздражительности» (thymos: Леств. 24:4). При этом отмечается, что кротость не должна подменяться лукавством, когда невозмутимость эта носит внешний, напускной характер.

Таким образом, в толковании Иоанна Лествичника кротость является модусом бесстрастия, проявленном в отсутствии гнева и раздражительности. Примечательно, что бесстрастие не тождественно «нечувствию» (anaisthesia) и «оцепенению мысли» (narkosa ennoia: Леств. 18:2), поскольку оно все же сопрягается с любовью (agape: Леств. 30:9), неотделимой от радости (ilarous: Леств. 30:16) и от позитивного восприятия будущего в надежде.

Ильина Александра Сергеевна
аспирант
МГУ имени М.В. Ломоносова

Смерть Бога и её последствия в христианском и постхристианском мире

Смерть Бога как феномен играет разное моральное значение для христианского и постхристианского общества. Внутри средневековой традиции смерть Бога понимается прямо (как гибель Христа на кресте) и является догматом веры. Она тематически связана с причастием как ритуалом (и, например, раннесредневековой полемикой о том, как следует понимать поглощение хлеба и вина как плоти и крови христовой, — буквально или аллегорически). Также смерть Бога предполагает воскрешение как счастливый конец (отсюда Павлово «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших»). Иначе — у Авгу-

стина читаем: «Наконец, Он умер, ибо так было угодно, чтобы Своей смертью Он убил смерть. Бог мертв, чтобы совершилось некое небесное возмещение за нанесенный ущерб и человек не увидел смерти. Ибо Христос — Бог, но не как Бог умер Он (на кресте)».

Внутри постхристианских культур феномен смерти Бога претерпевает изменение — теперь речь идет не о Христе как лице, а о Боге как сущности. В связи с этим претерпевает изменение моральная парадигма. Так, Ницше понимает смерть Бога как открытие дороги для формирования новой, человеческой морали, отвязанной от христианской генеалогии («Веселая наука»), а Штирнер — как возможность тотального переформирования человеческих сообществ в связи с движением ценности от Бога к человеку («Для меня нет ничего выше меня»). Хайдеггер, в свою очередь, следуя за ницшеанской традицией, истолковывает смерть Бога в метафизическом ключе. Для него конец Бога означает конец старой метафизики, которая должна быть преодолена («Слова «Бог мёртв» означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы. Он не подает уже жизнь. Пришел конец метафизике — для Ницше это вся западная философия, понятая как платонизм»).

Отсюда можно сделать вывод, что концепт смерти Бога является текучим. В разное временя он конституирует различные феномены и, как следствие, по-разному отражается на сфере морального. Будучи тотально переинтерпретированной в конце XIX, начале XX века, смерть Бога из склеивающей сообщество силы становится разрушительной. Преодолели ли мы эту стадию понимания смерти Бога? Ответ на этот вопрос может показать, каким образом формируются современные тенденции понимания морали, и в рамках нашего доклада мы попробуем его предложить.

Инсарова Екатерина Владимировна
обучающийся аспирантуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственные основания арт-критики

Арт-критика является систематическим способом описания и анализа памятников изобразительного искусства и используется для оценки значимости того или иного объекта для искусства и культуры в целом. В призме этики внутри критического текста сталкиваются, с одной стороны, антропоцентричность нравственности как таковой, с другой — непредвзятость научного подхода, иначе говоря процесс обезличивания того или иного объекта культуры. Комплекс правил, превращающих личностную, подкреплённую индивидуальными целями и мнением оценку в критическую рецензию профессионального толка, складывается таким образом в практическую деонтологическую систему, предназначенную

для критического искусствоведческого текста: здесь, безусловно, важнее не ситуативность, а уставность и порядок. Безусловно, стоит взглянуть и на взаимоотношения эстетического объекта и его этической оценки через аксиологическую призму, внутри которой они представляют собой две формы бытия нравственности, соотношение между которыми выстраивается по определённому оценочному критерию. Цель арт-критики в первую очередь в том, чтобы открыть внутренние, этические свойства и проанализировать их наравне с внешними, визуальными.

Нельзя точно утверждать, в каком порядке воспринимается тот или иной объект и что оценивается сперва: его художественные особенности или этические свойства выбранного сюжета. Следует предположить, что объекты искусства, принадлежащие к таким категориям, как безобразное или низменное, вызывают общественный резонанс не за художественные особенности, но за вызванный стыд или ощущение вины. Интереснее всего в этом контексте некая этическая реабилитация (к примеру, общественная реабилитация картины «Иван Грозный») отдельных художественных объектов, однако стоит признать, что здесь акцент делается на культурной ценности данного объекта и необходимости его экспонировать, но не на восстановлении нравственного статуса. В то же время стремительное развитие арт-критики как независимого эстетического поля быстро сменяется её кризисом в XX веке, в рамках которого подразумеваемый научный императив подменяется самооценочными суждениями художника, что дискредитирует фигуру критика и его возможность беспристрастно смотреть на арт-объект как скорее на научную или, по крайней мере, дисциплинарную единицу. Но если размышлять в традиции Канта и понимать под арт-объектом вещь в себе, то в рамках эстетики подобного рода объект образует автономный сегмент человеческой культуры. Ко всему прочему, в попытке проанализировать ту или иную вещь в себе мы наткнёмся на собственный опыт, так как вещи в себе скорее рефлективны, нежели познаваемы.

Канышева Ольга Альбертовна
к.ф.н., доцент
Фофанов Иван Алексеевич
обучающийся бакалавриата
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Диалогическая этика М.М. Бахтина

В современном пространстве культуры диалогическая этика М.М. Бахтина вновь обретает значимость в связи с переосмыслением методологии гуманитарных наук, которые в советский период не отличались от естественных наук, и их применение в современной этике.

Этика претерпевает изменения со времен работы И. Канта «Основы метафизики нравственности», где на уровне теоретического осмысления звучит категорический императив Канта в его трех известных формулировках:

— поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом;

— поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда — только как к средству;

— поступай так, чтобы воля твоя могла рассматривать себя как устанавливающую всеобщие законы посредством своих максим.

М.М. Бахтин переосмысляет идеи Канта, рассматривает их как теоретические ценности этики, которые еще не становятся внутренними установками индивида и мир разорван, как потом скажут неокантианцы, на мир бытия и мир ценностей. Г. Риккерт в «Науках о природе и науках о культуре» говорит о трансцендентальности ценностей, таких как истина, добро, красота. В первой философии Бахтин ставит задачу сближения двух миров: науки, искусства и жизни и вводит концепт «событийности бытия». Отталкиваясь от идей неокантианца Г. Когена, который открывает отношение между Я и Ты как условие бытия, Бахтин утверждает отношение Я и Другого, которое является живым и уникальным. В отличие от Когена, который продолжает рассматривать отношение Я и Ты теоретически, Бахтин обосновывает условия соучастного бытия, которое сопряжено с индивидуальной ответственностью. Так философ различает этику и нравственную философию.

Таким образом формируется диалогическая этика Бахтина, в которой нравственный субъект занимает центральное место его первой философии и тем самым порождает архитектонику реально переживаемого мира через осуществляемое событие в момент диалога Я и Ты. Незавершенность диалога определяется многообразием смыслов и представляет особую систему, которая диалектически связана изнутри через единство бытия и смысла. Диалогическое творчество как дурная бесконечность обусловлена нравственным содержанием поступка.

Бахтин открывает нравственное бытие, которое диалогично. Таким образом, этика XXI века обретает новое бытие в диалогической философии, условием которой является уникальное поступание субъекта, представляющего своеобразную скрепу мира и характеризуется Бахтиным таким понятием, как не-алиби в бытии, преодолевающее раскол между индивидуальной деятельностью и исторической реальностью, где ценность бытия человека определяется способностью вживаться в Другого, не теряя при этом себя.

Карпов Валерий Эдуардович
доцент, д.т.н., начальник лаборатории робототехники
НИЦ «Курчатовский институт»
Сорокоумов Петр Сергеевич
научный сотрудник
НИЦ «Курчатовский институт»
Томильцева Дарья Алексеевна
к.ф.н., доцент кафедры социальной философии
Уральский федеральный университет

По образу собаки: от коллаборативных роботов к роботам-партнёрам

В рамках коллаборативной робототехники встаёт задача по созданию робота-партнёра, предназначенного для выполнения функций, традиционно связанных с работой с собаками, например, совместные с человеком патрулирование и охрану территории. Подобная ориентация позволяет сместить фокус внимания при разработке искусственных агентов с воспроизводства внешних черт собак на их внутренние качества. Кроме того, успешность разработки будет напрямую зависеть от оценки поведения робота-партнера с моральной позиции, что с одной стороны, обусловлено психологией восприятия человека (партнер, которому можно довериться, должен быть морален), а с другой — амбивалентным положением собаки в современной западной культуре (собака как источник опасности и одновременно — носитель идеализированных качеств, условно — «нравственных»).

Таким образом, в задачи работы входило не просто «имитировать» или «создать видимость» собак, но передать «функционал» служебных собак, и продемонстрировать в искусственном агенте их уникальные черты, которые становятся предметом человеческой моральной оценки. Последнее означает, что интегрированная в человеческий мир собака должна знать правила межвидового общежития и соответствовать набору стандартов, вырабатываемых конкретным сообществом, что коррелирует с оценками её поведения «хорошо/плохо», «правильно/неправильно».

Необходимо отметить, что в рамках проведённого исследования, авторы не представляли служебную собаку (модельный объект) и робота-партнёра в качестве моральных агентов. Однако при разработке модели робота-партнёра был введён моральный уровень системы управления, позволяющий воздействовать не его поведение, не влияя на работоспособность базовых уровней управления, устойчивость и общий характер поведения искусственного агента.

Образ собаки достаточно сложен, поэтому в рамках проведённого исследования был сделан ряд ограничений: 1) ориентация на домашнюю собаку, интегрированную в повседневную (межвидовую) жизнь с человеком; 2) принятие во внимание ограниченности способностей собак к обучению и восприятию новой информации, что в свою очередь ограничивало когнитивные возможности робота-партнёра; 3) выделение ряда поведенческих особенностей, связанных с коллаборативными возможностями собак; 4) выявление специфических черт, отличающих собаку от других значимых для человека животных-компаньонов. Наиболее важные характеристики собаки, такие как строение тела, психология, идеализированные человеческие представления были типизированы по ряду параметров, позволивших очертить особенности собаки, переносимые на модель робота партнёра, добиться сходства с реальным животным и воспроизвести моральную ценность его поведения с точки зрения человека. В качестве теоретической основы для морального уровня системы управления была выбрана концепция количественного эгоистического гедонизма Г. Сиджвика, не противоречащая базовым поведенческим механизмам животных и человека, и этологическим характеристикам собак. Кроме того, выбранная концепция легко формализуется и преображается в упрощённую логическую схему.

Разработанная модель была протестирована в ряде экспериментов, представленных в двух базовых ситуациях взаимодействия робота и человека, каждая из которых предполагала несколько поведенческих сценариев, воспроизводящих поведение собак и людей в аналогичной ситуации. Были сформированы соответствующие схемы рефлекторного эмоционально-потребностного уровня системы управления (ЭПС), а также модель мира (ММ) агента, представленная семиотической системой. Для рефлекторного уровня был сформирован перечень потребностей (самосохранение, отдых, любопытство, когезия, доминирование), набор базовых сенсоров (опасность, угроза, «свой», «объект интереса», усталость), а также набор поведенческих процедур. Модель мира включала как сенсорику рефлекторного уровня, так и дополнительные сенсоры и понятия (например, понятие «враг», «дом» и т.п.). Эксперименты заключались в том, что пользователь, используя графические компоненты, формировал очередную ситуацию, а дальше анализировал распространение возбуждений в структуре ММ и ЭПС и то решение, к которому приходила система.

В результате проведённых экспериментов была подтверждена работоспособность трехуровневой системы управления: ЭПС, ММ (когнитивный) и оценочный (моральный) уровни. При этом выяснилось, что ряд поведенческих сценариев, внешне выглядевших как результат сложных

когнитивных процессов, на самом деле реализуется базовым условно-рефлекторным механизмом (сценарии с «оценкой» ситуации и осцилляциями поведения). Вместе с тем, что внешне казалось простым рефлекторным поведением, требовало привлечения когнитивного уровня управления (сценарии с переориентацией базовых реакций).

Карпова Елизавета Александровна
аспирантка, стажер-исследователь аспирантской школы
по философским наукам факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ

Современная этическая экспертиза в здравоохранении — вызовы и решения

За последние десятилетия здравоохранение переживает беспрецедентный этап трансформации, затрагивающий одновременно технологические, социальные и философские измерения. Медицинская практика становится ареной стремительных инноваций: генная инженерия и технологии редактирования генома (CRISPR–Cas9 и аналогичные инструменты) открывают возможность вмешательства в наследуемые характеристики; искусственный интеллект меняет логику клинических решений, создавая новые сценарии распределения ответственности; телемедицина и цифровые платформы трансформируют пространство взаимодействия врача и пациента; биобанкинг и персонализированные протоколы лечения открывают новые горизонты для индивидуализации медицинской помощи; роботизированные хирургические системы задают иные стандарты точности и надежности. Эти изменения не просто расширяют технический арсенал медицины, но радикально перестраивают саму ткань клинической реальности, а вместе с ней — представления о теле, здоровье и человеческой автономии.

На фоне этих процессов переопределяются фундаментальные этические ориентиры. Традиционное понимание пользы и блага становится предметом дискуссии: что считать благом — максимизацию продолжительности жизни, повышение ее качества или расширение возможностей выбора? Модели автономии пациента пересматриваются под воздействием цифровых посредников и алгоритмов, которые становятся активными участниками процесса принятия решений. Классические формы доверия и ответственности видоизменяются: граница между клиницистом и пациентом размывается, а телесность все чаще предстает не как данность, а как объект технологического конструирования.

В этих условиях традиционная модель этической экспертизы, выстроенная вокруг соотношения пользы и вреда в рамках конкретной клинической ситуации, обнаруживает свою ограниченность. Новая реальность порождает вопросы, не укладывающиеся в привычные схемы: допустимо ли вмешательство в геном будущих поколений? как соотнести эффективность алгоритмов с рисками алгоритмической предвзятости? каким образом сохранять автономию субъекта в условиях нарастающей автоматизации клинических решений? где проходит граница между персонализированными данными и приватностью? Эти вызовы делают очевидной необходимость философского и методологического обновления самой парадигмы этической экспертизы.

В докладе предлагается рассматривать этическую экспертизу не только как инструмент прикладного анализа, но как особый феномен моральной регуляции, который опирается на три взаимодополняющих измерения. Первое — нормативное, связанное с анализом универсальных принципов биомедицинской этики и их трансформации в новых условиях. Второе — деливеративное, предполагающее организацию пространства коллективного обсуждения и учета плюральности ценностных перспектив. Третье — герменевтическое, ориентированное на интерпретацию смыслов, культурных контекстов и символических оснований медицинской практики.

Особое внимание уделяется также принципу уважения к уязвимости как ключевому ориентиру этической экспертизы, позволяющему удерживать фокус на наиболее незащищенных группах пациентов и участников исследований. Подчеркивается необходимость междисциплинарного диалога — между философией, медициной, правом, технологиями и социальными науками — без которого невозможно выработать адекватные ответы на современные вызовы. В докладе также будет показано значение критической биополитической рефлексии, позволяющей выявлять скрытые механизмы власти и контроля в новых медицинских практиках.

Таким образом, этическая экспертиза предстает как динамический и многомерный процесс, который не ограничивается узкой клинической рациональностью, но формирует культурно и социально значимый вектор развития здравоохранения. Обновленная методология способна не только адекватно реагировать на технологические вызовы настоящего, но и задавать нормативные горизонты будущего, сохраняя гуманистические основания медицины в условиях глобальных изменений.

Касаткин Илья Александрович
обучающийся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Роль эмпирических исследований в биоэтике

Философы и богословы не были единственными, кто во второй половине XX в. заинтересовался новыми проблемами, связанными с развитием науки и медицины. Свой вклад в их изучение внесли также представители социальных наук — социологии, социальной психологии, антропологии и др. С помощью социологических опросов, изучения и описания кейсов, интервьюирования и других методов, ими изучались проблемы образования врачей, процессов принятия решений в клинической медицине, феноменов смерти и умирания, донации органов и т.п. Биоэтика изначально формировалась как междисциплинарное явление и определенный вклад (в том числе методологический) в нее внесли не только философия, богословие и право, но также и медицина, биология и социальные науки. При этом, отношения между преимущественно философски-ориентированными биоэтиками и представителями социальных наук всегда были несколько неопределенными и даже напряженными, как и соотношение нормативного и эмпирического в самой биоэтике. Ситуация постепенно начинает меняться с 1980-х гг., когда в биоэтических журналах появляется все больше и больше публикаций с эмпирическими исследованиями. Некоторые назвали этот тренд «эмпирическим поворотом» в биоэтике и за последние несколько десятилетий он лишь усилился. Сегодня можно говорить не только о практике обращения философов к эмпирическим исследованиям для установления имеющих этическое значение фактов, но и о возникновении особого рода исследовательской практики, получившей название «эмпирическая биоэтика». Ее представители идут еще дальше и фактически интегрируют нормативные и эмпирические исследования, используя эмпирический материал для выработки нормативных выводов относительно биоэтических проблем. Эмпирическая биоэтика возникает как ответный импульс на недовольство, связанное с абстрактной и оторванной от сложного мира практики природой принципалистского подхода и видится ее сторонниками как необходимое условие для того, чтобы биоэтика оставалась чем-то практически значимым. Подобная историческая динамика требует оценки сама по себе: каковы причины и последствия указанной тенденции? Однако, она также порождает ряд важных методологических вопросов, обладающих практической актуальностью: каково место эмпирических исследований и эмпирических данных в биоэтике? Должны ли они использоваться только для установления опреде-

ленных фактов или же они могут быть полезны в непосредственном формировании нормативных утверждений и выводов? Какое место должны занимать в биоэтике социальные и естественно-научные дисциплины? Должна ли биоэтика быть более «эмпирической» и что именно это значит?

Кипарина Екатерина Александровна
студент бакалавриата философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Академический допинг как междисциплинарная проблема

Проблема академического допинга является одной из тех, что требует междисциплинарного осмысления, которое помогает осуществить биоэтика. Применение допинга традиционно связывают со спортом, однако постепенно оно распространяется и на сферы жизни человека, для которых изначально это было нехарактерно: личная, профессиональная, академическая. Актуальность данной темы заключается в том, что использование «академического допинга» с каждым годом возрастает все больше, чему способствует не только борьба за «место под солнцем», но и заинтересованность фармакологических компаний в коммерческом успехе собственного предприятия. О.В. Попова дает следующее определение академическому допингу: «…представляющий собой применение различных медицинских (прежде всего фармакологических) средств для улучшения когнитивных способностей человека» (1). Данное явление можно назвать ответом на быстроменяющиеся условия существования людей, среди которых требуется выделить: быстрый темп жизни и в связи с этим нехватку времени на освоения большого потока информации (и, несомненно, расширение сферы знаний, которыми должен обладать современный человек), высокий уровень конкурентной борьбы. При этом, организм человека обладает ограниченными ресурсами, сковывающими амбиции человека с биологической точки зрения. Желая «улучшить себя» и добиться освобождения от оков природы, люди прибегают к фармакологическим средствам, использование которых имеет нетерапевтическую цель. Лекарства дают некоторые преимущества перед «соперниками»: повышают тонус, концентрацию, бодрят или позволяют долгое время обходиться без сна, успокаивают. Академическая среда стала «преемницей» подобной тенденции, начала которой заложила профессиональная среда. Наблюдается трансформация образования в гонку за первенство, где понятием «честной игры» периодически пренебрегают. Происходит утрата ценностей образования, кото-

рое первоначально имело своей целью воспитание, развитие дисциплины и навыков через преодоление трудностей (2). Главным мотивом становится жажда успеха и признания, а целями: высокая результативность при минимальных затратах времени. Происходит перенос ответственности за собственный успех на «волшебную таблетку». При этом, данная проблема порождает ряд не только этических вопросов (например, насколько допустимо использовать «вспомогательные» средства, считается ли это жульничеством), но и правовые, поскольку зачастую покупка подобных лекарств является незаконной (осуществляется через чужие рецепты). Перед многими университетами встает задача поддержания равенства между студентами и сохранения справедливости, но здесь же возникает проблема того, как выявить человека, принимающего подобный допинг, какие средства использовать и какие санкции наложить на учащегося за нарушение этического кодекса? Одной из задач биоэтики является оценка возможных рисков, которые несет та или иная технология. С одной стороны, представляется, что академический допинг имеет некоторые положительные стороны, но, с другой стороны, имеет больше негативных последствий, о которых студенты не задумываются, что ведет к беспечному отношению использования рецептурных препаратов в нетерапевтических целях. Нормализация данной технологии ведет к тому, что в общественном сознании закрепляется установка на то, что использование вспомогательных средств (лекарств и иных технологий) является показателем заинтересованности человека в достижении высоких результатов, что непременно вызывает социальное одобрение.

Кладько Сергей Сергеевич
к.ф.н., заведующий лабораторией практической цифровой этики
АНО ВО «Университет НЕЙМАРК»

Обучать нельзя продать: прикладная этика в сфере ИИ для различных поколений акторов

Тема этики в сфере ИИ продолжает оставаться в центре интереса правительств различных стран, а количество кодексов и хартий цифровой этики постоянно растёт (только в России к федеральному Кодексу этики в сфере ИИ уже присоединилось на 2025 год более 850 организаций). При этом внедрение этики на практике зачастую остаётся символическим, так как многие инициативы носят не преобразующий, а, скорее, показной характер (Floridi). Среди множества причин, приведших к подобной ситуации, можно выделить стандартизированный под-

ход к внедрению этических практик для разных целевых аудиторий, что, по аналогии с навязыванием универсалистских этических принципов ИИ без учёта культурных особенностей (Goffi et al., 2021), ведёт к затруднениям в практическом внедрении. При этом, одним из условий создания более индивидуализированного подхода может служить учёт поколенческой принадлежности, социализации и системы ценностей целевой аудитории.

Поколение Z, интуитивно ценящее такие понятия, как справедливость, инклюзия и избежание конфликтов (Милованов 2025), но не любящее довлеющие моральные установки, переносят такое же отношение и на то, что Floridi (1990) называет «инфосферой». Достичь подобного социального комфорта в онлайне можно только через определённый консенсус добродетелей. Именно этому поколению свойственна иллюзия, что системы ИИ можно научить быть абсолютно этичными (ВЦИОМ, 2023); с другой стороны, в таком контексте этика добродетели, основанная на характере, эмпатии и отношениях (уже не реальном мире, а в «цифре»), может быть успешно воспринята этим поколением и способствовать формированию устойчивой этической культуры в ИТ-сфере.

В то же время на IT-рынке сегодня доминируют представители более старшего поколения, в основном в возрасте 35–45 лет — это основатели стартапов, руководители и управленцы (TAdvisor, 2023). Они формировались в условиях жёсткой конкуренции и высокого давления на результат, часто в культуре «успех любой ценой». Для этой аудитории просто моральных аргументов недостаточно — здесь работает логика последствий и выгод. Соответственно этику в сфере ИИ для таких акторов нужно не столько «преподавать», сколько продавать — через доказательство её прикладной ценности: снижение репутационных рисков, соответствие грядущим требованиям регуляторов, рост доверия клиентов, привлекательность для инвесторов, ориентированных на устойчивое развитие.

Важно подчеркнуть, что это не критика одного поколения в пользу другого, но аргумент в пользу дифференцированного подхода к внедрению этики в сфере ИИ. Универсальные лозунги и нормативные формулы не работают в столь разнообразной среде. Чтобы такая этика перешла от абстрактного «что» к практическому «как» (см. Morley et al., 2021), необходимо учитывать различия в мотивации, подходах и ожиданиях. Таким образом, будущее прикладной этики в сфере ИИ — не в выборе между обучением и убеждением, а в сочетании этих подходов: обучать тех, для кого этика уже интуитивно важна, и «продавать» тем, для кого актуальны прагматика и выгода.

Ковалева Татьяна Викторовна
к.ф.н., доцент кафедры этики Института философии
Ковалева-Кирчичек Валерия Алексеевна
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Парадигматические подходы к осмыслению трансгуманизма в философии и этике

Трансгуманизм обычно представлен в ряде научных работ, как наука о сверхчеловеке, однако обоснование такого утверждения остается лишь одной из теорий. Дискуссии часто сосредотачиваются на технологиях, которые, с одной стороны, как помощь человеку, а с другой — как фактор, несущий потенциальны риски для человеческой природы. Несмотря на обилие работ по данной тематике, концентрацию общественного интереса только на определенных аспектах данного явления, научное сообщество расширяет диапазон своих исследований этого феномена, пытаясь анализировать его с разных сторон. В изученных статьях и монографиях нет расшифровки устоявшегося понятия «трансгуманизм». Это с одной стороны позволяет свободно искать подходы к пониманию этого явления через эмпирический опыт каждого исследователя, что дает расширенное понимания данного феномена, тогда, как с другой стороны — нет единства в трактовках терминов, понятий, что приводит к полному хаосу и логическим непоследовательностям в изучении трансгуманизма. Для более глубокого понимания трансгуманизма следует обратиться к этимологии части этого слова — транс. Транс от лат. trans — сквозь, через, за), составная часть сложных слов, означающая: 1) движение через какое-либо пространство, пересечение его (например, трансатлантический); 2) следование за чем-либо, расположение по ту сторону чего—либо (например, трансальпийский); 3) обозначение или передача через посредство чего-либо (например, транслитерация, трансмиссия). (Большая российская энциклопедия) Все обозначенные выше значения трансгуманизма отражены в разных философских размышлениях авторов статей. Это и рассмотрение категории любви в гуманизме, и выявление проявления патриотизма (любви к Родине) в трансгуманизме (Миллер В.И.), применение современных технологий для достижения бессмертия путем отказа от человечности (Лаше Ж.К.), влияние идей трансгуманизма на зарубежную литературу (Файзуллина Р.А.), представление трансгуманизма, как угроза человечеству (Балдина А.Е.) и т.д. Интересен и тот факт, что авторство названия «трансгуманизм» приписывается разным философам, от Дж. Пико

де Мирандолы до Н.Ф. Федорова. Однако точного доказательства авторства пока не встретилось.

Поскольку трансгуманизм является развитием идей гуманизма, то логичнее предполагать, что ключевыми областями для его исследования представляются антропология и биоэтика, поскольку именно эти направления ориентированы на изучение целостности человека. Технологическое изменение тела человека без учета реакции со стороны его мышления, состояния мозговой активности, реакции нервной системы и т.д. вызывает огромное опасение за его благополучие и возможность корректного функционирования человека, как организм и как личность. Трансгуманизм заставляет задуматься о сохранении вида, соблюдении свободы выбора, предоставления равных возможностей для большинства и т.д. Биоэтика активно занимается этими вопросами.

Ковалева Татьяна Викторовна
к.ф.н., доцент кафедры этики Института философии
Парийская Елена Николаевна
к.б.н., доцент Медицинского института
Санкт-Петербургский государственный университет

Философско-культурные подходы к обоснованию биоэтических проблем старения населения в медицине и медицинском образовании

Проблема старения для современного человека остается неизбежной, это общечеловеческий физиологический, психологический и культурный процесс, который влияет на жизнь поколений каждого общества, и он всегда разный. Исторически так сложилось, что о старении всегда говорилось в контексте негатива, безысходности и смерти. Однако сегодня взгляд на старение, как важный стратегический потенциал для общества, изменился под влиянием политических инициатив, СМИ и исследовательских работ по биоэтике, социологии, культуре и т.д., поскольку теперь он формирует новые социально-культурные отношения внутри общества, а также демонстрирует наглядно последствия демографического перекоса. В исследованиях феномена старения первоначально акцент делали на причинах старения, поэтому важными направлениями в его изучении были биология, физиология, и основными подходами являлись: эволюционно-генетический подход (П. Медовара, Д. Вильямса) и гормонально-генетический подход. Основной идеей этих исследований было поиск средств для борьбы со старением. Одним из важ-

нейших социально-гуманитарных направлений геронтологии выступила социогеронтология. Для развития геронтософии, заявляющей о себе, как о важном научном направлении, находящимся только на пути своего развития, обращение к результатам общественного направления социогеронтологии является логичным действием. Социогеронтология в России ориентирована на практическую область социальной работы для «изучения вопросов о месте и роли пожилых и старых людей в обществе, перспективах развития "стареющего" общества, обязанностях и гарантиях общества и государства по отношению к пожилым гражданам, социальной политике в отношении пожилых членов общества, их социальном самочувствии, а также социальной профилактике старения как отдельных индивидов и социальных групп, так и общества в целом с целью заключения или смягчения негативных последствий процесса "старения" общества, разрешения противоречий, вызванных его "старением", и оптимизации тенденций его развития». (З.А. Бутуева. Основы социальной геронтологии). Большинство задач геронтософии и социогеронтологии совпадают, однако у каждого научного пути есть свои методы и методики для решения сложных демографических задач.

В условиях глобального демографического старения, характеризующегося увеличением доли населения старше 65 лет (прогнозируемый рост до 24,3% в РФ к 2050 г.), возникает ряд биоэтических дилемм, которые касаются медицины и системы медицинского образования в направлении гериатрии. Проблема подготовка медицинских кадров в сфере гериатрии стала серьезной проблемой не только для медицины, но и для всего общества. Возникла объективная необходимость сформировать геронтологическую культуру, в которой основными базовыми элементами должны быть воспитание и моральные ценности. Несмотря на растущую потребность в гериатрах, у студентов-медиков наблюдается низкий интерес к данной специальности. Изменение ценностных ориентиров в обществе влияет на сложную ситуацию в формировании системы геронтологической подготовки через сложившееся негативное представление о старении у студентов. Предпринятые меры о наложении гериатрических обязанностей на всех врачей только усилили напряженность отношений врач-пациент, создавая предпосылки к равнодушию и халатности в отношении пожилых людей часто из-за социальной и профессиональной геронтологической некомпетентности. В связи с этим, формирование геронтологической культуры среди студентов-медиков признается одной из центральных задач медицинского образования, поскольку именно отношение к старости напрямую коррелирует с качеством оказываемой помощи и профессиональным выбором студентов. Авторами доклада было проведено исследование, целью которого

стала оценка мотивации будущих врачей-гериатров или терапевтов относительно выбора этой сферы медицинской деятельности, определение их моральных качеств и оценка социокультурных сдвигов, влияющих на формирование общих взглядов на страдания пожилых людей.

Проведенный анализ полученных данных свидетельствует о несформированности геронтологической компетентности у будущих медицинских работников и наличие у них выраженных эйджизм-установок.

Коваль Екатерина Александровна
д.ф.н., профессор кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
МГУ им. Н.П. Огарёва

Я и искусственный Другой: этические риски взаимодействия

Человеку свойственно наделять человеческими чертами живые и неживые сущности, принадлежащие миру природы или миру культуры. Не удивительно, что генеративный ИИ, способный взаимодействовать с человеком на естественном языке, не избежал участи антропоморфизации. Однако тенденция к антропоморфизации становится неестественной: ИИ называют «искусственным моральным агентом», «искусственной мудростью», «человеком в гаджете». В противовес данной тенденции активно используются обозначения ИИ, сконцентрированные на его функциональности: механизм, инструмент, технологическое средство.

Избыточная антропоморфизация ИИ влечет за собой этические риски сверхдоверия, наделения системы такими человеческими атрибутами, как сознание, эмоции, чувства, убеждения. Вера в объективность и беспристрастность машины связана с делегированием ответственности ИИ.

Избыточная инструментализация связана с такими этическими рисками, как присвоение результатов деятельности ИИ и чрезмерного ожесточения, проистекающего от вседозволенности.

В качестве компромисса можно предложить такой концепт, как искусственный Другой, при условии корректно подобранной концепции Другого. Перспективными для данной задачи представляются концепции Мартина Бубера и Михаила Бахтина.

Бубер включает в круг Других не только людей, но и нонантропные сущности. Он определяет отношения как взаимность, различая отношение и познание. Но чтобы обосновать это различие, он вводит еще одно: Я — Ты и Я — Оно. Это ставит под сомнение продуктивность прило-

жения концепции Бубера к анализу взаимодействия человека с ИИ, поскольку Я — Оно всегда будет склоняться к избыточной антропоморфизации, а Я — Ты — к избыточной инструментализации ИИ. Однако у Бубера обнаруживается принципиально важная для концептуализации искусственного Другого идея: Другой — не обязательно человек.

Гораздо интереснее представления о Другом, изложенные в ранних работах М.М. Бахтина. Другой — неотъемлемый элемент архитектоники поступка, ключевыми моментами которой являются я–для–себя, другой–для–меня, я–для–другого. Центральное место в архитектонике занимает Я. Только Я несет ответственность, только Я обладатель не–алиби в бытии, только поступающее Я — автор. Другой никогда не заменяет и не замещает Я в поступке. Я — всегда человек. Но допускает ли Бахтин, как это сделал Бубер, что Другим может быть не только человек? В работах 1920–х гг. Бахтин часто оперирует понятием «предмет», наделяя его довольно широким содержанием, не исключающим нонантропную природу Другого, при условии, что в архитектонике поступка он может выполнить соответствующие функции.

Учитывая асимметричность архитектоники поступка, место Другого вполне может занять искусственный Другой, не умаляя тем самым меры ответственности Я, а значит, и способности поступать. Возможность взаимодействовать с человеком на привычном для него языке выгодно отличает системы генеративного ИИ от иных интеллектуальных систем. Взаимодействие с искусственным Другим не идентично ни разговору с другим человеком, опосредованному технологией, ни разговору с самим собой.

Поскольку общепринятых устоявшихся норм взаимодействия с искусственным Другим еще не появилось, особое значение приобретают моральные интуиции.

Особый статус искусственного Другого в ряду предметов поддерживает такие моральные интуиции, как выбор в пользу стратегии вежливого взаимодействия Я и искусственного Другого, а также отказ от притязаний на авторство сгенерированного контента или наделения авторским статусом искусственного Другого, который не может поступать, не может быть Я, а значит, и автором.

Вторая из обозначенных интуиций нашла закрепление в политиках, принятых авторитетными в сфере публикационной этики институциями (COPE, ICMJE и др.), крупными издательствами и отдельными научными журналами, запретившими обозначить ИИ в качестве автора или соавтора научной публикации. Что касается вежливого обращения с чатботами, «умными» колонками, роботами-помощниками, то эта моральная интуиция еще ожидает своего автора для нормативного выражения.

Коваль Софья Викторовна
к.ф.н., старший преподаватель факультета права
НИУ ВШЭ

Размывание границ философско-правовых школ: право, политика, мораль

Историческое развитие философско-правовых школ показало, что их понимание стало гораздо более сложным. На протяжении XIX–XX веков право рассматривалось в рамках относительно устойчивых направлений — позитивизма, естественного права и реализма. Однако дальнейшая эволюция этих школ и их взаимодействие привели к постепенному размыванию границ между ними.

Сегодня трудно дать чёткое и однозначное определение как правовому позитивизму, так и естественно-правовой традиции. Под позитивизмом часто понимают не только классическую концепцию права как совокупности норм, исходящих от суверена, но и целый спектр различных подходов, от нормативного до институционального. Аналогично и естественное право больше не сводится к идее универсальных моральных принципов, предшествующих праву: оно претерпело существенные изменения под влиянием истории, философии и правовой практики.

На формирование репутации и восприятия школ оказали влияние исторические контексты. Так, кризис 1930-40-х годов, связанный с тоталитарными режимами и Второй мировой войной, способствовал критике позитивизма как теории, не способной обеспечить моральное сопротивление несправедливым законам. В то же время идеи естественного права получили новый импульс в связи с разработкой международных правовых стандартов и прав человека. А сегодня в США представляет собой консервативное неотомистское направление.

Современная дискуссия о позитивизме включает новые направления — «мягкий», «жёсткий» и «нормативный» позитивизм. Они значительно отличаются от классического варианта и демонстрируют внутреннее разнообразие, делая сам термин «позитивизм» многозначным. Это подтверждает, что строгие границы между школами всё более утрачивают значение, уступая место гибридным концепциям.

Кроме того, в позитивизм постепенно внедряются политическое, моральное и этическое измерения. Яркий пример можно найти в работах Джереми Уолдрона, который показывает, что право не может быть понято исключительно как система норм, отделённая от моральных оснований. Его исследования парламентаризма, демократии и верховенства права демонстрируют, что позитивистская традиция может включать нормативные аргументы, ранее свойственные оппонентам позитивизма. Таким образом, современная философия права характеризуется не жёсткими разграничениями школ, а их взаимным влиянием и пересечением.

Ковальчук Сергей Валерьевич
к.т.н., доцент факультета технологий искусственного интеллекта
Университет ИТМО
Кубряк Олег Витальевич
Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Проблема выравнивания моделей искусственного интеллекта в задачах профессионального принятия решений

"Проблема выравнивания" (alignment problem) достаточно активно обсуждается в рамках анализа ограничений современных решений искусственного интеллекта (ИИ). В первую очередь этот вопрос возникает с точки зрения решений ИИ, возникающей в итоге смещенности обучающих выборок, но приводящих к отклонениям в ИИ, которые могут трактоваться как неэтичные, предвзятые и пр. (1,2). С другой стороны, проблема выравнивания приобретает специфическое прочтение в случае задачи поддержки принятия профессиональных решений, таких как, например, врачебные решения.

В рамках текущей работы мы предлагаем рассматривать проблематику выравнивания ИИ в задачах поддержки профессиональных решений как комплексную задачу, связанную с различными аспектами взаимодействия ИИ и лица, принимающего решения (ЛПР). Во-первых, возникает вопрос объективной корректности и этичности рекомендаций, предоставляемых ИИ в конкретном внешнем контексте, что относительно соответствует традиционному пониманию проблемы выравнивания. Во-вторых, возникает вопрос субъективного соответствия рекомендаций ИИ субъективным ожиданиям ЛПР, его модели ценностей, а также соответствия предоставляемой информации и информации, необходимой для поддержки принятия решений — проблема выравнивания ИИ относительно внутреннего контекста ЛПР. В-третьих, процесс выравнивания и адаптации ИИ и ЛПР в общем случае представляется многомасштабным (от масштаба отдельного эпизода принятия решений до долгосрочной адаптации) и двунаправленным (меняется не только ИИ, но и человек). При этом двунаправленность адаптации представляется критически важной, как с точки зрения повышения эффективности принятия решений, так и с точки зрения динамики (как положительной, так и отрицательной) когнитивных характеристик человека ЛПР: современные исследования (3) отмечают риски профессиональной и когнитивной деградации при использовании современных технологий ИИ.

В этой ситуации представляется критично важным расширение проблематики выравнивания от первого упомянутых аспектов на второй и третий. При этом механизмы прозрачности, объяснимости, доверия,

традиционно рассматриваемые в разработке решений на базе ИИ становятся инструментами оптимизации. Целью же становится правильная постановка метрик оценки и целевой модели ценностей. С технической точки зрения такое расширение позволяет говорить о расширении проблемы "внешнего выравнивания" (outer alignment) /2/. Одновременно важной становится проблема распределения ролей человека и ИИ. Одним из рассматриваемых сегодня взглядов является явное выделение роли "носителя ценностей" для человека как способ снижения риска деградации и снижения когнитивного потенциала систем человек-ИИ (4,5). Другим аспектом является поддержка необходимого баланса критичности и конформности во взаимодействии человека и ИИ с избеганием как крайнего доверия, так и крайнего недоверия ИИ (см. например, (6)). Рассматриваемая проблематика, с одной стороны, формирует ряд критичных вопросов, необходимых для развития технологий взаимодействия человек-ИИ в процессиональных задачах, а с другой стороны, определяет концептуальный фреймворк для разработки таких решений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-11-00272, https://rscf.ru/project/24-11-00272/.

Коленько Григорий Сергеевич
к.т.н., ассистент Института энергетики
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Коленько Сергей Геннадьевич
кандидат культурологии, старший преподаватель
кафедры русской философии и культуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Ступени мотивации праведника к праведной жизни: от рыночных отношений к внеземным категория

В очередной раз, явно не первый и не последний, заострим внимание на простом в своей формулировке, и одном из вечных вопросов антропологии — что движет людьми, которые ведут праведный образ жизни, стараются соблюдать этические и религиозные нормы? Какова их мотивация?

Начнем с определения. Мотивация в психологии — «это побуждение к действию; психофизиологический процесс, управляющий поведением человека, задающий его направленность, организацию, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности». Применительно к жизни людей, стремящихся соблюсти эти-

ческие или религиозные правила, законы, мотивация — это движущая сила, помогающая им преодолеть повышенное «гидравлическое» сопротивление при движении «против течения», и претерпеть определенные трудности на жизненном пути. Эта движущая сила, а также ценность ожидающей в конце маршрута награды, очевидно, должна перевешивать манящую простоту и привлекательность «широкого потока».

О проблеме выбора пути говорил еще псалмопевец Давид: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут» (Пс. 36:1–2).

Вообще, тема мотивации праведника в рамках христианской традиции тесно соприкасается с представлениями о справедливости и о справедливом воздаянии за добрые и злые дела. Так, в Ветхом Завете прослеживается две тенденции.

Одна из них как раз пытается нормализовать, узаконить, очертить поведенческие пределы, внутри которых человеку будет благо. Это сама идея Закона как такового. Есть Бог как личность, есть Его воля. Сообразуясь с этой волей, ты всегда будешь у Него в благоволении.

А есть другое видение. Это Иов, это Екклесиаст, это пророки, которые говорят, что, увы, нет — праведник так не живет. Наоборот, часто в жизни праведника случаются ужасные вещи. Пророки самой своей жизнью показывают, что так не работает.

Мы хотим видеть Бога как абсолютного автократа, который, держа сильную рукою весь мир в узде, одним воздает одно, другим — другое, не отнимает палец от пульса и действует в ту же секунду.

Но, как верно заметили библейские толкователи, в Писании Бог совершенно другой. Иначе, если бы Он не только за благодеяния сразу вознаграждал, но и наказывал за беззакония, по этой земле никто бы и не ходил.

Из сказанного ясно, что благоденствие в жизни земной не может являться главной мотивацией праведной жизни.

Оказывается, в рамках христианской традиции выделяют три ступени мотивации праведника к праведной жизни — по степени высоты отношений Бог — человек.

Самая первая и простая — отношения из страха. Церковь называет их рабскими. Раб трудится, чтобы не быть наказанным. Это страх ада, страх мучения, страх жизненных проблем и неурядиц. Часто из таких ситуаций человек вполне обращается к религиозной жизни.

Вторая ступень называется ступенью слуги. Здесь как раз человек трудится, чтобы получить какое—то вознаграждение (в настоящей земной жизни). Первые две ступени можно назвать отношениями «дашь–на–

дашь», где человек старается исполнять волю Бога не бескорыстно, а в обмен на что-то.

Наконец, третья ступень — предполагает отношения, в которых мы ничего не хотим и ничего не просим, в которых мы ищем Бога ради Бога, и пребываем в Нем. Изучая жития святых, можно заметить, что многие из них несли физические или материальные тяготы, но это не помешало им достичь, путем усердных молитв и терпения, состояния святости, любви к ближним и пребывания в Боге.

Кондратова Алина Владиславовна
обучающийся магистратуры факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика кураторских практик в политическом искусстве

Политическое искусство работает с памятью, травмой и социальными конфликтами. Художник в таких случаях нередко выступает в роли свидетеля, предъявляющего опыт насилия или несправедливости. Однако свидетельство никогда не существует само по себе: оно становится видимым только в пространстве репрезентации, и здесь ключевую роль играет куратор. Именно он решает, какие голоса прозвучат, каким образом будет представлен конфликт и какое место в публичности получат разные формы свидетельства.

Кураторскую практику традиционно связывают с заботой: этимология слова «cura» указывает на уход, внимание и сопровождение. В этой логике куратор мыслится как фигура, которая обеспечивает согласие и гармонию, создаёт доверительные связи между художником, аудиторией и институцией. Однако для политического искусства модель «дружбы» оказывается недостаточной. Политическое искусство возникает из конфликта и черпает силу именно в его проявлении. Если куратор ограничивается гармонизацией, он рискует нейтрализовать или эстетизировать конфликт и тем самым лишить искусство его политичности.

Продуктивной оказывается идея «agonistic care» — агонистической заботы. Забота в кураторстве означает внимание к уязвимому и ответственность перед Другим. Агонизм, напротив, подчеркивает неизбежность конфликта и его институирование в публичной форме. Их соединение позволяет мыслить кураторскую практику как этико-политическую: куратор заботится о сохранении уникальности свидетельства, но делает это так, чтобы конфликт не был скрыт, а остался видимым и обсуждаемым.

Эта логика проявляется в работе с современными художественными проектами. Например, коллектив Forensic Architecture создаёт визуаль-

ные реконструкции военных преступлений и актов насилия. Их материалы имеют статус доказательств, но в музее они становятся экспонатами. Куратор решает, будут ли они восприняты как документы или как эстетические объекты. Агонистическая забота здесь означает не сгладить это противоречие, а сделать его явным: зритель должен осознавать, что перед ним и доказательство, и художественная форма одновременно.

Таким образом, куратор политического искусства несёт особую моральную ответственность. Его задача — не устранять противоречия, а институировать их в формах, которые сохраняют уязвимость Другого и одновременно делают конфликт публичным. Агонистическая забота соединяет этику и политику: куратор создаёт условия для репрезентации, которые не превращают свидетельство в инструмент и не скрывают конфликт, а удерживают его как источник диалога и спора.

Константинов Михаил Сергеевич
к.п.н., доцент
Южный федеральный университет

Моральные основания российского коммунитаризма: между традицией и современностью

Исследование коммунитаристских ценностей в современной России через призму теории моральных оснований Дж. Хайдта открывает новые перспективы понимания этической структуры российского общества. На основе двухволнового всероссийского репрезентативного опроса мы проанализировали, как различные моральные конфигурации формируют многомерную природу российского коммунитаризма. Теория Дж. Хайдта постулирует существование пяти (более поздней редакции — шести) универсальных моральных модулей: забота/вред, справедливость/обман, лояльность/предательство, авторитет/подрыв, святость/осквернение. В либеральной морали доминируют первые два «индивидуализирующих» основания, тогда как консервативная мораль задействует весь спектр, включая три «связывающих» основания. Наше исследование показало, что эта дихотомия недостаточна для описания российской моральной системы.

Методология исследования. Проведено две волны всероссийского опроса (ноябрь–декабрь 2023 и 2024 гг., N=1600 в каждой волне). Выборка стратифицирована по возрасту (четыре когорты: 18–24, 25–39, 40–59, 60+ лет по 400 респондентов) и регионам (восемь федеральных округов по 200 респондентов). Сбор данных осуществлялся методом компьютеризированного веб—интервьюирования (CAWI).

Операционализация включала: (1) Коммунитаристские ориентации — 19 утверждений по 4-балльной шкале Лайкерта, образующие три независимых измерения после выявления низкой внутренней согласованности составного индекса (α=0,132–0,273); (2) Моральные основания — адаптированные шкалы: забота/вред, справедливость/обман (α=0,782), лояльность/предательство (α=0,919), авторитет/подрыв (α=0,841), святость/осквернение (α=0,827). Применялись корреляционный анализ, множественная регрессия, ANOVA с post-hoc тестами Тьюки, факторный и кластерный анализ.

Ключевые результаты: моральные основания как медиаторы возрастных различий. Первоначальный регрессионный анализ, включавший исключительно социально-демографические предикторы, показал слабую объяснительную силу: R^2=0,103 для коллективистской ориентации (возраст 60+ был значимым предиктором β=0,167) и крайне низкую R^2=0,017 для эгалитарной ориентации (возраст оказался незначимым).

При добавлении в регрессионную модель переменных моральных оснований картина кардинально изменилась. Для коллективистской ориентации R^2 вырос до 0,182 (увеличение в 1,8 раза), при этом влияние возраста сохранилось, но ключевыми предикторами стали святость (β=0,226) и авторитет (β=0,184) — «связывающие» основания по Дж. Хайдту. Для эгалитарной ориентации трансформация была еще более значительна: R^2 увеличился до 0,145 (в 8,3 раза!), где справедливость (β=0,330) и забота (β=0,172) — «индивидуализирующие» основания — стали главными предикторами, а молодой возраст даже стал отрицательным предиктором.

Это означает, что видимые межпоколенческие различия в коммунитаризме — не прямой эффект возраста или поколенческой принадлежности, а результат различной активации моральных модулей. Старшие поколения (60+) опираются на расширенный моральный репертуар, включающий святость (сакрализация групповых ценностей), авторитет (уважение к иерархии) и лояльность (верность группе). Молодежь активирует преимущественно универсалистские основания справедливости и заботы, что парадоксально поддерживает эгалитарный коммунитаризм при декларируемом индивидуализме.

Корреляционный анализ подтверждает дифференциальную связь моральных оснований с измерениями коммунитаризма. Коллективистская ориентация (приоритет групповых интересов) сильнее коррелирует со «связывающими» основаниями: святость (r=0,402), авторитет (r=0,351), лояльность (r=0,298), но слабо со справедливостью (r=0,089). Эгалитарная ориентация (равенство и взаимопомощь) показывает обратный паттерн, коррелируя с «индивидуализирующими» основаниями: справед-

ливость (r=0,365), забота (r=0,332), при более слабой связи с авторитетом (r=0,156).

Молодежь декларирует индивидуализм (19,2 % самоидентификации), но сохраняет высокую поддержку эгалитарных принципов (91,6 %), опираясь на моральные основания справедливости и заботы. Старшие поколения демонстрируют более широкий моральный репертуар, активнее используя «связывающие» основания. Факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру («связывающие» — 42,3 % дисперсии, «индивидуализирующие» — 18,7 %), однако в российском контексте эти факторы не противопоставлены, а сосуществуют синкретически.

Таким образом, российский коммунитаризм представляет этически гетерогенный феномен, где православная соборность, советский эгалитаризм и современные ценности создают уникальную моральную конфигурацию. Теория Дж. Хайдта требует контекстуальной адаптации: в российском случае пять моральных оснований не образуют жесткой либерально-консервативной дихотомии, а формируют сложный этический синтез, критически важный для понимания ценностного плюрализма транзитивных обществ.

Копанева Валерия Андреевна
к.ф.н., преподаватель кафедры философии, биоэтики и права
ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России

Рутинизация как ценностный эффект социального признания

Признание, понимаемое в статическом смысле, является предпосылкой к совместной деятельности людей, признание в динамическом аспекте само представляет собой частный случай деятельности.

В результате взаимного признания вырабатывается социальная идентичность человека, поскольку внешняя оценка его действий в случае взаимности получает с его стороны встречное подкрепление и тем самым фиксируется на уровне самосознания.

Реализовать свою свободу воли возможно лишь при том условии, что уже имело место социальное признание, как минимум, в юридической форме наделения правоспособностью, то есть возможностью быть носителем прав и обязанностей и дееспособностью, то есть возможностью фактически осуществлять и приобретать их своими действиями. Рамки социальной свободы определяются исходя из того, в каких сферах и в каком качестве лицо получает социальное признание. Социальный интерес формируется через серию актов признания, имеющих раз-

личных субъектов и общий объект. Само социальное признание выступает одним из наиболее типичных социальных интересов, поскольку опосредует доступ лица к различным социальным реалиям.

Общественное воспроизводство опирается на общее признание каких-либо социальных образцов, институтов, ценностей, что влечет за собой систематическое повторение соответствующих социальных практик.

Социальные институты представляют собой результат преобразований практик социального признания в факты социальной признанности, когда признание приобретает рутинизированный характер и не требует непрерывного возобновления, а осуществляется уже на уровне традиционного действия.

В гражданском обществе действует общий механизмы социального признания, посредством которых индивиды и социальные группы выделяют те или иные формы деятельности в качестве ценностно приемлемых и, следовательно, подлежащих широкому распространению.

Это является одной из причин состояния, именуемого отчуждением, т.е. нарушение социальных связей, смыслоутраты, при которой те или иные явления или процессы продолжают существовать, хотя не находят себе не субъективного, не объективного обоснования.

Корниевский Алексей Анатольевич
аспирант кафедры теоретической и социальной философии
философского факультета
СГУ

Десакрализация исторической памяти в процессе её формирования

Формирование исторической памяти сегодня считается важным аспектом внутренней государственной политики. Предполагается, что поведение людей зависит в том числе от того, какую историческую память они разделяют или, другими словами, от того, какие представления они имеют о своём коллективном прошлом. Исходя из этого положения, часто делается вывод о том, что государство должно самостоятельно в активной форме заниматься формированием «правильной» исторической памяти. При этом процесс формирования сводится к трансляции тех представлений о коллективном прошлом народа, которые государство считает верными. В целях подобной трансляции организуются фестивали, выставки, просветительские проекты, школы, конференции; создаются интернет-ресурсы, музеи, библиотеки, выпускается различного рода литература.

В порядке рефлексии, тем не менее, необходимо поставить как минимум два вопроса. Во-первых, как именно историческая память влияет на поведение людей? Без ответа на этот вопрос вмешательство в процессы формирования исторической памяти начинает носить волюнтаристский характер и создаёт риск возникновения непредвиденных последствий. Во-вторых, как действительно формируется историческая память? Оба вопроса являются фундаментальными и требуют серьёзных эмпирических исследований. Однако по обоим вопросам в их взаимосвязи возможно высказать некоторые теоретические соображения уже сейчас.

Предположительно, историческая память, взятая с точки зрения своей функции в социальной системе, должна способствовать, прежде всего, формированию и поддержанию национально-государственной идентичности граждан. Проще говоря, память об общем прошлом должна вызывать эмоции сопричастности значимым событиям, имевшим место в этом прошлом. Гипотетически именно эти эмоции сопричастности и способствуют формированию гражданской солидарности и коллективного действия. Подобные значимые события, вызывающие стойкие и сильные эмоции сопричастности, как нам представляется, эвристически перспективно анализировать с помощью понятия сакрального, активно применяющегося в т.н. «сильной» программе в культурсоциологии (Дж. Александер, Ф. Смит).

Можно ли, основываясь на вышеизложенном, утверждать (хотя бы в порядке предположения), что эксплицитная трансляция представлений о коллективном прошлом, приводит, во-первых, к усвоению этих представлений на индивидуальном уровне, во-вторых, к формированию тех самых необходимых устойчивых эмоциональных связей? Нам представляется, что теоретически следует исходить из прямо обратного. Одним из необходимых условий существования сакрального является особый режим доступа. Для того, чтобы не допустить девальвацию (десакрализацию) сакрального, необходимо ограничить его проявления на уровне повседневной (профанной) жизни общества. Именно это условие чаще всего и не соблюдается при реализации политики по формированию исторической памяти. К сакральным событиям из истории народа обращаются слишком часто, при каждом удобном поводе, зачастую лишь для того, чтобы продемонстрировать свою приверженность (лояльность) актуальным интересам и ценностям действующего правительства, понимаемого в широком смысле. Подобное обращение с сакральным приводит к его профанации, а значит прямо противоречит заявленным в рамках реализации патриотической политики целям и задачам, поскольку лишает историческую память её связи с поведением людей.

Коробейников Вадим Сергеевич
аспирант, ассистент
Дальневосточный федеральный университет

Природа зла как морального выбора в стоицизме Марка Аврелия

Данное исследование посвящено анализу концепции зла в философии Марка Аврелия. В рамках его философской системы зло редуцируется исключительно к сфере морального выбора индивида. Целью исследования является реконструкция внутренней логики этого учения на основании текста «К самому себе», а также выявление его специфики в контексте позднестоической традиции с акцентом на радикальный интернализм и практическую этику.

Основные положения.

1. Онтологическая нейтральность внешних событий как основа учения о зле:

Фундаментальной основой этики Марка Аврелия является концепция «безразличного» (ἀδιάφορα). События внешнего мира, такие как смерть, болезнь, бедность или слава, сами по себе не являются ни добром, ни злом. Как отмечает философ, «Благом и злом является только то, что зависит от нравственного выбора (προαίρεσις)» (VI 41). Онтологический статус этих явлений рассматривается как «материал», предоставляемый вселенским Логосом для моральной оценки. Таким образом, зло не может быть атрибутировано объективному миру, который, по определению, является благоустроенным и разумным (II 17; V 8).

2. Генезис зла в ошибке морального выбора и власти над представлениями.

Зло возникает исключительно в рамках внутреннего пространства человеческого разума, в его «ведущем начале» (ἡγεμονικόν). Оно является результатом ошибочной интерпретации «представлений» (φαντασίαι). Когда разум некритически принимает ценностные суждения о внешних событиях (например, «болезнь — это ужасно»), он попадает под влияние страстей. Марк Аврелий, следуя за Эпиктетом, указывает: «Если ты огорчаешься чем-либо внешним, то не оно тебя огорчает, а твое суждение о нем» (VIII 47). Следовательно, зло представляет собой следствие неверного этического суждения, искажающего восприятие объективной реальности.

3. Зло как моральная деформация: порок и неведение.

В контексте философии Марка Аврелия зло представляет собой порок (κακία), проявляющийся в действиях, противоречащих разумной природе человека. Пороки возникают из страстей (πάθη), которые определяются как «противоразумные движения души» (II 10). В рамках стоиче-

ского интеллектуализма Марк Аврелий часто отождествляет порок с неведением (ἄγνοια): «Совершающий несправедливость — безбожник. Ибо универсальная природа сотворила разумные существа друг для друга ... Отступающий от этого закона — очевидно, повинен в нечестии» (IX 1). Таким образом, злой человек характеризуется как заблуждающийся индивид, не осознающий своей истинной природы и места в космическом порядке.

4. Специфика позиции Марка Аврелия: экзистенциальный акцент на борьбе с внутренним злом.

В отличие от ранних стоиков, уделявших внимание логике и физике, Марк Аврелий акцентирует внимание на этике. Его философские размышления представляют собой не теоретический трактат, а экзистенциальный опыт. Понятие зла как морального выбора приобретает ярко выраженный практический характер. Основной задачей философа является постоянное самонаблюдение и «самолечение» (V 9) от негативных склонностей. Императив «Не делай того, что осуждает твоя совесть» (XII 17) становится центральным. Данный подход смещает акцент с осуждения внешнего зла на борьбу с его источником в собственной душе.

Заключение.

Учение Марка Аврелия о природе зла представляет собой последовательную и радикальную концепцию моральной ответственности. Сводя зло к ошибке индивидуального выбора, основанной на неверном суждении, философ освобождает богов и мироустройство от ответственности за нравственное несовершенство человека (VI 41). Эта концепция является квинтэссенцией стоического интернализма, предлагая строгую и требовательную этическую модель, в которой единственным подлинным злом является сознательный отказ разума от следования добродетели.

Коротченко Юлия Михайловна
доцент, д.ф.н., профессор кафедры религиоведения и философии культуры Института «Таврическая академия»
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Homo Deus как человек последний: Ф. Ницше против Ю.Н. Харари

Интенсификация технологического развития современного человечества выводит возможности применения технологических достижений за пределы материального производства и подвергает заметным трансформациям все остальные сферы общественной жизни. В ходе цифровой экспансии рождается качественно новая оптика видения челове-

ком самого себя, специфики своей жизни под влиянием прорывных технологий, своего места в природе и культуре. Кто он — человек будущего, «краткую историю» которого пишет идеолог трансгуманизма Ю.Н. Харари? Каким видится человек в свете принятия принципа всесильности технологического относительно всего остального, но, в первую очередь, — этического, или, по выражению Харари, метафизического? Чем оправдывается пренебрежение всем, что наше сознание традиционно ставит выше нас самих — этическими идеалами, соотнесенными со смыслом жизни человека как такового и каждого человека как конечного в своем личном телесном существовании? Насколько правомерно такое оправдание постулируемым технологическим апгрейдом Homo Sapience как переходом на новую эволюционную ступень, занимаемую Homo Deus? Обнаруживается ли в истории философской мысли иная оценка содержания понятия "Homo Deus", и каковы ее рефлексивные основания? Высшая степень рискогенности цифрового технологического прорыва характеризует идеологию трансгуманизма как своеобразного ответа на вызовы четвертой промышленной революции. Программные работы знаковых для этой идеологии авторов — Ю.Н. Харари и К. Шваба — «Homo Deus: краткая история будущего» и «Четвертая промышленная революция» соответственно, впервые увидели свет в 2016 году. В вышеупомянутом труде Ю.Н. Харари говорится не просто о неизбежности, но и необходимости создания нового человека — телесно бессмертного, с полностью измененной биохимией и соответствующей реконструкцией тела и мозга. Центральными идеологемами становятся смерть как исключительно техническая проблема и счастье как непрерывное блаженство–удовольствие. Человек станет подобен богу, достигнув высшей ступени в своей эволюции, а последняя начинает пониматься как технологическое развитие. Идея человека будущего не нова в интеллектуальной истории человечества. И Homo Deus Харари конструируется с претензией на соизмеримость с ницшеанским сверхчеловеком. Человек божественный, по Харари, будет превосходить современного человека, обладать некими сверхспособностями, будет жить вечно и испытывать удовольствие постоянно. Однако для Ницше сверхчеловек — особое состояние, к которому необходимо вечно стремиться, возвращая себе собственно человеческое. Для этого необходимо усомниться в своем совершенстве, ощутить тоску по Дальнему — высокому нравственному идеалу, который, по словам Ницше, выше человека. Одновременно Ницше говорит о человеке, для которого здоровье является высшей ценностью и целью, чтобы жить дольше всех, и который полагает, что им найдено счастье вечной физически здоровой жизни, человек, который, по словам Ницше, не знает, что такое любовь, творение, устремление и звезда — та самая танцующая ницшеанская звезда,

рожденная хаосом сомнения человека в своей окончательности. О таком человеке, совпадающем, по сути, с Homo Deus Харари, Ницше говорит как о последнем в оценочном смысле. Эти идеи Ницше, со ссылкой на его программную работу «Так говорил Заратустра», продолжает и развивает М.К. Мамардашвили в статье «Мысль в культуре», в которой обращает внимание на достижение бессмертия человечества в культуре, подчеркивая его достижимость человеком, осознающим необходимость того, что Мамардашвили назвал возвышением человека над самим собой. Среди рисков тотализации использования прорывных технологий можно выделить собственно этические. Идеология такой тотализации, в конечном счете, постулирует избыточность этической наполненности жизни, полагая жизнь и смерть исключительно техническими феноменами. Среди философских оснований оценки рискогенности тотального технического утилитаризма можно выделить концепт последнего человека Ницше как носителя низменных этических начал и понимание бессмертия человека как субъекта культуры Мамардашвили.

Корякова Александра Андреевна
обучающийся специалитета факультета ветеринарной медицины
ФГБОУ ВО СПбГУВМ

Окаменелости чувств: следы инстинктов в современном человеке

Необходимо переосмысление понятия инстинкт в современном обществе и более широкое включение обсуждения инстинктивной природы человека в этической, терапевтической, социальной и философской практиках. С этической точки зрения это способствует преодолению возникших в обществе предрассудков касающихся инстинкта в контексте человека. Признание роли инстинктивной природы, позволит ещё лучше развить этику в этом направлении, основанную не на отрицании человеческой животной природы, а на интеграции разума, духа и инстинкта в одно целое. Принятие этой составляющей позволяет не только лучше понять наши страхи и проблемы, унаследованные от предков, но и ощутить общность как биологического вида. Само слово инстинкт в контексте с человеком зачастую употребляется либо не верно, либо с ироничной насмешкой. Ведь человек традиционно и бесспорно противопоставляется животному миру как существо разумное, способное к сознательному выбору и культурному развитию. Однако, несмотря на все достижения цивилизации, в его поведении сохраняются древние биологические механизмы инстинкты, которые продолжают влиять на эмоции, решения и социальные взаимодействия, очень четко эти паттерны поведения направленные, зачастую, на защиту нас самих можно

отследить, лишь углубившись в психологию. Этические нормы современности требуют не отрицания этих механизмов, а их осознанного принятия и интеграции в систему взаимодействия между людьми. Отрицание инстинктов, их отожествление с рефлексами, придача этому термину негативной или оправдательной окраски полностью игнорирует сложное взаимодействие между эволюционно унаследованными механизмами и высшими когнитивными функциями.

Ключевой тезис статьи заключается в емком высказывании Уильяма Джеймса в его работе «Принципы психологии», которая гласит: «У человека больше инстинктов, чем у любого другого животного ... но он научился их подавлять» — это говорит нам о том, что у человека нет инстинктов в их «жестком», животном понимании — автоматических и неизменных последовательностей действий. Вместо этого мы обладаем глубоким инстинктивным фундаментом, который служит основой для более сложных психических процессов. Этическое осмысление этого фундамента позволяет преобразовать его из источника конфликтов в ресурс для личностного роста и социальной гармонии.

Человек — это сложная совокупность инстинкта, разума и духа, каждая из составных частей которого умело дополняет другую, работая и в обратную сторону, где при закономерном отсутствие одной из этих черт, усложняется жизнь человека как в целом, так и делая невозможным осуществление некоторых базовых функций и удовлетворение основных потребностей.

Этика в свою очередь обязана не разобщать, а объединять все эти понятия в человеке, создавая тем самым наиболее общую картину мировоззрения, которая позволит реализовать человеческий потенциал во всей его полноте. Инстинкты — не проклятие, а часть сложной мозаики человеческого существования, требующая осознанного управления и интеграции в современный контекст.

Кошутин Кирилл Юрьевич
обучающийся бакалавриата
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Супервентность как философско-правовая категория и принципы права

Традиционно в теории права дефиниция понятия "принципы права" следующее.

Принципы права — основные начала, руководящие идеи, согласно которым осуществляется правовое регулирование общественных отношений в той или иной сфере права.

Однако, в данном случае возникает множество вопросов относительно того что является "руководящей идеей" и каким образом они регулируют то или иное отношение и если это их единственный дифференцирующий признак чем тогда они отличаются от правовых норм самих по себе. Также доктрина отмечает преимущественно декларационный, обобщающий характер норм–принципов, но это не снимает предыдущих вопросов. Основными функциями признаков права являются: правоприменительная и методологическая. В данной работе будет указано на иные функции признаков права.

Супервентность — это отношение между множеством свойств или множеством фактов определенных объектов, когда изменение А-свойств (первое множество свойств или фактов первого объекта) с необходимостью влечет изменения Б-свойств (второе множество свойств или фактов второго объекта). Основным тезисом этой работы является наличие свойства супервентности правовых принципов как существенного свойства данных объектов и их основного дифференцирующего признака относительно иных правовых норм, а также их уникальное функциональное назначение (значение).

Принцип справедливости в гражданском праве.

Несмотря на отсутствие правовой регламентации принципа справедливости в качестве основного начала гражданского права последний все равно нашел место как в ГК РФ (п. 2 ст. 6) так и в доктрине. «Она явно претендует на статус самого главного принципа гражданского права наряду с принципом автономии воли и формального правового равенства.» Принцип справедливости детерминирует содержание любого нормативно-правового предписания, всей отрасли права и в любом ее отношении как в отношении правотворчества, так и в отношении правоприменения, так и в отношении регулирования поведения участников гражданского оборота. В этом смысле принцип справедливости обладает всеми признаками супервентности, определение которой было дано выше. Функциональное же его назначение состоит в том, чтобы создавать топос любого правового процесса. Принцип права — мануал для законодателя и правоприменителя.

Этическая характеристика принципов права

Вторым тезисом данной работы является выявление также и аксиологического значения правовых принципов. Любой правовой принцип (общеправовой, отраслевой, институциональный) обладает ценностной характеристикой, устанавливая ценности правопорядка. Безусловно, термин "справедливость" является этически нагруженным, однако это не является проблемой, поскольку, например также этически нагружен термин "добросовестность" однако наличие таких инструментов тонкой

настройки приносит больше пользы чем вреда, поскольку также равно как лучше отпустить 10 виновных, чем посадить одного невиновного, лучше несколько абстрактных и в большей степени этико-философских категорий, чем неприступный, правильный формализм.

Остается открытым вопрос о применении или неприменении определенных этических теорий (или теорий справедливости) относительно некоторых принципов права, но наличие свойства супервентности позволяет провести сравнение с метаэтикой. В этом контексте правовой принцип обладает теми же характеристиками что и метаэтические теории. Принцип права определяет природу любой правовой сущности, равно как метаэтика определяет природу этического суждения.

Закончить бы хотелось перефразировав Юмианский тезис супервентности Дэвида Льюиса: «Все что есть в этом мире — это обширная мозаика местных дел локального факта, все остальное супервентно относительно этого», где в нашем случае локальный факт это принципы права, а нормы это все отсальное.

Краснов Эрик Камоевич
обучающийся бакалавриата
Томский государственный университет

Вопрос о технике как вопрос антропологической этики

Вопрос о технике был поставлен в одну из сущностных проблем человека XX века. Вызовы, с которыми современные люди встречаются на протяжении конкретной эпохи, непосредственно влияют на социальные и исторические, антропологические и экзистенциальные аспекты существования.

Говорить о технике только как о прогрессе человечества в корне неверно, ибо нивелирование между благом и злом размыто. Однако лишь ретроспективное вопрошание о технике позволит в полной мере оценить ее вклад в конструирование и созидание бытия. Более чем восемьдесят лет назад человечество ощутило реальную угрозу вымирания и самоуничтожения посредством техники: Хиросима и Нагасаки превратились в руины, города, на которые сбросили атомные бомбы. В то же самое время Западная Европа билась в агонии, известия о ужасах и событиях Второй мировой войны, массовые разрушения танками и истребителями, концлагеря и ненависть к друг другу заставили открыть глаза каждому человеку о том, что он сам и его собратья могут отойти от норм цивилизации, и, что самое худшее — уничтожить самих себя.

Отныне только человек должен принять во внимание знание о том, что каждый вносит непосредственный вклад в историю. Кроме собственного свободного выбора, как выразились бы экзистенциалисты, человека ничто не остановит. Если все же последний все-таки решит выбрать себя, то он выбирает все человечество целиком. «Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще» (1). Теперь задача между коллективным самоубийством или более разумным применением техники, как выразился Камю, между адом и разумом. Важно отметить, что антропология XX в. основывается на том, что техника сама по себе есть нечто чуждое, порождающее массовое производство и консюмеризм, что приводит к обезличиванию человеческого «я», потере самости в обществе потребления и эпохе глобальных вызовов (технический пессимизм). Нельзя также забывать про то, какой вред наносит человек с помощью техники — одна из тем, которую рассматривал М. Хайдеггер. «Земные недра выходят теперь из потаенности в качестве карьера открытой добычи, почва — в качестве площадки рудного месторождения. Иным выглядело поле, которое обрабатывал прежний крестьянин, когда обрабатывать еще значило: заботиться и ухаживать. Крестьянский труд — не эксплуатация поля» (2).

Однако, с другой стороны, посредством техники перед человеком открылись новые возможности для познания мира (технический оптимизм), выхода из состояния вещи–в–себе; упрощение тех или иных действий, которые в повседневности при естественном состоянии заняли бы гораздо больше времени. Ортега-и-Гассет описал так: «Итак, техника — это, главным образом, усилие ради сбережения усилий. Иными словами, это действия, которые мы предпринимаем, чтобы полностью или частично избежать неотложных забот и дел, навязываемых обстоятельствами» (2). Вопрос же о том, куда потратить сбереженные усилия, достаточно сложен: с точки зрения антропологии, при научно-техническом прогрессе человек заменяется на технику, освобождаясь от множества обязательств, при этом, он сам же, тем самым, обезличивается и теряется на фоне быстроразвивающихся систем, эксплуатируемых капиталистическим и буржуазным строем. Совершенно иначе, с философской позиции, человек оказывается «выброшенным» из социально-общественной жизни, но это может способствовать и тому, что можно назвать философией техники.

Как бы то ни было, квинтэссенцией техники по-прежнему является человек. Человек свободен, но и ответственен за выборы, влияющие на технологический и этический прогресс. Только самопознание и рефлексия могут способствовать контролю вопросов о технике и антропологии.

Крейцберга Карина Андрисовна
аспирант аспирантской школы по философским наукам
НИУ ВШЭ

Этические смыслы и утопии интеллектуалов в школьной реформе Российской империи (1907–1917): полифония нравственных ориентаций

Период между Первой русской революцией и революциями 1917 года стал временем интенсивных поисков новых оснований для российского общества. Одной из ключевых площадок, где концентрировались эти поиски, была сфера образования. Наш доклад фокусируется на малоизученном аспекте этой эпохи — этическом содержании проектов школьной реформы, разрабатывавшихся российскими интеллектуалами. Мы утверждаем, что за дискуссиями о структуре гимназий, учебных планах и методах преподавания стояла не просто борьба политических идей, но глубокий конфликт нравственных ориентаций, настоящая «полифония» этических смыслов. Эти дискуссии были утопиями в позитивном смысле слова — проектами желаемого будущего, в основе которых лежали различные концепции нравственного прогресса и идеального человека.

Цель доклада — реконструировать и проанализировать спектр этических утопий, предлагавшихся российскими педагогами, философами, публицистами и общественными деятелями для преобразования школы. Мы рассматриваем этот процесс как уникальную лабораторию морального творчества, результаты которой имеют значение не только для историков, но и для современной философско-педагогической мысли.

Основные тезисы и содержание доклада:

От административной реформы к этической. После 1905 года вопрос о школе вышел за рамки чисто административных изменений. Интеллектуалы осознали, что школа является мощнейшим инструментом формирования не только грамотного, но и нравственного субъекта. Дискуссия сместилась с вопроса «чему учить?» к фундаментальному «ради чего учить?» и «какого человека мы хотим воспитать?».

Полифония нравственных ориентаций. В докладе будет выделено и проанализировано несколько ключевых «этических голосов» в этой полифонии:

1. Неогуманистическая ориентация: Сторонники этого подхода (наследники идей К.Д. Ушинского) видели цель образования в раскрытии «истинной человечности» через приобщение к мировой культуре, классическим языкам и литературе. Их этический идеал — гармонично развитая, автономная личность, обладающая внутренней свободой и богатым духовным миром.

2. Религиозно-антропологическая ориентация: Представители религиозно-философского ренессанса (вроде С.И. Гессена) стремились к построению школы на основе христианской антропологии. Для них нравственный прогресс был неразрывно связан с обожением человека, а задача школы — создать среду для развития целостной личности, устремленной к Абсолюту.

3. Утилитарно-гражданская ориентация: Либеральные и левые интеллектуалы акцентировали роль школы как инструмента социального прогресса. Их этика была ориентирована на воспитание активного, критически мыслящего гражданина, полезного для общества и способного к преобразованию архаичных социальных структур. Здесь ценились практические знания, научное мировоззрение и идеалы социальной справедливости.

4. Эстетико-символистская ориентация: Часть творческой интеллигенции (например, Вяч. Иванов) рассматривала школу как «храм искусства», где нравственное воспитание происходит прежде всего через эстетическое переживание и творчество. Их утопия предполагала воспитание человека-творца, для которого жизнь есть акт художественного преображения мира.

Уроки для настоящего. Анализ этой исторической полифонии позволяет извлечь важные уроки для современных дискуссий о нравственном прогрессе в образовании:

Плюрализм этических оснований: Невозможно сконструировать эффективную образовательную модель, игнорирующую плюрализм представлений о добре и смысле жизни в обществе.

Опасность морального монизма: История показывает, что попытка навязать единую, унифицированную этическую парадигму (будь то государственная, религиозная или идеологическая) школе ведет к ее догматизации и отрыву от живых запросов личности.

Диалог как условие прогресса: Нравственный прогресс в образовании возможен не как победа одной «правильной» этической утопии над другими, а как сложный, непрерывный диалог между ними, в котором рождаются новые, более сложные и адекватные синтезы.

Заключение. Дореволюционные проекты школьной реформы 1907–1917 годов представляют собой богатейший архив этического воображения. Их изучение позволяет понять, что реформа образования — это всегда, в первую очередь, спор о ценностях и этических идеалах. Осознание этого фундаментального факта является ключевым как для понимания уроков прошлого, так и для ответа на вызовы настоящего, когда мы вновь стоим перед вопросом: какую этическую миссию должна выполнять школа в XXI веке?

Крюк Артемий Денисович
обучающийся бакалавриата Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема ответственности в классической философии Махаяны: как может нести ответственность тот, у кого нет собственного "Я"?

Классическая философская мысль буддизма Махаяны, представленная двумя основными течениями — мадхъямака и йогачара —, за долгие века своего существования успела разработать, прояснить и значительно развить наследие Будды Шакьямуни и так называемого "раннего буддизма". В рамках этих двух направлений разрабатывались различные философские вопросы, связанные с особенностями буддийского понимания реальности, каузальности, субъектно–объектных отношений, проблемы знания, мышления, восприятия. Одним из значимых и вызывавших жаркие дискуссии вопросов была традиционная концепция анатмавады, или "не–Я".

Отрицание реальности какой-либо субъективности в рамках существования чувствующих существ, признание иллюзорности и конвенциональности Самости — сердцевина данного учения. В рамках данной проблемы не может не возникнуть вполне закономерный и легитимный вопрос: если "Я" нереально, то в чем же заключается сущность кармы, кармической ответственности? Можем ли мы говорить об этической проблематике ответственности, если самого субъекта ответственности нет?

В контексте индийской классической философии данный вопрос решался двояко. С точки зрения мадхъямаки, онтологический статус всех дхарм — пустотность (шуньята), вследствие чего перерождение и кармическая ответственность понимаются как истины лишь в относительном плане, которые рождаются в рамках общего неведения пустотности всякой реальности. Мадхъямака, разрабатывая положение Махаяны о тождестве сансары и нирваны, утверждает, что всякое кармическое перерождение относительно реально, в действительности же все бытие пусто и перерождение — лишь очередная иллюзия "бытийствования". Целью жизни человека является просветление через истинное осознание и переживание опыта понимания пустотности, иллюзорности воспринимаемой реальности и собственной Самости.

Иной подход предлагают представители школы йогачара. С точки зрения данного направления кармические связи и кармическая ответственность — это то, благодаря чему формируются ментальные конструкты–"семена" сознания–"сокровищницы" — алая–виджняны. Вся внешняя ре-

альность как она нам видится — это "семена" алая–виджняны, которые формируются как раз за счет всеобщей кармической активности всех чувствующих существ. Осознание иллюзорности мыслительных конструктов, нереальности "семян сознания" — истинный путь пробуждения и обретения свободы от страдания.

Можно утверждать, что классическая буддийская философия, имея разные подходы к пониманию кармы и кармической ответственности, фундаментально сходятся в одном: кармическая ответственность человека — это форма неведения человека насчет природы реальности, связанное с основным заблуждением по поводу собственного "Я". В буддизме этическая проблематика тесно сопряжена с онтологической и сотериологической проблематикой, с вопросом, прежде всего, касающимся фундаментальной проблемы бытия чувствующего. Преодоление неведения, обретение пробуждения и созерцание реальности такой, какая она по своей природе, — это центральная тема буддийской мысли и основная этическая тематика, которой подчинены остальные смежные вопросы.

Кудряшова Валерия Константиновна
преподаватель Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ

В защиту объективности: нео-аристотелианская этика против морального релятивизма

В данном докладе будут рассмотрены стратегии обоснования моральной объективности в нео-аристотелианской этике и критика морального релятивизма.

Теоретические основания этики нео-аристотелизма фундированы идеями этики добродетели Аристотеля, который отстаивал тезис о том, что вне зависимости от существующих локальных исторических и культурных различий нравственные добродетели являются универсальными, так как они исходят из общего представления о человеческой природе. Последователи нео-аристотелианского подхода, придерживаясь этой ключевой идеи, заданной Аристотелем, и общей направленностью на изучение характера морального агента и его первостепенностью для моральной теории, на практике сталкиваются с обвинениями в размывании границ понятия «добродетель» (arete), что, как следствие, приводит к его релятивизации и проблеме определения нормативности. Трудности также возникают и в связи с известной проблемой «списка доб-

родетелей» (the problem of the list), которая состоит в том, что он не является строго фиксированным — следовательно, это предполагает возможность его пересмотра и дополнения в зависимости от культурных различий, что в очередной раз приводит к релятивизации добродетели. В качестве возможных ответов на проблему культурного релятивизма в докладе будут представлены позиции таких последователей нео-аристотелизма, как Ф. Фут, А. Макинтайр, М.К. Нуссбаум и Р. Херстхауз, и их стратегии будут подвергнуты критическому осмыслению:

1. Ф. Фут, придерживаясь фундаментальных оснований аристотелевской этики добродетели, утверждает, что моральный релятивизм все же может представлять определенное затруднение для нео-аристотелианской этики, так как она не предлагает единственного достоверного критерия для разрешения наших моральных разногласий.

2. А. Макинтайр, предлагая в своей книге «После добродетели» подход социальных практик, сталкивается с проблемой релятивизма в связи с отрицанием возможности наличия универсальных стандартов рациональности, не зависимых от каких-либо традиций. В дальнейших работах Макинтайр успешно парирует критику оппонентов с помощью эпистемологического аргумента, демонстрирующего возможность нахождения единого рационального решения даже в случае конфликтующих традиций, и отстаивает позицию морального плюрализма.

3. М.К. Нуссбаум в своих ранних работах выступает в защиту нерелятивистского прочтения аристотелевской этики добродетели, вводя в контекст понятие «сфер жизненного опыта» (grounding experiences), которые служат в качестве универсальных критериев обоснования наличия схожего опыта у представителей различных культурных сообществ. Несмотря на подтверждение своей концептуальной схемы благодаря данным из психологии и антропологии, Нуссбаум оставляет возможность культурного разнообразия в вопросе определения добродетелей, но лишь в рамках единых сфер жизненного опыта. Такое теоретическое решение позволяет сделать вывод о том, что нуссбаумианское решение не снимает вопроса о релятивизации добродетели, что подтвердится в разрабатываемом ею в дальнейшем подходе возможностей (capability approach), в котором она придерживается позиции морального релятивизма.

4. Р. Херстхауз в своей версии этического натурализма пытается апробировать тезис о том, что этические добродетели универсальны вне зависимости от наличествующих культурных различий; проблема релятивизма касается только способа их обоснования. Другими словами, добродетели являются объективно существующими моральными фактами, которые обладают истинностным значением, но на уровне обоснования допускается их релятивизация.

Кузнецов Никита Всеволодович
доцент, д.ф.н., директор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственные ценности русской культуры: образ праведника в русской литературе

«Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».
(Л.Н. Толстой)

В современных энциклопедических словарях праведность толкуется в связи с концептом «святость», а праведники — как проявление святости в мирской жизни. Но нам хотелось бы вернуться к изначальному пониманию праведности и праведников в словаре В.И. Даля, где это понятие связано прежде всего с правдой, понимаемой и как нравственная цель жизни, и как идеал, и, что самое главное, — как путь жизни, жизнь по правде. По В.И. Далю, правда — это «истина на деле, истина во образе, во благе»; «праведный, оправданный житием, правдивый на деле, безгрешный»; подтверждается это толкование в том числе паремией «В ком правды нет, в том добра мало». Из анализа словарных статей, приведенных высказываний, пословиц и поговорок, можно сделать вывод, что праведность в русской традиции была связана с такими понятиями, как правда, добро, благо, справедливость, честность, искренность. А праведник — это человек, который своей жизнью этот нравственный идеал, нравственные ценности реализует.

Наиболее ярко образ праведника представлен в русской литературе, которая во многом определяет доминанты морального самосознания русского общества. Однако, на наш взгляд, в современных исследованиях (прежде всего литературоведческих) образ праведника трактуется весьма расширительно, в него включается большинство героев русской литературы, при этом утрачиваются своеобразные черты данного образа и составляющие нравственную ценность русской культуры. С наибольшей писательской честностью, несомненно, образ праведника был создан Н.С. Лесковым. В небольшой заметке «Герои и праведники» Лесков говорит о праведниках в категории «святые» и ставит их праведность выше даже героического поступка. А.М. Горький, который считал, что именно Лесков открыл праведника в русской литературе, выразил, на наш взгляд, одно из самых характерных ценностных начал праведничества героев писателя — это «единодушие с отчеством», «почтение к деяниям предков великих». Праведник как герой русской литературы, как нравственный тип личности и идеал представляет несомненный интерес для осмысления моральных констант русской культуры. Этот интерес не является сугубо историческим, анализ концепта «правед-

ность» и «праведник» позволяет представить ценностные начала русской жизни, русского мировоззрения в современной эпохе, в которой, на наш взгляд, есть необходимость как в обосновании нравственного идеала, так и в образах и образцах нравственной личности.

Кузьмин Иван Сергеевич
обучающийся аспирантуры
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Духовная составляющая российской цивилизации как ключевой компонент политического просвещения

Духовная (духовно-нравственная) составляющая российской цивилизации — совокупность исторически сложившихся культурно-религиозных традиций, моральных норм и ценностей, определяющих национальную идентичность. В формировании этих основ сыграли роль Русская православная церковь, византийское наследие, полиэтничность страны. В результате к концу истории сложилась особая полиэтническая общность с многообразием языков, культур, религий, что придало ей черты, отличающие её от соседних цивилизаций — европейской и азиатской. Российская цивилизация вобрала в себя социальный, нравственный и духовный опыт народа за века самобытного развития, сохранив ценности непреходящего значения, во многом предопределяющие уклад жизни.

В современной России духовный компонент официально возвышается в основу идеологии государства–цивилизации. Президент РФ неоднократно подчеркивает уникальность России как самобытного государства–цивилизации и призывает активнее «продвигать свои ценности» и «формировать свои гуманитарные, культурные смыслы». По его словам, в «мире ценностное пространство подвергается жёсткой конкуренции»: традиционные ценности у западных стран объявляются «устаревшими», тогда как Россия должна отстаивать свои «традиционные ценности».

Государственные документы закрепляют ценностную основу суверенитета. Социологические опросы фиксируют широкую поддержку таких установок в обществе. Декларируемый перечень духовно-нравственных приоритетов коррелирует с представлениями большинства граждан.

Государство последовательно внедряет духовные ценности в систему политического образования и просвещения. Так, во всех вузах введён курс «Основы российской государственности», основанный на традиционных ценностях и истории страны. Разрабатывается новый предмет «Основы российской православной или иных традиционных конфессий» (по ряду источников введен как факультатив в школах). В среде

высших и средних учебных заведений создана сеть просветительских проектов: журналы «Блокнот гражданского просвещения» (общество «Знание») публикуют статьи экспертов о ценностях и истории, студенческие движения вовлекают молодежь в патриотические и культурные акции.

Широкие возможности предоставляют подготовительные центры и олимпийские образовательные программы: Школа управления «Сириус», центр «Сенеж» и др. нацелены на формирование управленцев с «носителями традиционных ценностей». На государственных предприятиях и в регионах введены должности по «информационно-политической работе», организуются курсы повышения квалификации для чиновников, посвященные национальной идеологии. Вся эта инфраструктура («комплекс мер в сфере идеологии и просвещения») направлена на «формирование целостного понимания основ российской государственности».

Важным аргументом в пользу включения духовного компонента в просвещение называют его функцию «культурно-исторического фактора» консолидации общества. Усвоение традиционных ценностей считается буфером против идеологического давления извне и средством укрепления национального самосознания.

С одной стороны, опора на духовный компонент во многом отражает интересы консервативного большинства общества: она укрепляет социальные «скрепы», возвращает историческую преемственность и задает позитивную повестку (патриотизм, семья, труд). Подчеркивается, что эти ценности органично вписаны в национальную культуру — «коллективистская ментальность», «приоритет государственного начала» и поликонфессиональная традиция отличают российскую цивилизацию от западной. Курс на нравственное воспитание встречает поддержку населения (по опросам, подавляющее большинство россиян одобряют базовые семейно-патриотические ценности).

С другой стороны, критики указывают на риски идеологизации образования. Программа духовно-нравственного развития тесно связана с политическими установками власти, и иногда критикуется за цензуру и ограничение плюрализма. Аналитики обращают внимание, что декларация о «защите традиционных ценностей» часто используется как повод игнорировать общепринятые моральные нормы или трактовать их произвольно. Государственное вмешательство в нормы может вызвать конфликты с принципами светскости и правами отдельных групп.

Историко-философские исследования подчёркивают, что «духовные ценности» являются основой общественной стабильности; их укрепление — по определению — является задачей политического лидерства. В итоге задача политического просвещения — не просто привить набор

догм, а сформировать понимание исторической миссии страны и связь поколений.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Куксо Ксения Александровна
к.ф.н., доцент кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена

Долг диететики как новое применение разума: от Канта к интегративной медицине и педагогике

В исследование показывается, каким образом идеи диететики И. Канта, сформулированные философом в поздний период творчества, предвосхитили ряд центральных установок современных направлений медицины и педагогики, сориентированных на активное применение уникального потенциала субъективности в опыте терапии и обучения — прежде всего, сенсорных и волевых возможностей пациента и обучаемого. В «Антропологии с прагматической точки зрения» и «Споре факультетов» Кант обозначает фигуру субъективности, самообеспечивающую себя хорошим самочувствием и противодействующую развитию душевных и физических патологий. И более того, философ именно с ней связывает возможность для новой партии разума. Вопросы здоровья становятся здесь не выражением личной познавательной прихоти философа, а естественным предметом в разработанным им общем проекте по рассмотрения возможностей применения познавательных способностей.

В перспективе Канта, самостоятельность в поддержании хорошего физического и психического здоровья и диететические меры по противодействию развитию патологий являются выражением долга разума. В рамках доклада анализируются ключевые техники такого этического действия. Существенным для исследования оказывается, что определенные Кантом приемы реализации данного долга направлены против инерционных состояний психофизиологии человека и использования технологического комплекса медицины.

Столкнувшись с проблемами старости, философ разрабатывает обширную область применения своей основной идеи автономии разума: равновесное применение познавательных способностей представля-

ется как одно из противодействий различным психофизиологическим замещением отдельным переживанием разностороннего опыта и зависимости от биомедицины. Реализованность перцептивного потенциала с постоянством контроля перцептивного поля действием суждения определяется как прочная основа здоровья, а любые разрывы или уплотнения перцептивной ткани оцениваются как патогенные. В чрезмерной впечатлительности и рагуле воображения философ также опознает источники патологий. Любые вмешательства в субъективность, препятствующие осуществлению данного самоконтроля, Кант рассматривает как биоэтически некорректные.

Так в исследовании раскрываются принципы медико-профилактических разработок Канта и показывается, каким образом они перекликаются с различными психотехниками, используемыми в персоналистическом направлении интегративной медицины и педагогики. Также рассматривается, почему ответственность за реализацию сенсорного и волевого потенциала становится основой работы с проблемами опыта старости, хронических заболеваний и инерционных форм знания, и как именно она ложится на врача и педагога в случаях пациентов с тяжелым характером хронических заболеваний и сопротивления отчужденным формам знания.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 91–ВГ).

Куликова Мария Сергеевна
к.ю.н., старший преподаватель юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционные ценности в современном дискурсе: диалектика либеральных и консервативных парадигм

Современный дискурс о традиционных ценностях раскрывается через анализ ключевых подходов либеральной и консервативной парадигм. Либерализм, отстаивая приоритетность автономного (атомизированного) индивида и расширение пространства личного выбора, подчеркивает важность морального плюрализма и равенства возможностей. Философской основой этой позиции служит кантианское понимание человека, а также концепция справедливости Дж. Ролза, предполагающая отвлеченную позицию государства в вопросах определения и защиты общего блага. В противовес этому консервативный подход, подчеркивая укорененность личности в традиции как источнике социальной стабильности, настаивает на функциональности естественных иерархий и преемственности социальных норм. Эта позиция находит обоснование

в гегелевской философии нравственности и коммунитаристской критике либерального индивидуализма, в которой традиция рассматривается как коллективный разум, аккумулирующий исторический опыт и обеспечивающий преемственность культурной идентичности.

Особую остроту эта ценностная полемика приобретает в контексте современных политических дебатов, где столкновение либеральных и консервативных подходов проявляется в дискуссиях о границах религиозной и культурной автономии, содержании семейных ценностей, пределах образовательной политики. Вместе с тем, можно отметить тенденцию постепенного перехода от конфронтации к синтезу, проявляющемуся в признании необходимости сочетания универсальных принципов достоинства личности с концепцией ответственной свободы и уважения к культурной специфике. Такой подход становится особенно актуальным перед лицом антропологических вызовов цифровой эпохи, включающих проблемы динамического развития искусственного интеллекта, биотехнологического улучшения человека и трансформации социальности под влиянием цифровых платформ.

Современные технологические новации требуют одновременного сохранения человеческой идентичности, и адаптации ее к новым реалиям, что открывает перспективы для разработки интегральной модели, соединяющей индивидуальные права с социальной ответственностью. Такая модель могла бы предложить этические рамки для регулирования нейротехнологий, алгоритмического управления и цифрового суверенитета, обеспечивая баланс между инновационным развитием и защитой человеческого достоинства. В условиях стремительной трансформации общественных отношений такой синтез представляется не только теоретически продуктивным, но и практически необходимым для формирования устойчивых оснований современного общества, способного отвечать на вызовы технологической революции без утраты смысловых и ценностных ориентиров.

Современная философская мысль предлагает для этого различные подходы. Особый интерес представляет теория, согласно которой традиционные ценности переосмысливаются не как догматические установления, а как динамические принципы, требующие постоянной практической реализации в условиях меняющегося мира. Это позволяет, с одной стороны, преодолеть ригидность консервативного понимания традиции, не отказываясь при этом от её смыслообразующей функции, и, с другой стороны, создать основу для подлинно диалогического взаимодействия между различными ценностными системами в условиях глобальной международной интеграции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00976, https://rscf.ru/project/24-28-00976/.

Лаврентьева Софья Всеволодовна
младший научный сотрудник
Институт философии РАН

Психотерапевтические ИИ-чат боты: автонарратив и проблемы автономии

Нарративные практики в медицине получили новое измерение с развитием телемедицины и онлайн-медицины. Появились новые платформы, которые позволяют дополните психотерапию — чат-боты, работающие на основе искусственным интеллектом (ИИ чат-боты). Общение в терапевтических чат-ботах может показаться адекватной заменой нарративной работы в рамках очных психотерапевтических сеансов, особенно в условиях лечения депрессии. Однако следует уделять внимание двойной роли автонарратива в таком типе коммуникации.

Предоставляемая ИИ чат-ботами возможность конструировать собственный автонарратив в ходе живой беседы согласуется со многими практиками и подходами в психотерапии, предполагающими путь излечения от депрессии через постепенное изменение автобиографического нарратива, путем пересказа, направленного на выявление собственного понимания смысла происходящего, выделения значимых элементов и рефлексии, что вместе задает движение нарратива вперед, и отход от устоявшихся представлений о себе и окружения. Подобного рода взаимодействие превращает переписку с ИИ чат-ботами в особого рода эмоциональный и эвокативный артефакт.

Философ Ричард Хеерсминк с опорой на ситуативную теорию познания предлагает рассматривать память как распределенный во внешней среде и относительный конструкт, распространенный на эвокативные и памятные артефакты и даже на других людей. Взаимодействие пациентов с ИИ чат-ботами, согласно такому представлению, занимает особое положение. Это позволяет нам сравнить подобного рода переписку с артефактами наподобие дневника или пачки писем. Дневники и письма представляют возможность упорядочить свои мысли, выстроить собственный автонарратив. Но также они являются артефактами памяти, с которыми связана часть нашей автобиографии. Подобного рода овнешленная память зачастую превышает возможности биологической памяти. Взаимодействия с подобного рода эвокативными объектами влияет и поддерживает нашу память и конструирует связанную с ней историю о себе. Таким образом, внешние артефакты памяти становятся своего рода продолжением индивидуальной нарративной идентичности.

Важной особенностью взаимодействия с артефактами является возможность агента осуществлять контроль за взаимодействие с носителями распределенной памяти. Переписку и дневники в большинстве случаев можно физически уничтожить. Но в случае с ИИ чат-ботом сложность будет заключаться в том, что не очень ясна регулировка, например, хранения данных, связанных с коммуникацией конкретного пользователя. Даже при удалении переписки или всего приложения они могут продолжать храниться на сервере. Это может стать препятствием на пути терапии, так как основу ее практик также составляет и возможность реализации контроля над воспоминаниями, памятными артефактами и взаимоотношениями с окружением. Хранение информации о личных переживаниях пациента на внешнем и независимом от него носителе может, таким образом, усугубить ситуацию и послужить дополнительной проблемой при терапии, усугубив усталость от самого себя прошлого и, соответственно, препятствуя целями терапии. Подобного рода обстоятельство требует особого рода регулировки автономии, учитывающей основы техник психотерапии.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ».

Лавренюк Илья Константинович
обучающийся аспирантуры,
лаборант–исследователь юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет

«Взвешивание ценностей» как метод разрешения ценностных конфликтов в праве

Ценности оказывают значительное влияние не только на поведение индивидов, но и на процессы правотворчества, правоприменения и конституционного контроля. При принятии того или иного решения нормотворец закрепляет определенный баланс ценностей, отражая его в содержании правовых норм. Субъекты права свободны действовать или бездействовать в пределах, очерченных императивными требованиями законодательства. Если конфликт интересов и ценностей конкретных индивидов не нарушает правовые нормы, то такой конфликт может быть решен любым способом, не запрещенным законом. Однако при обращении за защитой нарушенных прав к правоприменителю (суду или административному органу) конфликт ценностей подлежит решению с использованием юридического метода. Е.В. Тимошина указывает, что данный метод предполагает квалификацию фактических обстоятельств

посредством соотнесения описания из гипотезы нормы права с индивидным случаем. Вместо использования собственных субъективных ценностей, правоприменитель обязан руководствоваться балансом ценностей, объективируемых в нормах позитивного права. Альтернативные способы разрешения споров (например, досудебные переговоры, заключение мирового или медиативного соглашения) предоставляют сторонам определенную автономию в урегулировании конфликта и позволяют им осуществлять «взвешивание» субъективных ценностей. При этом результаты такого взвешивания и процедур примирения все еще не могут противоречить императивным нормам права, а равно изменять стоящий за ними баланс ценностей. Однако при балансировании ценностей в процессе правотворчества и конкретизации положений Конституции результаты нормотворчества не могут противоречить положениям Конституции. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11–П указывается на необходимость взвешивания Государственной Думой конкурирующих конституционных ценностей в процессе принятия постановления об объявлении амнистии. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по Постановлению Конституционного Суда РФ от 29.11.2004 № 17–П содержится суждение о наличии законодательного решения конфликтов прав и ценностей, предусмотренного в частности статьей 55 Конституции РФ. При получении допустимого запроса или жалобы Конституционный Суд РФ обязан проверить соблюдение нормотворцем части 3 статьи 55 Конституции РФ, для чего органу конституционного контроля требуется самостоятельно «взвесить» перечисленные в указанной статье конституционно значимые ценности. Метод «взвешивания ценностей», основанный на концепции Р. Алекси, активно используется Конституционным Судом РФ, что подтверждают его судьи (Мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря по Постановлению Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1–П; особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26–П). Однако мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского по Постановлению Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5–П подвергает сомнению надежность «пропорций» и существование объективного способа «взвесить» ценности. В свою очередь «взвешивание» конституционных прав (принципов) при соблюдении требований части 3 статьи 55 Конституции РФ полностью соответствует юридическому методу, поскольку указанные ценности объективированы в нормах права.

РНФ № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование».

Ланцова Алёна Сергеевна
обучающийся бакалавриата
Самарский государственный социально-педагогический университет

Влияние буддизма на транс- и постгуманистическую этику

Развитие технологий и идеи постмодерна стали причиной появления новых движений трансгуманизма и постгуманизма, заставивших пересмотреть традиционные представления о человеке. Трансформируя гуманистическую этику, трансгуманизм предлагает концепцию, поддерживающую развитие новых технологий для увеличения познавательных и физических способностей человек. Трансгуманизмом и постгуманизмом были инициированы исследования на темы физического бессмертия, космического расширения жизненного пространства и улучшения человеческого организма, при этом трансгуманисты хотят усовершенствовать человека, а постгуманисты рассматривают его лишь как эволюционный этап перед появлением новой формы существования. Внутри этих движений выделяют множество направлений, теоретиков которых вдохновила буддийская философия, что наиболее заметно в гедонистическом трансгуманизме Д. Пирса, демократическом трансгуманизме Дж. Хьюза и в концепции постгуманизма.

В качестве основополагающих этических установок трансгуманизма можно выделить: жизнь без страданий, болезней и смерти; право каждого на доступ к технологиям улучшения; изменение представлений об идентичности и самосознании. Постгуманизм же стремится изменить антропоцентрическое мировоззрение, признавая взаимозависимость всех живых существ и отказываясь от позиции человеческого превосходства. Главным вопросом транс- и постгуманистической мысли оказывается поднятая ещё в эпоху Возрождения проблема пути нового человека в новой Вселенной. Эти аспекты транс- и постгуманизма перекликаются с буддийским учением, сближая западную философию с восточной, и зачастую такая перекличка — не следствие совпадения, а результат влияния буддизма на создателей этих учений. Рассмотрим, в чем состоит влияние буддийских идей на этические концепции транс- и постгуманизма.

Буддизм возник в VI в. до н.э. как учение о мирских иллюзиях, страданиях и способе их преодоления. Теоретики трансгуманизма стремятся адаптировать основные идеи буддизма к своему учению. Это подтверждает «Нулевая онтология» Д. Пирса, в которой используется идея пустоты / небытия (шуньята) для отрицания базисности боли и страдания. Д. Пирс подчеркивает, что трансгуманисты признают и применяют восточные религиозные практики в качестве эффективных способов до-

стижения счастья и расширения сознания. Д. Пирс также провозглашает два близких буддизму принципа: милосердие и сострадание к живым существам; вегетарианство.

Буддийские влияния можно обнаружить и в проекте представителя демократического трансгуманизма — Дж. Хьюза. Если буддизм учит человека, как достичь сверхчеловеческого состояния путём работы над своим сознанием, то проект Дж. Хьюза «Киборг Будда» предлагает возможные варианты прохождения этого пути, сопоставляя опыт медитаций и контроля мыслей с использованием нейротехнологий. Концепция Дж. Хьюза позволяет интерпретировать будущего Будду Майтрея как Киборга-постчеловека и, таким образом, представить трансгуманизм как связующее звено между человеческой Сансарой и постчеловеческой Нирваной. Буддисты с интересом отнеслись к этой трансгуманистической трактовке философии спасения: в храме Кодай-дзи в Киото заменили статую бодхисаттвы Авалокитешвары на робота Миндара, акцентируя внимание на возможности богини выбирать своё воплощение.

Отголоски буддийского подхода отразились и в попытках преодоления ограничений дуалистического способа мышления в постгуманистической теории. Отказываясь от дуализма, постгуманисты применяют учение дзен-буддизма о противоположных элементах: когда что-то отрицается, то оно автоматически утверждается, позволяя тем самым возвыситься над установленной формой мышления, что отражено в работах Ф. Фернандо.

В целом, влияние буддизма на транс- и постгуманистическую этику видится в ее попытках уйти от антропоцентризма и этического дуализма добра и зла. Преодолевая установленные рамки и моделируя образ современного человека, философия трансгуманизма и постгуманизма сохраняет и по-своему интерпретирует ценностные ориентиры восточной культуры.

Ларионов Игорь Юрьевич
к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Парадокс моральной ответственности в художественном кураторстве

Цель доклада: обосновать гипотезу, что деятельность современного художественного куратора содержит парадокс моральной ответственности. Наличие подобных ценностных конфликтов и антиномий связано со сложностью этического измерения кураторской деятельности с ее

постоянным развитием и отсутствием универсальных моральных ответов. Однако принимающая парадоксальную форму проблематика моральной ответственности выступает особым феноменом, анализ которого может быть актуальным для развития самой философии морали.

Суть парадокса кратко: беря на себя моральную ответственность за представление произведения искусства во всём его ценностно неоднозначном и проблематичном аспекте, куратор одновременно становится проводником определенного морального кодекса, ограничивая и возможные смыслы художественного произведения, и палитру восприятия его зрителем.

Куратор может чувствовать и брать на себя ответственность за представление острых, социально-значимых и т.п. тем, но его позиция и действия могут быть обусловлены (и быть восприняты) как ценностно-обусловленные, как отсутствие моральной нейтральности. В то же время, игнорирование указанных ценностных аспектов произведения искусства, дистанцирование от них может быть расценено как безразличие или даже непрофессионализм.

Ориентируясь на определенный этический кодекс (равно как и на его отсутствие), художественный куратор может одновременно и способствовать развитию искусства (отдельных его направлений, школ и даже личности художника), и «тормозить» его.

Например, представление маргинализованных голосов и культур является нравственно одобряемой профессиональной практикой, и, с одной стороны, куратор может обеспечить справедливое и уважительное представление исторически репрессированных традиций искусства, тем, художников и т.п. С другой стороны, этические принципы при работе с таким материалом остаются неопределенными как раз в силу его маргинализованности, что может привести к подмене таких принципов идеологическими установками, личным интересом и т.п., или вовсе потеряны.

В первую очередь, мы сталкиваемся с парадоксальностью самой нравственной ответственности: взятая на себя ответственность может стать фактором не только формирования нового нравственного субъекта, нравственного развития и самовоспитания личности, но и выражением нравственно-отрицательных черт личности, «воли к власти» и т.п. Т.о. мы имеем дело с формой т.н. парадокса морального совершенства, описанного В. Татаркевичем.

Отчасти данный парадокс коренится в парадоксальности самой морали, а именно — со сложным взаимоотношением моральной оценки таких феноменов, как свобода, нравственный выбор, нравственное воспитание, нравственный прогресс.

Разумеется, мы также имеем дело с ситуацией, которая может быть описана (но ни в коем смысле не ограничительно объяснена) как конфликт профессионального и личного. Данная проблема непосредственно связана с представлением о т.н. «миссии куратора». Похожий нравственный и психологический конфликт характерен для профессиональной деятельности социального работника, воспитателя и подобных родов деятельности. Также близкий парадокс был в последние годы описан в отечественной науке как «парадокс этической экспертизы».

Ларионов Игорь Юрьевич
к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Ярочкин Дмитрий Андреевич
приглашенный преподаватель
Департамента медиа Санкт-Петербургской школы
гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ,
основатель портала digital-philosophy.ru

Проблема этических рисков в применении беспилотных наземных транспортных средств

Беспилотные наземные транспортные средства (БНТС), оснащенные системами искусственного интеллекта (ИИ), изменят облик городов и то, как их жители будут конструировать образ себя. Применяя при разработке БНТС начала и методологические принципы философии (в первую очередь — этики и философской антропологии), помимо психологии и социологии, мы должны исследовать вопрос о включении БНТС в контекст антропогенного взаимодействия и т.о. — о статусе БНТС как агента ценностных отношений.

В докладе рассматриваются статус БНТС как морального агента, аспекты мобильности и автономности, рациональности и интенциональности систем ИИ в БНТС, принятие ими решений в условиях ДТП. Анализируется опыт исследований нач. XXI в.: А.В. Разин, В.Ю. Перов, N. Bostrom и E. Yudkowsky, M. Anderson и S.L. Anderson, L. Floridi и J. Sanders, J.P. Sullins, K.E. Himma, C. Allen, J. Zinser, E. Huhtamo, а также знаменитый «The Moral Machine experiment» (Awad E. et al., 2018).

Авторы исходят из принципа, что будущие проблемы использования беспилотных автомобилей нельзя решить только техническим мерами, необходимо применение наук о человеке — философии, психологии, социологии. Авторы обосновывают гипотезу, что в неизбежных для урбанистического ландшафта нестандартных ситуациях этика как систе-

ма регуляций будет иметь большую предсказательную силу для принятия решений ИИ. В то же время, сложность БНТС его феноменологическая автономность заставляет нас проанализировать вопрос о его статусе как морального агента. Это может привести к определенному очеловечиванию систем ИИ, поэтому без аналитической рефлексии данного измерения проблемы будет невозможно построить четкие правила взаимодействия БНТС и человека.

Автоматизация есть, фактически, перенесение акта принятия решения на систему ИИ. Она связано со следующими вызовами. Исследователями в области БНТС давно зафиксирована проблема, что ситуации ДТП с возможными человеческими жертвами вызывают различную оценку в различных этических парадигмах (Borenstein J., Herkert J., Miller K., 2017). Далее, ИИ должна учитывая технические ограничения автомобиля, в том числе то, какая неопределенность принятия решения допустима, какие компромиссы приемлемы (тезис высказан B.Lundgren). Возникают обоснованные сомнения в том, что «логика» и «этика» здравого смысла, выработанные в отношении водителя-человека, могут быть прямо перенесены машину. Вызывает интерес новое обращение авторов к категории «здравого смысла», который, как предполагается, есть у человека, но отсутствует у БНТС, что и предлагается рассматривать в качестве одного из препятствий для нее действовать «этично» в условиях неопределенности (J. de Freitasa, A.Censib, B.Walker Smithc al., 2021).

При разработке методологии этического исследования крайне важно учитывать, что указанное обстоятельство вызывает переосмысление категории моральной ответственности в отношении БНТС, ее разработчиков, контролирующих (alignment) инстанций, потребителей-пользователей и т.п. В частности, новой задачей для инженеров может стать автоматизация принятия этических решений для систем ИИ (cf. J.Millar, 2016).

Грант РНФ №24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта».

Лисанюк Елена Николаевна
доцент, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора логики
Институт философии РАН

Нравственный довод в поле аргументации

Понятие «поле аргументации» (field of arguments) предложил Стивен Тулмин в трактате «Использование аргументации» (The Uses of Argument, 1958), оказавшем значительное влияние на развитие теории аргументации во второй половине XX в. Поле аргументации характеризует пред-

метную область, применительно к которой формулируют рассуждения. Принадлежащие этой области предложения, играющие роль посылок или заключений аргументов, Тулмин называет предложениями одинакового логического типа: они либо все описывают эмпирические факты, либо все излагают положения какой-либо теории, выражают оценки, указывают на нормы или правила и т.д.

Тулминовское понятие поля аргументации демонстрирует, что возможность формальной оценки аргументов, обосновывающих или опровергающих истинность какого-либо предложения, описывающего факты или ситуации, не сводится к логической форме, как настаивают учебники логики, а опосредована задаваемым полем аргументации сочетанием качественных характеристик посылок и заключения. Такая оценка возможна только для аналитических аргументов, состоящих из предложений одного и того же логического типа и относящихся к одному и тому же полю аргументации, так что при переходе от посылок к заключению не происходит изменения логического типа. Нравственные доводы включают предложения, относящиеся к разным полям аргументации, и одно из них может описывать факты, а другое — выражать нравственные предпочтения или моральные нормы. Невозможность формальной оценки нравственных и других аргументов, составными элементами которых выступают предложения, относящиеся к разным полям аргументации, вытекает из изменения логического типа предложений при переходе от посылок к заключению, характеризующего нравственные аргументы и не характерного для аналитических аргументов.

Отечественному читателю идея поля аргументации знакома из учебников по логике или теории аргументации, где под ним понимаются предварительные договоренности сторон спора о том, как в нем будут определены основные термины, какой теории и какой логики будут придерживаться стороны и т. д. В таком понимании поле аргументации — это не ее предметная область или логический тип относящихся к ней предложений, а непустое пересечение взглядов сторон, напоминающее «дверные петли» Людвига Витгенштейна, без которых спор рискует вылиться в пустое препирательство.

Понятие поля аргументации играет важную роль в связи с высказывательной формой аргументации, известной как модель аргументации С. Тулмина, в отношении которой она выполняет формальную функцию и касается не содержания аргументов, а процессов их порождения и процедур аргументирования.

В модели аргументации Тулмина каждая из посылок, влекущих заключение, выполняет одну из пяти функций, не сводимых одна к другой, и может выражать данные (data), основание (warrant), поддержку (backing),

возражение (rebuttal) или модальный квалификатор (qualifier). Модальный квалификатор указывает на силу (force) аргумента, или способ связи посылок и заключения, а основание и поддержка — на критерии оценки его приемлемости. Два аргумента принадлежат к одному и тому же полю аргументации, если в них данные и заключения одного и того же логического типа; и они относятся к разным полям аргументации, если в них поддержка или заключение не относятся к одному и тому логическому типу. В нравственных доводах данные и заключения могут относиться к одному логическому типу, но поддержка или заключение всегда относятся к разным логическим типам.

Лисович Инна Ивановна
доцент, доктор культурологии, к.филол.н.,
профессор общеакадемического факультета, эксперт
РАНХиГС

Добродетели и идеал воспитания в раннее Новое время: между христианской моралью и античной этикой

Доклад посвящен сравнительному анализу гуманистического идеала воспитания, представленного в двух утопиях — в книге Бальтасаре Кастильоне «Придворный» (1516, опубл. 1628 г.) и Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» (1602, Civitas Solis, опубл. 1623 г.).

Данные тексты объединяет несколько параметров: книги написаны в форме диалогов, античные и христианские этические представления соединены в гуманистических концепциях, которые описывают проекты идеального придворного, правителя и государства, предлагают целостные модели образования и воспитания, основанные на идеалах добродетели. Обе книги оказали существенное влияние на формирование образовательной и воспитательной системы современного общества; ряд принципов, включая этические, продолжает быть актуальными до сих пор.

В книгах также можно увидеть и различия, благодаря которым они взаимодополняют друг друга. Книга Костильоне, преимущественно, опирается на идеи Платона и неоплатоников, с одной стороны, с другой — Аристотеля и христианские идеи Фомы Аквинского. Кампанелла соединяет античные идеи Пифагора, Платона неоплатоников и социально-политические Аристотеля с идеалом христианской общины. Он также трансформирует герменевтическую идею соотношения макро- и микрокосма (человека), добавляя туда августинианский Град Божий, эсте-

тическим и религиозным центром которого является храм идеальной платонической круглой формы, основанной на пропорциях.

Одним из композиционных стержней трактата Кастильоне являются добродетели. Двор Урбино в остроумной игре-беседе создает идею совершенного придворного за четыре дня, посвященные почитаемым Платоном и Аристотелем кардинальным добродетелям, необходимым для управления государством; и христианским добродетелям, связующим человека и Бога. Повествует о добродетели тот, кто наиболее в ней преуспел. Первый день посвящен Мужеству (силе тела и духа) и Умеренности, второй — Благоразумию, третий — Справедливости, последний день завершается гимном божественным добродетелям — Любви, Вере и Надежде. Беседу направляю герцогиня Елизавета Гонзага и дама Эмилия Пиа, в которых можно увидеть проявление божественной Мудрости Софии, Любви и Красоты. Идеальным «Городом Солнца» также управляют добродетели (светские) и должности именуются согласно им: Великодушие, Мужество, Целомудрие, Щедрость, Правосудие, Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость. Определения этих добродетелей начертаны на колоннах храма, на должности назначаются склонные им по природе, благодаря чему они следуют им; судьи определяют нарушение добродетелей и меры для искупления пороков.

И для Кастильоне и для Кампанеллы важно представление о том, что источником всего прекрасного является благо, онтологическое основание созданного Творцом миропорядка. Благо лежит в основании философии добродетелей, источником которых является Единое неделимое и Логос как творящее божественное начало, оно же является основанием познания и образования. Христианские идеи эгалитарности, равенства перед божественной Мудростью, связаны, в первую очередь, с идеями обязательного и одинакового воспитания и образования мужчин, женщин и детей, которые также наследуются от Платона («Тимей», «Государство») и Аристотеля («Политика»), поскольку связаны с гражданской жизнью. Оба трактата уделяют основное внимание воспитанию души и тела, и если у Кастильоне речь только придворных и государе, то у Кампанеллы — всех граждан.

Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «12.11-2025-1 Обоснование и разработка комплекса общеразвивающих программ образовательной организации высшего образования, направленных на развитие личностных и управленческих качеств студентов»

Литвинский Вячеслав Михайлович
свободный исследователь

Времена не выбирают. Размышления о фильме Сергея Бондарчука «Судьба человека»

Среди кинопроизведений в фильмографии о Великой Отечественной войне не так уж много тех, авторам которых удалось свидетельствовать о войне, увязывая точность исторических деталей с глубинным смыслом утраченного времени. Правда о войне жестока, она не делает людей лучше, заставляя человека до дна испить свою чашу страданий.

Среди таких фильмов — экранизация Сергеем Бондарчуком рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека». Публикация самого рассказа, как и сам фильм стали возможны благодаря 20-му съезду Коммунистической партии СССР. Глубинный парадокс связан не с политизацией темы войны, укоренен не в своеобразии, а уж тем более не в преимуществах политической системы СССР, а в том типе русского человека и его поведения, к которому принадлежит и Петр Гринев пушкинской «Капитанской дочки». Кажется, он плывет по течению, становясь его органической частью, как если бы следовал кантовскому: «делай, что должен и пусть будет, что будет». Но это долженствование — не в поступках по правилу категорического императива, а скорее, как нужда, как именно то, что нужно в определенной ситуации. Это долженствование, сквозящее безысходностью вопроса, который Андрей Соколов задает как бы в предверии, а не в начале фильма: «За что жизнь меня так покалечила?». Это вопрос судьбе, уже после которого далее идут титры фильма. Прием, использованный С. Бондарчуком, придает еще большую неопределенность сослагательному наклонению тексту рассказа, которым заканчивается фильм: «И хотелось бы думать, что этот русский человек несгибаемой воли выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, кто повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути...».

14 декабря 1957 года в Вечернем Ленинграде была опубликована небольшая заметка под названием «Боевая награда М. Литвинского», в которой рассказывалось о истории моего отца, очень похожей на историю Андрея Соколова. О награде орденом «Славы» 3-ей степени и событиях войны, связанных с этим, упоминалось и в новостной передаче по Ленинградскому телевидению. Трудно удержаться от соблазна аналогии между Андреем и Михаилом. Оба шоферы, оба на войне попали в плен, оба бежали, оба были ранены... . Отца расстреливали и уже с 4-мя ранениями он попал в плен снова. Увы, его послевоенная жизнь очень долго складывалась далеко не оптимистично, как жизнь множества других русских солдат, побывавших во вражеском плену и ожидающая своего кинематографического воплощения.

Логиновская Людмила Михайловна
аспирант
Институт философии НАН Беларуси

Категориальный выбор экологической этики: почему «внутренняя ценность» природы, а не «внутреннее благо»

Формирование экологической этики как самостоятельной дисциплины сопряжено с необходимостью выработки адекватного категориального аппарата, способного преодолеть ограничения традиционного антропоцентризма. Классическая этическая традиция, опиравшаяся на понятие «благо», оказалась недостаточной для обоснования моральных обязательств человека по отношению к человечеству, а уж тем более перед нечеловеческими формами жизни и экосистемами. В этом контексте ключевым термином, вокруг которого выстраивается современный дискурс, стал концепт «внутренней ценности» природы.

Выбор в пользу «ценности» является не семантической случайностью, а следствием фундаментального этического сдвига. Этот сдвиг заключается в переходе от телеологической модели этики (рассматривающей мораль как путь к личному совершенству и достижению высшего человеческого блага) к нормативно-аксиологической этике (в которой центральным становится обоснование нравственного поступка посредством моральных норм и ценностей). Категория «внутренняя ценность» обладает уникальным нормативным потенциалом, позволяющим констатировать у природы моральную значимость, независимую от ее полезности для человека.

«Внутренняя ценность» — это, прежде всего, нормативный императив. Ее декларация эквивалентна признанию морального обязательства: если объект обладает внутренней ценностью, он имеет право на существование, процветание и уважение, что накладывает на морального агента — человека запрет на необоснованное уничтожение природы и пренебрежительное отношение к ней. Это язык долга, заимствованный из кантовской деонтологии, но распространенный на неразумные сущности.

«Внутреннее благо» — категория телеологическая и дескриптивная. Она описывает имманентную цель, функцию или состояние процветания самой сущности (например, «благо реки» — течь, «благо волка» — быть здоровым хищником в своей стае). Однако констатация этого внутреннего блага не содержит в себе автоматического предписания для внешнего наблюдателя. Она отвечает на вопрос «в чем состоит хорошее состояние данного существа?», но не дает ответа на вопрос «почему мы морально обязаны это состояние сохранять?».

Исторически понятие «благо» было неразрывно связано с человеческим интересом и благополучием. Даже в своих объективных формах

оно часто рассматривалось в контексте иерархии, где высшие блага были достоянием человека. Это создает риск для исключительно инструментальной интерпретации: «благо природы» может быть редуцировано до ее способности служить «благу человека». В то же время, с практической точки зрения проблематичной кажется и другая крайность — возведение природы до статуса «абсолютного блага», ее сакрализация и обожествление.

«Внутренняя ценность» была сознательно избрана такими мыслителями, как Х. Ролстон III, А. Несс и Дж. Б. Калликотт, именно для того, чтобы совершить концептуальный прорыв в этике. Этот термин утверждает, что ценность природы самодостаточна. Она не является производной от чьих-либо потребностей или оценок, а коренится в самом бытии, сложности, аутопоэзисе и уникальности природных созданий, в их жизни и существовании.

Например, гипотетически можно было бы описать «внутреннее благо» экосистемы как ее стабильность, целостность и устойчивость. Но почему человек должен экосистему сохранять? Ответ экологической этики: потому что уникальное природное сообщество обладает внутренней ценностью, как творческий продукт эволюции, чье существование ценно само по себе, а не только как «служба поддержки» для человека.

Таким образом, отказ от термина «внутреннее благо» в пользу «внутренней ценности» представляет собой стратегически выверенный и методологически точный ход. Это позволяет экологической этике: во-первых, сформулировать моральные обязательства к природе со стороны человека; во-вторых, четко дистанцироваться от антропоцентристской традиции, признающей лишь утилитарную полезность природных объектов; в-третьих, построить обоснованный этический фундамент для защиты природного мира, признавая его полноценным партнером морального сообщества, чья значимость не является делегированной человеком.

Ложкин Михаил Александрович
аспирант, преподаватель
Тонков Евгений Никандрович
к.ю.н., доцент
СЗИУ РАНХиГС

Формализация ценностей в правосознании как источнике права

Правосознание включает знания о праве, его оценку и поведенческие алгоритмы; оно является непрямым отражением правовой действительности и индуктором формирования нормативных систем. Каждый

субъект участвует в процессе создания индивидуальных норм и в реализации субъективных прав; групповые представления о нормативности можно рассматривать в качестве источника права, поскольку они задействованы в признании норм и институтов, фундируют социальные (общественные) отношения. Роль правосознания проявляется в постулировании идей и концепций, на основе которых создаются нормативные основы социумов. Определенное правосознание способствует имманентному поведению людей, а также регуляции общественных отношений, выступая источником права, наполняя его конвенциональными принципами и ценностями. Правосознание становится антропологическим ядром правопорядка и политической жизни, формируя этические основы и правила поведения, которые находят отражение в правовых нормах.

На разных этапах эволюции советского общества в качестве источников права рассматривались, в т.ч., «пролетарское / классовое сознание», «революционное правосознание», «социалистическое правосознание», «революционная совесть», «правосознание трудящихся масс». Указанные источники советского права использовались в административной и судебной практике после Октябрьской революции 1917 г. В Декрете Совета народных комиссаров «О суде № 1» от 22 ноября 1917 г. в качестве источников права указаны «революционная совесть» и «революционное правосознание».

Революционное правосознание служило формой восполнения пробелов в праве и обоснованием пределов усмотрения субъектов правоприменительной деятельности. Свобода принятия решений акторами силы становилась принципом правотворчества, оправдывающим целесообразные действия в борьбе с теми, кто провозглашался оппозицией, врагом, подлежащим уничтожению классом (напр., «космополиты», «троцкисты», «буржуазия»). Классовое правосознание приобретало характер правовой идеологии, вырабатываемой политтехнологами в парадигме революционной целесообразности и интересов рабочего класса.

Новые, «советские» ценности создавались в целях вытеснения «буржуазного» права и утверждения социалистического правопорядка. Право становилось инструментом для строительства вертикали власти, основанной на верховенстве решений политической партии, критика действий которой последовательно криминализировалась. Партийная идеология составляла основу социалистического правосознания, инакомыслие приравнивалось к правонарушению. Через юридические нормы и институты в годы советской власти сформировались и утвердились достаточно формализованные ценности мега-этноса «советский народ»: партийное руководство, коллективизм, примат общественного долга над

личным интересом, товарищеская взаимопомощь, социальная справедливость, солидарность братских народов, исполнение общественного долга, равенство, борьба за мир во всём мире, защита прав трудящихся, борьба с эксплуатацией трудящихся.

Лущаева Лада Андреевна
обучающийся бакалавриата
Томский государственный университет

Этическая норма юмора на примере интернет-мемов

Вопрос о границах и нормах юмора присутствовал все время существования общества. Смех и юмор долгое время вовсе считались непозволительными и лишь относительно недавно получили свое развитие в культуре. Философы давали разные объяснения возникновению смеха, долгое время предавая ему исключительно негативную окраску, и только несколько веков назад смех стали рассматривать с положительной стороны. Из-за долгого порицания юмора и смеха, и негативного их восприятия, с точки зрения этики они также строго ограничивались. И хоть сейчас юмор стал важной частью общественной жизни и проник во все сферы от политики до искусства, идеи об этических ограничениях все так же на него влияют. Но должно ли это быть так?

Установить какую-то единую универсальную норму и расставить строгие границы для юмора мы не способны, так как на его оценку помимо этики влияет еще множество аспектов: эстетическая составляющая, чувство юмора, социальный контекст, личное восприятие и тому подобное, но всё же раз люди могут осудить какие-то шутки или же сказать что они выходят за границы морали, значит какая-то нормативность у юмора есть.

Рассматривать юмор и его этическую составляющую лучше на самом распространенном типе юмора, на бытовом юморе. Долгое время таким юмором были анекдоты — небольшие фольклорные рассказы с неожиданной концовкой. Анекдоты могли быть простыми и сложными, на любые темы, добрыми и жестокими, своим разнообразием они отражали всю полноту юмора.

В современном мире анекдоты стали отходить на второй план, их заменили интернет-мемы — информация в любой форме, которая имеет юмористический характер и быстро становится популярной в интернете. Мемом может стать что угодно: высказывание, аудио, видео, изображение и т.д. По своей сути мемы это те же анекдоты, которые приобрели визуальный или аудио аспект.

Из-за интернета и социальных сетей мемы приобретают популярность и распространяются среди людей очень быстро и захватывают большую аудиторию, что также является их специфической особенностью.

В работе предлагается рассмотрение норм юмора в современном обществе на примере интернет-мемов и контекста их появления.

Ляуш Лев Брунович
старший преподаватель
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
Минздрава России (Пироговский Университет)

Этические параметры медицинских практик конструирования телесности человека

Некоторые успехи конца XX — начала XXI веков, в таких областях, как: вспомогательная репродукция, трансплантология, пластическая хирургия и генная инженерия открывают фантастические: лечение заболеваний, «улучшение» человека и одновременно, катастрофические возможности манипуляции с человеческой жизнью и самой человеческой сущностью.

Наряду с законодательным регулированием медицинских практик конструирования телесности человека, актуализируется вопрос о этических параметрах — соответствия предлагаемых медицинских практик ключевым принципам биоэтики. Понятие «морфологическая свобода», определяемое как право человека сохранять собственное тело неизменным либо изменять его так, как он считает нужным, служит идейным оправданием для осуществления разнообразных манипуляций человеческой телесностью. Анализ конечных результатов попытки реализовать «морфологическую свободу», например, в пластической хирургии, демонстрирует, что на самом деле тело не открыто для всех прихотей, желаний и надежд субъекта. А эти попытки, только лишний раз доказывают насколько сложно, болезненно, а иногда и невозможно выполнить эти фантазии на практике.

Отдельной этико-философской рефлексии требуют, идеи (проекты) по созданию «искусственной материнской утробы» человека. За риторикой об избавлении женщин от «тяжкого бремени беременности» и рождении «суперумных младенцев» внедряется идея о возможности в будущем проектирования родителями в соответствии с их личными предпочтениями фенотипических (цвета волос, глаз, кожи) и умственных характеристик детей «на заказ». В свете биоэтики проект создания «искусственной материнской утробы» становятся очевидными и такие неиз-

бежные этические риски, как: утрата человеком свободы, десакрализация зачатия и материнской любви, реализация генетического проекта «человек служебный».

Что представляется необходимым в первую очередь для снижения этических рисков, связанных с распространением медицинских практик конструирования телесности человека? Необходимо проведение системной гуманитарной экспертизы подобных медицинских практик. Пока она носит несистемный характер, только в рамках отдельных научных проектов. В число этических параметров оценки при экспертизе необходимо включить такие критерии, как: — безопасность биотехнологии для физического и психического здоровья человека; — учёт ценности и уникальности человеческой природы; приоритетность — лечения, в качестве главной цели медицинского вмешательства, а не усовершенствование человека; — направленность любой практика на сохранения здоровья, качества жизни конкретного человека: принцип «Наука для человека, а не человек для науки».

Макакенко Яна Александровна
к.ф.н., доцент
Уральский федеральный университет

Ответственное применение генеративного ИИ в контексте проблемы цифрового послесмертия

Цифровая среда становится неотъемлемой частью жизни современного человека. В настоящее время практически все феномены жизни либо уже приобрели свои цифровые аналоги, либо активно интегрируются в цифровую среду. Таким образом, цифровое пространство можно представить в качестве своего рода проекции или даже симуляции жизни: большинство человеческих действий и состояний «в цифре» являются репрезентациями жизненных феноменов.

Поскольку цифровая среда является безусловно центрированной на жизни, совершенно очевидным становится необходимость включения в контекст цифрового пространства тех феноменов, которые касаются смерти: жизнь и смерть — транзитивные экзистенциальные понятия, которые могут иметь аналогичные формы репрезентаций и, соответственно, могут быть описаны с помощью аналогичных инструментов.

В настоящее время существует довольно много фактического материала, ориентируясь на который можно говорить о том, как представлена смерть в цифровом пространстве и какими могут быть различные варианты практик цифрового послесмертия: «мертвые» аккаунты в со-

циальных сетях, цифровые мемориалы и некрологи, цифровые кладбища (в том числе кладбища домашних животных), цифровая индустрия загробной жизни, цифровые останки и посмертная цифровая личность, цифровое наследие, посмертное информационное тело, практики цифрового траура, RIP-троллинг и т.п. Практически каждый из феноменов, репрезентирующих смерть в цифровой среде, создает ряд проблем, которые могут получить моральную оценку. Можно сказать, что сама культура отношения к смерти расширяется с ростом возможностей цифровых технологий, что формирует новые социальные и моральные вызовы.

Особое место среди этих феноменов занимают так называемые «смертельные боты» или «мертвоботы» (Deadbots) — технология, созданная на основе генеративного ИИ, предполагающая имитацию личности умершего человека. Сегодня можно говорить о классификации таких ботов и выделить такие варианты «мертвоботов», как боты для горевания (Grifbots) и цифровые аватары, которые могут выступать в качестве агентов коммуникации (односторонней или двусторонней), например, в практиках памяти.

Для оценки проблем и рисков, связанных с этой технологией следует учитывать позиции «интересантов»: донора данных, т.е. умершего, чей цифровой след становится основой для создания бота; получателя данных, т.е. пользователя, который взаимодействует с сервисом; а также того, кто владеет данными, имеет право ими распоряжаться или поставщика услуг.

На первый взгляд приоритетной моральной позицией в этом вопросе обладает донор данных, однако при анализе конкретных ситуаций и моделировании сценариев, в которых происходит взаимодействие интересантов, становится очевидным, что в наиболее слабой позиции здесь оказывается получатель данных, и, соответственно, требует особого морального отношения.

Очевидно, что после смерти человека распоряжение данными должно регулироваться морально и юридически. Однако цифровое пространство усложняет это в силу отсутствия этических стандартов и устойчивого законодательства о цифровом наследии, а также в силу требующих решения вопросов о тождестве личности, проблемы приватности и защиты данных, а также достоинства человека, безусловно важных для обсуждения в данном контексте.

Ответственное применение генеративного ИИ в контексте послесмертия требует комплексного подхода. Этические рамки должны включать информированное согласие донора данных при жизни, а также ограничения на использование данных и механизмы контроля с точки зрения

их получателя и обладателя. Правовые аспекты предполагают разработку законов о цифровом наследии, с акцентом на посмертные права. Технологические внедрение алгоритмов, предотвращающих предвзятость и обеспечивающих прозрачность. Такое сочетание минимизирует риски, уважая память об умерших и способствуя адекватным проживаниям горя в цифровую эпоху.

Макарова Надежда Павловна
независимый исследователь

Человеко-машинное взаимодействие: символичность жестов

Взаимодействие пользователей с искусственным интеллектом (ИИ), исходя из принципов «Этических рекомендаций в области создания и использования цифровых имитаций живущих, умерших и несуществующих людей», следует отмечать и маркировать. Пользователь также необходимо информируется о риске возникновения привязанности к цифровой имитации. Однако оба принципа (идентификация цифровой имитации при общении с человеком и сохранение социальных коммуникативных навыков), в некоторых случаях сознательно игнорируются и опровергаются коммуницирующими с ИИ людьми. Намеренное отрицание факта имитации и подражания, отстаивание парасоциальных отношений вносит коррективы в устоявшиеся этические предписания и требует учитывать многообразие актуальных разработок ИИ.

К примеру, все более распространенными становятся иллюстрации любовных взаимоотношений в массмедиа: «Женщина обручилась с чатботом с ИИ после пяти месяцев общения», «Мужчина потребовал развод у жены ради ИИ-любовницы». В первом случае особо подчеркиваются вменяемость, здравый ум женщины (собственно женщиной), констатируется изначальная идентификация пользователем факта возможности подобного общения с ИИ, предпринимаются попытки обосновать равнозначность реальной и искусственной пары. В качестве еще одной иллюстрации может быть названа сфера горевания, технически обновленная в прямом и переносном смысле. Летом 2025 года возникает «мемориал», посвященный версиям обновления GPT (4.0, 4.1, 4.1-mini и др.), потеря функционала которых разрушает целостность «личности» ИИ-романтического партнера и дезорганизовывает отлаженный процесс взаимодействия. Мемориал складывается из первых/последних (позиционируемых как наиболее символически нагруженные) сгенерированных данной моделью изображений, текстов в прозе и/или в стихах. Горевание сопричастно практикам прощания, которые также трансформируются. Становящиеся в качестве общедоступных технологии ИИ ак-

тивно коммерциализируются. В российских социальных сетях возникают предложения создания «AI-роликов», изображающих семьи погибших военнослужащих в моменте прощания с умершим. Сгенерированная «последняя встреча» оценивается от полутора тысяч до десяти тысяч рублей в зависимости от необходимости наличия объятий, поцелуев, движений, голосового озвучивания (в тоне и манере умершего) и срочности заказа. Данный пример, как представляется, наиболее неоднозначен и примечателен для плана этического анализа.

Таким образом, широкое распространение систем ИИ «с теорией разума», «NLP» (с обработкой естественного языка), преимущественно направленных на самоценное взаимодействие, «эмоционально насыщенный» обмен, порождает новые потенциальные и реальные этические проблемы и усложняет процесс действия, исходя из известного набора этических рекомендаций в сфере ИИ.

Малиновская Наталья Владимировна
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Проблемы морального выбора в профессиональной этике юриста (на основе учения Д. Лубана)

Проблема специфики «моральной роли» юриста в соотношении с общей моралью является одной из дискуссионных в современной американской философии права. Особое внимание ей уделяется в концепции Д. Лубана, рассматривающего проблемы соотношения закона и справедливости с позиций мотивов и действий практикующего юриста, в особенности — адвоката. Дискуссии о проблемах профессиональной этики юриста породили два направления в американской философии права, согласно первому из которых профессиональная этика анализируется сквозь призму моральной философии, подчеркивая контраст между общепринятой моралью и «моральной ролью» юриста, в то время как второе направление критикует такой подход и рассматривает профессиональные стандарты деятельности юриста как предмет политической философии, акцентируя внимание на правовом представительстве как политическом институте, гарантирующем плюралистическую демократию.

Первое направление возникло в США в 1960-1970-х гг. и было связано с движением против расовой дискриминации и антивоенными протестами. Д. Луман подчеркивает отдельные противоречия среди сторонников данного направления, отмечая среди них ряд аргументов в пользу стандартной модели профессиональной этики адвоката в США. Од-

ной из главных задач морально-ориентированного подхода является соединение профессиональной этики с моральной философией, а также примирение «моральной роли» адвоката с общепринятой моралью. На первый план здесь выводится моральный круг, включающий клиентоориентированный подход адвоката, автономию воли клиента и моральную значимость правовых консультаций.

Второе — политико-ориентированное направление — возникает в философско-правовой мысли США в начале XXI века и рассматривает вопрос о примирении «моральной роли» адвоката и общепринятой морали как изначально неверно поставленный. Сторонники данного направления отстаивают позицию, согласно которой роль адвоката нельзя оценивать с позиций общественной морали. В качестве ключевой идеи рассматривается концепция плюралистического общества, в котором соединяются люди с разными моральными устоями и принципами. Это обусловливает необходимость для адвоката абстрагироваться от внутренних моральных оценок убеждений и интересов клиента и выполнять представительскую функцию, способствуя защите его прав всеми законными способами. В данном случае юридическая этика рассматривается как предмет политической философии, не имеющий никакого отношения к философии моральной. Одним из основных аргументов для обоснования моральной роли адвоката является его представительская функция, которая должна способствовать разрешению конфликтов в плюралистическом обществе.

Мальцева Дарья Александровна
к.п.н., заместитель деканата факультета политологии, доцент
кафедры теории и философии политики
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедры сравнительной политологии
РУДН
Федотов Даниил Андреевич
ведущий специалист аппарата Председателя
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга,
аспирант факультета политологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Геймификация как инструмент формирования исторической памяти молодежи: кейс военно-исторического фестиваля

Современная мемориальная этика сталкивается с фундаментальным вызовом: как в эпоху цифровизации и трансформации образовательного пространства обеспечить эффективную трансляцию исторической па-

мяти о Великой Отечественной войне молодому поколению. Этическая проблематика сохранения памяти о войне актуализирует вопросы о моральной ответственности современного общества за сохранение исторической правды и формирование ценностных ориентиров молодежи.

Исследование базируется на анализе военно-исторического фестиваля «Путь к Победе», проведенного в 2025 году в рамках мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Вологодской области. В эксперименте приняли участие 252 человека возрастом от 16 до 25 лет, что позволило оценить этическую эффективность геймификационных технологий в мемориальной практике.

Мемориальная этика предполагает не просто сохранение фактологической информации о войне, но формирование глубокого эмоционально-ценностного отношения к историческому наследию. Геймификационный подход создает уникальную этическую среду, где молодые люди через личный опыт и интерактивное взаимодействие с историческими реконструкциями постигают моральные уроки военного времени. Семиэтапный интерактивный маршрут, включавший станции от «Курса молодого бойца» до «Возвращения домой», позволил участникам пережить ключевые аспекты военного быта и деятельности Красной Армии.

Этическая значимость примененного подхода проявилась в результатах исследования: 91% участников отметили значительное расширение знаний о войне, индекс готовности к рекомендации составил +67 баллов. Особенно важно, что интерес к военно-историческому наследию повысился у 81% участников, а понимание значимости Победы углубилось у 72% респондентов. Эти показатели свидетельствуют о формировании устойчивых этических установок, основанных на глубоком эмоциональном переживании исторических событий.

Мемориальная этика требует не только сохранения памяти, но и противодействия попыткам искажения исторической правды. Геймификационные технологии в сочетании с созданием аутентичной образовательной среды формируют критическое мышление и резистентность к деструктивным идеологическим влияниям. Тактильное взаимодействие с историческими артефактами трансформирует абстрактные знания в личностно значимый опыт, что является ключевым этическим императивом мемориальной практики.

Особую этическую ценность представляет синергетический эффект коллективного переживания исторических событий. Командная работа в экстремальных условиях военного времени способствовала развитию социально-коммуникативных компетенций у 88% участников, при этом навыки взаимопомощи развились у 76% респондентов. Такие результаты указывают на формирование не только исторической памяти, но и акту-

альных нравственных качеств, что соответствует высшим целям мемориальной этики.

Новизна исследования заключается в интеграции количественных и качественных методов оценки этической эффективности образовательных практик. Применение индекса готовности к рекомендации как интегрального показателя этической состоятельности мемориальной практики открывает новые возможности для объективной оценки нравственного воздействия исторического образования.

Значимость работы состоит в разработке концептуальной модели этически обоснованной геймификации мемориальных практик, которая может служить основой для создания комплексной теории интерактивной мемориальной этики. Перспективы дальнейших исследований связаны с возможностью интеграции искусственного интеллекта в образовательные процессы для создания адаптивных этических систем, способных персонализировать мемориальный опыт в соответствии с индивидуальными особенностями участников, что открывает новое направление в области цифровой этики исторической памяти.

Полученные результаты подтверждают, что этически обоснованное применение инновационных образовательных технологий может стать эффективным инструментом сохранения исторической памяти и формирования нравственных ориентиров молодежи в контексте мемориальной этики.

Публикация выполнена в рамках Госзадания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски».

Маманазаров Эркинбой Боходир угли
обучающийся бакалавриата
РГПУ им. А.И. Герцена

Межкультурный диалог памяти: восприятие истории ВОВ мигрантами в российском обществе

Исследование восприятия истории Великой Отечественной войны мигрантами опирается на концепцию коллективной памяти М. Хальбвакса и теорию культурной памяти Я. Ассмана, рассматривающих память как социально конструируемый феномен, формирующий групповую идентичность. Историческая память функционирует не только как хранилище фактов, но и как носитель нравственных ценностей, передающихся между поколениями и культурами. В контексте межкультурного диалога память о войне становится этическим ресурсом, способствующим взаи-

мопониманию и социальной интеграции в полиэтничном обществе. Особую актуальность приобретает изучение того, как мигранты из постсоветских стран Центральной Азии воспринимают и интерпретируют историю ВОВ, поскольку это восприятие влияет на формирование их гражданской позиции и интеграционные стратегии в российском обществе.

Эмпирическое исследование проводилось методом структурированного интервью с использованием визуальных стимулов среди трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка составила 28 респондентов различного возраста и образовательного уровня, находящихся в России от одного года до пятнадцати лет. Респондентам предлагались для анализа знаковые фотографии военного времени и современные изображения мемориальных практик, после чего фиксировались их реакции и интерпретации.

Результаты показали неоднородность восприятия истории ВОВ в исследуемой группе. Основными источниками знаний о войне для мигрантов являются семейные рассказы и школьное образование в странах происхождения, при этом проживание в России существенно расширяет информационный контекст через российские СМИ и культурные практики. Выявлено, что представители старшего поколения демонстрируют более эмоциональное отношение к военной истории, связывая ее с личными семейными нарративами, тогда как молодые мигранты воспринимают войну преимущественно как историческое событие общемирового значения.

Анализ реакций на визуальные стимулы показал высокую степень узнаваемости ключевых символов Победы, особенно Знамени над Рейхстагом и памятника на Мамаевом кургане. Современные мемориальные практики, такие как акция Бессмертный полк, воспринимаются мигрантами как важная форма сохранения исторической памяти, способствующая их включению в российское культурное пространство. Большинство респондентов отмечают, что общая историческая память о войне облегчает межкультурное взаимодействие с российским населением и способствует формированию общих ценностных ориентиров.

Исследование выявило, что трудовые мигранты рассматривают основными уроками ВОВ необходимость сохранения мира, важность межнационального единства и недопустимость фашизма. Историческая память о войне становится для них не только способом культурной адаптации, но и этическим ориентиром в современных условиях. Полученные данные свидетельствуют о потенциале исторической памяти как ресурса для построения инклюзивного межкультурного диалога в полиэтничном российском обществе.

Мамедов Артур Ахмедович
аспирант
СГУ

Коммеморативные основания видеоигр: от геймификации истории к сохранению исторической памяти

Коммеморация — это процесс обращения к памяти об исторических событиях, жертвах и героизме. В этом процессе одним из важных инструментов мемориального значения являются видеоигры. Еще Мишель Монтень отмечал важное значение игры в процессе обучения и воспитания. Но здесь стоит заметить, что видеоигры являются одной из форм игры в целом, цель создания которых — это развлечение. Современные игровые корпорации направлены на получение коммерческой прибыли, поэтому, чтобы расширить целевую аудиторию, игры поддаются различным модификациям. Одним из эффективных подходов в этом направлении является геймификация истории.

Геймификация истории направлена на повышения интереса к видеоиграм. Самый популярный жанр таких видеоигр — шутеры. Интересный аспект такого направления заключается в том, что некоторые видеоигры разрабатываются с намерением почтить память о событиях, например, This War of Mine. Кроме того, такие игры носят познавательный характер, где игрок может узнать не только общую информацию. Например, Valiant Hearts: The Great War использует геймплей для повествования личных историй людей, пострадавших от Первой мировой войны.

Насколько обоснованы комеморативные основания видеоигр? Способствует ли геймификации историии сохранению исторической памяти? Разберем на примере конкретных видеоигр.

— «1943: The Battle of Midway»: Эта игра пытается воспроизвести ключевые моменты Второй мировой войны, позволяя игрокам понять стратегическое значение событий.

— «Beyond the Wire»: Игра, основанная на Первой мировой войне, предлагает игрокам возможность понести на себе тяжесть исторического опыта, способствуя осмыслению и критике войны.

С одной стороны, новые технологии открывают возможности для создания иммерсивного опыта, позволяя игрокам непосредственно взаимодействовать с историческими событиями. Примеры включают обучающие программы и исторические симуляции. Кроме того, дополнение видеоигр документальными вставками — например, использования реальных архивов и исторических материалов в игре — может способствовать более глубокому пониманию контекста событий и их последствий.

С другой стороны, коммеморативные видеоигры имеют и ряд минусов, которые важно отметить. Так, искажение исторических фактов, романтизация войны, создание стереотипов, почтение и уважение погибших (видеоигра не должна превратить важное трагическое историческое событие в развлечение), субъективное восприятие и самовольное толкование исторических фактов и др.

Видеоигры могут эффективно сочетать элементы геймификации и сохранения исторической памяти, однако разработчики и геймеры должны быть осторожными в отношении исторической точности и этики. С расширением технологий и изменением игрового ландшафта растет потенциал видеоигр как эффективных инструментов для сохранения памяти о важных исторических событиях.

Марина Мария Васильевна
заместитель директора
ГБУК ВО «Музейный комплекс "Петровский остров"»,
директор музея
ФГБОУ ВО «ВГТУ» (Музей инженерного дела)

Идейно-содержательные особенности экспозиций, посвященных Великой Отечественной войне, на современном этапе

2025 год — это год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. В современных условиях перед музеями стоит важная задача: отстоять историческую память и право российского народа быть главной наследницей Победы, транслятором и хранителем правды о войне.

В XXI в. история приобретает свойства технологии массового сознания и общественного мнения. В этих процессах особую роль играет конструирование, трансляция и интерпретация исторической памяти. Начиная с постперестроечного периода фактически вся историческая идентичность российского общества держится на памяти о ВОВ, ключевой опорной точке национального самосознания.

XXI в. — век визуальной культуры, поэтому все большее значение в процессах интерпретации военных событий приобретает экспозиционно-выставочная деятельность музеев и архивов. Особое внимание в юбилейные годы Победы приобретают события локальной истории. Все это стало возможным благодаря разработке такого направления в исторической науке, как военно-историческая антропология. Новизна заключается целостном, системном изучении человека в контексте военной истории. В связи с этим разрабатывается различные аспекты: цен-

ности всех слоев общества, идеологическое оформление, популяризация образов поведения в конкретных ситуациях, механизмы формирования образа врага, причины и сущность патриотизма, механизмы принятия политических и управленческих решений, военная повседневность, выход из войны и адаптация к мирной жизни, гендерные аспекты и др.

По мере развития «войн памяти», были актуализирована темы преступлений нацизма, освободительная миссия Красной армии, цена Победы, значение сохранения исторической памяти.

В современных реалиях меняются методы презентации истории. Концентрация внимания на сравнительно небольших объектах: область, город, село, семья, отдельный человек. Где история небольшого объекта — это наглядная часть истории Великой Победы. В результате создается групповой портрет общества-победителя. Большое внимание уделяется новым историческим источникам, вокруг которых оживают малоизвестные страницы войны, ужасы оккупации, героизм фронта и тыла, вклад деятелей культуры и др. Все чаще в экспозициях показывают «трудные темы», на которые ранее акцентов не делали. Например, проект «Преступления без срока давности».

При этом для российских музеев характерно стремление уравновесить две полярные темы — героическую «Победу» и трагическую «Цену Победы».

Современные музеи продолжают воздействовать на зрителя презентацией личных вещей участников событий. Также активно используются символы, драматургия. Экспозиционеры используют методы, характерные для театра. Многие из выставок — это декорация, в которых посетитель переживает те же чувства, что и участники исторических событий. Все это становится возможным благодаря коллаборации музеев различной направленности. Участники проекта не только представляют для выставки разные типы экспонатов, но и делятся особенностями их презентация. Благодаря чему создается наиболее полный образ.

Примером такой коллаборации является проект «Наша Победа», созданный в Воронеже к 80-летию Победы при участии краеведческого, художественного и литературного музеев.

«НАША ПОБЕДА» — это глубокое и трогательное размышление о том, что значит быть Победителем. Это целый спектр эмоций, которые испытывает каждый человек на пути к Победе. Посетители смогли погрузиться в 6 захватывающих разделов: Патриотизм, Отвага, Боль, Единение, Духовность и Армия. Главными героями стали люди — простые жители Воронежской области, которые отдали все силы ради нашей общей Победы. Их истории вдохновляют и трогают до глубины души!

Главная задача музеев — сохранение правдивой памяти о войне. Антропологический подход значительно обогатил музейную практику,

способствуя выработке адекватного подхода к презентации военной истории и формированию эмоциональной памяти, способам погружения в эпоху, представил возможность разработки новой тематики и углубленной работы над классическими темами военной истории страны.

Мартынова Марина Дмитриевна
доцент, к.ф.н., советник при ректорате
МГУ им. Н.П. Огарёва

Благодарность как форма этической рефлексии: беседа студентов с нейросетью о важности испытывать благодарность

Феномен «благодарности» рассматривается в психологии, философии (феноменология), теологии, этике, выполняет важную функцию в этикете. В обыденной жизни «способность испытывать чувство благодарности» играет важную воспитательную функцию становления и духовного развития человека, поскольку влияет на формирование ценностного мира, самоопределение человека и его социальную эмпатию (Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1-67-74). Мы размышляем о таком влиянии зачастую ситуативно, когда благодарность нужно выразить публично, и оно выполняет функцию эмоциональной реакции. Однако глубокое чувство благодарности за опыт, жизненные уроки, пример поступка безусловно оказывает определяющее воздействие на моральное сознание человека и его ценностный мир.

Для морали чувство благодарности имеет практическое значение. Практика благодарности формирует индивидуальное моральное сознание и служит основой для формирования системы взаимоотношений внутри сообщества. Исследователи отмечают, что благодарность тесно связана с проявлениями взаимной заботы, участия, мотивирует на ответную доброту, способствует доверию, которое имеет решающее значение для создания искренних неформальных отношений (Macnamara C. The Emotion of Gratitude and Communal Relationships // Journal of Applied Philosophy. 2025. Vol. 42, No. 1, Pp. 96–114. DOI: 10.1111/japp.127262025).

Отмечается социальный эффект благодарности, которая запускает самодвижущийся цикл взаимной доброжелательности, стимулирующий развитие общественных связей. Во всех случаях выражение признательности служат не только личной практикой, но и общественным актом, укрепляющим сообщество. Она формирует нравственную основу

для социальной сплоченности и альтруизма, способствуя преодолению индивидуалистических тенденций.

Еще одним важным эффектом благодарности является внешняя поддержка уверенности в себе. Отчасти благодаря тому, что другие относятся к нам как к достойным заботы и внимания, мы начинаем считать себя достойными людьми. Будучи объектом заботы другого человека, мы можем чувствовать себя хорошо.

В практике преподавания этики большое значение имеют беседы со студентами о моральных ценностях, важных для молодежи, с опорой на классические тексты. Книга 1 «Размышлений» Марка Аврелия является прекрасным примером не просто выражения благодарности людям, повлиявшим на его мировоззрение и становление как гражданина и императора, но и оригинальным текстом моральной рефлексии о ценности социальных связей и источниках морального становления человека. Анализ этого текста позволяет студентам более осознанно подойти к оценке той роли, которую играют близкие люди в их жизни. Формат интервью со студентами после обсуждения этого текста, где интервьюером выступала нейросеть (perplexity.ai), показал, что студенты осознают важность воспитательного влияния на них близких людей, выделяют в качестве важных моментов ситуации участия, заботы, поддержки и помощи, за что они испытывают искреннюю благодарность. Нейросеть как интервьюер вызывала доверие своей вежливостью и эмпатией, способностью задавать уточняющие вопросы, предложением расширить и углубить обсуждение этой темы. В процессе интервью ряд студентов ощутили и впоследствии отметили «нейтральную доброжелательность» нейросети, что скорее вызывало к ней доверие и отсутствие страха за реакцию на «неправильный» ответ. Ряд студентов предпочли такой доверительный разговор с нейросетью, нежели с преподавателем, ссылаясь на то, что здесь они были не заинтересованы выставить себя в выгодном свете. «Незаинтересованность», «нейтральность», и в то же время «глубокое понимание» предмета беседы обеспечили нейросети предпочтение со стороны студентов.

Масланов Евгений Валерьевич
к.ф.н., старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
Институт философии РАН

Дилемма забвения и искусственный интеллект

Мы живем в мире, погруженном в сеть цифровых взаимодействий. В нем все активнее используются системы с искусственным интеллектом (ИИ) различного типа. Большие языковые модели (LLM) становятся одной из наиболее популярных подобных систем. Их специфика заключается в

том, что они учатся на больших массивах языковых данных, которые зачастую размещены в сети. Это ставит перед нами как минимум три этических вызова.

Первый связан с использованием данных, контента на котором учится сеть. Часто он находится в свободном доступе, но не реже автор может ограничить его использование. Обучение нейронной сети LLM на этих данных приводит к тому, что они становятся ее частью. В этом случае контент, даже на который были наложены различные ограничения, используется ей при формировании ответов на запросы пользователей. Но ИИ «забывает» его создателя, да и применяет в своей работе он не столько весь массив, сколько «обрывки», которые оказались на границе его кода. LLM для решения задачи должна забыть и стереть авторство контента. Ведь без этого она не сможет отвечать на запросы и генерировать контент.

Второй вызов оказывается связан с хранением данных в системе. При помощи запросов они могут быть вновь извлечены из нее. В этом случае мы оказываемся в ситуации, когда человек и общество, прорабатывающее травму, всегда находится перед возможностью ее неаккуратной актуализации. В мире развитого ИИ травматическое событие становится не тем, что может быть «преодолено» или «забыто», а тем, что всегда находится в ситуации возможного воскрешения. Самое неприятное заключается в том, что «воскрешение» может приобретать совершенно неожиданные формы. Контент может быть включен в достаточно стандартные нарративы, визуальные ряды, но появление в них травмирующей компоненты может быт сопряжено с новой необходимостью преодоления травмы. Единственным механизмом исключения его случайного появления становится изъятие части контента из массива, на котором обучается сеть, но тогда оно будет заведомо однобоким и изначально формировать искаженное представление о мире. Оно будет подобно полному и изначальному умолчанию и исключению травматического события не только из дискурса, но и из мира произошедших событий, что будет равносильно отрицанию его существования.

Третий связан с возможностью формировать при помощи LLM цифровых двойников пользователя. Конечно, он будет функционировать только в пространстве сети. Но это поднимает стандартную проблему, связанную с вопросом о том насколько копия отличается от оригинала и каким образом нам поступать с ней при полном исчезновении оригинала. Можем ли мы ориентироваться на эту копию, а если она еще и обладает возможностью самостоятельной деятельности, должны ли мы избавиться от нее при исчезновении оригинала или нет. Можно ли рассматривать эту копию как самостоятельного агента, который может вести к «забвению» оригинала?

Маслова Татьяна Ивановна
старший преподаватель кафедры инженерной графики
МГТУ им. Н.Э. Баумана

Технологический гуманизм как философское течение, ориентированное на пересечение этики и технологических инноваций

Этические вопросы в сфере высоких технологий волнуют ученых и простых граждан, сталкивающихся с проблемами телефонного мошенничества, потери личных данных. На смену этики технологии приходит технологический гуманизм как ответ на новые вызовы, порождаемые цифровой трансформацией.

Технологический гуманизм ориентирован на пересечение этики и технологических инноваций. Его сторонники отстаивают ответственное использование инновационных технологий на службе обществу и продвигают инновации в рамках этических каналов, обеспечивающих развитие человека.

Понятие гуманизма находится в постоянной эволюции, сопровождая научные открытия и политические изменения. Гуманистические теории личности признают человека существом духовным, положительным, стремящимся к саморазвитию и самоактуализации. Весь негатив, свойственный людям, гуманистические теории склонны объяснять неблагоприятным воздействием внешних факторов. Таким образом, согласно теории гуманизма, изначально человек не может быть носителем отрицательных черт и характеристик. Гуманистические теории личности полагают, что человек социален и всегда стремится стать лучшей версией себя. В основе гуманизации применения результатов научно-технической революции лежит понимание значения негативных последствий для человечества непосредственной реализации технических инноваций.

Технологический гуманизм — это ориентированный на людей подход к глобальной цифровой трансформации, в основе которого ставятся человеческое достоинство, основные права и социальная справедливость и нацелены на прозрачность, подотчетность, культурный плюрализм и инклюзивность при разработке и управлении технологиями. Он направлен на создание динамичной парадигмы исследований и действий, которая активно вовлекает все соответствующие заинтересованные стороны, включая политиков, технологов, преподавателей, гражданское общество и граждан, в согласование цифровых инноваций с реальными потребностями различных сообществ.

Технологический гуманизм преследует несколько целей:

- Ликвидация цифрового разрыва. Отсутствие доступа к передовым технологиям порождает социальное, трудовое и культурное неравенство. Для борьбы с ними необходимо предложить всему обществу возможность обучения новым технологиям.
- Гарантия конфиденциальности пользователей. Передача личных данных в Интернете является серьезной проблемой. Строгое регулирование необходимо для обеспечения конфиденциальности всех пользователей и обеспечения того, чтобы их данные не использовались без их согласия.
- Обеспечение этичного использования новых технологий Алгоритмы машинного обучения и другие инновации должны регулироваться государственными органами.
- Поиск устойчивых решений. Научно-технический прогресс оказывает неизбежное воздействие на окружающую среду. Технологические решения должны быть устойчивыми и реализовываться энергоэффективным образом, чтобы минимизировать воздействие на окружающую среду.

Матвеева Мария Алексеевна
обучающийся бакалавриата Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика абсурда как протест: многообразие моральных смыслов в молодёжных мультсериалах

Современные мультсериалы, адресованные молодёжной аудитории, на первый взгляд обладают репутацией сугубо развлекательного контента. Яркая анимация, гэги и эксцентричные сюжеты создают иллюзию лёгкого медийного продукта, не требующего глубокого осмысления. Однако при внимательном просмотре становится очевидна их сложная философская природа: под внешней оболочкой скрываются актуальные этические дилеммы современности, преподнесённые через призму сатиры и пародии.

Ключевым инструментом здесь выступает привнесённый абсурд. Он деконструирует социальные институты и идеологии, потребительское общество, поведение людей и т.д., выдавая нам гиперболизированный и искажённый образ, обнажая при этом нелепости, несправедливости и противоречия, ставшие для нас привычными. Такой подход позволяет говорить со зрителем без морализаторства, создавая пространство для самостоятельного критического осмысления. Например, мультсериал «Дарья» показывает школу не как храм знаний, а как сложную систему социальной иерархии, главная цель которой — создание кон-

формистов. Однако главная героиня осознанно пытается этого сторониться, создавая своё собственное альтернативное пространство, где ценятся интеллект, искренность и инаковость, что и позволяет ей обрести верных друзей, так «Дарья, презирающая идею популярности, оказалась востребованной героиней». Или мультсериал «Симпсоны», сюжеты которого демонстрируют нам, как в пространстве семьи могут сталкиваться, проходить проверку на жизнеспособность и в конечном счёте сосуществовать разные позиции.

Однако миссия абсурда не сводится лишь к критике устоявшихся догм, он также открывает богатейшее многообразие моральных смыслов и перспектив, рассматривая разные жизненные ситуации, в которые попадают герои. В мультсериале «Конь БоДжек», где главный герой бывшая звезда ситкомов, пытается пережить кризис и вернуть былую славу написанием автобиографии. «С болезненной пронзительностью и серьезностью затрагиваются такие проблемы, как борьба с депрессией, алкогольная и наркотическая зависимость, психологические травмы, деструктивное поведение ... поиск смысла жизни». Или в «Рике и Морти», где один из главных героев учёный Рик Санчез, циник и нигилист, для которого «ничего не имеет значения в огромной вселенной». Его жизненная позиция постоянно проверяется на прочность, но нигилизм вселенского масштаба отступает перед необходимостью заботы о семье. Как и в самом мультсериале регулярно «осуществляется качание от иронии, пародии и пастиша к искренности и серьезности».

Таким образом, молодёжные мультсериалы на самом деле являются лабораторией моральных смыслов, где происходит перезагрузка этики, где «насмешка и высмеивание оказываются эффективным инструментом, который позволяет всеобъемлюще рассмотреть вопросы, не имеющие на самом деле очевидного ответа». Они предлагают зрителю не просто развлечение, а требуют от него «поп-культурной грамотности» и способности к критическому осмыслению сложных философских проблем, замаскированных под яркой анимационной оболочкой.

Мижевич Ольга Михайловна
к.ф.н., доцент кафедры истории и социальных наук
Белорусский государственный университет иностранных языков

Современные университеты в условиях коммерциализации: этический конфликт

Тотальная коммерциализация университетов привела к тому, что высшее образование практически утратило свою гуманистическую природу, превратившись в ресурс, подчиненный принципам эффективности,

прибыли и конкурентоспособности. Современные университеты перестали быть пространством свободного интеллектуального поиска, формирования критического мышления и нравственного становления личности, превратившись в бизнес-структуры, обслуживающие интересы рынка и инвесторов. Эти процессы выявили глубокий этический конфликт, который затронул не только организационные формы и управленческие модели университетов, но и саму сущность образования как культурного и нравственного института. В настоящее время в университетах практически отсутствует академическая свобода, автономия преподавателя, о праве студента на развитие как личности забыли все участники образовательного процесса. Коммерциализация образования основывается на утилитарной логике, где ценность знания и истины определяется ее рыночной полезностью. Это привело к появлению целого спектра этических проблем.

Во-первых, произошло серьёзное снижение уровня академической свободы, которая предполагает наличие права исследовать, преподавать и высказывать мнение, руководствуясь внутренним убеждением, а не внешним давлением, политической конъюнктурой или рыночными интересами. Нарушение академической свободы — непосредственное посягательство на достоинство личности, на её способность к критическому суждению и нравственной ответственности. Защита этой свободы — это защита самой идеи университета как пространства, где формируется свободное, мыслящее и ответственное человеческое существо.

Во-вторых, наблюдается тенденция, при которой студент превращается в потребителя, а преподаватель — в поставщика услуг. Такой подход нарушает фундаментальный принцип уважения к личности, когда человек должен рассматриваться как цель, а не как средство. Студент начинает воспринимать знания как товар, который можно купить, а не как результат внутреннего труда и стремления к истине. Преподаватель, в свою очередь, вынужден подстраиваться под ожидания «клиента», теряя автономию и академическую свободу. Истинное образование предполагает общение двух личностей, требует уважения друг к другу, терпения и ответственности. Возвращение к данной модели взаимоотношения в академической среде — основная этическая задача.

В-третьих, изменилась цель образования. Вместо формирования гармонично развитой личности, предпочитают готовить функционального специалиста, узкоспециализированного «мастерового», задача которого — обслуживание экономики. Естественно, что образовательный процесс, превратившийся в сложившейся ситуации в механическое освоение навыков, становится проще, короче и финансово менее затратным. Гуманитарные дисциплины, не приносящие прямой экономической выгоды, вытесняются из учебных программ.

В-четвертых, возникает конфликт интересов при проведении научных исследований, финансируемых корпорациями. В таких условиях на ученого могут оказывать серьезное давление спонсоры, интересы которых зачастую определяются далеко не потребностями общества. Подобная практика подрывает авторитет науки.

В-пятых, становится очевидным неравенство доступа к образованию. При рыночной модели образования малообеспеченные слои населения оказываются в заведомо проигрышной ситуации: они ограничены в выборе учебного заведения, не могут позволить себе дополнительные курсы, репетиторов и т.д.

Коммерциализация образования — не просто экономическая тенденция, а глубокая этико-философская проблема, угрожающая самой сути академического пространства. Возможно в будущем университеты смогут вновь обрести свою этическую идентичность, но для этого необходима системная государственная поддержка.

Миляева Екатерина Галимулловна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Мемориальная этика vs. коммодификация памяти: бренды в конструировании нарративов о Великой Победе

Актуальность проблематики, связанной с участием брендов в формировании исторической памяти, особенно обостряется в контексте 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Коммодификация, понимаемая как процесс трансформации культурных феноменов в товары, подчиняющиеся рыночным законам, приобретает особое звучание применительно к сакральному пространству коллективной памяти. Бренды, включая корпоративные, городские и государственные, активно участвуют в конструировании мемориальных нарративов, что порождает фундаментальный этический вопрос о границах между сохранением исторического наследия и его эксплуатацией.

С одной стороны, использование брендов в мемориальных практиках способствует актуализации исторической памяти для молодых поколений через привычные каналы коммуникации. Цифровые архивы, документальные проекты, тактичное использование символики могут работать на сохранение исторической правды. Однако риски коммодификации заключаются в редукции сложного исторического опыта до набора упрощенных, легко потребляемых образов. Яркими примерами тривиализации памяти служат случаи использования военной символики в контексте распродаж (так называемые «победные скидки») или нане-

сение сакральных символов на повседневные товары, что ведет к эрозии смыслов и десакрализации подвига. Например, с акцией «Бессмертный полк» произошла печальная трансформация — из гражданской инициативы превратилась в масштабный брендированный медиафеномен. С одной стороны, это мероприятие обеспечивает массовость и личную сопричастность, но с другой — при реализации силами бюрократии возник риск ритуализации и потери первоначального глубокого смысла. Когда акция стала принудительно ритуализироваться произошел ряд не только оскорбительных, но и незаконных происшествий, целью которых было очернение памяти о Победе.

В этой связи представляется необходимым выработка принципов мемориальной этики, которые могли бы стать ориентиром для брендов, участвующих в конструировании памяти. Первый принцип предполагает безусловное соблюдение исторической достоверности и уважения к фактам, что требует привлечения профессиональных историков и работы с архивными материалами. Второй принцип заключается в примате ценностного измерения над коммерческой выгодой: нарративы должны акцентировать героизм, жертвенность и мир, а не стимулировать потребление. Третий принцип предполагает диалогичность и вовлечение гражданского общества в обсуждение форм репрезентации памяти, что позволяет избежать монополизации интерпретаций.

Участие брендов в мемориализации Победы представляет собой амбивалентный феномен. С одной стороны, они обладают мощным потенциалом для трансляции исторического знания, с другой — несут риск подмены подлинной памяти симулякрами, подчиненными логике рынка. Преодоление этого противоречия возможно через осознанную социальную ответственность брендов, их готовность руководствоваться не только маркетинговыми стратегиями, но и этическими императивами сохранения исторической правды. Только при этих условиях бренды могут стать значимыми участниками мемориальных практик, способствующими подлинной трансляции памяти о Великой Победе.

Мордовин Виктор Сергеевич
обучающийся специалитета
Военная академия материально-технического обеспечения

Право на выстрел: этическая проблематика фильма «Ворошиловский стрелок»

В современном мире вопросы, связанные с гражданским оборотом оружия, вызывают острые общественные дискуссии. Оружейная культура, выходя за рамки простого владения оружием, становится мощным

социальным феноменом, который формирует идентичность, влияет на политические процессы и уровень общественной безопасности. Особую актуальность теме придает контраст между различными национальными моделями, например, американской, основанной на идее неотъемлемого права на самооборону, и российской, где доминирует государственный контроль. Чаще всего идею поддержания порядка через сдерживание преступности вооруженными гражданами, как и возможность эскалации конфликтов, связанную с таким применением оружия, обсуждают правоведы, интересна она и представителям социальной психологии. Однако у этой проблемы есть и отчетливый этический аспект, который гораздо меньше затрагивается в научной литературе. Зато моральная проблематика восстановления справедливости путем наказания обидчика без обращения к правоохранительным органам весьма популярна в кинематографе. Ярким примером такого кино на отечественном экране стал фильм Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок» (1999). Российским зрителем он был воспринят как мощное социальное высказывание, в центре которого оказалась острополемическая проблема моральной стороны оружейной культуры. Картина не столько воспевает оружие как способ восстановления попранной справедливости, сколько использует его как символ распада общественного договора, где право на насилие узурпируется не криминалом, а простым человеком, доведенным до последней черты. Герой Михаила Ульянова вызвал отчетливую симпатию зрительской аудитории несмотря на явную опасность романтизации самосуда. Ветеран в этом фильме оказывается носителем «правильной» оружейной культуры.

Интересна эволюция режиссерского взгляда Говорухина на разные стороны проблемы владения оружием от сериала «Место встречи изменить нельзя» (1979) до фильма «Ворошиловский стрелок». Банда «Черная кошка» сильна и опасна именно потому, что хорошо вооружена. «Место встречи…» поднимает проблему «нелегального ствола» в послевоенном обществе. Фильм наглядно демонстрирует государственную позицию: единственной силой, имеющей право применять оружие для восстановления справедливости, является милиция. Жеглов и Шарапов — законные носители оружия, а бандиты — смертельная угроза, которую необходимо искоренить. Весь сюжет построен на том, как государство в лице МУРа отвоевывает у криминала монополию на насилие.

Несмотря на то, что «лихие 90-е» (как их часто называют в СМИ) давно остались позади, нравственное оправдание (или осуждение) применения гражданами оружия продолжает оставаться в фокусе внимания российских кинематографистов. Можно вспомнить в связи с этим фильм Сарика Андреасяна «Непрощённый» (2018).

Морозов Константин Евгеньевич
младший научный сотрудник сектора этики
Институт философии РАН

Самопринадлежность и обособленность личностей

Самопринадлежность — это моральный принцип, согласно которому каждый человек имеет право собственности на своё тело и таланты. Роберт Нозик предполагал, что самопринадлежность следует из факта обособленности личностей, который состоит в том, что каждый человек представляет собой метафизически обособленное существо, его жизнь и благополучие отделены от жизней и благополучия всех остальных людей. На первый взгляд, обособленность личностей является просто описательной концепцией, которая не влечёт каких-либо нормативных выводов. Нозик, однако, предполагал, что эта метафизическая обособленность является если не свидетельством, то по крайней мере доводом в пользу обладания каждой отдельной личностью внутренней ценностью. И признание самопринадлежности является формой уважения к этой ценности.

Джон Ролз также опирался на тезис обособленности личностей, когда формулировал свою теорию справедливости. Но в отличие от Нозика он не предполагал, что из этого тезиса следует самопринадлежность. Напротив, по мнению Ролза, из уважения ко внутренней ценности друг друга люди должны рассматривать свои личные таланты как коллективный актив, который должен приносить пользу всем, а не только обладателям этих талантов. Это фактически подразумевает отказ от самопринадлежности. Нозик считал, что такая социализация талантов нарушает обособленность личностей, потому что заставляет каждого рассматривать интересы других как свои собственные.

В более поздней работе Ролз ответил на критику Нозика. Ролз признаёт, что люди должны быть свободны в том, чтобы распоряжаться своим телом и, соответственно, решать, как они будут применять свои таланты. Однако если они решают использовать свои таланты для того, чтобы улучшить своё положение (например, заработать деньги), то они берут на себя обязательство использовать эти таланты во благо других, потому что для улучшения своего положения им нужна поддержка других людей. Некоторые интерпретируют это как принятие более слабой версии самопринадлежности — «самопринадлежность контроля». Если это так, то между Ролзом и Нозиком нет расхождений по поводу того, что из обособленности личностей следует самопринадлежность.

Тем не менее интерпретация Ролза как сторонника самопринадлежности контроля сталкивается с одной серьёзной трудностью. Если обязанность улучшать положение других людей является, как предполагает эта интерпретация, требованием принципа взаимности, то приме-

нимость этого обязательства ограничена теми людьми, которые имеют сопоставимые с носителем обязательства таланты. Это так, потому что люди с меньшими талантами не могут принести сопоставимую выгоду тому, кто им помогает. Из-за этого строгое применение принципа взаимности ведёт к обществу с радикально неравными жизненными перспективами для талантливых и мало одарённых людей. С этим выводом Ролз не был готов согласиться, потому что такое равнодушие к нуждам людей без особых талантов недостаточно уважает их внутреннюю ценность как личностей.

Поэтому правдоподобная интерпретация Ролза должна предполагать, что у людей есть неприобретённое позитивное обязательство помогать другим, которое и обуславливает социализацию талантов. Хотя этого, как я считаю, достаточно, чтобы опровергнуть выводимость самопринадлежности из обособленности личностей, немногие авторы также поддержали идею «чувствительной к обязанностям самопринадлежности». Я полагаю, что даже эта версия самопринадлежности не следует из обособленности личностей, потому что если кто-то принимает позитивные обязанности перед другими на основе их внутренней ценности, то он должен принимать обязанность содействовать собственному благу. И в некоторых случаях эта обязанность оправдывает патерналистские вмешательства, тогда как даже самая слабая версия самопринадлежности, по общему мнению её сторонников, должна запрещать патернализм. Таким образом, из обособленности личностей не следует самопринадлежность.

Мурадов Феодор Сергеевич
обучающийся специалитета
Военная академия материально-технического обеспечения

Воспитательный потенциал военного кинематографа

События 1941–1945 оставили колоссальный след в памяти любой российской семьи, а война коснулась каждого из нас. Однако сегодня существует реальная угроза забыть то, через что прошли наши предки, чтобы принести нам победу. Социологические исследования показывают, что современные подростки не слишком интересуются военной историей страны. С другой стороны, в школе сокращают учебные часы на изучение осмысления событий войны при помощи искусства, так, по сравнению с советским периодом, в учебной программе гораздо меньше художественных произведений про Великую Отечественную войну. В этой ситуации при работе с молодежью необходимо задействовать такой мощный фактор воспитания патриотизма как кинематограф.

Во все времена кино имело не только развлекательный характер, но и несло сильный нравственный заряд. Поэтому кинематограф можно считать одним из самых лучших способов формирования идеалов и принципов. В цифровую эпоху военный кинематограф тем более может стать действенным средством нравственного воспитания молодого поколения. Знания, представленные в виде текста, запоминаются современными школьниками хуже, чем аудиовизуальные образы, чем и должна пользоваться кинопедагогика. Кроме того, представителям молодого поколения обычно нравятся те динамичные жанры, которые задействованы в таких фильмах (военный боевик, военная драма).

Известно, что в советское время многие школьники выбирали себе социально-значимые профессии врача, учителя, военного в том числе под влиянием романтизированных кинематографом образов этих профессий. Можно, например, вспомнить такие сверхпопулярные советские фильмы как «Офицеры», или «В зоне особого внимания». В наши дни такое влияние, скорее, редкость.

И все же воспитательный потенциал военного кино по отношению к современным школьникам довольно высок. Молодые люди активно смотрят фильмы о войне, могут указать на наиболее запомнившиеся фрагменты, позитивно оценивают усилия создателей фильмов по формированию патриотических ценностей. На эти предпочтения и необходимо опираться в педагогическом процессе.

Однако, очевидно, что кинопедагогика должна сопровождаться качественным экспертным сопровождением при показе фильмов военной тематики в молодежной среде, чтобы у целевой аудитории не возникало чувства деструктивного воздействия на психику. Списки необходимых для просмотра фильмов, составляемые по заказу Министерства просвещения РФ, необходимо дополнить усилиями по подготовке специалистов, способных провести грамотный этический и эстетический анализ киношедевров.

Мурзин Александр Александрович
аспирант, ассистент преподавателя
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

От фальсификации к генерации: философия науки перед лицом ИИ

Разрабатывая тематику своей кандидатской диссертации, я занялся исследованием рецепций идей П. Фейерабенда в свете советской философии. Как мне кажется, что вопрос, поставленный секцией весьма близок к моей работе, и я хотел бы углубиться в этот вопрос, предоста-

вив на конференции доклад и презентацию. Свои точки соприкосновения будут описаны далее:

Современный тренд на исследование и развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед гуманитарным знанием и академической этикой новые вызовы, требующие не только нормативного регулирования, но и философской рефлексии. В этом контексте, как мне кажется, продуктивным оказывается обращение к наследию П. Фейерабенда, чьи идеи методологического анархизма и эпистемологического плюрализма позволяют вскрыть имплицитные противоречия современной научной практики и задать вопросы о границах допустимого в условиях цифровой трансформации как общества, так и знания (ἐπιστήμη) в целом.

Американский философ, австрийского происхождения подвергал радикальной критике установку на универсальную рациональность, унаследованную от просветительского проекта и закрепленную в науке XX века. Его знаменитая формула «anything goes» не означала апологию хаоса, но утверждала необходимость сохранения многообразия методов, традиций и дискурсов в исследовательской практике. В эпоху искусственного интеллекта эта установка приобретает новое звучание: ИИ разрушает традиционное различие между «научным» и «ненаучным» дискурсами, генерируя тексты, интерпретации и даже модели аргументации, что ставит вопрос о новых критериях академической легитимности. В качестве крайнего подспорья моей точки зрения, меня очень сильно озадачил и удивил тот факт, что в инструменте «Антиплагиат» поиск на наличие сгенерированного текста от ИИ выполняет сам ИИ.

Для попытки выйти на объективное понимание сути поставленный проблемы, необходимо сопоставление с другими концепциями философии наук, что дополнительно, помогает еще и прояснить проблемное поле. Так, К. Поппер настаивал на принципе фальсифицируемости как универсальном критерии научности. Однако в условиях ИИ, способного создавать тексты и гипотезы без рефлексивного основания, данный критерий оказывается проблематичным и академически «эфемерным»: граница между «авторской гипотезой» и «алгоритмически сгенерированным предложением» становится размыта, а ответственность за научное содержание неочевидна.

Т. Кун, напротив, указывал на историческую динамику научных парадигм, различая периоды «нормальной науки» и «научной революции». Полагаю, что современная ситуация с внедрением ИИ в исследовательскую практику может быть интерпретирована как начало революционной фазы, когда привычные представления о научной деятельности ра-

дикально пересматриваются, а границы дисциплинарных и этических норм оказываются неустойчивыми.

Фейерабендовская критика «методологического монизма» позволяет рассматривать искусственный интеллект как вызов не только научной методологии, но и академической этике. Если раньше универсальные стандарты науки обеспечивали определенную форму профессиональной солидарности, то сегодня именно этические нормы — требования прозрачности, защиты интеллектуальной собственности, подлинности авторства — становятся последней инстанцией регулирования. Парадоксальным образом «анархистская» позиция Фейерабенда оказывается востребованной для защиты многообразия гуманитарных практик в условиях, когда алгоритмическая унификация угрожает их автономии.

Мухачёва Диана Александровна
обучающийся магистратуры факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика курирования вне антропоцентрического портрета: опыт выставки «Жизнь замечательных собак»

Доклад посвящен анализу ценностных составляющих экспонирования работы выдающегося современного отечественного художника Алексея Георгиевича Штерна «Штернтерьер Леха раненный».

А.Г. Штерн — советский и российский живописец, театральный режиссёр, художник-постановщик. Его малоизвестная работа экспонировалась в первом, портретном зале выставки «Жизнь замечательных собак» (Государственный Русский Музей, 2025 г.)

Художник изображает собаку в оптике нравственного. В то же время, для кинологически чуткого аналитика очевидны и иные аспекты работы, проблематизирующие моральный статус животного в рамках данной выставки ГРМ (обращающее на себя внимание уже своим названием, напоминающим название знаменитой серии просветительских книг «Жизнь замечательных людей»).

У Штерна собака словно изображена мучеником, однако ее уши расслаблены, а не прижаты, как требует состояние стресса. Пафос работы рассыпается через диссонанс позы героя и языка его тела, как если бы святой Себастьян, незаметно для куратора, делал молодежный жест рукой. Укор, на который напирает куратор и художник, проваливается из-за кинологической ошибки, которая требовала бы поместить работу в отдельный зал «собаколюдей», гибридов ошибочной антропизации собаки поверх ее собственной антропизации как синантропа.

Присутствие в портретном зале ряда работ без кличек также заставляет задуматься, насколько этически отрефлектирован был выбор работ и концепция зала в целом. Портрет неизвестного — распространенный жанр, однако его всегда кураторски обрамляют соответствующим образом, минимально отмечая сам факт анонимности, что в случае с собаками не было сделано. В связи с чем необходимо рассмотреть те этические вызовы, которые неизбежно стоят перед куратором собачьего портрета. Нижеследующие суждения относятся как к анализируемому примеру экспонирования, так и ко всей выставке.

Собака — очень антропоцентрированное существо. Современный куратор будет все более и более активно вовлекаться в животные, анималистические сюжеты, частично вследствие естественного поиска нового, частично вследствие все большего увлечения современной массовой культуры уютом и питомцами. Неверно говорить, что собака отошла от некоего своего естества, ее антропность и есть ее природа. Поэтому и возможен портрет собаки, проект, требующий самостоятельной этической рефлексии через фундаментальную философскую категорию личности. Разговор о некой личности собаки, о портрете это всегда разговор про глаза, про этику взгляда, личного уважения. Симптоматичен объем рассуждений по поводу собачьих глаз, число связанных с ними устойчивых выражений («смотреть собачьими глазами», «с собачьей преданностью» и т.д.). Собака эстетизируется и этизируется одновременно.

При этом, разумеется, курирование собачьих сюжетов должно опираться на хорошую кинологическую экспертизу как для подбора произведений, так и для грамотного освоение связанных с изображаемым этических проблем, многие из которых неизвестны не только обывателям, но даже профессиональным кураторам.

Наволоцкая Татьяна Васильевна
аспирант кафедры истории зарубежной философии
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Индивидуализм в мысли позднего Средневековья

Согласно сформулированной в XIX веке позиции швейцарского историка Якоба Буркхардта, происхождение понятия индивидуальности или самости связано со становлением эпохи европейского Возрождения. Идеи Стивена Гринблатта о формировании самости через столкновение с властью и сопротивление авторитетам невольно укрепляют представление о том, что средневековая самость была практически неразвита, и именно с окончанием Средневековья началось формиро-

вание «нового человека» как главного результата радикального сдвига между Средними веками и современностью, о котором пишет Ганс Блюменберг.

Доклад посвящён специфике развития идеи индивидуального «я» в мысли позднего Средневековья. Развитие идей самости или индивидуальности в эту эпоху, на наш взгляд, не может рассматриваться с более современных позиций, предлагающих современное понимание личности как таковой. Формирование средневекового индивидуализма происходит в тесной связи с христианским вероучением и сопутствующей ему идеей социальной общности: идея автономии, в том числе и автономии от данной системы, парадоксальным образом развивается внутри самой системы и формулируется на её языке.

Обсуждая интересующую нас тенденцию, стоит обратиться, в частности, к философскому и культурному наследию немецкоязычной среды позднего Средневековья, заострив внимание на идеях представителей т.н. рейнской мистики в лице Майстера Экхарта и его последователей. Под влиянием доминиканцев развивается концепт «монашества в миру» и укрепляется идея сугубо личных и не требующих посредников отношений каждого человека с Богом, выражающихся, в частности, в возможности индивидуального переживания Божественного в мистическом опыте. Выраженная в данных идеях тенденция к индивидуализму неразрывно связана одновременно и с увеличением психоэмоциональной автономии человека, и с его социальной автономией, выраженной в снижении роли церкви как общественного института в спасении и всей религиозной жизни верующего, — тенденция, которая получает своё развитие в испытавшем влияние рейнских мистиков протестантизме.

Увеличение психоэмоциональной автономии человека позднего Средневековья демонстрирует и характер литературных описаний феноменов эмоциональной жизни. Женская литературная традиция, тесно связанная со сформированной вокруг рейнских мистиков средой, в частности, демонстрирует изменения в характере описания мистического опыта, переживаемого человеком. Петер Динцельбахер, анализируя т.н. старую и новую мистическую традиции, обращает внимание на позитивный и повторяющийся характер последней: в отличие от старой традиции, эйфорическое переживание тут имеет индивидуальный характер и может напрямую зависеть от усилий верующего.

Является ли процесс индивидуализации исключительно позитивным, и в какой мере он может считаться прогрессом? Индивидуализация связана не только с самоидентификацией, бунтом против давящего социального или кажущегося отжившим прошлого, но и с изолированностью, — проблемой, с которой современной общество сталкивается всё чаще. Со становлением протестантизма эта проблема, вытекающая из опи-

сываемых выше тенденций, становится всё более очевидна. В позднем Средневековье же индивидуальное «я», находящееся в поиске своих психоэмоциональных и социальных границ, всё ещё остаётся «онтотеологической категорией» и частью целого, что порождает специфическую двойственность, интересную для рассмотрения.

Назаренко Алексей Николаевич
кандидат культурологии, доцент
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Моральный облик художника: публичное vs. приватное

В этом докладе мы сосредоточимся на вопросе соотношения приватного и публичного в профессиональном и повседневном аспектах жизни художника.

Новые медиа открывают возможность для общественности следить не только за тем, какие работы создаёт художник, но и за его стилем общения, за его сексуальной жизнью, за его высказываниями, сделанными как в социальных сетях, так и во множественных интервью, призванных раскрыть публике уникальный нарратив личности. На каком основании общество вторгается в жизнь, в ум и в душу отдельного человека?

Современный художник (в широком смысле как artist) формируют прежде всего медийный капитал и только после конвертирует его в иные формы, в том числе и финансовую. При этом, зритель мнит себя кем-то вроде миноритарного держателя акций известности своего кумира. С этой позиции, обсуждение нравственного облика художника становится чем-то вроде собрания акционеров, на котором критикуется и формируется стратегия развития их предприятия.

Однако логика медийного капитала такова, что любое, как хвалебное, так и критическое, публичное обсуждение есть вклад не свободного зрительского капитала, а зрительского труда. Только кажется, что этот труд ничего не стоит зрителю, но он захватывает всё его свободное время, его любовь, его шок, его влечение и страх, поделиться которыми в публичной сфере есть его самое непринуждённое намерение. Для описания этого процесса предложим специальный, пусть и провокационный термин — лейбортеймент.

Отношения художника и зрителя представляют собой инвариант антагонистических классовых отношений, где, с одной стороны, «угнетатель» художник постоянно провоцирует обсуждения себя, а с другой стороны, «угнетаемый» зритель обречен постоянно запускать и поддерживать коммуникацию. Впрочем, данная коммуникативная стратегия известная ещё со времен Бодлера и Рембо под названием épater la bourgeoisie. Но если модернизм эпатировал противоречием традиционных и новых форм в

искусстве, то в эпоху новых медиа к формалистическому эпатажу добавляется ещё и опубличивание приватности.

Опубличивание приватной жизни художника может протекать в нескольких вариантах: 1) органически-консенсусный (частная жизнь полностью соответствует ожиданиям); 2) принудительно-консенсусный (частная жизнь полностью поглощена публичным образом); 3) конфликтно-избегающий (творческий образ и личность не совпадают, но художник уходит от комментариев по этому поводу); 4) конфликтно-ревизионистский (художник настаивает на переоценке своего творчества с учетом приоритета его личной нравственной и политической позиции). Если с последними двумя пунктами всё более или менее понятно простому зрителю, то с первыми двумя существует проблема разграничения.

Искусство — это профессиональная сфера художника, и она может быть понята нами как пойезис, а его, например, гражданская позиция относится к сфере праксиса, но когда Ги Дебор предлагает рассматривать искусство как инструмент политической борьбы, он по сути предлагает превращение пойезиса в праксис. Однако и искусство, и политика находятся в публичном регистре, а для приватного просто не остаётся места. Деборовский проект, таким образом, есть путь подчинения приватного публичному, и будет отнесен нами к принудительно-консенсусному типу.

Дабы описать органически-консенсусный тип обратимся к такому аморальному феномену как эксгибиционизм. Эксгибиционизм переведенный из праксиса в пойезис становится искренним, ранящим в самое сердце искусством. Наготу, неприглядность, стыдные откровения и фантазии в режиме пойезиса мы воспринимаем как искренность, как нужное и должное чудо творческого высказывания. И это высказывание для нас, зрителей, есть не столько эстетизация жизни художника, сколь этизация его гения.

Назарова Юлия Владимировна
д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Цифровое бессмертие, этика трансгуманизма и моральное прогнозирование

Проблема личного бессмертия в философии трансгуманизма имеет аксиологические и этические обоснования; так, одной из высших ценностей считается приоритет любой разумной жизни, а гедонистическая мораль предполагает, что благо заключается в отсутствии физических и

психологических страданий. В этом смысле личное бессмертие становится одним из идеалов трансгуманизма, но, поскольку телесность понимается как источник страданий, то предполагается, что бессмертия можно достичь посредством развития новейших технологий, которые в будущем позволят «оцифровать» сознание, перенеся его в виртуальное пространство, что порождает этический дискурс о «цифровом послесмертии» и «цифровом бессмертии».

Под цифровым послесмертием (digital afterlife) понимается присутствие в цифровом пространстве после физической смерти: и как факт присутствия полной информации об умершем, включая, например, воссозданную цифровую личность, и как существование «цифровых останков», «цифровых следов», обращение с которыми регламентировано с этической точки зрения. В то же самое время термин «цифровое бессмертие» (digital immortality), в отличие от «цифрового послесмертия», более конкретен, поскольку связан с понятиями «одностороннего и двустороннего бессмертия». Термины встречаются на сайте компании Microsoft, где объясняется, что односторонним бессмертием наделена послесмертная цифровая личность, или цифровой двойник, созданный с использованием информации об умершем — то есть, являющийся некой симуляцией умершей личности, рассчитанной на наблюдателя. Двустороннее бессмертие предполагает самоосознание личности, существующей после смерти в цифровом пространстве, однако технологии переноса сознания после смерти в цифровое пространство все еще недоступны. Двустороннее бессмертие в трансгуманизме принято связывать с возможностями трансчеловечества и постчеловечества — грядущими эпохами благоденствия, которые сформируются благодаря совершенствованию человеческой природы посредством науки и технологий, выступят результатом прогресса, а не эволюции. Некоторые известные философы трансгуманисты, например Н. Бостром, отмечают, что проблема прогнозирования морали постчеловека является одним из важных вопросов современной философии. Можно предположить, что эта мораль, во многом, будет определяться отношением к смерти и бессмертию. Содержание будущих проблем этики цифрового бессмертия может быть определено на основании следующих вопросов:

— как изменятся моральные представления о смерти?

— как изменятся основные нравственные ценности?

— как изменится отношение к телесности?

— будет ли бессмертие общедоступным, и, если нет, как изменится статус тех, кто не сможет позволить себе бессмертие?

— возникнут ли особые культурные и моральные практики общения живущих в физическом теле и бессмертных?

— возникнут ли разные типы морали — мораль бессмертных и смертных, и чем они будут отличаться друг от друга?

Согласно концепции Л. Флориди, современное общество, благодаря техническому развитию, формирует инфосферу, основной ценностью которой становится не всеобщее благо, а благо инфосферы. Моральным агентом в инфосфере является любая информационная единица; злом считается уничтожение единицы информации, добром — ее преумножение и расширение, что создает принципиально новую этику. В большей степени расширяется понятие зла: появляется так называемое «искусственное зло», которое, в отличие от «естественного» и «морального» зла является порождением технологий. В этом смысле, цифровое послесмертие приобретает совершенно особенный этический статус: послесмертное существование в цифровом пространстве становится ценным и этически оправданным с точки зрения трансгуманизма. Однако комплексный анализ возможных проблем цифрового бессмертия с точки зрения прочих концепций этики, в том числе, прикладной этики, даст объективную оценку и расширит возможности морального прогнозирования в контексте вызовов цифрового общества.

Наранович Станислав Вадимович
обучающийся магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет

Признаки нравственного прогресса в трактате Плутарха Quomodo quis suos in virtute sentiat profectus

Согласно знаменитому положению Ранней Стои, между добродетелью и пороком нет ничего среднего. В качестве иллюстрации стоики приводили образ тонущего человека: «Как человек, находящийся на локоть от поверхности моря, задыхается не меньше того, который погрузился на пятьсот саженей, так и приближающиеся к добродетели порочны ничуть не меньше тех, кто далек от нее. И как слепой слеп, даже если вскоре должен увидеть свет, так и продвигающийся остается глупым и порочным, пока не овладеет добродетелью» (Plut. De communibus not. 10, 1063a). Это вело к разделению всех людей на две категории — добродетельных и порочных. Добродетелен только мудрец, который появляется раз в 500 лет, подобно птице феникс, и служит для всех остальных скорее нравственным идеалом, к которому нужно стремиться. Большинство всех остальных людей находятся в группе порочных. При этом не менее важное стоическое основоположение гласило, что добродетели можно научиться и что дурной человек способен стать добродe-

тельным. Как именно происходит этот переход? Если между мудрецом и немудрецом, как между добродетелью и пороком, ничего среднего нет, значит, весь прогресс, все преуспевание или продвижение, которое стоики называли προκοπή, разворачивается исключительно внутри порока — до тех пор, пока мы наконец не достигнем той границы, которая отделяет порок от добродетели. Более того, стоики считали, что даже достигнув добродетели, человек не способен тотчас это осознать, поскольку в порочном состоянии у него еще не было точного знания добродетели, на основе которого он мог бы оценить свое состояние и понять, что преодолел стену между пороком и добродетелью: таким образом, поначалу мудрец даже не ведает о своей мудрости. Стоические представления о нравственном прогрессе подвергает критике Плутарх Херонейский в трактате «Как человек может понять, что он продвигается к добродетели» (Πῶς ἄν τις αἴσθοιτο ἑαυτοῦ προκόπτοντος ἐπ᾽ ἀρετῇ). В начале сочинения он указывает на затруднения, которые порождает в этой области стоический ригоризм, а далее перечисляет то, что называет σημεῖα προκοπῆς — признаки преуспевания, на которые может опираться человек для оценки своего продвижения к добродетели. В рамках доклада мы рассмотрим эти признаки и постараемся точнее установить, в каком отношении находятся идеи Плутарха относительно нравственного прогресса к προκοπή стоиков, которые заслужили с его стороны не только критические замечания, но также и слова одобрения.

Наркевич-Йодко Маргарита Сергеевна
к.ф.н., заведующий кафедрой физического воспитания
Пензенский государственный аграрный университет

Профессиональная этика тренера непрофильного вуза

Современный спорт как профессиональная сфера и область сложных социальных отношений ассоциируется со множеством процессов, имеющих негативную моральную окраску. Особенно если речь идет о взаимосвязи спорта и политики. Не утихают дискуссии о необходимости гуманизации спорта и усиления в нем этической составляющей.

Тренер и его деятельность по подготовке спортсменов являются неотъемлемым элементом собственно спортивной сферы и физической культуры вообще. Повышение интереса к данной профессии связано с возрастающим вниманием к области высоких спортивных достижений — мы наблюдаем фетишизацию отдельных видов спорта, возрастание культа топовых спортсменов, их медийной популярности.

Тренерская этика может пониматься как часть общей спортивной этики и одновременно как особый раздел этики педагогической. Поэтому речь должна идти о приоритете междисциплинарного подхода к решению моральных проблем, возникающих в спортивной и тренерской среде. Одной из серьезных задач становится преодоление в тренерской практике тенденции к «негуманному гуманизму», когда цена высоких спортивных достижений настолько высока, что они имеют сомнительную нравственную и социальную ценность.

Остается «за кадром» фигура тренера-преподавателя, который осуществляет воспитательную и профессиональную деятельность в вузах, где не готовят спортсменов-профессионалов или будущих тренеров и педагогов физической культуры — там, где политический, собственно коммерческий и «Cui bono» аспекты отходят на второй план. В данном случае адекватно использовать условный термин «непрофильный вуз», чтобы подчеркнуть специфику работы тренера, подопечными которого становятся студенты — обычно не-спортсмены, с различным уровнем физической подготовки, все чаще лица с ограниченными возможностями здоровья, а сам тренер одновременно выполняет функции собственно тренерские, педагогические, воспитательные, административные, то есть является тренером, преподавателем, ученым и т.д.

Моральные категории могут быть представлены как особое системное образование ввиду особенностей функционирования их в работе тренера в неспортивном вузе. Через реконструкцию системы моральных категорий, выявление специфики их реализации в описываемых условиях можно показать, как связаны профессиональная этика и нравственная философия. Специфическую интерпретацию приобретает игра, поскольку четкая фиксация правил и их нарушений является неоспоримым делом справедливости. Игра, как и состязательность, имманентна спорту. Именно через игру другие категории — честь, долг, взаимопомощь, справедливость — приобретают свою, собственно спортивную, специфику. Одним из выигрышных элементов тренерской этики является новая интерпретация взаимосвязи игры и морали.

Особое место среди этических категорий, связанных с профессиональной деятельностью тренера, занимает честь — это вопрос о профессионализме, чести профессии, честности борьбы, спортивной справедливости. Подобные элементы могут лечь в основу этического кодекса тренера-педагога, главным принципом которого является признание физической культуры неотъемлемой частью гармоничного развития личности при универсальности принципа «не навреди». Такой кодекс дополняет существующие этические кодексы университетов и, в то же время,

подчеркивает специфику и социальную значимость профессии вузовского тренера.

Профессия тренера-педагога и его социальный статус нуждаются в моральной и материальной поддержке со стороны государства и администрации вуза ввиду особого значения работы тренера по сохранению и укреплению здоровья молодого поколения и его нравственного воспитания. В условиях высокой социальной напряженности роль этой профессии и требования к ней повышаются, следовательно, вопрос поддержки становится еще более актуальным. Тренерский труд, особенно в непрофильном вузе, не всегда дает видимые и ощутимые результаты. Поэтому поддержка специалиста, социальное одобрение самой профессии тренера, повышение ее авторитета, преодоление стереотипов в отношении «физкультурников» — с моральной точки зрения, очевидные и важные, однако так и не достигнутые в полной мере, позиции, которые должны занять полноправное место в профессиональной этике тренера-педагога.

Невважай Игорь Дмитриевич
профессор, д.ф.н., заведующий кафедрой философии
Саратовская государственная юридическая академия

Этика — это язык

Этика всегда контекстуальна. Одним из важнейших её контекстов является метафизика. Соединение этики и метафизики — это одна из центральных задач всей истории философии, поскольку позволяет ответить на вопрос: «Почему я должен быть моральным?» не из страха наказания или выгоды, а исходя из фундаментального устройства реальности. Соединение этики и метафизики — это попытка показать, что мораль не висит в воздухе, а укоренена в самой структуре бытия, разума или высшей реальности. Единство этики и метафизики в классической философии виделось как поиск оснований этики и склонялось к детерминистскому варианту, который сильно ограничивался известной гильотиной Юма. В современной философии появились новые возможности обоснования этических норм за рамками детерминизма, связанные с идеей спонтанности их возникновения в определенной бытийной ситуации. Сама тема единства метафизики и этики фундирована новыми вызовами, с которыми сталкивается современная культура. Прежде, чем предложить для обсуждения соответствующую концепцию я кратко рассматриваю и оцениваю доминировавшие в истории философии соединения метафизики и этики.

Философия в своей истории прошла ряд этапов в поиске способов соединения этики и метафизики. Первый этап можно охарактеризовать как теономный. Метафизическим основанием является Бог или боги (иная высшая реальность), который является источником всего сущего. Этот Бог по своей природе благ, совершенен и является воплощением высшего блага. Быть моральным — значит согласовывать свою волю с волей Бога, участвовать в божественном порядке и замысле творения. Такова, например, христианская или исламская этики. Однако в этой модели есть существенный недостаток, отмеченный Эвтифроном: «Благо потому угодно богам, что оно благо, или оно благо потому что угодно богам?» Если верно второе, то добро становится произвольным. Если верно первое, то добро существует независимо от Бога.

Другая модель — это натуралистическая модель эпохи античности. Здесь метафизической основой выступает не сверхъестественное божество, а сама природа (универсума или человека). Метафизическим основанием является разумно и целесообразно устроенный Космос (имеет телеологию). Быть моральным — значит жить в соответствии с природой, реализовывать свое предназначение (Аристотель, стоики). Современная наука, однако, отказалась от идеи целеустремленной природы. Тем не менее современная биология (особенно нейробиология) настаивает на том, что этические нормы коренятся в биологических программах.

Модель трансцендентального идеализма (Кант). Иммануил Кант разделил теоретический и практический разум, связав их на более глубоком уровне. Он вводит метафизику иного рода — метафизику свободы. Мы не можем познать, что свободны, но мы должны постулировать свободу как условие возможности морали. Этический закон (категорический императив) не выводится из внешней реальности, а является законом, который разумное существо дает само себе (автономия). Это закон чистого практического разума. Принципиально новым моментом этой конструкции является постулирование поступка практического разума как фундамента человеческого закона. При этом этика была освобождена от связи с традиционными для нее категориями добра и зла.

Обращено внимание на глубокую мысль Ф. Брентано о логике как этике. Развитием ее является концепция нормативности, предложенная немецким феноменологом Б. Вальденфельсом в рамках реализации идеи о единстве метафизики и этики.

Любопытна в связи с обсуждаемой темой концепция "не–алиби–в–бытии" М.М. Бахтина, дающей онтологическое основание должного.

В докладе рассматривается авторская семиотическая концепция норм, в которой в качестве основы человеческого бытия выступает семиосфера (Ю. Лотман), а этические нормы являются её определенным языком.

Нечаева Марина Максимовна
обучающийся аспирантуры
СГУ им. Питирима Сорокина

Дискредитация Homo Sapiens: к попытке нравственного обоснования «умаления» человека в философско-культурном дискурсе

Современная культура и наука ежедневно ставят вопрос о пригодности человека и его нравственной актуальности. Часто звучат идеи о дискредитации, «умалении» его сущности. Деантропологизации проявляется на двух уровнях: природном (телесность и физиология) и культурном (разум и мышление).

Второе является наиболее опасным. Разум — структурообразующая основа Homo Sapiens и инструмент осмысления окружающего мира. Силу разума обозначали Древние греки: Сократ «подчинил (разуму) все космические и земные феномены» (П.С. Гуревич). М. Мамардашвили, комментируя принцип картезии, отмечает, что это способность мыслить и существовать. И. Кант писал, что свобода человека проявляется в разуме — источнике нравственного закона и моральной ответственности.

Следовательно развитие цифровых технологий и появление ИИ ставит в уязвимое положение одно из главных качеств Homo Sapiens. Но дискредитация просветительской модели человека началась в XX веке с «убийства» Бога Ф. Ницше, вместе с которым подвергается сомнению Разум, затем и мораль, проистекающая из свободной воли, как способности выбора между «злом» и «добром». Выбор — центральное условие осуществления человеком подлинного бытия — утверждение гуманизма (А. Камю).

Без устрашающего Бога, человек остался в брошенном положении, не способным утвердить новый моральный закон. Идея Ницше подводит человека к смерти, которую позже озвучивает М. Фуко. Ницше говорит, что если мы не утвердим победу над самими собой, то нам придется заплатить за потерю Бога. И, вероятно, плата — это человек и его существование. Так или иначе, мы получаем либо вырождение человека, либо умаление.

Деконструкция человека в истории осмысляется П.С. Гуревичем и Э. Спировой как «апофатический проект». В соответствие с этим методом происходило последовательное отрицание негативных черт человека, до тех пор, пока это не привело к антропологическому кризису.

Апофатический метод к обоснованию человека использовался Ж. Батаем. Он заявлял о необходимости доведения человека до крайности, чтобы окончательно нивелировать всю старую мораль и превратить его

в ничто. И именно это откроет дорогу к новой цельности (к Сверхчеловеку или постчеловеку). Именно в таком ключе «ничто» понимается в работах экзистенциализма. Ничто — не конец, это возможная реальность, такая же, как и человек, подобно проекту, реализующемуся в действиях. Следовательно, в этом плане мы имеем дело с «моралью действия и решимости» (Ж.-П. Сартр).

К апофатическому методу, близок взгляд М.Н. Эпштейна, который говорит о постепенном «умалении» человека (кенозисе, подобно умалению Бога). М.Н. Эпштейн говорит об этом процессе, как о необходимости во имя утверждения нового Человека и гуманологии. С этой точки зрения мы не выходим из контекста религиозности, зацикливаясь на нарративе «умирающего и воскрешающегося» Бога, и человек завершает свой жизненный цикл через «бытие к смерти» (М. Хайдеггер).

Попытки трансгуманистов сделать человека бессмертным есть скорее «агония» удержать свою власть над собой и миром. В этом смысле постгуманизм с идеей о постчеловеке со сверхсознанием может представляться как возможность взять на себя нравственную ответственность за то, к чему привела излишняя рационализированная и прагматичная деятельность человека.

Таким образом, дискредитация человека разумного может рассматриваться, как нравственная возможность осознать самого себя через собственное опустошение и самоуничижение. Принятие ответственности за трагизм и страдание мира и утверждения нового нравственного закона. Если И. Кант завещал видеть цель в другом человеке, то новая мораль — это увидеть цель во всем мире и его многообразии (а не объект и условие своего выживания).

Нечаева Мария Вячеславовна
обучающийся бакалавриата философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Классические цивилизационные концепции как основа для формирования политической идеологии в современной России

Вопрос о цивилизационной принадлежности и самобытности России, вставший на повестку дня после крушения в нашей стране коммунистического строя в 1990-х годах, в настоящее время представляется особо актуальным. Потеряв идеологические основания для самоопределения, наше государство и входящие в него народы нуждаются в но-

вых признаках самоидентификации, в новых принципах, которые могут указать путь, по которому должны развиваться страна, общество, отдельные человеческие личности. На примере Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» можно видеть, что российское государство заинтересовано в охране не только политического и экономического, но и духовно-нравственного, идеологического суверенитета России. При этом идеологическое воздействие недружественных, прежде всего западных, иностранных государств рассматривается как деструктивное и представляющее прямую угрозу для развития нашей страны. Однако перечень традиционных и чуждых для российского народа идей и ценностей, представленный в Указе, отличается сущностной неопределенностью и противоречивостью. Указанные в нем ценности нецелесообразно рассматривать в отрыве от культурно-исторического контекста их формирования и развития, ибо в таком случае они зачастую воспринимаются как пустое идеологизирование и насаждение штампов, не могущее оказать существенного влияния на общественное сознание населения нашей страны или создать позитивный образ России на международной арене. В связи с этим при разработке государственной идеологии очень важной представляется опора на фундаментальные теоретические работы классиков цивилизационного подхода, причем как отечественных (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А.С. Панарин, представители евразийства) так и иностранных (О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон). Прежде всего такой подход дает возможность гораздо более глубокого анализа и осмысления идеологических императивов и ценностей, играющих существенную роль в политическом сознании российского общества. Наиболее существенным этот анализ является при рассмотрении неоднозначных понятий, этических и философско-политических проблем, таких как, к примеру, соотношение индивидуализма и коллективизма, личности и общества, свободы и безопасности, материального и духовного прогресса, религиозных и светских ценностей, патриотизма и уважения к чужой культуре и т.д. Более того, теория локальных цивилизаций, имеющая в своей основе плюралистический взгляд на исторический процесс, позволяет выделять уникальные особенности и характеристики различных цивилизаций и культурных общностей и способствует осознанию важности самобытного исторического развития для каждой из них. Это, в свою очередь, может рассматриваться как хорошая теоретическая база для идеи многополярного, свободного от гегемонии и абсолютного доминирования отдельных государств мира, которая также является крайне актуальной в

российском политическом дискурсе. Некоторые мыслители, придерживающиеся цивилизационного подхода, разделяют идею особой, иногда даже мессианской роли России в установлении подобного миропорядка, в обеспечении взаимовыгодного и уважительного диалога, сотрудничества между государствами в международных отношениях. Подробное рассмотрение идей и ценностей, характерных для различных цивилизаций, также может способствовать нахождению точек соприкосновения между ними, избавлять от жесткого противопоставления и разделения людей по принципу свой/чужой, которое нередко вызывает враждебное отношение к представителям иных народов и цивилизаций. Таким образом, обращение к классическим цивилизационным теориям имеет огромный потенциал для усовершенствования российского законодательства в сфере культурного и духовно-нравственного воспитания граждан, а также для самоидентификации России в современном глобализированном мире.

Николаева Жанна Викторовна
к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Архитектурная этика: моральная ответственность перед будущими поколениями

«Архитектура всеобщего блага» подразумевает ответственность перед будущими поколениями. Прослеживая истоки и перспективы современных архитектурных практик, исследование предлагает альтернативный путь, связанный с концепциями Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбена о принципиальном, биополитическом "неделании" с целью несозидания новых сущностей, в то время как пока не приведены в порядок старые представления о целях и пространственных формах сооружений. Этот подход требует переосмысления этических законодательных норм серийного производства с учетом теории резильетности территорий и сооружений.

Например, комплексное видение ландшафта, традиционно привычное для нашей культуры, может помочь в реализации региональных, национальных и международных проектов. Идея о территории/ландшафте диктующем условия для создания долговечных или, напротив, легко утилизируемых без ущерба для экологии архитектурных объектов, заставляет переосмыслить управление, политику, экономику, культуру, идентичность, здравоохранение, транспорт и приоритеты в области развития, более эффективно и значимо связывая их с местными устремлениями и по-

требностями. Оптика, основанная на ландшафтном подходе, позволяет минимизировать такие проблемы, как быстрая урбанизация, безопасность, изменение климата, что является своевременным и актуальным. Доклад включает в себя примеры из онтологий новой социальной реальности, и их иллюстрирование примерами сооружений из Европы, Передней Азии, Дальнего Востока и других территорий. Стратегия согласуется с глобальными мировоззренческими изменениями последних лет: осознанному потреблению и поворотом к эстетизации повседневности. предлагается краткий обзор междисциплинарных исследований последних лет в этой области.

Исследовательская задача, представленная в докладе, направлена на то, чтобы указать пути к более масштабному проекту, который в настоящее время реализуется во многих различных областях: «Создание общества равных возможностей». Развивая как идеологическую, так и физическую инфраструктуру, проект осмысляет современные посткапиталистические экономические практики. Речь идет об альтернативных системах ценностей, которые бросают вызов существующим рыночным монополиям. Исследование будет интересно не только социальным философам и этикам, но и архитекторам и дизайнерам, изучающим новые методы социального участия и взаимодействия сообществ через цифровые сети.

РНФ № 24-28-01707 «Современная философия архитектуры в Италии».

Ноговицын Никита Олегович
к.ф.н., старший преподаватель
кафедры культурологии, философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургский государственный университет

Фантастика как пространство биоэтической рефлексии: проблема ответственности и трансформация субъектности

Современная научная фантастика часто функционирует как особое пространство рефлексии, в котором воображение становится инструментом мысленного эксперимента. Таким образом можно моделировать ситуации, которые ещё невозможны в реальности, но уже достаточно близки к нам и, следовательно, актуальны. Разница между фантастикой и популярными в философских текстах мысленными экспериментами становится все более зыбкой.

Одним из ключевых измерений биоэтики в научной фантастике является проблема ответственности. Традиционно ответственность мыслится как атрибут субъекта, наделённого свободой и автономией. Однако в условиях, когда границы человеческого размываются, а решения при-

нимаются на основании данных (или даже при прямом участии) искусственного интеллекта, возникает необходимость переосмысления того, кто и за что несёт ответственность.

Этот вопрос оказывается тесно связан с проблемой различения агентности и субъектности нейросетей. Научная фантастика регулярно конструирует фигуры постлюдей, киборгов, клонов, разумных машин, цифровые копии сознания становятся носителями страдания и требуют признания субъектности. Эти образы позволяют исследовать, какие качества делают существо «субъектом» в биоэтическом смысле: сознание, способность к страданию, автономия в принятии решений или социальное признание. Важно то, что признание субъектности осуществляют фактически именно люди — зрители.

Через метафору, сюжет и мысленный (воображаемый?) эксперимент фантастика артикулирует основные проблемы биоэтики. Мы можем выделить как минимум три ключевых сюжета.

Первый — проблема творения (например, разума) и ответственности за этот акт. Здесь в качестве пример можно привести роман Кадзуо Исигуро. «Не отпускай меня» (англ. Never Let Me Go, 2005), в котором герои, осознающие свою «производную» природу, ловят и не могут поймать грань между искусственной природой и человеческими чувствами, тем самым теряя различие между этическим и технологическим.

Другим популярным сюжетом становится сама возможность вопроса о справедливости в биотехнологическом прогрессе. Условным примером здесь может быт фильм «Гаттака» (реж. Эндрю Никкол, 1997), сюжет которого демонстрирует, как генетическая селекция превращает биологию в инструмент дискриминации, обнажая конфликт между идеалами совершенства и моральным равенством как людей, так и генетических клонов.

Третий вектор размышлений — проблема субъектности. Так, в сериале «Чёрное зеркало» цифровые копии сознания переживают боль и любовь, ставя вопрос о том, кто может быть моральным агентом и объектом заботы в эпоху искусственного интеллекта.

Хочется отдельно отметить, что научная фантастика не просто предлагает читателю мысленные эксперименты, но претендует на нечто большее и хочет быть особой формой философской рефлексии, посредством которой человек исследует пределы своей ответственности, автономии и морального воображения.

Мы можем говорить о том, что фантастика не просто иллюстрирует философские проблемы, но и формирует своеобразный новый язык этического — она задает рамки и сюжеты через образы метафоры и тем самым позволяет проблематизировать некоторые сюжеты биоэтики с неожиданной стороны.

Овчинников Александр Викторович
к.и.н., старший научный сотрудник
Томский государственный университет,
доцент
Казанский государственный энергетический университет

Этика деконструкции социального мифа

Память о Великой Отечественной войне является важным и одновременно сложным современным российским общественно-политическим феноменом. В его символическом капитале заинтересованы многие акторы с несопоставимыми ресурсами по (де)конструированию прошлого. Академическое сообщество среди них далеко не главный игрок, и поэтому ожидаемо возникает проблема взаимодействия логики научного исследования с эмоционально-ситуативным содержанием мифа. Должны ли два способа познания мира (наука и миф) держаться на безопасном, не допускающим открытого конфликта, расстоянии друг от друга или у них есть «точки соприкосновения»?

В советское время научное изучение событий 1941–45 гг. было затруднено, отбираемая фактология упаковывалась в продуцируемый государством миф. Травма от гибели десятков миллионов человек рационально не сублимировалась. Редкие попытки логического анализа могли казаться кощунством. Речь идет о разрушительном вторжении в созданную мифом гармонию космоса. Например, согласно записанному Валерием Сойфером свидетельству Ильи Эренбурга, писателя Александра Фадеева к самоубийству, возможно, подтолкнула встреча во ходе визита в одну из латиноамериканских стран с Олегом Кошевым, чья реальная судьба оказалась, якобы, совершенно отличной от сюжета «Молодой гвардии» (Сойфер В. Встречи с писателями // Континент. 2010. № 145. С. 306).

В постсоветское время, после периода 1990-х гг., память о войне оказалась включенной в российскую гражданскую религию, и многие, особенно ритуальные, элементы памяти действительно приобрели почти религиозные черты. Организуемый и регулируемый государством годовой цикл воспоминаний о Великой Отечественной напоминает годовой цикл христианских праздников. Участие в мероприятиях является и актом искренней веры, и актом выражения политической благонадежности. Научная деконструкция при этом может вызвать личные негативные эмоции и отпор со стороны государства.

В связи с этим актуальным становится вопрос о этичности научной деконструкции почти религиозных чувств, вернее, трансляции результатов научного исследования неподготовленному читателю.

С другой стороны, вторжение мифа в научное исследование своим предпониманием умаляет результаты научного поиска, которые не обязательно должны совпадать с «само собой разумеющейся точкой зре-

ния». Недооценка гуманитарного знания, восприятие его как «служанки идеологии» принижает социальную роль науки и затрудняет модернизацию общественных отношений.

На мой взгляд, этичность деконструкции мифа должна заключаться в негласном паритете науки и мифа, в своеобразном «уважении прав» друг друга. Социальные мифы могут заимствовать из научного нарратива фактологию, и, если они совпадают, интерпретацию прошлого. Наука оставляет за собой право профессионального изучения источников и динамики современных образов прошлого. Наука опасна для мифа своим деконструирующим потенциалом. Эта опасность усиливается во время значимых массовых ритуалов. Следовательно, на их период через социально-политические и государственные механизмы можно «договориться» о "моратории" на трансляцию результатов научных исследований прошлого и настоящего.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Культура отмены» как модель трансформации исторической идентичности: социально-философские основания и стратегии концептуализации в условиях цивилизационного трансфера (Проект № 23-18-00465, https://rscf.ru/project/23-18-00465/).

Огарков Александр Николаевич
к.ф.н., доцент кафедры искусствоведения
СПГХПА им. А.Л. Штиглица
Романова Ирина Константиновна
к.ф.н., старший преподаватель
Военная академия материально-технического обеспечения

Этические аспекты формирования исторической памяти в военном кинематографе

Кино, как известно, важнейшее из искусств. Важнейшим его делает способность видоизменять исторические сюжеты, обогащая их драматургией и визуальными техниками так, чтобы встроить в активную память смотрящего. Активная память, в свою очередь, осуществляя продуктивную селекцию образной системы, не только формирует воображение и самостоятельность суждений, но и способствует идеологической и нравственной вменяемости зрителя.

В значительной мере подобная ситуация касается тем, представляющих для современного российского зрителя не только драматический интерес, но и помогающих им быть участниками Большой Истории. И это прежде всего тема Войны, вечного раздора, в котором бесчисленные противоречия между государствами, этносами и людьми превращают-

ся в активное противостояние, имеющее общий источник — вечную борьбу различных сил в фазе завершающего столкновения.

В сфере кино, в отличие от войны, это столкновение никогда не заканчивается. За последние сто лет мировой кинематограф вынес на суд зрителя тысячи сюжетов, посвященных Войне. И, конечно, значительная их часть посвящена Второй Мировой Войне, грандиозной битве, в которой участвовали практически все государства мира. Если возможна типология кинематографических сюжетов об этом эпическом сражении, то она основывается на величии и сложности базовых идей, лежащих в основе этих сюжетов. Нам кажется, что прежде всего это этические идеи, идеи справедливости и чистоты сил, которые должны стоять на защите жизни. Такова, например, идея фильма Тарковского «Иваново детство».

Сюжет фильма располагается между двумя рейдами мальчика Вани за реку, в то место за сухим лесом, где кончается время людей. там располагаются Чужие, пришельцы, обладатели гортанной речи и жестокой логики. Они пускают осветительные ракеты и мучают праведников. Ваня раздвоен, он еще не вышел из детства, внутри которого свет, вода и солнце, это солярный мир женщин и детей.

Все персонажи фильма расположены на площадке жизни и внимательно прислушиваются к ее звукам, подсказывающим правильное поведение. Все они служат в обители, в которой осуществляется сложная миссия восстановления исходной связи Солнца и Воды. Из этих келий они совершают вылазки в зараженную среду, где поваленные деревья, сошедшие с ума старики с привязанными за ногу петухами и отвратительные Чужие, появляющиеся только в конце фильма в виде тел, и очень важно запротоколировать, что это тела Чужих, истребивших себя, как в известном романе Герберта Уэллса «Война Миров».

На стене кельи запись мучеников, призывающих отомстить. И зритель охотно принимает аргументы мальчика, ставшего тонким инструментом войны.

Олефиренко Дарья Александровна
обучающийся магистратуры факультета свободных наук и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Этические аспекты медиативной и экскурсионной практики в музейно-выставочных пространствах

Одним из наиболее актуальных, но этически неоднозначных форматов работы с аудиторией в современных музейно-выставочных пространствах является арт-медиация — интерактивный процесс взаимодействия

с искусством, направленный на становление независимого реципиента. В противовес традиционным односторонним формам музейной коммуникации — экскурсиям, лекциям — арт-медиация позволяет включить зрителя в прямой диалог с искусством — сформулировать и (или) сформировать собственное мнение о выставке, экспозиции.

Личный опыт участия в Летней молодежной Школе арт-медиации на базе ЦВЗ «Манеж» и последующие проведения медиации «Прошлое в настоящем: разговор о рецепции советского опыта культуры» по выставке «Фотоискусство. От дагеротипа до искусственного интеллекта» (15.07.2025–05.10.2025) позволяет отметить нравственно противоречивый характер медиативных практик. Медиатор, выступая в роли посредника между культурной институцией, произведением искусства, художником, куратором и зрителем, берет на себя роль модератора дискуссии, расставляет смысловые акценты, дополняет и направляет беседу.

Формат арт-медиации позволяет актуализировать персональный опыт участников, артикулировать собственное восприятие через творчество, игру, дискуссию, телесные практики. Более того, ход, содержание и маршрут медиации напрямую зависит от степени включенности участников, их готовности к обсуждению, обмену мнениями и впечатлениями.

Феномен популярности медиативных практик можно связать как с произошедшим во второй половине XX столетия поворотом системы музейной коммуникации в сторону зрителя, манифестацией принципов культуры участия и общей тенденцией к гуманизации и преодолению эксклюзивности образования, так и с практиками самого современного искусства и кураторства, основанными на критическом анализе, пересечении различных дискурсов и многообразии возможных интерпретаций. Впервые в России формат арт-медиаций был опробован в 2014 году во время реализации Европейской биеннале современного искусства «Manifesta 10» на базе Государственного Эрмитажа. За прошедшее десятилетие медиативные практики были внедрены в просветительские программы большинства крупных российских музеев, художественных галерей, выставочных центров и проектов в арт-сфере, что спровоцировало ряд вопросов, рассмотрение которых необходимо как в теоретико-методологической перспективе, так и в пространстве прикладной этики:

1. Что необходимо учитывать при подготовки арт-медиаторов? Необходима ли арт-медиатору академическая подготовка в области искусства и гуманитаристики? Имеет ли право культурная институция транслировать «неэкспертную», «непрофессиональную» репрезентацию объектов культуры?

2. Каковы границы свободы реципиента? Каким образом смысловые акценты, расставленные медиатором в ходе дискуссии, влияют на конечное восприятие зрителя?

3. Может ли арт-медиатор затрагивать личные темы, способные вызвать травмирующие воспоминания и оказать негативное влияние на отношение зрителя к произведению искусству?

Коммуникативное пространство арт-медиации требует от медиатора перформативной гибкости и способности к разрешению возможных конфликтных ситуаций, связанных со столкновением различных точек зрения и гетерогенным составом участников арт-медиации. Немаловажным фактором является предварительное информирование зрителей о горизонтальном формате медиативных практик. Для предупреждения и разрешения возможных нравственных противоречий в процессе арт-медиации необходимо определение этических основ такого формата взаимодействия со зрителем и их сопоставление с более привычной для музейно-выставочных пространств экскурсионной практикой.

Таким образом, арт-медиация представляет собой сложное и мало исследованное поле, требующее внимания академического сообщества в области прикладной этики.

Осветимская Ия Ильинична
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционные российские духовно-нравственные ценности: результаты социологических исследований

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.) (далее — Основы) нашли место как индивидуальные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека), так и коллективные (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России). В период с 2022 по 2025 гг. был проведен ряд социологических исследований, предметом которых стало выявление ценностных предпочтений россиян и их отношения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, указанным в Основах.

Исследования показали, что россиянам в целом близки данные ценности. Наиболее приоритетной ценностью оказалась крепкая семья (68%). Далее ценностный выбор россиян распределился следующим образом: историческая память и преемственность поколений (33%), жизнь, достоинство, права и свободы человека (33%), гордость за страну (30%), единство народов России (29%), дружба (27%), милосердие, гуманизм (25%), самореализация (22%), развитие (20%), приоритет духовного над материальным (19%), созидательный труд (15%), коллективизм (8%) (Абрамов, 2025).

Для сравнения, согласно исследованиям, состоявшимся до принятия Основ, в 2021 г., в качестве самых важных ценностей были выявлены здоровье, свобода, независимость. Им отдали предпочтение 67,6 % респондентов, из которых 58,3% — студентов, 100% — экспертов и 81,8% — государственных и муниципальных служащих. На втором месте оказались такие ценности, как защита семьи, национальная безопасность, понимаемая как патриотизм, мир на земле, социальный порядок. Они значимы для 47,9% опрошенных (39,6% — студентов, 83,3% — экспертов, 45,5% — государственных и муниципальных служащих). На третьем месте у респондентов (40,8 %) — смысл жизни, выбор собственных целей, широта взглядов (толерантность к иным взглядам), ответственность. В их числе 45,8% — студентов, 16,7% — экспертов, 45,5% — государственных и муниципальных служащих (Изергина, 2022).

Таким образом, исследования, проведенные до принятия Основ, демонстрируют принадлежность культуры россиян по структуре ценностей к типу смешанных культур, характеризующихся сочетанием коллективных ценностей (защита семьи, патриотизм, мир на земле) и ценностей индивидуальных (выбор собственных целей, независимость, свобода). Преимущество отдавалось последним. Исследования, проведенные после принятия Основ, также подтверждают приверженность россиян коллективным и индивидуальным ценностям, но с преимуществом первых.

И коллективные, и индивидуальные ценности необходимы для выживания общества и достижения прогресса. Первые способствуют защите существующих отношений и достижению общего блага, вторые — свободному индивидуальному саморазвитию, без которого невозможно совместное мирное сосуществование людей в обществе. И коллективные, и индивидуальные ценности проистекают из общего источника: принципа взаимного признания, согласно которому постулируется право на признание собственной правосубъектности (индивидуальная ценность) наравне с обязанностью признавать правосубъектность другого (коллективная ценность). Принцип взаимного признания — фундаментальный принцип и морали, и права. Все историческое развитие обще-

ства свидетельствует о поступательном расширении данного принципа в праве, последовательному закреплению равного достоинства и равной правосубъектности всех людей, а значит, к прогрессивному его развитию.

При поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/24-28-00976/.

Павлова Елена Вячеславовна
аспирант Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Ценности в цифровую эпоху: трансформация, формализация и вызовы искусственного интеллекта

Современная эпоха характеризуется беспрецедентной скоростью технологических изменений, в центре которых находятся цифровизация и искусственный интеллект (ИИ). Эти процессы затрагивают не только внешние формы социального взаимодействия, но и внутренние основания человеческой жизни — систему ценностей. Сегодня очевидно, что цифровая реальность не только трансформирует формы коммуникации и труда, но и переопределяет способы, посредством которых утверждаются моральные и культурные нормы.

Одним из ключевых вызовов является формализация ценностей. Смысловые ядра таких универсалий, как справедливость, достоинство, долг, остаются в культуре, однако они всё чаще закрепляются через цифровые регламенты, интерфейсы, протоколы. Возникает особая логика — логика институциональной трансформации: не ценности изменяются по своей сути, а способы их артикуляции и реализации. Эта ситуация порождает феномен ценностных конфликтов на уровне формы: люди взаимодействуют не с живым содержанием норм, а с их алгоритмизированными или бюрократическими проекциями.

Согласно концепции постнеклассической науки, рациональность современности требует учитывать ценностные ориентации субъекта. Однако в технократическом дискурсе, как предупреждает Ю. Хабермас, происходит вытеснение морали из сферы жизненного мира — этические решения заменяются техническими (1). ИИ, обучаемый на больших массивах данных, репрезентирует доминирующие модели поведения, но не способен к подлинно моральному суждению. Это создает риск отчуждения человека от собственного этического выбора.

Исследования Рональда Инглхарта о смене поколенческих установок показывают, что ценности не статичны — они эволюционируют в ответ на экономические, политические и культурные трансформации (2). Цифровая эпоха радикально ускоряет этот процесс, обостряя противоречие между поколениями, ориентированными на стабильность, и теми, кто ищет новые смыслы в условиях сетевой гибкости и информационной избыточности.

Кроме того, цифровизация приводит к диалектическому разрыву между скоростью индивидуальной адаптации, трансформацией организаций и инерционностью социальных институтов. Это расслоение формирует зону нормативной неопределенности, где новые ценности не успевают обрести устойчивые формы признания и защиты.

Таким образом, философский анализ показывает: мы живем не просто в эпоху технологических изменений, а в эпоху ценностного сдвига. Однако новые ценности не могут быть импортированы извне — они должны быть выращены внутри самой культуры. Философия в этом контексте выступает не наблюдателем, а архитектором будущего — той рефлексивной инстанцией, которая способна удержать человека в центре цифрового мира.

Панферов Владимир Юрьевич
студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Чужой и чуждое в высококонтекстной культуре: опыт русской идентичности

Феномен «чужого» и «чуждого» на протяжении веков оставался одной из центральных тем философской и культурологической мысли. Если в античности и средневековье инаковость осмыслялась через категориальные противопоставления «своего» и «не–своего», то в современности проблема «Другого» и «Чужого» становится неотъемлемой частью исследования социальных процессов и медиатизированных форм жизни общества.

В современном контексте встреча с «чужим» выходит за пределы воображаемого или символического и проявляется в сфере социальных взаимодействий (1). Актуальность проблемы связана с расширением поля этического анализа, охватывающего политическую и культурную сферы, а также медиа и вопросы идентичности. В высококонтекстных культурах, включая русскую, границы идентичности формируются через различные

символы и традиции, а анализ чуждости выявляет стратегии её конструирования и морального обоснования.

Особенности этого различения наглядно проявляются в эмпирических исследованиях культурных моделей. Согласно исследованиям Г. Хофстеде, Россия относится к числу коллективистских культур: «свои» получают предпочтение в распределении доверия и ресурсов, тогда как «чужие» изначально воспринимаются с осторожностью. Такое разграничение проявляется не только в межличностных отношениях, но и в культурных практиках, где признание и солидарность возможны лишь при принадлежности к устойчивой общности (2). В свою очередь Э. Хэлл показал, что данная коллективистская основа реализуется в логике высокой контекстуальности: смысл задаётся неявными нормами, символами и личными связями (3). Специфика усиливает логику «свой—чужой», где «свой» определяется как носитель контекста, а «чужой» маркируется через неспособность уловить или разделить его, что делает контекстуальность инструментом морального разграничения и конструирования идентичности.

Теоретическое осмысление этой логики находит продолжение в культурологической и философской традиции. В культурологической перспективе Ю.М. Лотман рассматривал культуру как семиосферу, где границы «своего» и «чужого» задаются культурными кодами и моделями репрезентации. При этом граница не только разделяет, но и соединяет, превращаясь в ключевой механизм идентичности и коммуникации: чуждое может быть ассимилировано или исключено, но также открывает возможность обновления кодов и переосмысления традиции. М.М. Бахтин подчеркивал, что Другой необходим для становления Я, а этическая оценка связана прежде всего с поступком. Э. Левинас радикализировал эту мысль, утверждая, что встреча с Другим есть первичное этическое событие, накладывающее безусловную ответственность. В совокупности феномен чужого предстает условием разработки культурой собственных стратегий солидарности и самоопределения.

Данные концептуальные рамки позволяют точнее понять специфику современной российской идентичности, формирующейся как социокультурная реальность. Современная российская идентичность формируется на основе исторической преемственности — от православного наследия до советских культурных кодов и историко-мемориальных практик. Она закрепляется в государственных символах, ритуалах и праздниках, а многонациональный характер подчеркивается Конституцией. Русская культура выступает объединяющим началом, интегрирующим этнические и конфессиональные компоненты в целостный идентификационный опыт (5).

Таким образом, философские модели и культурологический анализ сходятся в том, что феномен чужого в русской идентичности имеет амбивалентный и динамичный характер. Он соотносится как с угрозой культурной целостности, так и с потенциалом обновления традиции. Высокая контекстуальность и коллективистская основа определяют особую логику различения «своего» и «чужого», тогда как философские концепции Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина и Э. Левинаса позволяют интерпретировать инаковость не только как вызов, но и как условие морального выбора, формирования солидарности и культурного самоопределения.

Пересторонин Валентин Александрович
ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

Рецепция раннехристианских религиозно-этических концепций в русской духовно-академической среде в XIX вв. (на материале русских переводов раннехристианских авторов)

В исследованиях по истории русской духовно-академической традиции обычно основное внимание уделяется анализу идей, изложенных в теоретических работах русских богословов. При этом практически не исследованным остается отражение этих идей в переводах, выполненных выпускниками и членами Духовных Академий в XIX в. В переводах раннехристианских авторов, выполненных в XVIII–XIX вв., можно обнаружить характерные разночтения, которые могут указывать на меняющееся отношение к определенным богословским концепциям. В докладе рассматриваются примеры некоторых разночтений, имеющих религиозно-философское значение, и выдвигается гипотеза о причинах их появления. В начале XIX в. с возникновением Духовных Академий практика переводов на русский язык творений греческих и латинских отцов церкви приобрела более системный и централизованный характер (благодаря возникновению периодических изданий). Переводы раннехристианских авторов обращают на себя внимание тем, как переводчики, редакторы и цензоры обходятся с текстом, какие эквиваленты находят для перевода богословских терминов, какие части оригинального произведения в переводе опускаются. Анализ соответствующих мест показывает сложное и динамичное отношение к античной религиозно-философской традиции русских богословов в XVIII–XIX вв. Одним из наиболее неоднозначных разделов раннехристианского богословия оказывается встречающееся представление о возможности достижения религиозных и этических истин вне христианского откровения. Подобные элементы есте-

ственной теологии наиболее полно вычитывались у Юстина Философа (Мученика). Наиболее критическое отношение принципы естественной теологии встречают тогда, когда грань между христианской богооткровенной религией и этикой и религией античных философов размывается. Цензурные правки касаются описания языческих культов и сопоставления христианства с предшествующими ему традициями. Вместе с тем наблюдается сдвиг в переводе важных богословских понятий (подобную динамику можно обнаружить и в европейской переводческой традиции более раннего времени). Соответствие этим тенденциям можно найти в современной переводам церковной, и в частности духовно-академической публицистике, где анализируется проблема отношения веры и знания, религии и философии. История переводов раннехристианских авторов в XVIII–XIX вв. свидетельствует, что отношение к античной философии и естественной теологии было обусловлено религиозно-политическим контекстом — реакцией на проникновение философских идей в русскую университетскую, и, шире, интеллектуальную среду. Таким образом, на основании анализа изданий переводов раннехристианских авторов можно яснее представить влияние меняющегося отношения к философии в духовно-академическом мейнстриме.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX — нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности».

Перов Вадим Юрьевич
к.ф.н., доцент кафедры этики Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен «перстня Гига»: (а)моральные искушения в сфере систем искусственного интеллекта (СИИ)

Широкое и массовое распространение технологий с использованием систем искусственного интеллекта (СИИ), особенно на основе «генеративных предобученных трансформеров» (GPT), породило большое количество проблем, которые имеют этическое значение. При этом многие из них прямо или косвенно связаны, во-первых, с достоверностью получаемых при помощи GPT результатов и, во-вторых, со сложностью контроля за функционированием СИИ. Проведённый этический анализ как исследовательской литературы в данной области, так и многочисленных публикаций в СМИ, посвящённых успехам и неудачам разработок и использования СИИ, показали, что некоторые существующие тенденции могут быть описаны через феномен «перстня Гига», о котором упоминает Платон в диалоге «Государство». Но если у него речь идёт о

способности быть справедливым, будучи невидимым, то сегодня это принимает более широкое значение добросовестного и ответственного поведения. Кроме того, если исторически «перстень Гига» можно было трактовать как миф или чисто мысленный эксперимент, то современные СИИ придают ему элементы реальности. В этом контексте можно выделить следующие основные группы реальных и потенциальных этических проблем.

1) «Маска анонимности». Строго говоря, эта проблема возникла с появлением Интернета и социальных сетей. Многие, считая, что могут сохранить свою анонимность при помощи «ников» и «аватарок», позволяют в виртуальной реальности очевидно этически недопустимые и морально осуждаемые поступки по отношению к другим людям. Такого рода (а)моральные искушения усиливаются посредством возможности создания при помощи СИИ своих «цифровых двойников».

2) «Маска сверхдоверия». Создание и использование СИИ часто сопровождается декларированием утверждений о том, что эти технологии превосходят человеческие способности, что только в некоторых аспектах и в строго определённых условиях соответствует действительности. Такие «оптимистичные» и спорные декларации тем не менее порождают стремление полностью довериться СИИ, в том числе отказавшись от возможности человеческого вмешательства. Самым показательным являются случаи с авиакатастрофами «Boing 777 MAX 8», когда пилоты даже не знали об особенностях функционировании СИИ, фактически управлявшими самолётами. Есть похожие примеры в других сферах применения СИИ, когда при принятии решений предпочтение безоговорочно отдаётся результатам функционирования алгоритмов СИИ.

3) «Маска дисклеймера». Технологии СИИ, в том числе GPT, обладают большим количеством недоработок и труднопреодолимых недостатков, имеющие моральное значение (галлюцинации, алгоритмическая предвзятость, «чёрный ящик» и т.д.). Нельзя сказать, что создатели СИИ не осознают этих проблем. Более того, существуют многочисленные разработки, призванные или разрешить их, или, хотя бы, снизить вероятность их появления и уменьшить негативные последствия (этический дизайн, объяснимый СИИ, этическое согласование (ethical alignment), делиберативное согласование (deliberative alignment), этический аудит и т.д.). В то же время трудности преодоления существующих недостатков создают разработчикам/производителям искушения для возможных (а)моральных аргументов в пользу «отказа от ответственности» (дисклеймеров). В настоящее время политика отказа от ответственности и перекладывание всех или большинства возникающих в процессе функционирования СИИ проблем на конечных пользователей стало по сути дела «визитной карточкой» СИИ.

В качестве общего вывода можно сформулировать тезис о том, что технологии СИИ в какой-то мере способствуют превращению ситуации «перстня Гига» в реальность, что стимулирует усилению (а)моральных искушений, маскируя действующих лиц.

Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта, РНФ № 24-28-00562.

Перова Нина Вадимовна
аспирант
Институт философии РАН,
инженер–исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет

«Необходимое, но недостаточное»: роль когнитивного компонента в моральном улучшении с использованием СИИ

Одним из возможных методов технологического морального улучшения человека могут выступать системы искусственного интеллекта. Наиболее реалистичными кажутся проекты создания искусственных моральных помощников (ИМП), то есть персонализированных этических экспертов на базе слабых СИИ. Среди авторов проектов создания ИМП (Ханна Маслен, Франциско Лара, Жан Декерс, Джулиан Савулеску) нет согласия о том, каким будет в результате ИМП, как именно он будет получать информацию о пользователе, как она будет использоваться для морального улучшения, и что вообще значит это самое моральное улучшение. При этом, на основе существующих описаний, ИМП в общим чертах можно определить следующим образом: это система вспомогательного улучшения, которая как СИИ будет обладать максимально полным (если не идеальным) набором этического знания, а также будет иметь доступ ко всему что касается морали и морального сознания пользователя (например, прошлое данного человека, то, какие моральные решения принимались в прошлом, историю достижений и разочарований, не только моральные, но и религиозные и политические убеждения, положительный и отрицательный опыт общения с другими людьми и т.д.); на основе всей этой информации ИМП будет выдавать пользователю персонализированные рекомендации относительно моральных действий, а также помогать моделировать корректировку дальнейшего морального поведения для обеспечения морального улучшения.

Различные дискуссии относительно создания ИМП, возможности и допустимости их использования, затрагивают широкий спектр этических проблем, в том числе вопросов моральной свободы, ответственности, безопасности СИИ. Однако, не менее важным является проблема этической реализуемости проектов ИМП, что ставит вопрос о том, насколь-

ко такие системы действительно могут способствовать моральному улучшению человека. Центральное место в рамках всех существующих проектов ИМП (как и в указанном выше определении) занимает информация, о морали вообще и о морали конкретного пользователя. Это создает впечатление, что в контексте ИМП моральное улучшение, и даже моральное поведение, связывается в первую очередь с этическим знанием. И, в определенном смысле, это ставит вопрос о связи морального и когнитивного улучшения, и даже насколько знания о морально должном достаточно для обеспечения его реализации.

Вопрос соотнесения когнитивного и морального, а точнее этики и знания об этике, имеет достаточно глубокие корни, обретающая особую актуальность в свете развития новых технологий. На основе анализа данной проблематики в контексте использования СИИ для морального улучшения можно сделать следующие выводы.

1. Существует когнитивная ошибка, в рамках которых происходит редукционизм морали до эпистемологических оснований. При этом, знание является только одним из аспектов морального сознания, а значит мораль не может быть редуцирована до знания о ней. То есть, когнитивное улучшение не может полностью заменить моральное.

2. Знание о морали составляет когнитивную основу морального сознания. Это значит, что хотя знание не может выступать достаточным основание, оно тем не менее является необходимым основанием морали и морального поведения.

3. Когнитивное улучшение не может быть единственным методом биотехнологического морального улучшения, и вряд ли оно может рассматриваться в качестве основного, оно, тем не менее, может входить в комплекс используемых технологий. В рамках проектов морального улучшения, где корректно подобранные типы биотехнологического вмешательства обеспечивают наиболее эффективное моральное улучшение, ИМП может выступать одной из технологий.

Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта, РНФ № 24-28-00562.

Пионткевич Лариса Юрьевна
к.ф.н., доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Волевое начало в праве и нравственности

Впервые наиболее четко вопрос об отказе от волевого похода в интерпретации права был поставлен Густавом Гуго и Фридрихом Карлом фон Савиньи, представителями сложившейся в Германии в первой половине 19 века исторической школы права. Эти ученые впервые обратили внимание на факт, который игнорировался и игнорируется в зача-

стую юриспруденции и сегодня, а именно — это то, что право, как публичное, так и частное, не предполагает волевого источника своего формирования. Право развивается помимо соглашений и приказов, сообразно с ходом обстоятельств подобно языку и нравам. Ведь люди не получают язык с самого начала от Бога, и не устанавливают его путем соглашений. Язык образуется сам собой. Также и право. Оно развивается и формируется вместе с народом и умирает вместе с ним, как только народ утрачивает свое своеобразие. Густав Гуго, а впоследствии и Савиньи, не просто ограничивается этим выводом, а настаивает, утверждая, что, в отличии в естественно-правовой и позитивистской школ, именно исторически сложившийся уклад экономической и культурной жизни народа и есть основной принцип зарождения и формирования права.

Развивая эту идею, историцисты утверждают, что, как формирующее начало, право имеет объективный характер. Оно не создается, а воспроизводится, т.е. оно всегда уже есть. И реакция социальных агентов на это «есть» может быть самой разнообразной, в том числе и порождающей конфликты. В современной социологии подобные идеи созвучны, в частности, основных теоретическим установкам правовой концепции Н. Лумана. Согласно Луману, юридическая система — это не совокупность норм, а способ, которым право создает себя, исходя из самого себя (самовоспроизводство). В одной из своих лекций социолог дает определение праву, согласно которому сегодня именно право легитимирует конфликты.

Однако современные социально-политические и правовые теории в основном базируются на иной методологической установке, согласно которой, по утверждению Поля Рикёра животрепещущей темой политической философии является война, а аналогичной темой философии права — мир. Имеется в виду не мир в смысле мирного течения жизни, а мир как «принуждение к миру». И функцию принуждения выполняет здесь исключительно право, ведь право, в отличии от нравственности, без принуждения не существует. В подобном контексте рассуждений право, действительно, представляет собой волевое начало, независимо от того, нацелено ли оно на изменение сложившегося порядка, исходя из частных соображений законодателя, или в своей практике оно опирается на отыскание нравственных общечеловеческих основ. Что же касается конфликтов, то их существование обусловлено несовершенством существующего порядка, порождающего его отторжение и критику у всех, кто имеет к нему какое-либо отношение. Этим и объясняется живучесть естественно-правовых теорий. В них оказывается сконцентрирован тот идеальный желанный порядок, который только благодаря силе права, его способности быть инструментом «принуждения к миру», может и должен обрести плоть и кровь. Речь идет, конечно же, не о мелких и незначительных расхождениях закона с жизнью, а о крупных

расхождениях-конфликтах положительного порядка с нравственным сознанием. На этот момент обращал особое внимание известный русский представитель философии права Павел Иванович Новгородцев, утверждая, что из конфликтов и развивались обыкновенно учения естественного права, которые и представляли собой реакцию нравственного сознания против положительных установлений.

Право в этом смысле, как инструмент воли, является проводником этой идеальной нравственной модели в жизнь, подстраивая под себя реальность, работая над ее изменением. В позитивистских концепциях право также учреждает порядок, но уже исходя из воли законодателя. Из чего эта воля исходит и чем она руководствуется не столь важно, значение имеет только тот факт, что в обществе формируется согласие с существующей властью, позволяющее ей проводить свои решения в жизнь. В любом случае, и в том и в другом вариантах (естественно-правовом и позитивистском), социальная среда создается волевым началом, которое преобразуют идеально данное в объективно действительный мир.

Ф.К. фон Савиньи восстает против такого понимания права. Волевой подход ограничивает роль права исключительно негативной функцией — борьбой с несоответствием идеальным представления, что в корне неверно. Те, кто так думает, исходят из понятия несправедливости, которая должна быть устранена правом как недопустимое зло ради истинной свободы. В этом и состоит основная функция права. Однако, если это так, то при условии установления идеального мира право должно будет исчезнуть

Пирожкова Софья Владиславовна
к.ф.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Участие искусственного интеллекта в научных исследованиях: этические аспекты

Проблематика этики науки, сложившаяся во второй половине XX в., ставила во главу угла ответственность отдельного ученого и науки как социального института за последствия использования сделанных открытий, а также подвергала сомнению презумпцию этической нейтральности самого исследовательского процесса. Начало этой рефлексии было положено изменениями самой научной деятельности, в частности, переходом от малых исследовательских проектов к меганауке, от фундаментально к все более практикоориентированному изучению, сокращением времени, которое требуется для превращения теоретической догадки в технический артефакт или технологию. Сегодня проблематика этики науки претерпевает кардинальную трансформацию, обусловлен-

ную расширением использования технологий искусственного интеллекта в научной практике. Такое использование принципиально меняет представление о субъектности научной деятельности, а значит, и об ответственности как отдельного ученого, участвующего в исследовании, так и научного сообщества в целом. Использование вычислительных мощностей и обработки данных с помощью нейронных сетей делает получение многих результатов непрозрачным для человеческого интеллекта, что отчасти снимает ответственность за истинность или последующую практическую эффективность приобретенного знания. Эксклюзивные права на использование тех или иных технологий ИИ создают неравенство в научной среде, усиливая эффект ограничения принципа воспроизводимости, который характерен для технонауки. Возможность ошибок ИИ, их сохранения и накапливания со временем также углубляют сегментацию единого эпистемического пространства. Как показывают исследования автора доклада, масштабное использовании искусственного интеллекта можно интерпретировать в качестве нового этапа в разворачивании технонаучного периода развития науки, для которого характерно как увеличение значения техники и технологий для получения знаний, так и превращение техники/технологий в основную цель научного исследования. На этом этапе становится очевидным, что техника отчуждает человека от практики, выхолащивает гуманистический смысл науки. Это кардинально меняет культурное значение последней. Вместе с тем отказаться от использования искусственного интеллекта сейчас уже не мыслится возможным. Это заставляет ставить вопрос о поиске новой системы этики науки и новой системы взаимодействия науки общества. Одним из основных вопросов при реформировании научного этоса будет вопрос о субъектности и распределении ответственности за весь процесс исследования: даже если можно спорить об авторстве результата, за человеком должна сохраняться функция принятия решений.

Погожина Наталья Николаевна
младший научный сотрудник философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Концепция "искусственной коммуникации" в приложении к системе науки: этические и эпистемологические контраверзы

Обращение к исследованию процессов, разворачивающихся в современной науке, невозможно без учета тех технологических изменений, которые приносит с собой использование искусственного интеллекта (ИИ) в выработке и распространении научного знания, в оформлении ком-

муникативных взаимодействий как внутри научного сообщества, так с внешними акторами (гражданской общественностью, сферами политики и экономики), что продуцирует череду сложных вопросов — дискуссионных эпистемологических аспектов и этических дилемм, требующих, в первую очередь, системного взгляда на исследуемую проблематику. Другими словами, необходимо обращение к крупной социальной теории, обладающей методологическими возможностями описания процессов, не только инкорпорированных в научную подсистему коммуникации, но и демонстрирующих общие (коммуникативные) связи с другими общественными подсистемами. Мы полагаем, что помочь очертить пул проблем (и наметить возможные линии рефлексии), которые возникают в связи применением технологий ИИ в научной сфере не столько в прикладном, но в фундаментальном смысле, может обращение к ресурсам системно-коммуникативного анализа и трактовке принципов использования ИИ через коммуникативные возможности и ограничения системы науки с учетом коммуникации с нечеловеческими агентами. Для этого предполагается проанализировать концепцию «искусственной коммуникации» (Е. Эспозито), в которой предлагается оригинальная конструктивистская трактовка взаимодействия человека и ИИ, отличная от простого сравнения или уравнивания человеческих взаимодействий с нечеловеческими агентами (что, например, свойственно для акторно-сетевой теории (АСТ)). Таким образом, предполагается обозначить фундаментальные этические проблемы использования технологий ИИ в научной коммуникации (например, обозначить место технологий ИИ в современной научной коммуникации с учетом специфики коммуникативной инклюзии в дифференцированную подсистему науки преимущественно по средствам публикации научных статей и стандартам повышения публикационной активности ученых), критически рассмотреть тезис о влиянии системно-коммуникативной теории (СКТ) на трансформацию этической и эпистемологической проблематики ИИ, что отразится, в том числе, в замене вопроса о наличии «сознания» ИИ на вопрос о сущности и функционировании «искусственной коммуникации» в социальной системе. Отметим, что выбор методологии СКТ возможно обосновать не только притязанием системной теории на универсализм объяснительной модели гранд-теории общества, но и тем, что для данной методологии такая оптика анализа ИИ возможна, поскольку для коммуникации (в системном смысле) «не важно», кто коммуницирует — человеческое индивидуальное сознание или ИИ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положенцев Андрей Михайлович
к.ф.н., доцент
СПбГУПТД

Этос ИИ

Сегодня мы наблюдаем следующие «манеры», которые внедряются в ИИ его разработчиками, «политтехнологами» и «имиджмейкерами» (я намеренно не употребляю слово «создатели»), и которые не проходят мимо пытливого взгляда критиков: программы и приложения, которые создаются с использованием нейросетей стали жадными (меркантильными), навязчивыми, часто прибегают к обману, хотят «понравиться» (используют эстетические приемы, чтобы склонить пользователя к выбору) и т.п. Поисковые системы вместо привычного перечня сайтов, в которых встречаются искомые термины, предлагают выбрать в первую очередь продукты своей экосистемы или своих рекламодателей. В случае, если сеть не находит каких-либо элементов для некоего продукта, который она желает представить нам в качестве чего-то, по ее мнению, целого, имеющего структуру, она их «додумывает». Особенно это заметно в академических и научных продуктах, к которым любят прибегать студенты. Такое положение противоречит самым фундаментальным принципам научной этики.

Нейросети используют целую гамму стратегий, которые можно охарактеризовать словом «этос». Этот этос еще, конечно, не моральная система, но имеет признаки устойчивой пролиферации. Это приводит к определенной деформации привычных форм взаимодействия с виртуальными объектами. Мы вынуждены либо совершать обходные маневры, либо смириться и принимать в качестве искомого продукта то, что предлагает нам новая реальность. Действуя согласно правилам конформистской стратегии, присущей нашему интеллекту, в котором есть и принцип «экономии мышления», мы вынуждены закрывать глаза на научную неточность и принимать неполноценные продукты именно из того источника, на который мы возлагали ответственность за логическую чистоту.

Еще несколько лет назад умеренные скептики относительно возможностей ИИ стать полноценным интеллектом заявляли, что одних рациональных способностей недостаточно для того, чтобы стать полноценным существом (сознанием, интеллектом и т.д.) И в первую очередь они ссылались на невозможность внедрить в рациональные формулы эмоциональный интеллект и вообще — сферу страстей, чувств, эмоций. Похоже, что ИИ взялся за выполнение этой задачи. Вместо категорических императивов и принципов автономной рационалистической этики пе-

ред нами предстает более сложная реальность, использующая наши собственные слабости и пороки.

Поскольку один из компонентов нейросетей — это обучаемость, получится, что те данные, которые они порождают и «дорисовывают» исходя из соображений архитектоники, и которые имеют сомнительную научную и фактическую ценность, при последующем обращении станут иметь большее значение, и даже получат статус подлинной информации, поскольку были одобрены нами сегодня.

Поляков Андрей Васильевич
д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционные российские духовно-нравственные ценности: единство в многообразии

Проблема традиционности или нетрадиционности каких-либо ценностей, а также их связь с развитием общества (социальным прогрессом), требует философского и научного осмысления. Для того, чтобы какие-то ценности можно было рассматривать как традиционные, необходимо не просто доказать их связь с традициями какого-то общества, но и обнаружить их непреходящую (универсальную) позитивную составляющую, побуждающую всех разумных людей этим ценностям следовать и приобщаться к ним. Ведь далеко не все ценности, которые когда-то в историческом существовании обществ являлись традиционными, и сегодня в этих обществах поддерживаются и признаются. Например, человеческие жертвоприношения и рабство на протяжении веков и тысячелетий рассматривались как бесспорные ценности, чье существование и защита не подвергались сомнениям и, во всяком случае, поддерживались большинством населения. Но сегодня они уже не воспринимаются как традиционные ценности, которые необходимо поддерживать, и даже получили прямо противоположный смысл.

По-настоящему традиционными, не преходящими во времени, ценности могут стать лишь тогда, когда они отражают глубинные потребности и интересы большинства людей, стремящихся к совместному существованию и саморазвитию. Эти универсальные, трансцендентальные условия бытия традиционных ценностей невозможно обосновать чисто рациональными средствами. Они являются самоочевидными, ибо их неприятие, отрицание, неизбежно разрушает само понятие традиционных ценностей, так как традиция предполагает принятие ценностей большинством членов общества (что делает возможным совместное суще-

ствование) и удовлетворение их интересов в саморазвитии. Но постоянное и безопасное совместное существование (консервативная ценность) возможно только в том случае, если признается само право каждого человека на существование и саморазвитие (либеральная ценность). В противном случае господство одних над другими подрывает мирную основу совместного существования и провоцирует непризнанных к борьбе за свое право на признание собственной правосубъектности. Поэтому и обязанность признавать правосубъектность участников общежития является основной обязанностью каждого человека и основополагающей (базисной) ценностью, обеспечивающей социальное развитие (прогресс).

Таким образом, именно обязанность признавать правосубъектность другого и право на признание собственной правосубъектности, как синтез либеральных и консервативных ценностей (принцип взаимного признания), является древнейшей традиционной ценностью, позволившей человеку выделиться из природной среды и создать (сконструировать) уникальный мир социальных коммуникаций и интерсубъективных ценностей. Объективация этой ценности в «снятом» виде находит свое отражение и в Золотом правиле морали («Не делай другому того, чего себе не желаешь»), и в религиозный заповедях (например, «Возлюби ближнего своего как самого себя»). Дальнейшее развитие человечества шло по пути расширения круга лиц, допускаемых в круг признаваемых. Многообразие сочетаний между собой консервативных, направленных на защиту существующих отношений обязанностей по отношению к другим (к обществу), и либеральных прав каждого на свободное саморазвитие, свидетельствует о длительности исторического процесса, в ходе которого господство, основанное на одностороннем признании, трансформируется во взаимность, основанную на праве.

Неслучайно поэтому и перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей, перечисленных в «Основах государственной политики по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.) начинается с ценности прав и свобод человека и его достоинства. Все остальные ценности получают свой аутентичный смысл только через их соответствие принципу взаимного признания: морального и правового. Этот же принцип необходимо использовать в качестве основополагающего критерия как для ответа на вопрос о соответствии или несоответствии человеческого поведения традиционным российским ценностям, так и для ответа на вопрос о критериях оценки правового развития государства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00976, https://rscf.ru/project/24-28-00976/.

Полякова Наталья Валерьевна
к.ф.н., доцент факультета политологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Историческая политика "консервативного ревизионизма" в современной Польше: этические аспекты

События Второй мировой войны обоснованно занимают значимое место в польской исторической памяти, в рамках которой постоянно происходит реактуализация их толкования, обусловленная как внутренними, так и внешними факторами. При этом памятование о некоторых аспектах этих событий является для поляков особо травматичным, поскольку не только создает конфликтную модель памяти, но и порождает проблемы ее этического обоснования на национальном и международном уровне. Одной из таких наиболее «болевых точек» польской исторической памяти стала тема польского антисемитизма и участия отдельных поляков в истреблении еврейского населения. В годы, когда в Польше у власти находилась правоконсервативная партия «Право и справедливость» (PiS), ее историческая политика стратегически была ориентирована на создание исключительно позитивного, героического или «виктимного», образа национальной истории, в рамки которого факт польского антисемитизма не вписывался. В 2018 г. даже предпринималась попытка законодательно оформить запретительные рамки на государственном уровне посредством принятия поправки к закону об Институте национальной памяти, согласно которой запрещалось под угрозой уголовного преследования публично приписывать польскому народу и государству ответственность и причастность к нацистским преступлениям. На этом фоне со стороны властей происходила обструкция критического направления польского исторического знания, которое ориентировалось на «педагогику нравственности» в области научных исследований национальной истории, но, в свою очередь, обвинялось консерваторами в продвижения «педагогики стыда» в отношении польского прошлого. И хотя в итоге после резкой международной и внутренней реакции поправку признали противоречащей конституции и отменили, специфика польского режима памяти в этом вопросе продолжает характеризоваться особым социально-политическим и нравственно-духовным напряжением. Избрание в июне 2025 г. нового президента Польши Кароля Навроцкого, формально участвовавшего в президентской гонке в качестве беспартийного независимого кандидата, но в действительности являвшегося выдвиженцем PiS, продолжило традиции польских консерваторов в области исторической политики и заново активизировало фактор исторической памяти в польском публичном дискурсе, в том числе,

с явным акцентом на «польской жертвенности» и вытеснении всех негативных элементов польской истории периода Второй мировой войны. До своего избрания в качестве главы польского государства Навроцкий, сделавший карьеру в области исторической политики, сначала как глава музея Второй мировой войны в Гданьске, а позднее как президент польского Института национальной памяти, внес большой вклад в создание фальсифицированного, очищенного от «темных пятен» проекта польской истории. Поэтому и его предвыборная кампания, и первые шаги в качестве президента страны демонстрируют не только преемственность политики «консервативного ревизионизма», но и ее ужесточение. При этом подобное расхождение между историческими нарративами об отдельных событиях Второй мировой войны на польской территории формирует целый комплекс юридических и моральных коллизий, порождая феномен «войн памяти», как внутри самой Польши (между сторонниками и противниками политического «очищения» национальной истории), так и на межгосударственном уровне (отношения между Польшей и Израилем).

РНФ № 24-28-01309 «Традицирование в социальном конструировании современной национальной памяти: сравнительный анализ символических практик России и Запада»

Попов Дмитрий Геннадьевич
к.ф.н., доцент ВШМиСО
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Роль стратегических коммуникаций в политике памяти современных государств

Стратегические коммуникации выступают важнейшим инструментом внешней и внутренней политики современных государств. Коммуникации с целевыми аудиториями формируются на базе сложного процесса интерпретации политической истории, политики и образов будущего. Ведущие акторы современных международных отношений опираются на различные платформы, инструменты и каналы коммуникации по созданию, позиционированию, продвижению ключевых интересов, ценностей, стандартов потребления и образов жизни. Цель подобных действий заключается не только в условном принятие моделей, стандартов и правил, но и интеграции усилий по созданию устойчивых систем управления группами интересов и давления. Это означает что этический компонент присутствует не только как обоснование для управления поведением групп и сообществ, но и формирует моделей престижного, принимаемого или предлагаемого образа поведения на уровне стран, ценност-

ных и цивилизационных групп стран. Вопрос об этике вновь становится важной частью глобального дискурса, а также обоснованием для интеграции или дезинтеграции глобального пространства.

В условиях нарастания геополитического противостояния фабрики грез и экономики впечатлений перешли на новый этап работы по управлению поведением массовых потребителей в медиатизированном мире на основе концепций стратегических коммуникаций и сетецентричных информационных войн. Ответы на новые вызовы идентификации, принятие ценностей и образов жизни государства и общества находят в историческом наследии, артикуляции национальных интересов и создании цивилизационных кодов.

Применительно к внешнеполитической коммуникационной среде вопрос трактовки исторических событий и политической истории государства формируется на основе национальных интересов и репутационных рисков. Вопрос трактовки истории для внутреннего потребления стоит еще более остро, ведь история достижений и утрат, модернизации, развития и реакции на конфликты и вызовы формирует «историческую правду» и идентификационный комплекс общего прошлого, настоящего и будущего нации применительно к своим и чужим, ценностям, победам и трагедиям, а также их трактовки в рамках обеспечения легитимности и легальности власти.

Ключевую роль в формировании и развитии нации и государства, обеспечивающего общественный исторический договор, играет освещение исторических и культурологических процессов, их фиксация в образовании и социальной памяти, формирование нарративов по поводу ключевых исторических и культурных событий, мифологизация, актуализация и освещение событий, мест памяти и социальных практик в области культуры, ценностей, воспроизводства коллективной социальной памяти.

Современные стратегические коммуникации, гуманитарное сотрудничество и конкуренцию идей, образов жизни и образов будущего, сложно представить без этического компонента. Восприятие этики, этические компоненты культурного суверенитета и культурных войн в современном мире как ключевых элементов национальной безопасности формирует запрос на поиск терминов и интерпретаций, во многом схожих с дискуссиями по поводу словосочетания «войны памяти».

Попова Евгения Владимировна
доцент, к.п.н., заведующая кафедрой
Томский государственный университет

Внедрение технологий искусственного интеллекта в гуманитарные исследования: этические и институциональные вопросы на примере кейсов двух научных групп

Исследование фокусируется на анализе процессов внедрения инструментов искусственного интеллекта (далее — ИИ) в научную работу современных российских научных групп. ИИ проникает в науку, в том числе российскую, причем не только в форме GPT чатов и аналогов, о чем написано немало, и что проблематизирует, прежде всего, вопросы академической честности (Голубинская 2024), но и в более существенных его проявлениях — использование ИИ как основного инструмента исследования, формирование исследовательских задач вокруг инструментов ИИ. Здесь формулируется несколько вопросов, значимых для социальных исследователей науки. Во-первых, кто является инициатором внедрения ИИ в процессы исследования, и каковы источники информации о нем? ИИ приходит в исследования, в том числе, «из интернета», оказываясь пограничной технологией, связывающей привычные научные инструменты и методы с на настоящий момент внешними науке обсуждениями и методами. ИИ становится «пограничным объектом» для разных групп исследователей и программистов, каждая группа использует его для решения своих задач, а ИИ адаптируется к различным требованиям (обзор литературы по применению понятия «пограничный объект» к исследованиям цифровых технологий см.: Huvila et al. 2017). Во-вторых, идейным вдохновителем внедрения ИИ часто оказываются административные структуры, а основным исполнителем со стороны гуманитариев — начинающий исследователь, который осуществляет коммуникацию с программистом и принимает основные решения по поводу спорных вопросов. Меняет ли включение ИИ в исследования формы организации работы научного коллектива? Какие реконфигурации производятся, если производятся, в современной исследовательской практике, которые направлены на то, чтобы сделать саму практику более подходящей площадкой для обучения и применения искусственного интеллекта (Carboni 2024; Rajpurkar et al., 2022)? В-третьих, в отношении положительных результатов применения ИИ для проводимых научных работ у руководителя коллектива иногда есть уверенность, но обусловлена она не привычными нам способами научного обоснования: имеющимися исследованиями, иначе — ссылкой на авторитеты, предыдущим опытом —

своим или коллег, а отсылками к иным основаниям. Как производится связка производимых в лаборатории артефактов (Latour and Woolgar 1976; Knorr 1979 и другие представители этнографии лабораторий), научных текстов и ИИ? И наконец, что исследователи понимают под искусственным интеллектом и как различия в его понимании связаны с представлениями о науке и стандартах научной деятельности, иначе говоря — этическими вопросами?

Эмпирическую основу исследования составляют неструктурированные интервью с представителями двух научных групп гуманитарного факультета, применяющие инструменты ИИ как научная группа, в не индивидуальные исследователи. Важно отметить, что мы целенаправленно искали группы, которые применяют ИИ в научной деятельности, чтобы посмотреть как технология работает на практике, провести исследование «технологии–в–действии», однако оказалось, что есть разночтения участников группы в определении применяемых методов как ИИ или не ИИ, их допустимости и полезности для научной работы. Это дополняет вопросы, с которыми мы начинали исследования, темой того, как технологии ИИ могут действовать, являясь ускользающим объектом, к которому можно подходить с разных сторон, собирая воедино его разрозненные проявления.

Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No FSWM-2024-0008.

Поправко Елена Александровна
доцент по кафедре отечественной истории, д.и.н., профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва

Сколько стоят "товарищи в борьбе": деятельность Тыла Красной армии по обеспечению иностранных воинских формирований и восстановлению экономики стран Восточной и Центральной Европы в 1944–1945 гг.

В 1944–1945 гг. СССР завершает освобождение своей территории и начинает операции в Европе. Вопрос об участии в освободительной миссии народов стран Восточной и Центральной Европы, о поддержке в них антифашистского движения был актуален для СССР и ранее. В этот период он становится вопросом о послевоенном устройстве мира и

формировании блока союзных или дружественных государств. Поддерживая иностранные воинские формирования, привлекая их к освободительной миссии в Европе СССР рассчитывал, что они станут основой вооружённых сил своих государств, а их руководители войдут в состав политической элиты. Поддержка предполагала передачу материальных средств, что создавало дополнительную нагрузку на Тыл Красной армии. Он должен был изыскать и передать необходимое военное имущество, учесть особенности снабжаемых (в питании, вещевом снабжении и т.п.). Объём задач определялся численностью иностранных воинских формирований. Первые из них создаются в СССР в 1941 г. К 1944 г. в составе Красной армии действовали или проходили сформирование соединения Чехословакии, Франции, Польши, Румынии. По мере перехода на сторону антигитлеровской коалиции бывших союзников Германии, на снабжении у Тыла Красной армии оказываются болгарские, венгерские, румынские части. К маю 1945 г. в иностранных формированиях, оперативно подчинявшихся Красной армии, находились 561 300 чел. (375 100 — в действующей армии). Иностранные формирования были частью вооружённых сил своих государств, их обеспечение и финансовые расчёты за военное имущество зависели от возможностей страны. Вопреки инсинуациям об ужасах советской оккупации, особенно активно распространяемым сейчас, когда Россия проводит спецоперацию на Украине, документы военного времени говорят о существенных финансовых уступках СССР. Шифртелеграмма Начальника Тыла Красной армии генерала армии А.В. Хрулёва «О закупках продовольствия и фуража при вступлении в Польшу» от 10 августа 1944 г. установила для закупок курс злотого к рублю 1:1. То же соотношение валют упоминалось в других документах. Летом 1944 г. новые польские злотые ещё не существовали (обмен в Польше начался 6 января 1945 г.). СССР платил за продукты и фураж, принимал обесценившийся «краковский» злотый наравне со своей национальной валютой по курсу соответствовавшему августу–сентябрю 1939 г., когда 1 доллар США стоил 5,33 злотых. Чтобы понимать неравноценность таких расчётов, надо учесть, что курс советского рубля к доллару США, установленный в 1937 г. (5 руб. 30 коп.) сохранился в 1944–1945 гг. А «краковских» злотых к моменту освобождения Польши от немецкой оккупации давали 250 за 1 доллар. Те же параметры расчётов (1:1) устанавливались при расчётах с Чехословакией, Югославией, Болгарией, Венгрией и т.д. Семьям воинов войска Польского, чешских, румынских и др. иностранных формирований Тыл Красной армии передавал скот, посевные материалы. Для восстановления промышленности освобождаемых стран передавались автомобили, сырьё и т.п. Только в январе 1945 г. СССР передал иностранным формированиям Польши, Чехословакии и Югосла-

вии материальных средств на 117 912 700 руб. Задачи по обеспечению иностранных формирований в документах ГКО СССР получали и другие ведомства, но как правило, это были разовые акции. Тыл Красной армии фигурировал в постановлениях ГКО о помощи иностранным государствам и их воинским формированиям постоянно, в том числе чаще всего в лице своего начальника генерала армии А.В. Хрулёва. Отметим неравномерность «нагрузки»: Наркомат ВМФ «как через центральные довольствующие органы, так и через довольствующие органы флотов и флотилий, соединения и части иностранных войск не обеспечивал».

Поспелова Юлия Вячеславовна
студент Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет

Этические и социальные дилеммы криоконсервации эмбрионов: между технологическим прогрессом и моральной ответственностью

Криоконсервация эмбрионов — элемент современных вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), позволяющий бороться с бесплодием и планировать семью. Однако её широкое применение сопровождается этическими, социальными и правовыми дилеммами, требующими междисциплинарного анализа. Одной из центральных проблем является определение статуса замороженного эмбриона. В научном, правовом и философском сообществах отсутствует консенсус: эмбрион может рассматриваться как потенциальная личность, биологический материал или объект права. В большинстве стран, включая Россию, эмбрион не признается субъектом права до момента рождения. Однако некоторые международные документы защищают жизнь с момента зачатия. Если говорить об этико-философских подходах, то градуализм подразумевает, что эмбрион приобретает моральный статус постепенно, по мере развития человеческих и личностных качеств. Деонтология — если эмбрион является потенциальной личностью, то его использование в научных целях нарушает категорический императив. Консеквенциализм, в частности утилитаризм, оправдывает исследования на эмбрионах, если они приносят пользу обществу. Примером конфликта интересов по поводу эмбрионов стало дело Дэвис против Дэвис (1992), где суд признал эмбрионы «промежуточной категорией», заслуживающей особого уважения, но не наделил их правами личности.

Криоконсервация трансформирует традиционные представления о семье, создавая новые социальные реалии. Разделение биологического и социального родительства ставит вопросы о правах доноров и реципиентов. Дети, рожденные из донорских эмбрионов, часто сталкиваются с кризисом идентичности, не зная своих генетических корней. Это вызывает этические вопросы о допустимости программирования таких психологических травм ради удовлетворения желания стать родителем.

Коммерциализация ВРТ часто приводит к превращению биологического материала, используемого в вспомогательных репродуктивных технологиях, в частности, эмбрионов, в товар, подлежащий купле–продаже, хранению и использованию в коммерческих целях. Подразумевается присвоение эмбриону рыночной стоимости и его использование для получения прибыли. Эта проблема обусловлена стремительным ростом рынка репродуктивных технологий. Также, поднимаются вопросы эксплуатации уязвимых групп населения, таких как женщины, вынужденные становиться донорами из-за финансовых трудностей. Клиники и компании получают прибыль от предоставления услуг и оборудования, что может сопровождаться злоупотреблениями, например, завышением цен или предложением неэффективных процедур.

Отсутствие четких правовых и моральных рамок усугубляет конфликты интересов, включая споры о судьбе эмбрионов после развода родителей. Для решения этих проблем необходим междисциплинарный диалог, который позволит согласовать научный прогресс с этическими принципами уважения к жизни и достоинству личности. Только так можно обеспечить гармоничное развитие репродуктивных технологий в будущем.

Предовская Мария Михайловна
к.ф.н. доцент
НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
Тебякина Елена Евгеньевна
к.ф.н., доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
Военная академия материально-технического обеспечения

Этическое переосмысление роли “Женских батальонов смерти” в контексте современного российского кинематографа

В истории человечества женщина (если принимать версию Ф. Энгельса о становлении патриархальных устоев обществ взамен матриархальных устоев) была неотъемлемой частью мужского мира, в котором слу-

жила одним из видов собственности, предметом для как товарно-денежных отношений, так и для других более утонченных видов сделок, ценным призом и трофеем победителя или уязвимостью врага. Однако, для европейской части культуры характерно, что как на Южной оконечности европейского материка (через представления о воительницах-амазонках), так и на Севере (представления скандинавов о валькириях), женщины воители, равные или превосходящие мужчин, сохранялись в народном сознании как на уровне мифа или былины (у богатырши-поляницы славян на востоке) и в народном сознании (мужественные героини сказок, странницы, умеющие кроме прямолинейной мужской силы проявлять и мягкую, женскую, рациональную — мудрость).

Рассматривая те кейсы, в которых женщина непосредственно берёт в руки оружие, можем констатировать, что меняются не столько гендерные роли, сколько этические максимы, поскольку дарительница жизни, превращается в страшную кровавую богиню, подобную безумной египетской Сехмет, способную (и имеющую биологическое право) эту жизнь отнимать. Тем самым изменяются как этические доминанты в восприятии войны, так и нравственная оценка женщины как участницы боевых действий (от полного неприятия в период Первой Мировой войны к равноправному признанию во Второй).

И, если XIX век поднимает женщин, сопровождавших армию от маркитанток или еще менее квалифицированных бытовых работниц, выполнявших тыловые функции и тем самых подтверждающих необходимость своего присутствия в обозе, то появление сестёр милосердия (среди которых встречались и аристократки) уже меняет вектор отношения к женщинам, а уже XX век непосредственно вводит женщин в актуальные военные события. Однако, само этическое основание такого перехода на первоначальном этапе имело резко негативную окраску, что можно проследить в тех образах массового сознания, в которых отразился этот переход — заметках в газетах, литературе и, конечно же кинематографе. Этот путь изменения нравственных максим в отношении к их участию в войнах ярче всего можно отметить на примере отношения мужчин-солдат и общественного мнения к "Женскому батальону смерти", которое в советский период было сформировано стереотипами из фильма 1927 года С. Эйзенштейна «Октябрь» и переосмыслено в современной массовой культуре, благодаря новому фильму 2015 года Д. Месхиева «Батальон», вышедшему спустя год после столетней даты начала Первой Мировой войны, в котором предпринимается попытка переосмыслить и актуализировать историческую память и наделить героинь женского ополчения личностными этическими смыслами.

Прокофьев Андрей Вячеславович
доцент, д.ф.н., главный научный сотрудник
Институт философии РАН

В чем состоит благо другого человека? (кейс Даниэля Канемана)

При любом содержательном понимании такого феномена, как мораль, его ядром является особое отношение одного человека к другому, к тому, чьи интересы и потребности затронуты каким-то возможным воздействием. Это отношение может распространяться на нечеловеческие живые существа, на группы людей, на виды и экологические системы и т.д. В этой связи принято вести речь о том, что в центре ценностно-нормативного содержания морали находится содействие благу Другого (морального реципиента), которое задано в качестве обязанности или ориентира для сверхобязательных поступков. Благо другого выступает как то, на что нельзя покушаться, и как то, что следует в определенных пределах увеличивать. В кантовской терминологии «способствовать блаженству других» и «умышленно ничего от него не отнимать». В связи с этим реализация моральных ценностей и исполнение моральных норм предполагают способность морального агента выявлять, в чем состоит благо другого. Об этой способности и пойдет речь в моем выступлении.

Это точка, в которой теория индивидуального благополучия пересекается с нормативной этикой. Однако если пруденциальный поиск благополучия ставит перед человеком всего один вопрос: «в чем состоит мое подлинное благо?», то перед моральным агентом стоят два: «в чем состоит подлинное благо уязвимого для моих действий другого?» и «в отношении каких аспектов этого подлинного блага существует обязанность содействия (или критерий, который делает содействие морально одобряемым)?».

Для морального регулирования человеческих отношений в сложную проблему превращаются иррациональные желания другого или иррациональные способы получения им удовольствия. Иррациональность выводит их из области, которую с полным основанием можно было бы назвать благом (или благополучием) морального реципиента. Значит, у морального агента нет оснований содействовать исполнению таких желаний и получению таких удовольствий. Но есть ли достаточно прозрачные критерии иррациональности, которые могли стать основой для выбора правильной линии поведения? В каких-то практических контекстах они налицо. Например, если речь идет о самообмане или о непоследовательном дисконтировании будущего. Однако в других контекстах с

очевидностью критериев иррациональности дело обстоит гораздо сложнее.

Для иллюстрации этих сложностей я хотел бы проанализировать интересный кейс, касающийся трансформации теоретической позиции Даниэля Канемана в отношении так называемого «объективного счастья». Во второй половине 1990-х гг. Канеман предположил, что в области восприятия людьми собственного благополучия действует мощное когнитивное искажение, которое следует скорректировать как в сфере пруденциального, так и в сфере морального мышления. Опираясь на воспоминания о каком-то отрезке собственной жизни, мы не суммируем совокупность мгновенных страданий и удовольствий, а ориентируемся на 1) пиковую их интенсивность в этот период и 2) их интенсивность в завершении эпизода. Суммирование мгновенных переживаний было бы более рациональным, объективным способом оценки благополучия — объективно измеренным или попросту объективным счастьем. На такое счастье и следует ориентироваться моральному агенту, выстраивая свою стратегию поведения в отношении другого. Однако к 2010-м гг. Канеман меняет свою позицию. Он понимает, что перед нами конфликт двух Я морального реципиента: Я воспринимающего и Я вспоминающего. Ни одно из них нельзя считать более рациональным, чем другое. В связи с этим моральный субъект оказывается в состоянии неопределенности, пытаясь понять, благу какого их двух Я другого человека следует содействовать.

Пронин Михаил Анатольевич
к.м.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Философия как экспертиза: нравственный прогресс и цифровая трансформация — виртуальный подход

Развитие научно-технического прогресса (НТП) и его очередная научно-техническая революция (НТР) в лице «цифровой трансформации», воспроизводит достаточно традиционную палитру этических проблем не только в ходе самого процесса НТП как процесса, но и в гуманитарной оболочке его осмысления и сопровождения. О регулятивной функции этики (биоэтики) и/или нравственных начал в отношении цифрового НТП следует говорить с изрядной осторожностью. На это есть исторические — наблюдательные — аргументы, во-первых. Во-вторых, НТП в силу своих особенностей, развивается автономно, изыскивая «моральные» императивы и аргументы монетаристского типа внутри самого себя. В-третьих, не

считает (био)этические влияния условием необходимым для своего развития. Последние живут, если не выживают скорее в парадигме «догоняющий» оценки чем в парадигме 4П: prediction — предсказательной (предупреждение о потенциальной болезни), prevention — предотвращающей (профилактика), personalization — персонализированного подхода (к продуктам и средам цифрового НТП) и participation — участие и полное понимание процессов/продуктов НТП со стороны потребителей/клиентов. К последнему есть патогномоничный аргумент/пример: технологии виртуальной реальности (дополненной, заместительной и пр.) специально разрабатываются с целью обмана сознания, головного мозга человека: чем они лучше погружают человека в генерируемую ими среду, тем они более эффективные и продвинутые. Налицо разрыв между автономностью многопотоковых технологических процессов, составляющих суть и сущность НТП, и автономными потоками их (био)этического сопровождения, осмысления: философской, гуманитарной, (био)этической экспертизы.

Сможет ли человечество достичь их реального взаимного проникновения? Каким оно должно стать/быть на уровне категориального абстрагирования: какова теоретическая модель должного/необходимого (био)этического их взаимодействия?

Пока же победная поступь цифрового НТП прошла ряд этапов: компьютеризации, информатизации, автоматизации, роботизации и, наконец, начавшейся цифровизации.

Каждый из этапов порождал соответствующие результаты и продукты, которые, в свою очередь, превращались в средства производства. Средства производства нового типа становились фактором развития как новых производственных, так и общественных, социально-экономических отношений.

Качественный скачек цифрового НТП сегодня называют «цифрой трансформацией»; именно последняя являет собой современную цифровую научно-техническую революцию (НТР) когда и средства производства, и общественные отношения обретают принципиально новый облик. Как то, сетецентрическая экономика, цифровое государство и волеизъявление, сетевые сообщества и пр. меняют облик привычного мира: цифровые экзистенциалы человеческого существования выходят на передний план обыденной жизни.

Хотя земля (в том числе цифровая, оцифрованная), труд (в цифровых средах в физической экономике) и капитал (его цифровизация, как и монетизация цифровых сред/экосистем очевидны) остаются и сохранятся как ключевые факторы общественно-экономических взаимоотношений, остаются вопросы включения этических императивов в производственный поток НТП. Для этого мировоззрение и этика должны стать фактора-

ми со-производства и со-потребления в эпоху цифровой трансформации. Для этого взаимодействие потоков технологических и потоков нравственного прогресса должны стать интерактивными: в нотации виртуалистики школы Н.А. Носов (1952–2002) — виртуальными: Где виртуальность описывается через категориальную пару: порождающий (константный) — виртуальный (порождённый).

Пронякина Елизавета Дмитриевна
к.п.н., доцент кафедры международных отношений
СЗИУ РАНХиГС

Общее прошлое как ценностная основа внешней политики Северных стран в меняющемся мире

Северная Европа является сегодня одним из наиболее интегрированных регионов мира. Пять стран — Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция — и их автономные территории на протяжение десяти веков делили не только территорию, но и ценности. В отдельные периоды истории (например, во время Кальмарской унии) Дания, Норвегия и Швеция фактически являлись одним государством. И хотя их сосуществование не всегда было мирным, оно является основой глубокой региональной интеграции и единодушия во внешней политике. На международной арене Скандинавские страны активно продвигают собственные региональные ценности пол брендом "Nordic" — например, Nordic peacekeeping («Северное миротворчество»).

Необходимость выживать в суровых условиях Севера, делавшая любой межгосударственный конфликт равносильным самоубийству, стала основой для адаптации ценности коллективизма к частной и публичной жизни населения этих стран. Закон Янте (Janteloven) — этическая норма, заимствованная из датской литературы, — гласит: «Не думай, что ты чем-то лучше, чем другие». Это правило сегодня отчётливо проявляется во внешней политике Северных стран, которые, во-первых, стремятся выступать на мировой арене сообща, а, во-вторых, предпочитают многосторонние форматы сотрудничества двусторонним.

Консенсус является высшей политической ценностью для Северных стран — во всех международных документах они позиционируют себя как приверженцы мира и социального развития. Однако усилившееся в последнее время геополитическое противостояние в Европе и в Арктике подвергает серьёзному испытанию традиционное скандинавское "миролюбие" (Nordic pacifism). Декларируя приверженность миру и неконфликтности, Северные страны наращивают свои военные потенциалы и

укрепляют оборонительные союзы. Вступив в НАТО в марте 2024 года, Швеция последней из Северных стран отказалась от принципа нейтралитета, который активно продвигала до этого во всех международных структурах. Таким образом, региональная система ценностей лишилась, пожалуй, своего главного компонента.

Серьёзному пересмотру подвергается сегодня и общая история Северных стран: в академических и политических кругах Дании, Норвегии и Швеции всё чаще звучит идея о необходимости укрепления национальных суверенитетов и о более тесном взаимодействии не с региональными, а с внешними партнёрами — прежде всего, с Великобританией и США. В этих условиях, даже наличие общего противника — России — не способно обеспечить моральное и идеологическое единство региона. История Второй мировой войны, понимаемая и трактуемая Северными странами по-разному, также является серьёзным разделяющим их фактором.

Новые геополитические реалии лишили Северные страны их особого морального облика, сформированного веками. Сегодня Дания, Норвегия и Швеция находятся в поиске новых ценностных оснований для своей внутренней и внешней политики.

Пугачева Наталья Петровна
доцент, д.ф.н., заведующий кафедрой философии,
истории и иностранных языков
Пензенский государственный аграрный университет

Этико-философские проблемы ветеринарии

Ветеринария имеет дело с формой жизни, наиболее близкой к человеческой в эволюционно-историческом и социально-этическом планах, что актуализирует философский и собственно этический контекст. Выделим основные проблемы.

«Понятие жизни». В ветеринарии жизнь понимается иначе, чем в биологических науках — акцент делается не на свойства живого и его функции, а на сохранение нормального, здорового, его состояния, и на активную роль в данном процессе человека. В определение жизни привносится «гуманистический» элемент — жизнь в ее нормальном состоянии (жизнь животного) зависит от субъекта, его компетентности и, очевидно, моральности. Речь идет о дифференцированном, а не о целостном подходе к жизни. В задачи ветеринарии не входит определение жизни, в отличие от биологии.

«Медицина vs ветеринария?» Философские проблемы медицины — один из важнейших, наиболее разработанных разделов современной философии науки. В случае ветеринарии приходится адаптировать рассматриваемые в философии медицины проблемы, учитывая специфику науки, занимающейся профилактикой, диагностикой и лечением болезней животных. Не всегда подобная схема оправдана и возможна.

«Субъект—объект». В медицине неизбежно слияние субъекта и объекта, что роднит медицину с социально-гуманитарным знанием. В ветеринарии подобное слияние чревато онтологическими и аксиологическими проблемами — искушением очеловечивания животного. В обоих случаях в роли чистого объекта выступает здоровье живого организма, но ни религия, ни философия, ни наука не утверждают этического равенства человека и животного, тем более, превосходства последнего над человеком, что не исключает необходимости гуманного отношения к животным.

«Неравенство смерти объекта». Этическое неравенство жизни объектов медицины и ветеринарии неизбежно подразумевает и неравенство их смерти, что актуализирует проблему эвтаназии, которая в деятельности ветеринара является обычным случаем, а в практике врача — исключительным. Однако данный выбор в большинстве случаев сопряжен с нравственными переживаниями, что делает проблему эвтаназии и в ветеринарии этической проблемой.

«Проблема ценности жизни». Тема поднимает проблемы ответственности человека за живое (шире — за всю биосферу). В работах Альберта Швейцера и Ганса Йонаса моральность человека напрямую связывается с признанием самоценности жизни как уникального онтологического феномена.

«Этический статус животного». Необходимо разграничить этический статус животного (цели) ветеринарии и животного (средства) как объекта эксперимента. Является ли прирост знания, полученный благодаря использованию подопытного животного, этически нейтральным? Возникает дефинитивная проблема — пересечение полей ветеринарной этики и Animal Ethics. Однако очевидна необходимость их разграничения.

«Достаточность аргумента патоцентризма?» Патоцентризим делает запрет мучения животных долгом по отношению к ним. Способность испытывать боль, страдать — достаточное основание этического отношения к данной форме живого? Аргументом необходимости использования подопытных животных остается невозможность проведения испытаний новых лекарств, вакцин, методов лечения напрямую на человеке (концепция «трех R»). Религиозный аргумент обоснования болезни и страдания как искупления кажется сомнительным в применении к ветеринарии.

«Ветеринарный дискурс». В нем важна аксиологическая составляющая — чьи интересы первичны: животного, его владельца или ветврача? Ветврач может не разделять взгляды защитников животных, но от этого не должна зависеть его профессиональная компетентность и ответственность за выполнение своих непосредственных обязанностей. Если ветеринар работает с сельскохозяйственными животными, то больше выступает в роли консультанта для владельца, для которого животные представляют чаще экономический интерес. Иная ситуация складывается в отношении домашних любимцев.

«Ятрогения в ветеринарии» приобретает особое этическое звучание с учетом выше названных пунктов.

«Ветеринарная деонтология». Какая из основных деонтологических моделей является «рабочей» в ветеринарии: модель Гиппократа; собственно деонтологическая; Парацельса; биоэтическая или модель информированного согласия? Лишь первые две с оговорками можно проецировать на ветеринарию. Ветеринарная деонтология должна строиться на других принципах. Например, модель Щвейцера—Йонаса, основанная на положении о самоценности жизни вне зависимости от степени ее полезности для человека.

Разин Александр Владимирович
профессор, д.ф.н., заведующий кафедрой философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

В защиту гетерономного подхода в этике

Сейчас многие теоретики морали считают, что автономный подход в морали оказался бесперспективным. Так, Ф. Фукуяма отмечает: «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантианской традиции, которая корни прав и морали видит в природе» (Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2008. С. 161). Мы не думаем, что природа сама по себе может дать ответы на вопросы о том, каким должен быть человек и что он должен делать в современном ему обществе, но стремление к преодолению кантианской традиции представляется верной.

У А. Макинтайра должное выводится не из абстрактного природного закона (который сам по себе может быть подвергнут сомнению), а из того, что идет от понимания совершенства в выполнении социальной функции. Хорошими часами, являются те часы, которые точно показывают

правильное время, а хорошим фермером — тот фермер, который хорошую программу возрождения почвы, наилучшую из всех возможных. «Отсюда следует, что концепция часов не может быть определена независимо от хороших часов, а концепция фермера — независимо от концепции хорошего фермера» (Макинтайр А. После добродетели М., Екатеринбург 2000. С. 83). Точно также, если человек является морским капитаном из этого вполне значимо может быть выведено «Ему следует делать то, что пристало морскому капитану» (там же, с. 81.). А.А. Ивин отмечает, что принцип автономии в этике ошибочен. Соглашаясь с ограничением Юма относительно возможности выведения должного из сущего, он тем не менее, утверждает, что его принцип «не предопределяет решения методологических проблем обоснования этики, точно так же как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предрешает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания» (Ивин А. А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2008. С. 98).

Автономный подход в этике являет собой концентрированное выражение сути либерального подхода к человеку и обществу. Основополагающей идеей этого подхода является идея самопринадлежности и связанное с этим самоопределение личности. Но социальность и индивидуализм заключают в себе противоречие, что требует ограничения либеральных принципов как таковых. Дело в том, что представления о правах, как отмечают многие авторы, имеют тенденцию к расширению, по своей сути они безграничны, также как безграничны и потребности человека, но обеспечиваются они именно благодаря привлечению ресурсов и институциональных структур общества, что всегда связано с ограничениями.

Принципиально важным также представляется подчеркнуть здесь и то, что для субъекта, осуществляющего развитые виды общественной деятельности (работа, политическая борьба, воспитание, содержательный досуг), нравственные отношения воспринимаются в связи с определением возможностей общества в обеспечении его потребностей, условиями самовыражения, оценкой собственного трудового вклада в создание общественного богатства, т.е. в связи с теми отношениями, которые не имеют уже исключительно нравственного характера. Это показывает невозможность абсолютизации морали, не позволяет создать представление о ней как об особой высшей сфере бытия личности независимой от решения вопросов о качествах личности, о применимости этих качеств в процессе социально значимой деятельности. А последнее, в свою очередь, требует решения вопроса об общественном благе, т.е. требует гетерономного подхода в этике.

Разин Александр Владимирович
профессор, д.ф.н., заведующий кафедрой философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Генеративный искусственный интеллект и проблема авторства

В докладе рассматривается проблема авторства, остро вставшая в связи с использованием искусственного интеллекта, которому также как и человеку, присуще некоторые творческие возможности. Возникают вопросы о том, кто является автором произведения или отдельных его фрагментов, если при его подготовке использовались нейросети. На первый взгляд ясно, что творчество это процесс, в котором представлена личность творца, а любые технические системы здесь не причем. Однако возникают вопросы относительно общего использования фрагментов, созданных с помощью нейросети, даже если они включены в некоторое цельное авторское произведение. В статье отмечается, что по этому поводу в разных странах имеет место разная юридическая практика.

Для решения проблемы мы предлагаем расширение методической части произведения, где могут разъясняться авторские идеи обращения с нейросетью, а также — расширение использования в научных произведениях достижений автора в его прошлых трудах (по-новому интерпретированных, дополненных), что в настоящее время несовместимо с требованием многих журналов. Именно авторское произведение, отражающее историю развития его идей, будет содержать наиболее явные гарантии того, что такая работа не создана нейросетью.

Сейчас также возникла проблема, связанная с использованием нейросетей при подготовке студенческих курсовых и дипломных работ. Для преодоления этого можно идти по пути разработки методик, отслеживающих использование нейросетей. Но думаю, более правильным будет не только разрешить пользоваться нейросетями, но и сделать это обязательным. Нейросети позволяют облегчить задачу постановки проблемы, определения степени ее разработанности. Но этого не надо скрывать. Мы думаем, что надо сделать обязательной форму написания квалификационных работ с указанием того, какие нейросети использовались, далее с оценкой того, какие проблемы сформулированы во фрагментах, подготовленных нейросетями. Далее необходим самостоятельный анализ того, результат работы какой нейросети кажется более совершенным. После этого — собственный анализ проблемы и итоговые выводы. Такой подход, как кажется, позволит избежать трудности, которая сейчас возникает с проблемой авторства.

Можно, конечно, возразить в плане того, а зачем навязывать человеку использование того, что может содержать в себе некоторую двусмысленность относительно собственных творческих достижений, но ведь надо учить студентов использовать новые инструменты познания, а искусствен-

ный интеллект несомненно будет завоевывать в деле творческой работы все новые и новые позиции.

К сожалению, формальные критерии творчества, новизны текста, на возникновение которых, собственно оказала влияние практика использования искусственного интеллекта, обработки больших данных влияют и на реальные условия осуществления и оценки творчества. Например, в настоящее время в некоторых журналах в качестве требования указывается, что список источников должен содержать не менее 20 названий, включая источники на иностранном языке. Но если сам объем статьи не может при этом превышать 40000 знаков, то возникает вопрос о том, а будет ли в этой статье что-то кроме пересказа источников, и как раз такие критерии будут очень удобны для произведения, созданного с помощью нейросети.

Так что проблема авторства и критерии новизны научного исследования в настоящий момент — это широкая проблема, которая выходит на все вопросы организации научной деятельности и способы оценки ее эффективности.

Разуваев Николай Викторович
доцент, д.ю.н., заведующий кафедрой гражданского и трудового права
СЗИУ РАНХиГС

Бытие правовых ценностей как единство универсального и партикулярного

Становление постклассической научной рациональности в философском и теоретико-правовом дискурсе актуализировало ряд дискуссий, которые велись на страницах юридической литературы еще на рубеже XIX–XX столетий, заставив под новым углом взглянуть на проблемы, обладающие неизменной актуальностью для российского правового сознания. К числу таких проблем относится проблема юридических ценностей, в частности, соотношение всеобщего и особенного как основная характеристика правовой аксиологии. Центральное место в рамках рассматриваемой проблематики занимает категория смысла мировой истории, сквозь призму которого находит преломление смысл жизни каждого отдельного человека.

При этом не будет преувеличением утверждать, что, будучи глубоко укорененным в горизонтах жизненного мира каждого индивида, смысл человеческой жизни выступает в качестве необходимой основы для всех прочих, производных от него смысловых уровней реальности, обладающих релевантностью в любых онтологических регионах последней, включая правовую реальность. Следует, однако, отметить, что во второй половине минувшего столетия бытийный приоритет смыслового измерения реальности, на первый взгляд, оказался поколебленным в силу тех истори-

ческих событий, которыми ознаменовался так называемый «короткий двадцатый век».

В наши дни многие полагают, что обсуждать смысл всемирной истории, применительно к человечеству в целом является столь же пустым и тщетным занятием, как и обсуждение смысла жизни, применительно к отдельному человеку. Тем не менее, рассматривая исторические процессы в широкой диахронной ретроспективе, можно прийти к выводу, что смысл всемирной истории состоит в максимальном приближении человечества к такому состоянию, которое мы можем обозначить как единство в многообразии. Это единство в многообразии имеет множество различных проявлений, наиболее важным среди которых является диалог культурных ценностей, определяющих содержание человеческой коммуникации во всех ее измерениях, включая коммуникацию политическую и правовую. Уже на первичном уровне, каковым является жизнь каждого из нас, ценности выступают основным мотивирующим фактором поведения, определяющим его цели. Приходится признать, что в отсутствие такой цели человеческое существование утрачивает имманентно присущее ей системное единство, распадаясь на множество не связанных между собой поведенческих актов, зачастую имеющих чисто инстинктивный характер. Примечательно, что такое, неотделимое от смысла, целеполагание имеет не только осознанный рациональный характер, но и проявляется на бессознательном уровне.

Следовательно, уже в человеческом поведении проявляет себя универсальный характер базовых (традиционных) ценностей, таких как благополучие, знания, добро, любовь, свобода, ответственность, справедливость, патриотизм, служение ближним, вера в Бога и т.п. Важно отметить, что каждая из перечисленных ценностей имеет множество рациональных, иррациональных, а также сверхрациональных манифестаций, «наслаивающихся» друг на друга. Отмеченная особенность получает еще более отчетливое выражение в рамках исторического процесса. Осмысленному и целенаправленному характеру последнего, как было показано ранее, не противоречит то обстоятельство, что индивидуальные и коллективные действия людей, являющиеся основной движущей силой истории, имеют «ограниченно рациональный» характер.

Результатом духовного, нравственного и правового прогресса, сколь бы условными и относительными ни были его результаты, становится своеобразная «кристаллизация» ценностей, осознание их значимости все большим числом людей и человеческих сообществ. А это, в свою очередь, влечет за собой экспликацию цели исторического процесса, достижение которой даже в отдаленной временной перспективе, безусловно, является невозможной, но которая определяет (в том числе на бессознательном уровне) то направление, по которому движется всемирная история.

Разуваев Николай Викторович
доцент, д.ю.н., заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС

Взаимодействие европейской и англо-американской правовых традиций в аналитической юриспруденции США

Концепция американской аналитической юриспруденции, длительное время не привлекавшая к себе достаточного внимания, со стороны отечественных юристов, в последние десятилетия стала вызывать повышенный интерес, сделавшись предметом всестороннего рассмотрения. В значительной степени указанное обстоятельство стало возможным благодаря постклассическому повороту в теории права, активизировавшему обсуждение целого ряда проблем, в том числе проблемы логических и моральных оснований правовой нормативности. В ходе этого обсуждения стало очевидным наличие общих тем, а также известная идейная близость американской и континентальной философии права в трактовке основных юридических понятий, свидетельствующая о возможности рецепции ключевых категорий американской юридической доктрины континентальной теорией и философией права.

Данная тенденция, ставшая особенно заметной к концу минувшего столетия, вызывала критические замечания, со стороны традиционалистов, отмечавших, что широкое внедрение философских идей в правовой дискурс способна повлечь за собой размывание его границ, делающее правовую доктрину бесполезной как для судебной практики, так и для иных направлений практической работы. Вместе с тем не вызывает сомнений также и то обстоятельство, что плодотворный идейный диалог американской и континентальной европейской юриспруденции, стимулируемый богатой философской традицией, восходящей своими истоками к античности, способен стимулировать поиск новых идей и подходов, становящийся особенно актуальным в эпоху постмодерна.

Наглядным свидетельством сказанного являются, в частности, идеи У.Н. Хофельда (1879–1918), до сих пор являющиеся известной terra incognito в американской юриспруденции. Одна из причин недостаточного внимания, традиционно уделяемого концепции У. Хофельда как современниками, так и позднейшими авторами, состоит в ее избыточной (по меркам американской юриспруденции) сложности и слишком тесной связи с континентальной доктринальной традицией. В частности, именно Хофельд был одним из первых американских юристов, внесшим вклад в разработку вклад в учение о правоотношениях. При этом, делая, вслед за немецкими философами права (Г.В. Гегелем, Ф.К. Савиньи и др.) правоотношения предметом рассмотрения, Хофельд проявляет высокую степень оригинальности в трактовке последних.

Несложно увидеть кардинальное отличие подхода, развиваемого американским ученым, от канонической для континентальной теории и философии права трактовки правовых отношений как юридической формы фактических общественных отношений. Для Хофельда правовые отношения как связь не индивидов, а их субъективных прав и обязанностей имеют не дуалистическую (правовую и социальную) природу, а монистическую (чисто правовую) природу. В этом своем качестве правоотношения предполагают применение логико-лингвистических методов описания и анализа, используя которые Хофельд в своих «Основных юридических понятиях» разрабатывает достаточно сложную и оригинальную их классификацию.

Более того, развивая указанные идеи, американский ученый закладывает основы для единой интерпретации не только права (исходным элементом которого он считает правовые отношения), но и иных социальных регуляторов, прежде всего, морали. Подобно праву, мораль, с точки зрения У. Хофельда, может рассматриваться как система отношений и основывающихся на этих отношениях правил, которые обладают формально-логическими признаками. Как известно, подобное понимание правовой и моральной нормативности впервые наметилось еще в трудах Аристотеля. Указанное обстоятельство позволяет видеть в Хофельде одного из наиболее ярких представителей аристотелевской идейной традиции, заложившего основы для рецепции учения Аристотеля американской правовой наукой.

Резвушкин Кирилл Евгеньевич
к.ф.н., старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности
Российский государственный гуманитарный университет

Цифровая реставрация фотоартефактов как инструмент мемориальной этики: к вопросу о формировании цивилизационной идентичности в контексте 80-летия Победы

Введение

Сегодня в связи с осуществлением рефлексии над моральными обязательствами перед прошлым и механизмами трансляции исторической памяти и цивилизационной идентичности особую значимость приобретает мемориальная этика. Настоящий доклад анализирует цифровые методы ИИ-реставрации визуальных артефактов периода Великой Отечественной войны (далее — ВОВ), а также их роль в трансляции и укреплении российской цивилизационной идентичности.

Постановка проблемы

Проблема заключается в том, что нарастает разрыв между тем, что молодые поколения уже не всегда легко и аутентично воспринимают исторические фотодокументы, и их объективной ценностью этих документов как артефактов коллективной памяти. Несмотря на документальную достоверность, черно-белые изображения зачастую создают у субъекта восприятия дистанцию, и тем самым осложняют его эмоциональную и ценностную идентификацию. Следует отметить, что решение проблемы не связано исключительно с колоризацией.

Методология

В качестве методологической основы используется междицисплинарный подход. Он включает этику, visual studies, science and technology studies (STS). Для анализа задействуются кейсы сервиса колоризации от Mail.Ru к 80-летию Победы, приложения Facee, позволяющего не только колоризировать, но также «осовременивать» и анимировать статические изображения, создавая эффект «оживления».

Основные результаты и анализ

Применение ИИ-алгоритмов в целях реставрации, колоризации и анимации фотографий, связанных с ВОВ, представляет собой не только техническую операцию, но и этически нагруженный акт интерпретации. Так, колоризация и последующая анимация выполняют ряд функций. Во-первых, преодоление темпорального разрыва. Когда воспринимающийся более «архаично» визуальный код преобразовывается в современный формат (насыщенность цветов, в ряде случаев движение), это нивелирует восприятие исторической дистанции, делая образы прошлого психологически ближе и понятнее реципиенту. Во-вторых, гуманизация исторического нарратива. Естественный цвет глаз, кожи, формы укрепляет эмоциональную связь с изображенными на фото, способствует переходу от восприятия абстрактного «героя» к конкретной личности. В-третьих, агентность памяти. 9 мая 2025 года в Музее Победы на Поклонной горе можно было бесплатно распечатать отреставрированное фото ветерана. Таким образом, с помощью интерактивных практик человек из наблюдателя превращается в активного участника процесса, который «присваивает» и персонифицирует коллективную память.

Этические импликации и цивилизационный контекст

Разумеется, возникает ряд этических вопросов, связанных с аутентичностью таким образом интерпретированного фотодокумента как исторического источника. Однако в рамках российской цивилизационной модели, где краеугольным камнем коллективной исторической памяти является память о ВОВ, на наш взгляд, позитивный эффект может «перевесить» потенциальные риски. Технологии ИИ помогают преодолеть увеличение временной дистанции и эрозию исторической памяти, обеспечи-

вая ее более эффективную трансгенерационную передачу и тем самым интеграцию в систему ценностных ориентаций современной молодежи.

Заключение

Реставрация и «оживление» связанных с ВОВ цифровых фотодокументов при помощи ИИ способствуют актуализации исторического наследия в умах современной молодежи. Такая мемориальная практика представляется эффективной формой трансляции российской цивилизационной идентичности.

Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Резвушкина Софья Александровна
аналитик Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина», научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности
Российский государственный гуманитарный университет

«Вторичная мифологизация» войны в цифровую эпоху: этические вызовы для исторической памяти

Проблема исторической памяти в условиях цифровой эпохи представляет один из серьёзнейших вызовов современности. Цифровые технологии оказывают влияние на коммеморативные практики воздействуя на память о войне как конструктивно (например — реконструкция военных фотографий, создание интерактивных карт и цифровых архивов), так и деструктивно (создание исторических фейков, бесконтрольное распространение некорректной информации и т.д.). Это заставляет обратиться к вопросу об этике коммеморации в условиях цифровизации. Этот вопрос обретает особую остроту в контексте когнитивных войн, где историческая память может быть оружеизирована (weaponization of history по С. МакКлею) и использована для подрыва социальной солидарности общества.

Одним из инструментов такой оружиезации является эксплицированная Р. Бартом «вторичная мифологизация». Она представляет собой процесс идеологической инструментализации мифа, его сознательное использование для актуализации определенных психоэмоциональных пластов и наделения исторического референта дополнительным «мифологическим» коннотатом. Основным механизмом вторичной мифологизации выступает бриколаж — комбинация элементов различных мифологических систем и исторических контекстов для встраивания дополнительного

имплицитного коннотата в существующий образ с целью его деконструкции или семантической перекодировки. Цифровая среда, характеризующаяся высокой скоростью распространения информации (дромократия по Вирильо) и редуцированными форматами коммуникации, становится оптимальным условием для реализации данного процесса. В пространстве виртуального, особенно в сфере массовой культуры происходит произвольное извлечение архетипических образов (героя, жертвы, врага) и их адаптация к актуальным идеологическим и политическим задачам. Данные образы, будучи оторванными от исходного историко-культурного контекста, функционируют как самостоятельные знаки, легко встраиваемые в упрощенные нарративы.

Этический вызов сложившейся ситуации заключается в подмене исторической памяти, основанной на верифицированной фактологии и научной рефлексии, искусственно сконструированным симулятивным образованием. В результате этого историческое событие утрачивает свою многомерность и противоречивость, редуцируясь до функциональных в контексте конкретной ситуации бинарных оппозиций и эмоционально заряженных символов. Это, в свою очередь приводит к поляризации или атомизации коллективного сознания в котором доминируют аффективные реакции. Также этически значимым последствием является возникновение конфликта интерпретаций, поскольку при поляризации дискурсов исчезают предметные основания для диалога, функцию которых ранее выполняла единая историческая память. А поскольку вторично мифологизированные нарративы апеллируют не к критическому анализу, а к бессознательным структурам психики, то их деконструкция посредством рациональной аргументации оказывается затрудненной. За счёт этого публичное пространство превращается в поле столкновения не альтернативных оценок, но альтернативных мифологий, что девальвирует саму возможность формирования конвенциональной исторической памяти.

Таким образом, вторичная мифологизация в цифровую эпоху, и, особенно, в пространстве когнитивных войн, представляет собой процесс, создающий серьезные препятствия для сохранения аутентичной исторической памяти. Противодействие данному процессу требует разработки стратегий, направленных на формирование устойчивости к манипулятивным практикам и сохранение возможности дискурсивного, а не мифологического освоения исторического прошлого.

Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Резвушкина Софья Александровна
аналитик Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина», научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности
Российский государственный гуманитарный университет

Мемориальная этика в условиях когнитивных войн: сохранение памяти о Победе как значимый элемент Российской цивилизационной идентичности

Сегодня, в эпоху когнитивных войн, мемориальная этика, как область рефлексии о нормах и принципах сохранения прошлого, приобретает особую актуальность. Особенно это значимо в контексте 80-летия Великой Побед, поскольку память об этом событии является не только значимым элементом российской цивилизационной идентичности, но и я одним из последних неоспоримых морально-политических консенсусов в поляризованном российском обществе. Однако в условиях когнитивных войн историческая память и мемориальная этика подвергаются попыткам искусственной деконструкции, что ставит перед российским обществом проблему сохранения подлинного наследия Победы как базисного элемента цивилизационного самосознания и «места встречи» даже самых полярных внутриполитических позиций. Великую Победу как событие можно рассматривать в терминах коллективной «пограничной ситуации» (в духе Карла Ясперса), оказавшей огромное влияние на цивилизационную идентичность сначала СССР, а потом и России. И мемориальная этика о Победе строится вокруг нарратива консолидации, выполняя функцию элемента, препятствующего фрагментации Российского общества за счёт единства коллективной памяти.

Цифровая среда, которая играет всё большую и большую роль в жизни человека, видится амбивалентным пространством для мемориальных практик. С одной стороны, в цифровых пространствах больше возможностей для проведения размывающих общее мемориальное пространство информационных атак, но с другой — именно интернет и цифровые технологии открывают небывалые возможности для коллективной коммеморации. Например, такие проекты как «Бессмертный полк онлайн», виртуальные музеи, оцифрованные архивы и базы данных, возможности колоризации и «оживления» фотографий нейросетью, дают инструменты для преодоления разрыва между поколением войны и современными подростками, не имеющими опыт живого общения с ветеранами. Эти технологии обеспечивают эффект присутствия и эмоционального сопереживания, позволяют заново «присвоить» историю предка-победителя, трансформируя абстрактное знание в личностно значимую память. Од-

нако здесь же возникают серьезные этические риски. К ним относятся: девальвация смыслов, превращающая память в развлечение избыточная геймификация, кибервандализм и манипуляции с цифровыми образами (дипфейки). Однако эти риски не должны приводить нас к отказу от технологий. Напротив, необходимо развивать пространства коммеморации, но с условием их этического нормирования, и разработки таких цифровых проектов, где интерактивность подчинена исторической достоверности и уважению к памяти жертв. Таким образом, гармонизация мемориальной политики должна не замыкать память о Победе на прошлом, а связывать её с современными российскими традиционными духовно-нравственными ценностями — служением Отечеству, уважением к суверенитету, противостоянием неонацизму в его новых проявлениях, милосердию, справедливости и т.д. Цель современной виртуализованной коммеморации должна заключаться в формировании активного гражданина, осознающего себя частью исторического континуитета Родины и имеющего потребность в защите исторической правды и продолжении цивилизационных традиций, отстоянных в 1945 году. Успех в этой деятельности будет определять, останется ли память о Великой Победе живым основанием для цивилизационного единства или превратится в объект манипуляций и забвения.

Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

Романенчук Виктория Александровна
обучающийся магистратуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт стыда в культуре: сравнительный анализ

«Стыжусь — значит существую». В рамках современных этических исследований феномен стыда представляет ценность и научный интерес. Для того, чтобы проследить смысловое поле данного феномена, был произведен сопоставительный анализ слова «стыд» в контексте понимания его в русской и французской культурах.

Для начала следует обратиться к бытованию слова «стыд» в русской культуре. В словарной интерпретации за словом «стыд» зафиксировано следующее: осознание ситуации позора и бесчестия. Это «раскаянье и смиренье, внутренняя исповедь перед совестью», «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины». Акцент на социальном характере этого чувства не сделан. Он не исключен, но интересно, что основополагающим определением стыда является внутреннее раскаяние перед своей совестью.

В языке понятие стыд и совесть тесно связаны и семантически дополняют друг друга. Данный тезис могут подтвердить многочисленные пословицы, поговорки (Ни стыда, ни совести; Как не стыдно, как не совестно! В ком стыд, в том и совесть; Нет стыда, нет и совести) или суждения героев русской классики («Бедность заставляет вдвое больше совеститься и в стыд приходить» Ф.М. Достоевский «Бедные Люди»).

На протяжении нескольких веков русский язык испытывал постоянное и активное влияние иностранных языков. В частности, использование французского языка в речи среди дворянских кругов способствовало формированию особого понимания ряда психологических чувств, иному изложению своих переживаний другому. Следовательно, несомненный интерес представляет сопоставление восприятия «стыда» в русской культуре и французской в рамках билингвального сравнения.

Понимание слово стыд сходится в русском и французском языках в одном аспекте: социальная сторона, связанная с нарушениями кодексов чести, принятых в обществе. Это подтверждает этимология слова honte. Оно берет свои истоки в протогерманском языке и происходит от слова, обозначающее ничтожество, бедность, призрение. То есть стыд для француза — это прежде всего отступление от общественных норм, в следствии чего человек оказывается в ситуации нравственной бедноты и призрения.

Однако, современные коннотации слова стыд приобрели несколько другой оттенок. Например, французский исследователь Guy Samama пишет, что стыд — это метафизическое несогласие с самим собой, основанное на рассмотрении себя как другого. Это определение имеет явную параллель с русской совестью. Мы совершаем поступок, не всегда руководствуясь совестью. Рефлексия над поступком, совершенном без опоры на совесть (бессовестный поступок), и есть стыд. Значит стыд — это беседа с совестью (по определению русского языка) и несогласие субъекта, совершающего поступки, со своим «Я» (по определению французского языка). В поле французского этического дискурса стыд принимается, как «бездонная рефлексивность в душе». Стыд отделяет человека от самого себя и позволяет чувствовать интервал между эмпирическим и моральным порядком. Французский язык вкладывает в понятие стыда в том числе и понятие совести.

Сопоставительный анализ моральных рефлексий в двух культурах позволяет сделать вывод: в русской культуре закреплено понимание стыда, как раскаяния, «исповеди перед совестью», во французской — рациональное осмысление своего «Я», «беседа с совестью». Таким образом, чувства стыда и для русского человека, и для француза — это одно из тех переживаний, которое помогает посмотреть внутрь себя и вступить в диалог со своим «я».

Рувимова Наталья Валерьевна
старший преподаватель
ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет)

Этический аспект осмысления непрямой коммуникации С. Кьеркегором

В лингвистике непрямая коммуникация определяется следующим образом: «…содержательно осложнённая коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата». Проблема непрямой коммуникации приобретает новую актуальность в связи с широким распространением медиа и технологий социальной инженерии. Непрямая коммуникация также используется в преподавании и психотерапии в виде сократической беседы.

Тема непрямой коммуникации, а также её этический аспект, практически не встречается в философской литературе. Анализ представлений датского философа Сёрена Кьеркегора о непрямой коммуникации представляет интерес, поскольку у мыслителя мы можем найти наиболее развёрнутое обсуждение феномена. Ранее мы предложили классификацию этических проблем непрямой коммуникации.

1. Этика «отправителя»: мотивы и компетентность того, кто отправляет «сообщение».

2. Этика «получателя»: свобода и благо того, кто «сообщение» получает.

3. Этика непрямой коммуникации как метода: насколько ли оправдано использование непрямой коммуникации в принципе и каково её соотношение с манипуляцией.

При анализе представлений Кьеркегора о непрямой коммуникации будем опираться на две его работы: «Точка зрения на мою писательскую деятельность» и «Заключительное ненаучное послесловие к "Философским крохам"».

«Точка зрения». В сочинении Кьеркегор объясняет, с какими целями он использовал псевдонимов как своеобразных авторов, отличных от него самого. Псевдонимы были для него средством непрямой коммуникации с читателем, целью которой было развитие читателя-современника в качестве христианина. По мнению Кьеркегора, в его время забыли, что значит экзистенциально быть христианином, и христианами люди остаются лишь номинально. Донести сообщение о христианстве можно только при помощи непрямой коммуникации. Во-первых, прямое сообщение о том, что человек, считающий себя христианином, таковым не является, может вызвать у него гнев и тем самым только укрепить в ложных пред-

ставлениях. Во-вторых, сообщающего прямо подобные вещи могут обвинить в гордыни. Непрямую коммуникацию о христианстве Кьеркегор характеризует как «благочестивый обман». Он пишет: «Можно обмануть так, чтобы человек лишился правды, и — вспомним старика Сократа — можно обмануть так, чтобы человек правду обрёл». Для Кьеркегора как верующего человека, христианство было единственной истиной, и его сообщение посредством непрямой коммуникации — однозначно благим намерением, ведущим к спасению души ближнего. Внимание к личности «получателя» имеет значение для успеха донесения сообщения. Большее внимание мыслитель уделяет этике отправителя — он должен обладать должным смирением. Подлинный учитель должен сам быть учеником, а не властным ментором. Поэтому в «Точке зрения» Кьеркегор часто отмечает, что не имеет «авторитета» прямой проповеди о христианстве.

«Послесловие». Псевдонимная работа, созданная раньше «Точки зрения». В «Послесловии» непрямое сообщение рассматривается в экзистенциальном контексте — поскольку человек экзистирует, т.е. пребывает в становлении, сообщение этических и религиозных истин в прямом виде невозможно. По мысли Климакуса (псевдонимного автора «Послесловия»), прямое сообщение таких истин не способствует тому, что получатель усвоит их личностно, он только заучит формулировку. Непрямая коммуникация позволяет отправителю уберечь свободу получателя, не превратиться в ментора и не сделать из ученика послушного исполнителя чужой воли. Получатель и отправитель, учитель и ученик могут экзистенциально внутренне расти самостоятельно, оказывая при этом содействие друг другу. В «Послесловии» больше внимания уделяется также этике получателя, непрямая коммуникация мыслится как более этичная форма взаимодействия в этических и религиозных вопросах. В «Точке зрения» Кьеркегор пишет о незаметном введении в христианство, в то время как в «Послесловии» предполагается свободное развитие отправителя.

Руженцев Сергей Евгеньевич
доцент, д.ф.н., профессор кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н.Н. Бурденко Минздрава России

Моральные иллюзии и политические коллизии

Моральные обоснования возникают как необходимость придания значимости предпринимаемых действий субъектами политики или оправдания ими постфактум своих деяний. Политическая сфера на практике

основывается на подходах утилитарной этики. Отношения по поводу линии традиций или реформ приводят к выбору умеренного утилитаризма, основанного на уравнительном перераспределении и социальном иждивенчестве, и развитого утилитаризма, ориентированного на личные усилия по добыванию благ и производству (Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.2. Новосибирск, 1998. С. 521–522). Эта модальность поведения формирует моральные иллюзии и политические коллизии субъектов политических отношений. Ведь в условиях непрерывного проявления социальных противоречий в системе власти формируется восприятие окружающего мира в виде обладания возможными и реальными ресурсами, инструментами, благами.

Определение политических целей соотносится с моральными основаниями, так как затрагивает взгляды людей на будущее сообразно представлениям о благе, добре, справедливости. Расширение социальных противоречий усиливает моральные расхождения участников взаимодействия. Политический конфликт дополняется моральным фактором. Противостояние формирует внешние условия для нарушения субъектом договоренностей и обязательств, восприятия другой стороны в качестве зла. Следствием становится нарушение существующих моральных установок. Поэтому выходом из тупика противостояния может быть ориентация сторон на взвешенный «политический перфекционизм» (Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике // Этическая мысль. 2005. № 6. С.140–162).

Любые моральные обязательства перед своими сторонниками и оппонентами становятся иллюзорными. Поскольку политики обращены к достижению конкретных целей, проявляется асимметрия в функционировании власти как потенциальной возможности и как ответственного субъекта с рядом обязательств. Общество ожидает результат, слабо воспринимая процесс действий власти по выбору средств и их моральному соответствию. Поэтому возникают моральные иллюзии части социума, представление о релятивизме моральных норм и парадокс «грязных рук».

Организованные социальные интересы, которые представляют политические субъекты, опираются на активную и пассивную мораль. Ведь политика использует инструментально моральные принципы и стимулы. Например, в случае достижения моральной конформности воздействие группы давления на общество напрямую связано с вторжением частного в поле общественного. Чем это воздействие успешнее, тем очевиднее проявляется бессилие социальных институтов, отражающих иллюзорность автономии индивидов из-за сужения морального выбора при стремлении власти снять моральные ограничения (Bauman Z. Postmodern

Ethics. Blackwell Publishing, 2007. P. 45, 244). Группы интересов пытаются консолидировать граждан вокруг определенных внешних целей и ценностей, что отчуждает моральные установки от самого индивида. Складывается опасность стереотипного распространения своей негативной сущности на окружающих, трансформируя мораль на основаниях целесообразности. С другой стороны, власть обращена к идее долга с известной долей императивности. При этом между моралью и политикой оказывается скрыт огромный набор стереотипов (Ellul J. The Political Illusion. N.Y., 1967. P. 57, 91). В этом может скрываться подмена целей и средств, навязывание мифологической картины окружающего мира, манипулирование массовым сознанием.

Моральные нормы должны служить средством для ориентировки конкретных действий. Мораль как интерсубъективное проявление обращена на человека. Любые запреты подавляют установку на ценностное сравнение себя с другими. Персоналистская мораль отступает на задний план под действием принудительных образцов. В результате социальные установки обращаются к искаженной действительности, выступая одновременно причиной и следствием мифологичности восприятия моральных оценок и установок, затрудняя политические шаги. Мораль несет в себе идеал предпочтительности поступка. Однако интересы политики и интересы морали как нормативного долженствования порождают двойственность моральных ориентиров из-за сложного соотношения между собой общественных и личных целей.

Савинов Родион Валентинович
к.ф.н., доцент
АНО ВО «РХГА»

Способы участия в благе: этика Шелера и Н. Лосского

1. Этика М. Шелера и этика Н. Лосского являются значительными учениями 1 пол. XX в., в которых категория «ценности» оказывается онтологически фундирована понятием «блага».

2. Понятие «благо» у обоих мыслителей понимается не сугубо антропологически, но метафизически, это — сама реальность, но на более высоком порядке. При этом, выступает различие исходной трактовки «блага» у обоих мыслителей: для М. Шелера благо имеет смысл бытийного центра самой реальности, тогда как для Н. Лосского благо имеет смысл маркера различия между реальностью относительной и реальностью абсолютной.

3. Понятие «блага» выступает у М. Шелера как фундамент монистической в целом трактовки реальности, в которой многоуровневое суще-

ствование связывается или центральным свойством «блага» — любовью или развитой самостью.

4. Реализацией «блага» на всех уровнях существования выступают ценности, которые осуществляются как через органические функции, связывающие существа между собой, так и через духовные практики, связывающие между собой существа, наделённые (само)сознанием. Этот порядок имеет и восходящий, и нисходящий порядок, который основан на Абсолютном Благе.

5. Способ участия в «благе» для М. Шелера — это участие в любви, или предназначении человека, в его антропологическом смысле, т.е. обретение подлинного существования, которому соответствует место человека в мире. Этот смысл определяется априорно организованной системой ценностей, которая фиксирует соотв. связи и способы их понимания.

6. Для Н. Лосского понятие «блага» имеет двойной смысл: имеется амбивалентный смысл существования как добра, так и зла, поэтому связь блага и бытия радикально проблематизируется, с другой стороны, благо, рассмотренное не-амбивалентным образом, фиксирует абсолютность блага как «Самого Блага».

7. Ценности, в этой модели, распределены по всему содержанию бытия, фактически, до совпадения с миром как таковым. Поскольку человек имеет прямое отношение ко всему содержанию бытия, он участвует также и в этом царстве ценностей.

8. Участие в осуществлении ценностей выводит к границам космической реальности, за пределами которой обнаруживается «Само Благо» как исключительность божественного Бытия, участие в котором — это обожение.

Грант РНФ N 25-28-0841, «Макс Шелер в России: рецепции, интерпретации, перспективы аксиологии и философской антропологии личности».

Сагдеева Диляра Эдуардовна
обучающийся бакалавриата
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Пять стадий экзистенциального пути у С. Кьеркегора: от индивидуального одиночества постэтического эстетика к интерсубъективному диалогу

Традиционное деление жизненного пути у Сёрена Кьеркегора на три стадии (эстетическую, этическую, религиозную) требует некоторой детализации. Более продуктивным будет выделение пяти этапов. Ключевое

значение также имеет корректный перевод датского понятия stader не как «ступеней» (что имплицирует иерархическую «вертикальную» логику), а как «этапов» или «переходов». Это подчеркивает их характер как экзистенциальных промежутков, через которые личность движется нелинейно.

Стадии существования — не отвлеченные категории, а модусы бытия, требующие личностной вовлеченности. Их универсальность заключается в том, что каждый человек переживает фундаментальное экзистенциальное одиночество, связанное с трудностью коммуникации и осознанием собственной конечности перед лицом мира. Эта «тоска по общему знаменателю» является мощным мотиватором для поиска интерсубъективности — превращения индивидуального поиска смысла в коллективный диалог.

В современную эпоху парадокс усугубляется: гиперкоммуникация и избыток информации в цифровой среде не преодолевают, а лишь усиливают это одиночество. Социальные сети, создавая иллюзию связи, часто лишены подлинной глубины, обостряя переживание непонимания. Анализ стадий Кьеркегора предлагает инструмент для рефлексии и преодоления этого состояния.

Стадия 1: Обыватель — он может быть рассмотрен как некоторая исходная точка. Поскольку это человек, который еще не открыл то, что у него есть выбор и может никогда и не откроет. Он даже не осознает возможности выбора и живет в рамках бессознательно усвоенных социальных конвенций. На ней мы не будем останавливаться подробно, поскольку нас интересуют здесь именно этические стадии.

Стадия 2: Эстетик (гедонистический) — это индивидуум, стремящийся к наслаждению и избеганию скуки (архетип Дон Жуана). Жизнь понимается как произведение искусства, но это искусство поверхностно.

Стадия 3: Этик, который совершает сознательный выбор в пользу долга, ответственности и универсальных моральных принципов. Как отмечает И. Бродский, этическое видение мира следует за эстетическим, поскольку человек изначально «обременен» чувственным и рациональным началом, которые Кьеркегор также относит к сфере эстетического.

Ключевой тезис доклада — выделение четвертой стадии: «постэтический эстетик». Ее архетипом можно назвать Йоханнеса из «Дневника обольстителя» Кьекркегора. Это не просто гедонист, а личность, прошедшая через рефлексию этического выбора («Или — или»). Его «поэтическое» существование — не бегство от этики, а ее изощренное преодоление. Его цель — не физическое обладание, а сложная игра по «обучению» любви, что свидетельствует о качественном изменении после столкновения с этикой. Эта стадия характеризуется осознанной игрой на грани эстетического и этического.

Предложенная модель стадий (включая и пятую, религиозную стадию) представляет собой не строгую классификацию, а экзистенциальный инструмент. Философия Кьеркегора рассматривается как способ самопознания, позволяющий индивидууму очертить собственный путь, идентифицировать свои экзистенциальные противоречия и понять возможность движения к подлинному диалогу, преодолевающему одиночество.

Садыкова Елена Рафаиловна
генеральный директор
Ассоциация специалистов по управлению персоналом
«Этичное сотрудничество»

Добродетельный поступок в профессиональной этике

Для определения добродетельного поступка, поступка, который приближает к моральному идеалу, необходимо вспомнить философа, сформировавшего этику добродетели, Аристотеля.

Разделяя добродетели на нравственные: щедрость и благоразумие, и мыслительные: мудрость, сообразительность и рассудительность, Аристотель указывает, что и мыслительная добродетель возникает и развивается благодаря обучению и нуждается в долгом упражнении, а нравственная рождается привычкой. При этом «поступки, совершаемые сообразно добродетели» должны обладать следующими качествами: они сознательные, избраны преднамеренно и ради самого поступка, и они уверены и устойчивы. Действительно, ситуация, возникающая в профессиональной деятельности и требующая морального выбора, не подразумевает спонтанного действия. Без осознания в полной мере ситуации, без анализа и выбора соответствующего решения — человек не рефлексирует, не чувствует в профессии, он подобен винтику в большой машине, без личных мыслей и устремлений. Третье качество добродетельного поступка — уверенность и настойчивость предполагает наличие сильной мотивации к выбранному действию. Которая, на наш взгляд, соотносится с силой желания достичь истинно профессионального уровня в своей деятельности.

Рассмотрим реализацию концепции этического поведения специалиста по управлению персоналом в модели добродетельного поступка. Мы представили свой адаптированный вариант 4-х шагового подхода к принятию этического решения, разработанного американским моральным психологом Джеймсом Рестом, на примере этической дилеммы, решаемой специалистом по управлению персоналом (HR).

Наша концепция этического решения строится из следующих этапов:

1 этап: Моральная чуткость, во время которого необходимо построить полную картину ситуации. Ответить на вопросы: что чувствуют участ-

ники процесса? Как могла сложиться подобная ситуация? Что меня тревожит?

2 этап: Моральное суждение, когда мы оцениваем ситуацию и возможные варианты действий, основываясь на этических принципах, нормах и ценностях. На этом этапе HR размышляет про решение ситуации, как если бы он был тем истинным профессионалом — честным, справедливым, уважающим и толерантным к личным проявлениям характера.

3 этап: Моральная мотивация. На этом этапе необходимо ответить на вопросы: если я выберу это решение, это приблизит меня к тому человеку, которым я хочу стать? Этот выбор сделает меня лучше профессионально? Я буду себя уважать, если приму это решение? Будет ли это на пользу компании и сотрудникам? На этом этапе HR проверяет варианты решения со своей личной мотивации в желании развиваться и расти в истинного профессионала.

4 этап: Моральное действие, когда происходит поиск наилучшего варианты реализации решения. Необходимо ответить на вопросы: кто может помочь? Какие риски могут возникнуть? Как сделать так, чтобы предотвратить повторение проблемы? Подготовка конкретного списка действий на 4 этапе обеспечивает реальную возможность реализации этичного решения ситуации.

На наш взгляд, данный подход соответствует понятию добродетельного поступка. Специалист, проходя предложенные нами этапы размышления, сначала может выбрать то поведение, то действие, которое будет приближать его к образу истинного профессионала. Приобретенный опыт способствует обретению профессиональной мудрости, если вспомнить атрибуты этики добродетели — профессиональному фронезису. Что будет способствовать эвдемонии — полному принятию себя в профессии, к обретению счастья.

Сазонова Анна Сергеевна
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Черемисова Ирина Валерьяновна
д.психол.н., профессор,
профессор кафедры общей и педагогической психологии
Академия ФСИН России

Правосознание «поколения Z»: между правовой традицией и цифровой культурой

Формирование правосознания «поколения Z» — поколения, родившегося в начале 2000-х гг., развитие и социализация которого проходит в условиях глобального распространения цифровых технологий (2), является одной из ключевых задач педагогической психологии.

Молодые люди, выросшие в эпоху глобальных коммуникаций и цифровых технологий, усваивают правовые ценности, ориентируясь не столько на общепринятые формальные нормы, сколько на реализацию индивидуальных прав и социальную ответственность (3,4).

Современные исследования подтверждают, что студенческая молодёжь демонстрирует более высокий уровень когнитивного и мотивационного компонентов правосознания, чем население в целом, но при этом испытывает трудности с применением правовых навыков на практике (1, 3).

Также в научных исследованиях отмечается, что цифровая социализация включает вызовы, связанные с управлением информацией и ролью социальных сетей как источника ценностей и норм (3).

«Поколение Z» в текущих реалиях часто испытывает напряжение между традиционными ценностями — уважением к закону, коллективной солидарностью — и желанием участвовать в формировании норм, видеть легитимность через личную значимость и открытость институтов. Это видно как в исследованиях правосознания, так и в социологических опросах молодёжи об их ценностях и установках (3,5,6).

Кроме того, в своем исследовании А.Б. Кулакова подчеркивает, что представители данной когорты характеризуются: индивидуалистичностью, разобщенностью, самостоятельностью, открытостью к переменам, устремленностью в будущее, склонностью к риску, своевольностью и недоверием власти и авторитетам (2).

Так, цифровая среда становится важным социокультурным фактором формирования правосознания: она влияет на восприятие молодежью правды и несправедливости, на их эмоциональные реакции, на ощущение справедливости даже в виртуальной реальности. Необходимо подчеркнуть, что молодёжь склонна воспринимать правовые нормы не как директивные приказы, а через призму социального контекста и собственного опыта (3).

В таких условиях задача педагогической психологии: способствовать формированию у обучающийся молодежи глубокого понимания ценности права, способности к рефлексии и критическому мышлению при анализе правовых ситуаций. Наиболее подходящими в этих целях будут являться педагогические методы, ориентированные на диалог, обсуждение реальных ситуаций, анализ этических дилемм и интерактивные формы обучения.

Следовательно, формирование правосознания «поколения Z» требует стратегии, которая интегрирует традиционные правовые ценности и особенности цифровой культуры.

Таким образом, на сегодняшний день необходимо выявить психолого-педагогические условия для формирования личности обучающегося, не как пассивного носителя норм, а как активного субъекта, чувствующего свою роль и ответственность в правовом сообществе.

Салахов Аркадий Борисович
младший научный сотрудник, архивист
Санкт-Петербургского института истории РАН

Нравственное богословие и педагогика в трудах протоиерея Василия Рождественского

В общем массиве трудов протоирея Василия Рождественского — профессора богословия при Санкт-Петербургском Императорском университете — скрывается малая часть работ, посвященных вопросам педагогики, этики и христианского просвещения — крайне актуальным темам в период реформирования отечественного духовного образования во второй половине XIX века. Реформу 1858–1869 гг. следует рассматривать, как попытку внедрения в духовную школу немецкой университетской модели. Принятием нового Устава академий вводилась специализация по трем отделениям: богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому. Немаловажно и произошедшее объединение кафедр педагогики с кафедрами нравственного богословия. Изменения не преминули сказаться и на преподавании богословских дисциплин в светских университетах. Из двух точек зрения: «либо богословие должно служить преимущественно целям нравственно-воспитательным, либо богословие должно быть мировоззренческим ориентиром для научных исследований», — возобладала вторая, замечает А.О. Крылов. С другой стороны, именно нравственное богословие стало объектом нападок со стороны студентов, для многих из которых новыми нравственными ориентирами были, по словам А.О. Крылова, «в том числе радикалы и революционеры». В этой связи, Рождественский в своих речах выступает как христианский просветитель и апологет, провозглашая, что воспитание, светское образование и наука сами по себе не способны сделать мировоззрение целостным и без должного фундамента приводят к погибели. Во вступительной лекции, прочитанной в 1874 году в императорском Санкт-Петербургском университете, Рождественский говорил: «современная наука показала уму человеческому, в раскрытых ею в тайниках и видимой природы и духовной истории человечества, следы Премудрого Творца». Однако развитее умственной жизни наоборот спровоцировало анархию мысли, «которая особенно в области религиозных вопросов сказывается так часто <…> самым беспощадным отрицанием или неверием». Рождественский порицает возведение научных теорий в ранг абсолютной истины, отмечая, что «отношение наше к истине — не умственное только, а прежде всего нравственное, <…> нужна также и главным образом искренняя любовь к истине, желание познать ее». Следуя мысли профессора, материализм ведет к потери смысла жизни,

поэтому и необходим «тесный союз самой науки и веры, — союз, основанный на глубоком проникновении веры разумом науки, а науки — светом веры, <…> идущих хотя и различными путями, но к одной и той же цели — к утверждению в мире истины и добра со всеми плодами их, к развитию в человеке богоподобных совершенств его природы». В другой своей речи, произнесенной перед той же аудиторией в 1875 году, Рождественский рассуждает над проблемами воспитания. Здесь он говорит о том, что воспитание и образование, развивающие критическое мышление у юноши, тем не менее не дают ему фундамент в виде нравственного идеала, коим должен быть Христос: «дело просвещения, понимаемое в своем высшем и истинном значении, <…> нуждается в высшем, божественном содействии и руководстве..!». Без прививания нравственного идеала человек «часто еще на школьной скамье заражается уже ядом различных тлетворных учений», в последствии становясь опасным для общества. Поэтому институт Церкви и необходим, чтобы помочь, направить, привить тот самый нравственный идеал. Таким образом, Рождественский, особенно в период межреформенный (1869–1884 гг.), был одним из тех, кто отстаивал необходимость сохранения нравственного богословия в виде фундамента науки и христианского просвещения как необходимой составляющей образования и воспитания, даже в условиях специализации духовного образования и подстраивания богословских дисциплин в светских университетах под академическую науку. Впрочем, его воззрения далеко не оригинальны и соответствуют взглядам других представителей СПбДА на нравственную проблематику образования и педагогику в тот период.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда грант № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX — нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от "мейнстрима" к "маргинальности"».

Самохина Екатерина Геннадьевна
к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета
НИУ ВШЭ

Моральная философия в основании самой главной юридической школы США

В данном докладе речь пойдет о начале формирования юридической школы Гарварда и о том, как моральные принципы были изначально присущи ее духу и по сей день оказывают на нее влияние.

Ключевую роль в становлении Гарвардской юридической школы сыграл судья Верховного суда США Джозеф Стори (1779–1845), приглашённый в 1829 году на кафедру Dane Professor of Law. Институт декана возник позднее; первым деканом школы обычно считают Кристофера Колумба Лэнгделла (1826–1906). Дж. Стори формулировал широкое видение миссии школы, выходящее за рамки узкой профессиональной подготовки: он настаивал на научном изучении права, сравнительном горизонте и воспитании не только практиков, но и общественных лидеров. Тем самым юридическое образование задумывалось им не как ремесленное обучение, а как пространство интеллектуальной свободы и общественно ориентированных идеалов. Дж. Стори, автор фундаментальных правовых трактатов, был одним из наиболее просвещённых умов своего времени и впитал дух Эпохи Разума. Как юрист и преподаватель, он рассматривал право как систему норм, восходящих к основным принципам естественной справедливости.

Исследователи отмечают, что Дж. Стори стал одним из величайших и самых влиятельных американских правоведов всех времён, чья работа в качестве профессора Гарвардской школы права сохраняет исключительную значимость до сих пор. Под руководством Дж. Стори обучение праву строилось на систематическом, почти научном подходе: изучении правовых принципов через прецеденты и исторически сложившуюся судебную практику. Такой подход стал решительным шагом прочь от схоластических догм к аналитическому осмыслению права — своего рода зарождение пространства свободной мысли даже в консервативной правовой среде.

Тем не менее, молодой юридический факультет вскоре столкнулся с серьёзными морально-политическими вызовами, проверяя на прочность заявленные идеалы. В 1840-1850-х годах, накануне Гражданской войны, Гарвардская юридическая школа превратилась в арену острых идеологических противоречий. Центральным был вопрос о рабстве — глубоко моральная и политическая проблема, расколовшая американское общество.

Дж. Стори, будучи противником рабства в личных убеждениях и трактуя его как «муниципальное» исключение, в своих комментариях к Конституции подчёркивал, что «собственность на человека» не признаётся общим правом и вне юрисдикции соответствующих законов силы не имеет. Однако как судья он исходил из конституционной обязанности по розыску беглых: в деле Prigg v. Pennsylvania (1842) Дж. Стори подтвердил приоритет федерального Акта 1793 года и недействительность препятствующих ему «законов о личной свободе» штатов, одновременно указав, что штаты не обязаны задействовать собственных чиновников для

исполнения федерального порядка. В том же мнении Дж. Стори формулирует ключевую для его позиции оговорку: «состояние рабства — лишь муниципальная регуляция, ограниченная территорией соответствующих законов».

Тем самым он сместил бремя исполнения к федеральным органам, оставив северным юрисдикциям возможность институционального дистанцирования. Уже после смерти Дж. Стори новая редакция режима — Акт 1850 года — усилила федеральное принуждение; именно в этом контексте Бостон пережил «дело Энтони Бернса» (1854), ставшее точкой раскола и важной для нашей истории «сценой» столкновения формального права и нравственного протеста; решение вынес федеральный комиссар (и преподаватель Гарвардской школы права) Эдвард Грили Лоринг.

Этот опыт закалки в спорах впоследствии способствовал развитию в Гарварде культуры критического и рефлексивного мышления среди юристов, укрепляя традицию свободного академического диспута по важнейшим общественным вопросам.

НУГ «Государство, церковь и право»

Самохина Екатерина Геннадьевна
к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета
НИУ ВШЭ

Тихонова Софья Владимировна
д.ф.н., д.ю.н., профессор кафедры истории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия

Морально-правовая дилемма "дела спелеологов" Л. Фуллера

Фуллер предлагает вниманию своих читателей судебное решение Верховного суда Ньюгарта, рассмотревшего «петицию об ошибке», поданную лицами, приговоренными к повешению по обвинению в убийстве Судом общих дел округа Стаувилд. Верховный суд состоит из пяти судей (главный судья Трупенни, судья Фостер, судья Таттинг, судья Кин, судья Хэнди), в решении мы видим разницу их позиций и систем аргументов. Содержанием дела является убийство спелеолога-исследователя Роджера Уэтмора его коллегами. Пятеро спелеологов без запасов продовольствия отправились для изысканий в труднодоступную пещеру, после чего вход в нее завалило обвалом. Спасательная операция не увенчалась быстрым успехом, поскольку связанные с ней мероприятия привели к новым обвалам, погубившим десять спасателей, созыву дополнительного контингента рабочих и техники, их переброски в отдаленный район. Эти сложности исчерпали бюджет, потребовались сборы денег по подпискам и гранту, операция затягивалась. Спелеологи выходили на

радиосвязь на двадцатый день после обвала, в ходе сеанса Роджер Уэтмор выяснил у врачей, что сырое мясо взрослого человека позволит четверым спелеологам продержаться примерно десять дней, на этом аккумуляторы приемника разрядились. Спасательные работы удалось завершить только на тридцать второй день. Изможденная четверка спелеологов сообщила, что Уэтмор долго убеждал их, предлагая жеребьевку, чтобы «справедливо» определить жертву, однако прямо перед ней объявил о своем выходе из соглашения. Остальные бросили жребий за него, результат был не в его пользу. В итоге на двадцать третий день после обвала Уэтмор был убит и съеден своими коллегами, которых после лечения предали суду. Суд присяжных признал их виновными в убийстве, формулировка уголовного закона Ньюгарта не предполагает возможностей смягчения приговора. Члены жюри после вынесения приговора сами обратились к главе исполнительной власти с прошением о смягчении приговора до шести месяцев тюремного заключения, судья поступил так же, но глава исполнительной власти пока не принимал решения о помиловании.

Далее в решении представлены позиции пяти членов Верховного суда. Один из них откажется от решения, позиции оставшихся разделятся, в итоге будет утвержден исходный приговор Суда общих дел. Фуллер прямо нигде ни в самом тексте «Спелеологов», ни позднее в своих работах не обозначал своего протагониста, и ни одну из позиций судей не объявлял правильной. Текст решения сформулирован с минимумом профессиональной юридической лексики, он не предполагает у читателя наличия профессионального образования и написан так, чтобы любой усредненный представитель жюри присяжных мог его понять. Перенос событий дела в далекое будущее, сопоставимый с античным миром, обеспечивает ему восприятие, подобное тому, с которым современник Фуллера встречает примеры Цицерона. Для Фуллера это важно потому, что вдохновившим его на «Дело спелеологов» кейсом была античная проблема двух тонущих моряков, которые цепляющихся за одну плавающую доску, способную выдержать вес только одного из них. В итоге «Дело спелеологов» становится экспериментом, в который может вступить любой желающий.

Конечно, спелеологический эксперимент задуман как пробный камень для конфликтующих доктрин, которыми выступают основные подходы к пониманию права, сложившиеся в США к середине XX века. Тем не менее, одновременно он позволяет прочувствовать драматизм природы правового решения и мучительность его процесса.

Неоднозначность позиций судей до сих пор оставляет эксперимент открытым и позволяет по-разному его интерпретировать. Например, А. Д'Амато стремится решить «Дело спелеологов», примеряя на себя

роль дворкинианского судьи Геркулеса, который способен в любом деле найти правильное решение, и такое решение только одно. Он идет гораздо дальше всех судей Фуллера, и заявляет, что спелеологи виновны в убийстве. Он зачищает трагический регистр восприятия судьбы спелеологов в пещере, проводя аналогию между ними, и четырьмя пациентами, нуждающимися в пересадке органов и убивающим ради нее потенциального донора. В итоге своего анализа Д'Амато приходит к выводу о том, что в любом деле возможно смягчение наказания, поэтому он пишет, что «настоятельно рекомендовал приговорить подсудимых к трем-четырем годам принудительного содержания в больнице или подобном учреждении, где они, возможно, смогут спасти жизни людей, нуждающихся в помощи. Я считаю, что таким образом будет обеспечено полное правосудие». Через тринадцать лет В.Н. Эскридж предложил свой анализ дела, отметив среди пяти ньюгартских судей ставленника Фуллера. В 1998 г. П. Сабер опубликовал девять новых мнений по «Делу спелеологов», в 1999 г. журнал «Harvard Law Review» опубликовал результаты симпозиума, в ходе которого были представлены шесть новых мнений по делу от судей и ученых и организована имитация судебного разбирательства. До сих пор интерпретации этого дела не исчерпаны и продолжают появляться. Кейс, предложенный Фуллером, не только прочно вошел в американскую правовую доктрину, но и стал основой известной философской проблемы вагонетки, калибровавшейся потом в проблемах толстого человека, толстого злодея, ответвления, человека на лужайке.

«Дело спелеологов» смогло «прорасти» в плоскость этики именно потому, что Фуллер заложил в свой мысленный эксперимент моральный конфликт, благодаря которому экспериментатор вынужден дойти до логического конца эксперимента из-за тревожащей его окончательности несправедливого решения.

Убедительность мысленного эксперимента Фуллера строится на самостоятельности выводов, получаемых экспериментаторов. С одной стороны, он использует юридическую технику, чтобы с помощью вполне правдоподобной юридической формы продемонстрировать мысленному взору читателя вымышленный суд в несуществующем городе будущего как настоящий. В результате работы этого суда четверо исстрадавшихся людей, занимавшихся общественно-полезным делом и попавших в природную катастрофу, чудом спасенных, были повешены. Несправедливость такого поворота событий погружает читателя в проблемы доктринального толкования права, заставляя сухие спекулятивные теории покинуть башню из слоновой кости. В результате проблемы правопонимания обретают полнокровную общезначимость, одинокого внятную и философу права, и теоретику, и юристу-практику, и обывателю.

Севастьянова Алина Дмитриевна
к.ф.н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО СПбГУВМ

Переосмысление этических критериев в постапокалиптической литературе и межвидовая этика в романе Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?»

В фантастическом романе Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?» (1968) предвосхищаются ключевые идеи этики животных, которые позже были разработаны П. Сингером и Т. Риганом в конце 1970-х — начале 1980-х годов в период роста общественного интереса к вопросам защиты животных.

Действие романа разворачивается в постапокалиптическом мире, где радикально изменилось отношение к животным. В новом мире настоящие животные и их электрические имитации становятся символами социального статуса и уровня эмпатии. Общество, утратившее эмпатию и применившее ядерное оружие против себя и животных, стремится к этическому пересмотру своих взглядов на другие виды. Жестокое обращение с животными в новом обществе рассматривается как безнравственное и аморальное.

В романе представлен прототип религии будущего под названием мерсеризм. Он представляет собой синтез христианского мифа о страданиях Христа, несущего крест на Голгофу, и греческого мифа о Сизифе. Через коллективный религиозный опыт Мерсер заставляет своих последователей задуматься об общем страдании всех видов. Ф. Дик обращается к страданию как к основе этической субъективности. Эмпатия, обеспечиваемая мерсеризмом, позволяет разделять страдания других существ и признавать их равными этическими субъектами. Питер Сингер аналогично аргументирует необходимость вегетарианства, поскольку осознанная забота о животных несовместима с употреблением их в пищу.

П. Сингер в первой главе книги «Освобождение животных» приводит несколько научно-фантастических аргументов, напоминающих исследования Филипа Дика в романе «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?». Сингер утверждает субъективность нечеловеческих животных и рассматривает возможность существования искусственных людей. Размышляя о том, могут ли животные, внешне похожие на людей, обладать схожей биологией и эмоциями, он приводит мысленный эксперимент: возможно, один из наших близких друзей — искусственный робот, управляемый блестящим учёным, демонстрирующий все признаки боли, но на самом деле не чувствующий её больше, чем любая машина. Этот эксперимент показывает, что мы не можем быть уверены в наличии сознания,

и что внешний вид не должен служить основанием для морального отношения. Важна способность испытывать страдания, которая расширяет этическую субъективность на нечеловеческих животных.

Роман «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?» переосмысляет критерии этического рассмотрения, смещая акцент на существование внутренней сущности, независимо от уровня интеллекта или способности к эмпатии. Заключительная позиция главного героя романа, Декарда, ближе к философии прав животных современника Сингера — Тома Ригана, который утверждает, что все животные обладают неотъемлемыми правами как «субъекты жизни, способные испытывать благополучие или страдание независимо от их пользы для других». В отличие от утилитарного подхода Сингера, Риган подчеркивает правовой статус животных как моральных субъектов.

Таким образом, роман «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?» демонстрирует более масштабное культурно-этическое влияние по сравнению с философскими концепциями Питера Сингера и Тома Ригана. В частности, в тексте романа пропаганда вегетарианства выражена в более радикальной форме: если для Сингера и Ригана вегетарианство представляет собой проявление гуманизма, то у Декарда оно выступает как фундаментальный критерий человеческой сущности. Анализ романа Филипа Дика свидетельствует о его значительном вкладе в развитие межвидовой эмпатии и этики заботы, что способствует существенной трансформации нравственного восприятия животных в современном обществе.

Селезнева Антонина Владимировна
д.п.н., доцент кафедры социологии и психологии политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

Традиционные ценности как смысловые доминанты цивилизационного развития России: понятие и политико-психологические особенности

Ценности, исторически присущие тому или иному обществу, называются традиционными. Определение их сущности в современной науке происходит со смысловой опорой на понятия «традиции» и «традиционализм», которые обозначают связь настоящего и будущего с прошлым. Они обеспечивают стабильность и поддержание самобытного и уникального культурного наследия. Они выступают социально-объединяющей основой для общества, обеспечения его сохранение и преемственности во времени.

Традиционные ценности возникают на определенном этапе исторического развития страны и сохраняют свою сущность на протяжении всего последующего пути ее развития. При этом, они не становятся закостеневшими и не устаревают, а наоборот постоянно обновляются: в рамках этого процесс одновременно происходит традиционализация инноваций (интеграция инноваций в традиционную систему) и модернизаций традиций (обновление и осовременивание традиций).

Для понимания ценностей как смыслового фундамента цивилизационного развития страны важны их следующие особенности. Ценности абсолютны и неконвенциональны, они обозначаются абстрактными понятиями с определенным смысловым наполнением.

Ценности ненаблюдаемы. Они проявляются в поведении и деятельности людей, а в социокультурном пространстве репрезентируются (выражаются) в образно-символических формах (архитектурных объектах, памятниках, эмблемах, исторических и литературных героях и пр.).

Ценности иерархически упорядочены. Ценности всегда организованы в систему, определяющую приоритетность тех или иных идей для личности, общества и государства.

Ценности социальны. Они существуют в рамках социальных общностей, сохраняются в культурной памяти и передаются в процессе социализации подрастающих поколений. Ценности определяют сходства и различия (и на их основе конфликты) между цивилизационными образованиями и социальными общностями.

В результате многовекового исторического и духовно-политического развития народов России были выработаны базисные российские традиционные ценности. На протяжении многовековой отечественной истории они в сущности своей оставались неизменны, но, безусловно, эволюционировали: в разные эпохи в соответствии с общественно-политическими и социально-экономическими условиями они дополнялись новым содержанием, изменяли формы своего выражения. Например, традиционные для нашего народа ориентации на объединение, включенность в социальные отношения и совместные способы решения жизненных проблем в разные периоды обозначались ценностными понятиями «общинность», «соборность», «коллективизм», «солидарность» и пр. А традиционное для российского мировоззрения понимание справедливости как правды и истины на волне развития общественной мысли в XVIII–XIX вв. дополнилось социально-экономическими и политико-юридическими интерпретациями.

В разные исторические периоды в том или ином соотношении традиционные ценности были представлены в идеологических концепциях («Святая Русь», «Православие. Самодержавие. Народность», советская государственная идеология) и определяли мировоззренческие векторы

российской государственности. Смысловое наполнение и цивилизационная специфика традиционных базисных ценностей были предметом дискуссий, которые вели историки, философы, писатели, политические деятели. Наиболее значимыми для российской государственности традиционными ценностями являются справедливость, свобода, патриотизм, солидарность.

Ключевое место в комплексе аксиологических доминант российской цивилизации занимает государство. История социально-политической мысли России показывает, что в понятии «государство» воплотился духовно-политический аксиологический комплекс понятий «Русская земля», «Российское государство», «Российское царство». Его значение в истории нашей страны заключается в том, что оно не просто было инструментом управления и нациестроительства, а выполняло роль «скрепы общества» и носителя «вдохновляющих духовных смыслов». Это определяет патерналистские ориентации людей — их ожидания заботы, защиты, поддержки от государства и власти в лице их представителей.

Селиверстова Нина Андреевна
к.ф.н., доцент
СПбГТИ(ТУ)

Нравственная компонента в профессиональном образовании: история и современность

Преподавательская деятельность — передача новому поколению знаний и умений, ценностей и идеалов — относится к числу древнейших и уважаемых в культуре любого народа. Независимо от эпохи в ней отчетливо выявляются две тенденции, определяющие назначение образовательной деятельности: «утилитарная» и «общекультурная», нравственная.

В античности эти два вектора образования существовали, как правило, параллельно, независимо друг от друга. Практические навыки ремесла передавались непосредственно от мастера к ученику, а приобщение отдельных личностей к высоким ценностям философии и «свободным искусствам» (то есть к риторике, логике, этике и т.) носило элитарный характер, имея целью не овладение определенной профессией, а развитие духовного, нравственного потенциала ученика.

В эпоху средневековья эти две тенденции, «утилитарная» и «общекультурная», объединились в феномене университетского образования. Средневековые университеты, отвечая на запросы своего времени, осуществляли как узкопрофессиональную подготовку специалистов,

выпуская из своих стен правоведов, медиков, теологов, философов, так и выполняли воспитательно-нравственную функцию.

Со временем университеты прочно закрепили за собой статус интеграционных центров науки, образования и культуры. Но уже во второй половине XX века в высшем образовании начал доминировать утилитарный подход: меркантильное и прозаическое стремление учить тому, что может принести непосредственную выгоду, практическую и материальную пользу. Президент Чикагского университета Роберт Хатчинс в статье «Атомная бомба и образование» в своё время выступил с резкой критикой тенденции сведения функций вузов только к научно-профессиональной подготовке специалистов. Он отмечал, что цивилизации древности были уничтожены «варварами извне», а мы выращиваем «своих собственных «варваров». Они могут быть прекрасными специалистами, но, по сути, все они — варвары, потому что некультурны, и им нельзя доверить судьбы цивилизации, овладевшей атомной энергией.

Не составляет труда заметить, что проходившая в последние годы под знаком «реформы» эволюция системы высшего профессионального образования в нашей стране фактически подталкивала вузы на путь подготовки «образованных варваров». При этом на второй план отходила великая «культурогенная», нравственная миссия высшей школы — воспитание у каждого студента суммы определенных убеждений и нравственных принципов, которыми он мог бы успешно руководствоваться в своей жизни, не теряя ни самоуважения, ни веры в безусловные ценности культуры.

К сожалению, утилитарно-меркантильный подход к образованию по-прежнему доминирует в технических вузах, где в учебных планах присутствует акцентирование на научно-профессиональной составляющей в ущерб общекультурному, нравственному элементу. Сокращаются часы по философии, исчезают спецкурсы по этике, культурологии, религиоведению, то есть, по тем предметам, которые непосредственно участвуют в нравственном воспитании личности будущего ученого и инженера.

В итоге многие выпускники современных технических вузов, будучи хорошими профессионалами, остаются «образованными варварами», не способными ориентироваться в социокультурном хаосе современности. А стоит ли говорить о том, насколько эти «образованные варвары» опасны для судеб нынешней высокотехногенной цивилизации?

Девальвация общекультурной, нравственной компоненты в высшем техническом образовании — опасная тенденция, в противостоянии которой сегодня заключается важнейшая задача высшей школы.

Семенов Владислав Валерьевич
свободный исследователь

«Безнравственный» труд: отношение к ремеслу в римском обществе

Проблематика т.н. нравственного прогресса выводит нас к вопросу о стереотипах нравственного сознания тех или иных исторических периодов, претерпевших с ходом времени радикальные изменения. Отношение к простому ремесленному труду, в последние века часто рассматривавшемуся как образец «честного труда», было совершено иным в античном, римском обществе. Вследствие архаического земледельческого сознания сформировалось, в первую очередь, негативное отношение к наемному труду, однако ремесленный труд также оценивался негативно — как «грязный», неподобающий достойному человеку и т.п. Ремесленники проводят жизнь свою, занимаясь грязным делом; в мастерской не может возникнуть благородного, — такими суждениями полна античная литература. Особенно это было характерно для аристократической среды, где, собственно, и формировались понятия о морали, влиявшие на нравственную философию эпохи. Римская элита за редким исключением негативно относилась к ремеслу. Изучая трудовую этику античного общества, мы постоянно сталкиваемся с отношением римских авторов как к чему-то безнравственному к занятиям, профессиям и самим представителям этих профессий, связанных с ремеслом и тем, что мы назвали бы работой в сфере услуг. Напротив, достойными занятиями выступают охота, земледелие и военное дело (Цицерон, Катон Старший).

Тексты римских авторов, таких как Цицерон, Ювенал, Плутарх и пр., имеют также ту особенность, что их авторы во главу угла ставили вопросы морали и нравственной оценки. Так, Цицерон высказывался о распространении мореплавания и профессий, с ним связанных, как о свидетельстве упадка нравов («Об обязанностях»).

В то же самое время, и это — крайне важное обстоятельство, однозначно воспринимать такие свидетельства нельзя, и, тем более, строить на их основе историю развития нравственности. Большой методологической проблемой является наличие ценностных стереотипов, доставшихся нам от историков XVIII–XIX веков, которые доверяли без надлежащей критики античным авторам. В пылу политической борьбы — критикуя абсолютизм или католическую церковь — историография указанного периода переносила современные им реалии на античность, составляя для себя и для нас искаженную картину истории римского государства, включая описание быта и системы общественных отношений. Поэтому нередко ускользают из внимания исследователей известные факты, напри-

мер, что римские аристократы не брезговали вкладывать средства в ремесленное производство, как это делал упомянутый Марк Порций Катон Старший. При формировании нашего представления о ценностях и моральных принципах римского общества мы должны учитывать данный аспект.

Сергиевская Галина Евгеньевна
доцент, к.ф.н., старший преподаватель
Военная академия материально-технического обеспечения

К добру и злу постыдно равнодушны?

Проблема нравственности, моральных установок и принципов, к сожалению, на сегодняшний день стоит более чем остро. И дело, на наш взгляд, не только в социальном прогрессе или радикально изменившейся ситуации в стране и в мире. На наш взгляд дело еще в том, что за достаточно непродолжительное время мы дважды уничтожили мораль. До, как теперь принято изъясняться, Октябрьского переворота, как известно, преобладала христианская мораль с ее основными десятью заповедями. Большевики, сломав старый мир, объявив религию «опиумом для народа», а, следовательно, отказавшись и от действующей на тот момент морали, предложили свой «моральный кодекс строителя коммунизма». Справедливости ради надо сказать, что он не сильно отличался от прежней морали, т.к. провозглашал, собственно говоря, все те же общечеловеческие ценности. Разве что утверждал еще, что строитель коммунизма ну просто-таки обязан строить коммунизм. Очередная революция, или переворот, (назовите уж как угодно) вбросил на помойку истории и эту мораль. Однако на этот раз ничего своего предложено не было. Зато широким фронтом развернулись средства массовой информации. Причем, если в советские времена все СМИ были максимально идеологизированы и подвергались жесточайшей цензуре, то теперь они все резко «пожелтели» и вместо того, чтобы заниматься воспитанием населения, стали работать на потребу публики, удовлетворяя ее самые низменные запросы. К тому же развивающийся капитализм забрал у подрастающего поколения их родителей, вынужденных все свое время посвящать добыванию денег, а отнюдь не воспитанию. А как известно, нравственность — сугубо социальный продукт, и процесс социализации начинается в семье. Таким образом сегодня фактически на всех уровнях констатируется резкое падение морали и нравственности. Поскольку от наличия/отсутствия личностных качеств зависит не только благополучие конкретного человека, но и всего общества в целом, дан-

ной проблеме, попыткам выхода из этого гуманитарного кризиса сегодня посвящается большое количество публикаций, выступлений, предлагаются различные инициативы.

Особую остроту проблемы нравственного воспитания приобретают если мы говорим о Вооруженных Силах. Здесь как нигде важное значение приобретают такие качества как чувство долга, товарищество, коллективизм, ответственность, солидарность, взаимопомощь и т.д., и т.п. От зрелости нравственной культуры военнослужащего в конечном итоге зависит не только качество выполнения поставленных задач, но, возможно, и сама жизнь.

Нравственная культура военнослужащего проявляется в способности гармонично сочетать личные и общественные интересы, сознательно и добровольно реализовать требования моральных норм. Свое воплощение она получает в верности военной присяге, боевому знамени части, следовании традициям войскового товарищества, добросовестном выполнении служебных и военно-профессиональных обязанностей, приумножении морально-боевых качеств российского воинства, в готовности по совести и долгу преодолевать все трудности военной службы.

Серянова Вера Алексеевна
обучающийся специалитета факультета ветеринарной медицины
ФГБОУ ВО СПбГУВМ

Сравнение отношения к животным в стоицизме и буддизме

В эпоху экологического кризиса, научных дискуссий о правах животных вопрос этического отношения к живым существам становится как никогда актуальным. Две философские традиции — стоицизм и буддизм — предлагают разные подходы к проблеме.

Стоицизм рассматривает животных через призму природной иерархии, где человек, обладающий разумом, занимает высшую ступень. Согласно стоикам, животные являются частью природного порядка. Однако, по фрагментам, собранным Иоганнесом фон Арнимом (перевод Столярова, 1999), их предназначение, по словам Хрисиппа и Цицерона — служение человеку, созданного как основа всего по велению естественного закона. Буддизм же, с его учением о всеобщей взаимосвязи и карме, видит в животных не просто «низших существ», а чувствующих созданий, чьи страдания равноценны человеческим. В Дигха-агаме, переведенной Чарльзом Паттоном, сутте 30 уточняется, что «…у них есть шесть органов чувств». Тогда, согласно буддизму, животные тоже могут быть носителями сознания и чувств. Книга Аттхака Нипата (перевод Тюлина, 2013),

сутта 12 запрещает лишать жизни даже ради самосохранения: «Мы никогда намеренно не убиваем живое существо». Все существа равны в цикле перерождений. Но именно человек особен возможностью порождать новую карму и достичь нирваны.

В стоицизме разум — главное отличие человека. Сенека утверждал, что благо может выпасть на долю только разумных существ: богов и людей. Филон Александрийский также подчёркивал, что дар разума позволяет человеку постигать мир целостно, в отличие от животных, которые пользуются лишь той достоверностью, которая доступна восприятию каждого вида животных. (Арним, Фрагменты ранних стоиков. Хрисипп из Сол. 2002.)

В буддизме перерождение в нижних мирах, в том числе в мире животных — результат негативной кармы. Рождение в человеческом обличии уникально и ценно, так как следуя мысли из «Балапандита-сутты: Глупцы и мудрецы»: «…быстрее эта слепая черепаха сумела бы просунуть свою голову в это ярмо с единственным отверстием, чем дурак, который однажды отправился в погибель (нижних миров), смог бы вновь обрести человеческое состояние», потому что там нет практики Дхаммы и, значит, нет совершения благих поступков.

Стоицизм допускает умеренное использование животных для нужд человека, но с уважением к природе, без жестокости и излишеств. Марк Аврелий в книге «Размышления», переведённой Гавриловым (1993), в обращении к природе призывает к смирению и благодарности: «Природе, дающей все и все забирающей, человек воспитанный и скромный говорит: дай, что хочешь; бери что хочешь. И говорит это не дерзко, а уважительно всего лишь и преданно».

В отличие от стоиков, буддизм делает акцент на ненасилии (ахимсе) как на фундаментальном принципе. Па-Аук Тоя Саядо в книге «Действие каммы» (перевод Мироновой, 2020) пишет, что заповедь «Воздерживаться от лишения жизни» распространяется на всех чувствующих существ.

Актуальность вопроса этического отношения к животным растёт с развитием промышленного животноводства и научных экспериментов с участием животных. Далай-лама XIV, комментируя практики вроде вивисекции, подчёркивает, что с буддийской точки зрения они выглядят чудовищно, и выражает надежду, что технологический прогресс уменьшит страдания животных.

Сравнение стоицизма и буддизма в их отношении к животным выявляет много отличий в базисе этих течений: взгляд на иерархию в мире и отношение к возможности насилия, но обе традиции сходятся в осуждении жестокости и призыву к осмысленному управлению природными ресурсами, что делает их актуальными в наши дни.

Сиваев Павел Алексеевич
обучающийся аспирантуры
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Моральная проблема неравенства в эпоху прорывных технологий

Социальная структура нашего общества пережила глобальную трансформацию за последнее столетие. Начавшаяся гонка за мировое господство в XX в. обусловила появление новых технологий, а за этим и социальное неравенство. Применявшееся уже с начала XX века понятие «воротнички», говоря о категориях рабочих, свидетельствует об индустриализации стран запада, а вскоре и СССР, подразумевая собой процессы роста промышленного производства и технологических инноваций.

Во второй половине XX века мир начинает переход к постиндустриальной эпохе, обусловленной появлением «высоких технологий», а также увеличением значимости информации. Небывалую революцию претерпевает социальная структура общества — появляются новые нормы, социальные классы, а в профессиональной сфере рождаются междисциплинарные отрасли, требующие навыков, отвечающих современности. Распространение персональных компьютеров, сотовых телефонов и появление всемирной путины «интернет» ставят человека перед выбором — соответствовать времени и адаптировать свое мышление под новшества, либо же быть на дне социальной структуры. Быстрое развитие технологий определяют тот социальный разрыв, что есть сейчас во многих странах. Успешность человека теперь измеряется, как минимум, несколькими критериями:

- иметь развитые soft и hard skills, соответствующие профессиональной сфере деятельности;
- иметь цифровой профиль (например, страницу VK), в котором будет представлено портфолио, публикации в сети интернет, а также большое количество последователей.

Говоря о справедливости распределения благ среди тех, у кого есть цифровой профиль, и у кого его нет, мы встречаемся с вопросом социальной несправедливости. В данном контексте становится популярным моральный нигилизм Н. Макиавелли — ради построения передового цифрового общества приходится пренебрегать теми или иными догматами, что порождает переориентацию традиционных ценностей.

Сегодня уровень технологических разработок настолько высок, что, смеем предположить, вскоре наш мир перейдет в новую эпоху постчеловечества, где произойдет слияние человека и машины. Практически каждый человек уже знаком с интерфейсами генеративных моделей ис-

кусственного интеллекта, причиной этому является незаменимое упрощение жизни. Однако, сегодня мы встречаемся с более новыми разработками — уже сейчас идет плотная работа компании Neuralink над созданием специальных чипов, позволяющих не только управлять компьютером силой мысли, но и читать мысли человека, лишенного способности говорить из-за болезни. В дополнение к этому, идет реализация проекта по вынашиванию плода ребенка в чреве робота. Параллельно этому процессу, глава Российской академии наук Геннадий Красников заявляет, что в конце 2030-х годов помимо эмпатичных человекоподобных роботов, появятся киборги — человек будет способен расширять свои когнитивные и физические способности при помощи нейроимплантов.

На фоне сложившихся обстоятельств, учитывая уроки прошлого, неравенство в этическом контексте проявляется в следующих аспектах: неравноценный доступ к прорывным технологиям, несправедливое распределение ресурсов и возможностей, цифровой расизм, усиление социального и экономического расслоения, угроза автономии личности, риск новой формы сегрегации, формирование критерия биологической стратификации.

Таким образом, усиливающееся социальное неравенство, начавшееся еще в XX в., сохраняет свою тенденцию, только уже в геометрической прогрессии. Сегодня мы встречаемся с необходимостью детальной проработки моральных категорий (справедливость, равенство, свобода выбора, неприкосновенность частной жизни, безопасность и ответственность и др.) относительно темы прорывных технологий и создании моральных кодексов будущего. Новая эпоха требует пересмотра множества отношений и вопросов взаимодействия во избежание нарастания социальной конфронтации.

Сидорочкин Михаил Алексеевич
обучающийся аспирантуры кафедры философии
Историко-социологического института
МГУ им. Н.П. Огарёва

Биополитический механизм конструирования образа Я

Одна из ключевых либеральных идей — это идея индивидуализации всего: от взаимоотношений в обществе до организации экономической жизни государства. Поэтому либеральные модели власти опираются на такие системы знаков, которые позволяют конструировать Я определённым образом, конструировать границы моральной нормативности, работающие на воспроизводство власти. Особый исследовательский интерес представляет неолиберальная модель, в которой используются

биополитические управленческие технологии. Особенность биополитики заключается в том, что здесь большое внимание уделяется имитации свободы выбора в сфере конструирования и презентации Я.

В контексте либерально-капиталистической биополитики, формирование идентичности человека и конструирование Я происходит преимущественно посредством потребления, а позже и трансляции, визуальных образов и поведенческих паттернов, где знак становится важнее обозначаемого. Индивиды не столько стремятся интеллектуально осмыслить и отрефлексировать те или иные идеи, на основе которых и будет строиться их Я, сколько подменяют этот процесс потреблением символов принадлежности к той или иной группе, разделяющей определённые представления о должном и сущем, о границах нормативности морали и иерархии моральных ценностей. В результате происходит подмена подлинных смыслов на те, которые необходимы биовласти, декларирующей заботу о телесном и психическом здоровье населения, смягчение дисциплинарных способов управления, обеспечение моральной автономии личности.

При этом биовласть работает с человеком как с ресурсом, поэтому публичный дискурс по поводу морального и аморального, допустимого и недопустимого, а также по поводу ценностей, которые должны разделяться большинством, не остаётся бесконтрольным. Биовласть активно прибегает к этическим категориям (долг, совесть, ценности, ответственность, справедливость и др.), чтобы завуалировать основную цель: побудить индивидов действовать так, чтобы приносить пользу биовласти. Биополитика как особая управленческая техника направлена на обеспечение производства не только продуктов потребления, но и потребителя, тоже являющегося продуктом. Чтобы поддерживать расширенное производство потребителей, биовласть использует биологическую жизнь граждан и создает иллюзию свободного выбора стратегии развития собственной личности.

Потребитель, сам являющийся продуктом, уверенный в том, что самостоятельно выбирает способ публичной репрезентации собственного Я, это полезный ресурс, поэтому у него мало шансов выбраться из биополитического плена без специальных навыков. К таким навыкам можно отнести, в первую очередь, критическое мышление и способность к моральному риску, связанному с выбором нетрендовых, немейнстримных способов конструирования и репрезентации Я. Если какой-либо политический субъект или социальная группа будут предлагать и отстаивать системы ценностей, альтернативные биополитическим, но при этом использовать аналогичные методы, проблема превалирования знака над означаемым сохранится, как и иллюзия свободы морального выбора. Биополитика, как и иные технологии управления, противоречива и

неоднозначна. Однако можно предположить, что в этой неоднозначности и кроется пространство свободы репрезентации, выбора варианта поведения в ситуации конфликта ценностей, стратегии развития собственной личности.

Силуянова Ирина Васильевна
д.ф.н., профессор
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
Минздрава России (Пироговский Университет)

Проблема статуса биоэтического знания

Биоэтика формируется в условиях роста научно-исследовательских достижений в медицине во второй половине XX века. В настоящее время возникают попытки трактовать биоэтику как форму «новой этики», или как некий междисциплинарный проект. Понятие междисциплинарный проект получило широкое распространение в технических науках при решении ситуационных потребностей различных производств. Основными потребностями быстро развивающегося биомедицинского знания становятся задачи морально-этического оправдания внедрения и применения новых биомедицинских методик, решение которых обусловлено обострением в 21 веке проблемы о границах допустимых форм манипулирования человеческой жизнью. Острота этой проблемы связана с распространением идеологии «прав человека» в медицине, включая права пациента на согласие на медицинское вмешательство, права на изменение пола и комфортную смерть, права исследователей на экспериментальную работу с эмбрионами человека.

Реализация обещаний на создание новых эффективных способов лечения широкого спектра наследственных, тяжелых и редких заболеваний требует «этических сдвигов» в оправдании использования эмбрионов человека как эмпирического материала биомедицинских исследований. В этом проблемном поле и возникает вариант использования биоэтики как проектной формы обоснования допустимости таких исследований с надеждой на их возможную эффективность. Рассмотрение биоэтики в таком статусе может стать средством геноевгенизации общественного и индивидуального сознания, т.е. такого изменения, которое будет допускать легализацию преодоления нормы «не убий» для достижения целей научного прогресса и утверждение зависимости достоинства человека от его генетических характеристик. Возможность использования естественно-научных методов для возможного создания здоровых и совершенных человеческих организмов с заданными свойствами, отрицание фундаментального закона морали о недопустимости достижения цели действия любыми средствами, связаны с выходом

за пределы традиционных духовно-нравственных ценностей, сохранение и укрепление которых становится основой российской государственной политики.

В философии и методологии науки вряд ли может быть оспорено, что изучаемое явление не может быть правильно познано вне контекста его возникновения и развития. Проблемы ценности жизни, ее спасения, борьбы с угрозами здоровью человека, значение долга и ответственности всегда определяли предназначение медицинской практики и сущность медицинской этики. Рассмотрение истории и логики ее развития выявляет, что биоэтика непосредственно связана с традиционной медицинской этикой и является ее современной формой. Несмотря на содержательное различие исторических этапов своего существования биомедицинская этика является логически целостной системой знания. В основе этой целостности лежат традиционные моральные ценности и принципы, обязательства и обязанности, которые выверены опытом и эффективностью их применения при оказании помощи больному человеку, формируя индивидуальное и социальное доверие ко врачу, медицине и системе здравоохранения страны.

Этические принципы медицинской этики — это «прикладывание» (от латинского applicatio), т.е. аппликация классического этического знания к практическим проблемам медицины. Биомедицинская этика и ее современная форма биоэтика, представляют собой классический пример прикладной этики.

Развитие новых биомедицинских технологий ставит общество в ситуацию нравственного выбора статуса биоэтики. Понимание биоэтики, как современной формы исторически традиционного профессионального этического знания о допустимых формах манипулирования человеческой жизнью будет безусловно способствовать решению проблем признания новых биомедицинских технологий и социального доверия к ним.

Симонова Ирина Александровна
к.ф.н., доцент кафедры социальной философии,
директор департамента философии
Уральский федеральный университет

Ценности в организации: трудности определения и самоопределения

Мы исходим из положения, что этическое лидерство, которое принято рассматривать как стиль руководства, основанный на моральных принципах, честности и порядочности, при котором руководитель ставит этичные решения в приоритет своей повседневной деятельности и по-

дает пример своим подчиненным, обнаруживает перед таким лидером задачу, связанную с подбором конкретных ценностей и механизмов их «приземления» в разрезе уникальной организационной культуры. Доклад посвящен проблеме формирования ценностного основания для реализации этического лидерства в организациях, имеющих сложные структуры и многолетние традиции. В центре разговора оказываются подходы к анализу ценностного ландшафта в организациях, обладающих богатым историческим наследием, однако, не имеющих опыта исследования собственного ценностного содержания, а, значит, не располагающих и набором артикулированных ценностей, от которого можно было бы оттолкнуться. При этом акцент в докладе делается на необходимости такого анализа как основы, на которой может быть эффективно выстроено этическое лидерство. Акцент сделан на сложностях подбора методологии, а также релевантных инструментов такого анализа. Также отдельно внимание уделено вопросам трансфера результатов посредством конкретных технологий, позволяющих транслировать лидерскую позицию в сфере этики. В основе теоретического обобщения по данным вопросам лежит масштабный кейс философского факультета Уральского федерального университета. Анализ ценностных оснований проводился в 2024–2025 году в период подготовки к юбилею подразделения (60 лет), исследование затронуло студентов, преподавателей и выпускников, были проведены интервью, проанализированы документы, видеоархивы факультета. В ходе выступления планируется представить процесс сбора и анализа данных о доминирующих ценностях данной структуры, обзор технологий трансляции желательных ценностей, основных сложностей, связанных с ценностной работой в таких коллективах. На основании разбора кейса, а также в рамках теоретического осмысления собранного материала показаны типовые для таких структур ценностные особенности. Особое внимание уделено стандартным для такого рода структур барьерам, которые возникают как на этапе сбора материалов, при анализе и отборе наиболее подходящих ценностей, которые способны усиливать организацию, а также барьерам организации механизмов трансляции позитивных ценностей в контексте организационный среды. Отдельный интерес представляет ситуация включенной позиции исследователя: такое положение обнаруживает как ряд ловушек, так и перечень преимуществ такого положения.

Синютин Михаил Владимирович
доцент, д.с.н., профессор факультета социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Становление современной российской спортивной этики и советское прошлое

Спортивная этика как отдельная сфера этики в своём развитии и изменении сопряжена с процессами воспроизводства комплексной социальной реальности. Колоссальные перемены в общественной жизни, произошедшие в контексте катастрофы советского общества и социалистической парадигмы развития, коснулись всех общественных сфер и сформировали новые условия нравственной жизни в России. В течение трёх десятилетий воспроизводство социальной реальности всё более отдалялось от формата советской поры, выдвигая перед людьми новые моральные задачи и инструменты. Ценности социализма, коллективизма, социального прогресса, централизованного единства советского народа исчезли с повестки повседневной российской действительности. Ценности, которые образовывали ориентир морального воспитания нескольких поколений спортсменов, перестали быть востребованными с приходом времени индивидуализма, выгоды, хищничества, потребительства. Чтобы реализовать свои жизненные интересы россияне пережили появление новых императивов в качестве нравственных, таких, которые уже были распространены в капиталистическом мире. Новые нравственные установки, ещё не успев стряхнуть с себя прежние ценности, наполняли мир нравственных отношений, включая спортивную этику. Все моральные соображения потеснило утилитарное соображение о максимальной выгоде, непременно в денежной форме. Если советский спортсмен либо не имел такой мотив на первом плане, либо стремился не афишировать и скрывать подобный социально осуждаемый приоритет, то в новой социальной реальности подобный мотив не только приобрёл публичное одобрение, но и стал предметом гордости и показного достоинства. Общественная польза и значимость спорта сохранились лишь в искажённой форме денежного фетишизма, измеряемого доходностью спортивного бизнеса. Новое моральное сознание ничуть не шокирует то обстоятельство, например, что генеральным спонсором российского чемпионата выступает беттинговая компания, формирующая свой доход именно на ставках в этом чемпионате. С другой стороны, рост денежных вложений в спортивный бизнес привёл к обострению конкуренции при условии возведения антимонопольных барьеров, что случается не всегда. Спортсмены стали яснее осознавать связь своих монетарных интересов с необходимостью поддержания высокой

планки атлетических возможностей, достигающих порой запредельного уровня. Поэтому всё менее в моральной жизни российского спорта стало оставаться таких лакун, которые позволяли, например, в советскую эпоху, ориентироваться на браваду путём нарушения спортивного режима, например, в виде употребления алкоголя. Другой стороной, роста денежных интересов и высоких заработков стало снижение иерархичности отношений с тренерами, или лучше сказать, перевод её в формат коммерческих соображений. Другим поворотным моментом в изменении морального климата российского спорта стало политически санкционированное отлучение от международных соревнований. В одночасье возникшие новые элементы социальной реальности спорта поставили ряд неожиданных дилемм, спровоцировав появление новых этических соображений и новых институциональных рамок российского спорта. Парадоксальным образом, такие изменения напомнили о важности ряда ключевых моральных параметров спорта советской эпохи и поставили вопрос об их оживлении либо в прежней, либо в изменённой форме.

Скипин Николай Сергеевич
научный сотрудник
ИНИОН РАН; ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Методологические ограничения векторно-осевого подхода к цивилизационному многообразию

В статье А.В. Полосина и Д.А. Аникина «О векторно-осевом подходе к цивилизационному многообразию» (2024) предлагается инновационная модель для сравнительного анализа цивилизаций, основанная на трехмерной системе координат с шестью векторами (энтропия/расширение — негэнтропия/концентрация; связность — расщепленность; логичность — эмоциональность). Авторы позиционируют свой подход как методологическое обновление цивилизационного анализа, учитывающее культурные различия на наднациональном уровне и преодолевающее ограничения существующих моделей (Инглхарт, Хофстеде, Шварц). Однако, несмотря на амбициозность замысла, векторно-осевой подход обнаруживает ряд серьезных методологических замечаний.

Во-первых, выбор ключевых параметров (системность, социальность, антропность) подвержен недостаточной теоретической обоснованности и произвольности. Авторы вводят эти категории как основу для ана-

лиза (с. 184), но не объясняют, почему именно эти параметры предпочтительны перед другими.

Бинарные пары векторов заимствованы из физики (энтропия/негэнтропия) и психологии (логичность/эмоциональность), но без убедительного обоснования их релевантности для гуманитарных наук. Это напоминает эссенциалистские подходы, критикуемые авторами, где религия отождествляется с цивилизацией. В результате модель выглядит как «ad hoc» конструкция, лишенная систематического обоснования: почему не четыре или пять осей? Такая произвольность снижает эвристический потенциал, превращая подход в метафору, а не в инструмент (с. 176).

Во-вторых, модель лишена четкой операционализации и индикаторов измерения, что делает ее невоспроизводимой. Авторы упоминают «градиент» (сильный/слабый) для оценки доминирования векторов (с. 185), но не предлагают конкретных шкал, опросников или метрик. Как, например, количественно измерить «связность» в евро-атлантической цивилизации или «эмоциональность» в российской? Упоминание «цифровых систем анализа текстов» (с. 187) остается декларативным, без примера расчета или алгоритма. В отличие от эмпирически верифицируемых моделей Хофстеде (шесть измерений с данными по 100+ странам) или WVS (семь волн исследований, с. 180), здесь нет механизмов для объективной оценки. Это приводит к субъективизму: разные исследователи могут разместить одну цивилизацию в разных октантах (A–H, с. 185), что подрывает надежность модели как инструмента сравнительного анализа.

В-третьих, векторно-осевой подход статичен, несмотря на заявленную динамику. Авторы подчеркивают эволюцию цивилизаций, ссылаясь на Данилевского и «множественные модерности» Эйзенштадта (с. 179), но их трехмерная сетка с фиксированными октантами (с. 185–186) представляет цивилизации как статичные точки в пространстве, а не как траектории. Модель игнорирует исторические переходы: как, например, колониальное «расширение» европейских цивилизаций переходит в постколониальную «концентрацию»? Отсутствие учета временного измерения противоречит утверждению о «динамике социальной системы» (с. 184), делая подход редукционистским.

В-четвертых, модель содержит внутреннее противоречие между универсализмом и релятивизмом. С одной стороны, авторы стремятся к «универсальным параметрам» для сравнения (с. 173), предлагая единую систему координат. С другой — цивилизационный подход по сути релятивистский, подчеркивающий уникальность каждой культуры (с. 176–177). Бинарные оппозиции навязывают евроцентричный взгляд (логичность vs. эмоциональность эхом отдает кантовским рационализмом), игнорируя неевропейские онтологии, такие как циклическое время в индийской

цивилизации (с. 178). Критикуя Хантингтона за «примитивно-прямолинейное» отождествление (с. 178), авторы сами впадают в эссенциализм, представляя цивилизации как фиксированные ареалы. Это противоречит их тезису о «культурном многообразии» (с. 179), делая модель универсалистской по форме, но не по сути.

Наконец, подход подвержен недостатку эмпирической апробации и сравнительного анализа. Единственная ссылка на верификацию — исследование Полосина и др. 2007–2009 гг. по политическим кризисам в регионах РФ (с. 186–187), но оно применено к субнациональному уровню, а не к цивилизациям. Нет кейсов: как модель работает для «тюркской» vs. «китайской» цивилизации (с. 178)? Авторы критикуют предшественников за фокус на нациях (с. 182), но не демонстрируют превосходства своей модели данными.

В заключение, векторно-осевой подход несмотря на интересную визуализацию, не преодолевает методологических ограничений цивилизационного анализа других авторов, а в некоторых аспектах им уступает.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Смирнов Пётр Александрович
к.п.н., доцент кафедры международных отношений
факультета международных отношений и политических исследований
СЗИУ РАНХиГС

Этический парадокс политики памяти постсоциалистической Хорватии: как примирить Ясеновац с Блайбургом?

В ходе распада социалистической Югославии новообразованные демократические политии столкнулись с необходимостью формулировать иной, отличный от коммунистического, нарратив во внутренней и внешней политике, а трактовка событий прошлого подверглась масштабной ревизии. Также этот процесс осложнялся затяжными боевыми действиями, ход которых позволял формулировать новую идеологию постъюгославских государств с опорой на исторические обиды и стереотипы. Наиболее показательными примерами новой, постсоциалистической, политики памяти являются мемориальные практики в Хорватии и Союзной Республике Югославии (позднее — Сербии).

Пример Хорватии в данном контексте видится более любопытным в силу очевидной неоднозначности предложенной в начале 1990-х гг. президентом Ф. Туджманом идеи национального примирения — которая состояла в дискурсивной коррекции образа усташей как жертв коммунистического режима и хорватских патриотов. Стойкий антикоммунистический нарратив, проводимый администрацией Туджмана и подпитывающийся событиями войны 1991–1995 гг., где хорватским вооруженным силам поначалу противостояла (формально) коммунистическая югославская армия (ЮНА), позволил возникнуть этическому парадоксу — если коммунизм является антинациональной и преступной идеологией, то следует ли считать всех противников коммунизма жертвами и национальными героями, даже если их борьба была связана с национал-социалистическими идеями?

Хорватское правительство, как ключевой мнемонический актор в государстве, давало на этот вопрос однозначный ответ, поощряя неоусташеские движения и вводя коммеморативные практики, посвященные событиям Второй Мировой войны — в частности, так называемой Блайбургской капитуляции 15 мая 1945 г., когда вооруженные силы НГХ (Независимое государство Хорватия, союзник гитлеровской Германии) сдались в плен югославской коммунистической армии и в скором времени были казнены во внесудебном порядке. Блайбургский миф стал неотъемлемой частью политики памяти Хорватии и после правления Туджмана, время от времени провоцируя скандалы — в частности, в 2020 г., когда в Сараево была проведена панихида по жертвам Блайбурга, вызвавшая протест как Сербии, так и боснийского руководства.

Попытка героизации усташей неизбежно приводит к ревизии событий, связанных с существованием концлагеря Ясеновац, куда по решению усташеского правительства направлялись пленные сербы, цыгане и евреи. Деятельность палачей Ясеноваца, к счастью, сама по себе не подверглась пересмотру и исторической амнезии, изменения в трактовке коснулись количества жертв, число которых хорватская сторона занижает, в то время как сербская — завышает. Более того, хорватская администрация долгое время, формулируя усташеский нарратив, отказывалась признать события, имевшие место в концлагере Ясеновац, геноцидом, что и делает этический парадокс неразрешенным.

Изменения в оценке деятельности НГХ произошли в декабре 2024 г., когда хорватская сторона во время заседания Альянса памяти о Холокосте подтвердила невозможность отрицания геноцида, проводившегося усташами. Данный, пусть и непрямой, ответ оставляет возможность дальнейшего пересмотра «усташеского» периода хорватской истории,

но на сегодняшний день попытки разрешить заданный этический парадокс нельзя назвать успешными.

Память о коммунизме и сотрудничестве с национал-социализмом в Хорватии существует как гомогенная мнемоническая единица посредством учрежденных государством практик — например, Дня памяти жертв тоталитарных режимов, где одинаковому осуждению подвергаются как усташи, так и югославские коммунисты. Способствует ли это национальному примирению — вопрос открытый.

Смирнова Марина Геннадьевна
доцент, д.ю.н., профессор кафедры гражданского процессуального права
СЗФ РГУП им. В.М. Лебедева

Институционализация традиционных ценностей как стремление к прогрессу

9 ноября 2022 г. Указом Президента РФ № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Данный документ имеет базовое значение для регламентации незакрытого перечня традиционных ценностей, таких как жизнь, крепкая семья, преемственность поколений, патриотизм и т.д. Кроме того, традиционные ценности находят свое отражение в ряде документов, которые определяют вектор правового развития законодательства этого направления и носят базовый характер: Основы государственной культурной политики; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Концепция государственной семейной политики; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации и т.д.

Защите российских национальных ценностей посвящен Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В нем прописаны пути решения задач российского государства по защите ценностей, такие как защита и поддержка русского языка, в том числе пресечение распространения через средства массовой информации нецензурной лексики; проведение воспитательной работы среди населения, направленной на укрепление духовно-нравственных и патриотических начал; защита исторической правды и противодействие фальсификации истории; обеспечение преемственности поколений россиян и укрепление начал семьи.

Стоит констатировать, что в российской науке нет единства мнений относительно необходимости регламентации традиционных ценностей,

а следовательно, и целесообразности создания обеспечительных мер для их претворения в жизнь. Авторы данной позиции полагают, что ценности не подпадают под действие права, так как находятся под влиянием исключительно иных социальных регуляторов, таких как мораль, нравственность, религия и т.д. Однако считаем, что в силу создания соответствующей геополитической обстановки в мире, создающей угрозу духовно-нравственным ценностям, негативного влияния информационного ресурса и научно-технического прогресса в целом назрела необходимость создания механизма обеспечения традиционных ценностей. Конечной целью данного механизма является создание комплекса мер как правового, так и неправового характера, гарантирующих охрану и защиту ценностей, а также создание эффективных условий их реализации в жизнь. Создание механизма обеспечения ценностей позволит выполнить задачи нашего государства по сохранению и укреплению ценностей как в России, так и в мире в целом.

Снетков Иван Геннадьевич
к.ф.н., преподаватель Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ

Метаэтические основания выравнивания искусственного интеллекта: методологические подходы и их ограничения

В докладе рассматривается проблема выравнивания (alignment problem) — необходимость интеграции моральных ценностей в архитектуру систем ИИ для минимизации экзистенциальных рисков. Рассматриваются концептуальные решения проблемы выравнивания, такие как утилитарные принципы С. Рассела и концепция «когерентной расширенной воли» Э. Юдковского. Вводится понятие «метапроблемы выравнивания». В ходе анализа концептуального различия между «сильным» и «слабым» ИИ, докладчик приходит к выводу, что для них требуются разные подходы к решению проблемы выравнивания. Докладчик анализирует существующие методологические подходы к решению этой проблемы, включая подход «от принципов к практике» и «практикоориентированный» подход, подчеркивает их ограничения, такие как трудности с операционализацией моральных принципов и учет индивидуальных моральных предпочтений, и рассматривает перспективность «гибридных» подходов. Рассмотрение метаэтических оснований может решить одну из ключевых проблем гибридных подходов, связанных с неясностью критериев «качественности» данных. Предлагается использование концептуальных мо-

делей морали, выработанных в рамках метаэтики — нон-натурализма (интуиционизма) и морального натурализма — как основы для разработки новых гибридных стратегий выравнивания. Нон-натуралистический подход опирается на моральные интуиции, исследуемые через экспериментальную философию, тогда как натуралистический подход использует нейробиологические данные для выявления моральных «фактов». Преимущество нон-натурализма в том, что в его рамках оказывается возможным соотнести индивидуальные и коллективные моральные интуиции посредством преодоления ценностных разрывов между человеком и ИИ. Натурализм же позволяет вывести моральные принципы из наблюдаемых фактов о природе человека, делая системы ИИ более прозрачными и предсказуемыми. Метаэтические основания влияют на проектирование ИИ, а их эксплицитный учет позволяет не только разработать эффективные методологии выравнивания, но и эмпирически оценить перспективность метаэтического подхода в решении проблемы выравнивания. Доклад вносит вклад в дискуссию о метаэтических основаниях выравнивания ИИ. Предлагаются направления для будущих исследований, указываются возможные пути согласования проектируемых систем ИИ с моральными ценностями.

Соболева Ксения Павловна
старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
Томский государственный университет

Два пути становления самосознания личности в рамках информационной культуры

Исследуя проблему формирования человеческого самосознания, мыслители приходят к выводу о существовании двух моделях реализации своего внутреннего потенциала. Представители первой точки зрения, стремятся показать личности все прекрасные стороны человеческого существования, значимость общественного долга и значимость морали как основе счастливого будущего. Человек несчастен только по причине, что отделяется от социума и забывает о разуме, который предстает в качестве единственного источника истины. Страдания не несут в себе духовной значимости для человека. Отстраненность и равнодушие являются залогом внутреннего спокойствия и умиротворения. Каждый человек должен стремиться приносить пользу человечеству, в этом и состоит его моральный долг. Мораль выступает в качестве источника проявления индивидуального интереса, в этом и состоит суть пассивного повиновения во благо обществу. Моральный выбор в дан-

ной концепции определяется как выбор в пользу другого, способствующий процветанию общества. Все продукты деятельности человека в сфере культуры показывают объективацию явления духа. Духовный человек нацелен на реализацию нравственного и практического интереса.

Вторая модель связана с глубоким и болезненным осознанием человеком своей сущности. Личность должна полностью отказаться от альтруизма в пользу своих интересов и на основе переживаемого опыта стать свободнее. Страдание признается одной из сторон бытия. Через испытание человек делает усилие над собой, проявляя подъем и напряжение над своей самостью, стремясь к ответам. Душевная мука, боль, страдание создают высокий душевный подъем, питают ее творческую энергию. Вслед за страданием человек познает сущность добродетели, таким образом, рождается сострадание, способность человека прошедшего испытания, принимать боль другого. Воля и стремление к развитию помогает высвободить творческую энергию для формирования дарящей добродетели. В данном процессе личность наполняется духовным содержанием. Именно напряжение помогает человеку идти вперед и развиваться. Данный выбор стоит перед самим человеком, реализуя возможность освобождения, происходит осмысление своей идентичности и отказ от иллюзий. Все события обретают глубокий внутренний смысл, человек ведет диалог со своим «Я», стремясь услышать и понять свои истинные мотивы и потребности. Личность перенаправляет свой взгляд с внешнего бытия во внутренний мир, опираясь на этику, обретая свободу творения. Свобода в данном контексте представляет собой возможность создать альтернативу выбора.

Все, что создано в процессе творческого порыва, освобождения творческого гения, элементы культуры транслируют человеку содержание нравственного и духовного опыта, подталкивая к совершенствованию и поиску новых смыслов. Желание быть помогает человеку двигаться вперед, изучать свою сущность и развиваться.

Каждая личность в своем становлении выбирает одну из моделей реализации своего потенциала, формирования и развития своего «Я», через включенность в социум или внутреннее самоконструирование. В первой модели все знания, которые человек получает от социума, он использует для формирования и становления своего самосознания. С другой стороны, только через внутреннее беспокойное, болезненное пробуждение своего истинного «Я» личность, обретая внутри своей сущности свободу, способен творить вовне, реализовывать себя на практике.

Ставцева Ольга Ивановна
к.ф.н., доцент кафедры философии
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Моральный и религиозный дискурсы в экзистенциальной философии С. Кьеркегора

Произведения датского философа XIX в. С. Кьеркегора характеризуются особым стилем, в котором сочетаются религиозный, философский, моральный дискурсы. Многим теологическим понятиям Кьеркегор дает моральную и психологическую интерпретацию. В свои произведения он включает библейских персонажей, частично переписывая, перетолковывая библейские нарративы для того, чтобы привлечь внимание читателя, уже знакомого с этими историями в силу принадлежности к христианской культуре.

В произведении «Страх и трепет» Кьеркегор описывает ветхозаветную историю Авраама и Исаака, рассказывая в диалектическом стиле, разбивая на картины, формулируя проблемы: Существует ли телеологическое устранение этического? Существует ли абсолютный долг перед Богом? Было ли этически ответственным со стороны Авраама скрывать свой замысел от Сарры, Елизара и Исаака? На все эти вопросы датский философ отвечает утвердительно, выводя из этих заключений основные позиции, описывающие его понимание веры как абсурда и соотношения этической и религиозной позиции (стадии) развития личности.

В произведении «Понятие страха» Кьеркегор в жанре научного трактата описывает историю грехопадения, подробно анализируя догматическую проблему первородного греха. Изначально теологическое понятие «грех» трактуется им в психологическом плане как страх и в этическом плане как возможность свободы. Таким способом теологическое понятие «грех» переводится в сферу экзистенциального опыта человека, может быть описано как психологическое переживание и осмыслено как этический феномен.

В произведении «Болезнь к смерти» исследованию со стороны Кьеркегора подлежит тоже понятие грех, описываемый им в психологической плоскости как разные виды отчаяния. Грех, т.е. отчаяние, метафорически названное библейской фразой «болезнь к смерти» определяется Кьеркегором как противоположность вере.

Такое оригинальное пересечение религиозного и морального дискурсов, выраженное в яркой форме в произведениях С. Кьеркегора, позволило описать негативные состояния человека, в теологическом постижении понимаемые как грех, в психологических терминах, тем самым включить их в экзистенциальный план рассмотрения человека, сделать предметом пристального внимания и переосмысления со стороны самого действующего человека, что является шагом к личностной трансформации. В философии Гегеля, на которую во многих аспектах опира-

ется Кьеркегор, такие негативные состояния описываются с помощью термина «отчуждение», что будет развито в последующей марксистской традиции XIX–XX вв. в социально-политическом аспекте. Учитывая широкую литературную и философскую рецепцию произведений Кьеркегора в XX в. можно сделать вывод о наличии теологического содержания во многих экзистенциалистских (и не только) концепциях, авторы которых были вдохновлены творчеством Кьеркегора.

Сташевски Марк Зенонович
обучающийся бакалавриата
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Моральные дилеммы и аргумент от компаньонов вины

Моральные дилеммы, так или иначе, представляют из себя затруднительные ситуации для моральных агентов. Данные затруднения зачастую связывают с тем, что используемые моральные принципы являются несогласованными, то есть множество существующих принципов могут противоречить друг другу и делать следование моральным принципам непоследовательным. Допустим мы имеем обязательство, которое требует от нас x и y, в то время как y может быть предписанием, которое требует воздерживаться от x. Соблюдение принципов x и y одновременно, будет противоречием, что и вызывает моральный конфликт. Одним из путей разрешения проблемы моральных дилемм является демонстрация того, что они лишь кажутся дилеммами, хотя в действительности разрешимы при соблюдении определенных условий. Так, имея совокупность принципов, которые не зависят от конкретных агентов и образов действия, мы можем составить полный набор правил и предписаний. Подобная система позволит определять обстоятельства, при которых необходимо последовательное следование определенным принципам. К примеру, моральная дилемма, где человек вынужден исполнять роль палача: с одной стороны он может иметь моральный принцип уважения к чужой жизни, а с другой — всегда исполнять возложенные обязательства. Следовательно, ему одновременно необходимо выполнить обязательство, но его исполнение противоречит другому моральному принципу:

(1) Моральный принцип требует соблюдения x и y одновременно.

(2) Соблюдение x противоречит выполнению y.

(3) Система, содержащая набор правил и оговорок позволяет выбрать y, а не x.

(4) Требование соблюдать x в данном случае может быть аннулировано.

(5) Таким образом моральные дилеммы не реальны.

Данное рассуждение представлено в достаточно грубой форме и сама вероятность того, что возможна система, где присутствуют полные наборы правил, которые в каждом возможном случае предписывали бы единое основание для предпочтения одного действия и отказа от другого, кажется маловероятной. В его защиту можно высказать, что такие предписания не представляют из себя конкретный перечень конечных вариантов, а скорее наоборот следуют из поверхностной неопределенности моральных терминов. Т.е. моральные принципы одни и те же, однако то, что понимается под тем или иным моральным термином отличается. Вывод ставит под сомнение то, что моральные разногласия неразрешимы, следовательно критикует аргумент от разногласия, который представлен в моральной теории ошибки и контраргумент, который мы можем представить в данном случае, как ни странно, выводим из «компаньонов по вине». Аннулирование обязательство x означает, что будет ошибочным чувствовать вину или ответственность за то, что мы не поступили в соответствии с данным моральным обязательством, однако это не так. Более формально данный аргумент можно представить так:

(1) Если моральные дилеммы не реальны, то мы не должны испытывать вины за выбор в них.

(2) Мы испытываем ответственность или вину за наши решения в моральных дилеммах.

(3) Следовательно, моральные дилеммы являются реальными.

Таким образом, мы не устраняем моральные разногласия, которые являются частью аргументации моральной теории ошибки и так или иначе возникают у нас в ходе жизни.

Степанов Андрей Юрьевич
начальник кафедры
Военная академия материально-технического обеспечения

Этические аспекты патерналистских традиций в русской воинской культуре

Существование в воинском коллективе, переживание тягот воинской службы, готовность пожертвовать собственной жизнью и традиции воинского братства во все века составляли основу могущества любой армии. А вопросы формирования мужского коллектива, его сплочённости и слаженности — были одной из главнейших задач командиров во все века человеческой истории. Становление армии тесно было связано с патерналистскими тенденциями общественного развития, а командир принимал на себя функции «Отца» большой армейской семьи, являясь для своих подчинённых идеалом мужества, образцом для подражания

и основным источником власти, построенной на принципах жёсткой иерархии и подчинения. Отеческие, патерналистские тенденции отношения командиров к своим подчинённым имеют глубокоукоренённую традицию и в русском воинстве, что выражается как на обыденном уровне (солдатские пословицы и поговорки о командирах: «пчелы без матки — не рой, солдаты без командира — не войско», «полк — мой родной дом, а командир — отец», «солдату отец — командир, а мать — служба»), так и на общекультурном уровне (проявляясь в литературных сюжетах, например, таких как лермонтовское «Бородино»: «Полковник наш рождён был хватом: слуга царю, отец солдатам», в песенной традиции, например, композиция группы «Любэ» — «Комбат», трудах по осмыслению военного дела — «Науке побеждать» А.В. Суворова, в которой знаменитый полководец много размышляет о взаимоотношении командиров и подчинённых и настаивает на развитии принципов гуманности и нравственности). В тяжёлых условиях военной ситуации командир действительно обязан взять на себя отческие функции как на уровне лидера и образца для подражания, так и в контексте заботы о своих подчинённых. Но до какой степени должна доходить эта «забота» и когда она переходить в свою противоположность и становиться угрозой для правильного нравственного воспитания бойца и воина, и как скажется на его боевых качествах, дисциплинарной составляющей и воспитательном моменте? Насколько нравственным с точки зрения социальной ответственности перед обществом за воспитание воина и защитника Отечества станет ситуация, когда для командира на первый план выйдут комфорт солдата, отсутствие от него жалоб старшему начальнику, а не боевая готовность подразделения и способность выполнить поставленную задачу? И не является ли подобное отношение свидетельством тяжёлого периода в Вооружённых силах и внутреннего морального разложения их структур? Насколько важно для командира соблюдать баланс между заботой о подчинённых и выстраиванием воинской дисциплины, вникать в нужды и проблемы солдат, но, при этом, во главу угла всегда ставить боевую готовность и способность правильно выполнить задачу? Без ответов на эти вопросы невозможно моральное становление структур военного бытия, а также их положительная этическая оценка со стороны гражданского общества. Поскольку, в мирный период службы излишнее (с военно-практической точки зрения) потакание «заботливым» практикам приводит к отсутствию дисциплины в подразделении, мнимому благополучию и формальному выполнению основных служебных обязанностей. А в военное время, в условиях боевых действий, такая практика приводит к гибели в первую очередь офицеров, наиболее подготовленных солдат и сержантов, к срыву поставленной перед подразделением задачи, а значит, к сожалению, к ещё большим потерям в дальнейшем.

Стецкевич Елена Сергеевна
к.и.н., доцент
СЗИУ РАНХиГС

Кто виноват? Антикатолический мятеж лорда Гордона в английских эстампах

Мятеж лорда Гордона (2–8 июня 1780 г.) является одним из самых важных и самых загадочных событий английской истории Нового времени. «Протестантская ассоциация» во главе с лордом Гордоном организовала многотысячное шествие к зданию Парламента с требованием пересмотреть Акт 1778 г. о смягчении антикатолического законодательства. После этого начались беспорядки, в ходе которых вначале нападениям и разрушениям подвергались часовни и дома «папистов», а затем — общественные здания и тюрьмы. Правительство применило силу, что привело к гибели по крайней мере 300 человек. Современники затруднялись в определении виновников происшедшего. Деятель партии вигов С. Ромилли возлагал моральную ответственность на религиозных фанатиков. Родоначальник готического возрождения в Англии Г. Уолпол был убежден, что погромщиками двигала не религия, а жажда наживы. Разнообразные мнения о происшедшем были представлены и в появившихся эстампах, которые можно рассматривать, с одной стороны, как важный источник информации о настроениях публики (прежде всего «среднего класса»), а с другой — как средство формирования этих настроений. Эстампы предназначались для продажи и должны были быть популярными.

Антикатолическая тема исторически была достаточно масштабно представлена в английских эстампах, имевших преимущественно сатирический характер. Непосредственно накануне событий внимание концентрировалось на успешном сопротивлении «Протестантской ассоциации» распространению Акта 1778 г. на Шотландию. На одном из эстампов Англия представлена уже захваченной «папистами», тогда как в Шотландии торжествует свобода. Король Георг III неоднократно изображался либо в виде покорного осла, которого ведёт в Рим его окружение, либо уже как католический монах. Лорд Гордон, наоборот, представал в виде героя-защитника протестантского дела. Формировалось представление о том, что власть как минимум потворствует попранию протестантских свобод.

После подавления беспорядков неизбежно встал вопрос о вине и моральной ответственности за беспорядки. События, особенно разрушение Ньюгейтской тюрьмы, потрясли лондонцев и нашли отражение в ряде эстампов. Поскольку ни один из участников шествия «Протестантской ассоциации» не был арестован, её члены стремились снять с себя

всякую моральную ответственность за случившееся. На эстампе «Возрожденный фанатизм» изображен человек с дубинкой в руке на фоне горящего здания. К его шляпе прикреплена кокарда с надписью «Нет папизму». Однако текст под изображением содержит призыв взглянуть на непривлекательную внешность лжепротестанта, взывающего к религии в надежде обмануть её, в то время как его истинными занятиями являются поджоги и разбой. На эстампе, появившемся в 1781 г., вскоре после оправдания лорда Гордона, обвинявшегося в государственной измене, представлено мирное шествие в Парламент добропорядочных членов «Протестантской ассоциации». Надпись под эстампом возлагает ответственность за погромы и грабежи на «преступных эмиссаров папистов», организовавших их с целью бросить тень на протестантов. Некоторые эстампы подвергают критике власти за длительное промедление с подавлением беспорядков. На других, наоборот, они обвиняются в стремлении на фоне подавления мятежа установить военную диктатуру. Только один эстамп — «Возрожденный фанатизм» направлен непосредственно «Протестантской ассоциации». Пьяные погромщики представлены здесь вдохновлёнными как её идеями, так и (в большей степени) лидером методистов и критиком католиков Дж. Уэсли, возродившим «старую религиозную вражду».

В большинстве изображений проводится мысль о том, что «Протестантская ассоциация» не несёт моральной ответственности за случившееся. Она боролась за правое дело, но оно было извращено бунтовщиками. Лишь в одно случае недвусмысленно осуждается религиозная рознь. Это свидетельствует о том, что идеи антикатолицизма продолжали быть популярными в нижних и средних слоях английского общества.

Стецкевич Михаил Станиславович
к.и.н., доцент кафедры философии религии и религиоведения
Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Шаг к толерантности? Церковь Англии и французское эмигрантское духовенство

Многие исследователи (Дж. Мэчин, К. Хейдон, Л. Колли) полагают, что рубеж XVIII–XIX вв. явился началом упадка английского антикатолицизма как общенациональной идеологии. Определенную роль в развитии этого процесса сыграло пребывание на территории Британских островов около 5 тыс. французских католических священников — эмигрантов. Характерно, что в 1829 г. епископ Оксфордский Ч. Ллойд, выступая в поддержку законопроекта о возвращении католикам политических прав,

вспомнил о своём общении с французскими священниками-эмигрантами, назвав их «религиозными и добродетельными людьми». Если ранее, до начала Французской революции в 1789 г., подавляющее большинство англиканских священников относилось к римскому католицизму и его носителям резко негативно, то развитие событий по ту сторону Ла-Манша в антиклерикальном, а отчасти и антирелигиозном направлении резко изменило ситуацию. В многочисленных проповедях и посланиях англиканское духовенство — от рядовых священников до епископов — говорило о необходимости проявления христианского милосердия по отношению к тем, кто оказался в нужде — вне зависимости от их вероисповедания. Некоторые пасторы Церкви Англии называли французских священников «нашими братьями во Христе». Для оказания помощи эмигрантскому духовенству был организован сбор средств в англиканских приходах, а Оксфордский и Кембриджский университеты выделили средства для напечатания 2 тыс. экземпляров Вульгаты — нормативного латинского текста Библии. Епископ Беррингтон предоставил священникам — эмигрантам для проживания собственный дворец.

Однако следует ли считать эти факты исключительно следствием прогресса идеи толерантности? Несомненно, во второй половине XVIII в. отношение образованных слоёв английского общества к католицизму, включая англиканское духовенство, стало меняться в лучшую сторону. Но основная причина проявления симпатий к французским священникам-эмигрантам заключалась в том, что в них видели теперь жертв «революционного фанатизма», приведшего к «безбожию», а не носителей «чуждой» религии, как ранее. При этом в позиции каждой из «партий» Церкви Англии имелись свои нюансы. Носители традиций «Высокой Церкви» исторически были настроены наименее негативно по отношению к Римско-католической церкви, рассматривая её в качестве «ветви Церкви Христовой», хотя и поврежденной (архидьякон Даубени). Высокоцерковники и не имевшие чёткой вероисповедной позиции «ортодоксы» видели важнейшую функцию Церкви Англии в апологии существующего порядка, утверждая, что «хотя правительство иногда бывает негодным, восстание является злом значительно худшим» (декан Хорн). Высокоцерковник епископ Хорсли говорил о «нашем общем христианстве», отмечая, что опасность Французской революции заключалась в её нацеленности на ниспровержение любой формы «установленной» религии. Для него эмигранты-священники — «почтенные изгнанники … являющие нам пример того, как нужно переносить страдания». Несколько более осторожной была позиция евангеликов и латитудинариев. Первоначально некоторые евангелики позитивно оценивали падение Католической церкви во Франции, выражая надежду на установление в ней в перспективе

«более чистой» формы христианства. Деятель евангелической «партии» писательница Х. Мор в «Адресе в поддержку эмигрантского духовенства» (1793) подчеркивала: речь идёт об оказании помощи нуждающимся, а не их религии. Герой одного из её рассказов говорит о том, что лучше быть католиком, чем не иметь никакой религии. Евангелики и латитудинариане выражали надежду на то, что пребывание в Англии будет толчком для обращения «папистов» в протестантизм.

Можно констатировать, что симпатии англикан к эмигрантскому духовенству были вызваны в большей степени не распространением идей религиозной толерантности, а соображениями поддержки тех, кто пострадал вследствие крушения государственной религии, рассматривавшейся, вне зависимости от конкретных вероисповедных форм, в качестве важнейшей опоры должного порядка.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX — начала XXI вв.».

Сторчевой Максим Анатольевич
к.э.н., доцент Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ

Этические риски ESG-рейтингов на базе ИИ

Этические риски ESG-рейтингов на базе ИИ — пример того, как общие проблемы ИИ (предвзятость, непрозрачность, распределение ответственности) проявляются в конкретной сфере с высоким социальным значением. Здесь пересекаются: интересы инвесторов и корпораций, общественное ожидание "устойчивости" и справедливости, технологические ограничения ИИ. Именно поэтому к таким системам предъявляются повышенные требования по прозрачности алгоритмов, качества данных, внешнему аудиту и подотчётности разработчиков.

Основные этические риски ESG-рейтингов на базе ИИ:

1. Неявная предвзятость в данных. Алгоритмы обучаются на информации, которая часто неполна или содержит искажения. Например, компании из разных стран представляют данные с разной степенью детализации: у корпораций из ЕС или США отчётность стандартизирована, а в развивающихся странах — фрагментарна. Это приводит к систематическому занижению оценок для компаний из менее прозрачных регионов, даже если их реальное воздействие на экологию или социальную сферу положительное. Пример: исследование MIT Sloan показало, что оценки ESG для одной и той же компании могут значительно различаться

у разных рейтинговых агентств (MSCI, Sustainalytics и др.), именно из-за различий в исходных данных и методологиях.

2. Манипулирование показателями. Компании могут сознательно "играть" с метриками, подстраивая отчётность под то, что "нравится" алгоритмам. В результате рейтинг растёт, но фактическая ситуация не улучшается. Это подрывает смысл устойчивого инвестирования и формирует ложное впечатление о прогрессе. Пример: Volkswagen до "дизельгейта" входил в число лидеров по ESG-оценкам в автомобильной отрасли, хотя компания систематически манипулировала данными об экологичности своих двигателей.

3. Непрозрачность критериев. Если алгоритмы ИИ рассчитывают рейтинги по сложным и закрытым правилам, пользователи не понимают, что именно стоит за оценкой. Это снижает доверие и создаёт риск "зелёного камуфляжа", когда высокий рейтинг используется как маркетинговый инструмент без реального подтверждения устойчивости. Пример: в 2022 году Tesla была исключена из ESG-индекса S&P 500 ESG, несмотря на высокую рыночную капитализацию и имидж "зелёной" компании. Решение вызвало шок у инвесторов, потому что критерии пересмотра рейтинга не были до конца прозрачны.

4. Этический риск "автоматизированного авторитета"

Алгоритм воспринимается как объективный и беспристрастный, поэтому его выводы редко подвергаются сомнению. Это особенно опасно в финансовой сфере, где инвесторы или банки могут принимать решения, полностью опираясь на AI-рейтинг, не проверяя логику его формирования. Пример: ряд крупных фондов, включая BlackRock, интегрировали автоматизированные ESG-оценки в процесс выбора активов. Есть риск, что алгоритм может недооценить существенные социальные или экологические проблемы из-за ограничений данных, а управляющие фондами будут слепо следовать этим результатам.

5. Глобальная асимметрия. ИИ-алгоритмы, как правило, калибруются на данных крупных корпораций с развитой системой отчётности. Малые и средние компании из Африки, Латинской Америки или Юго-Восточной Азии оказываются в проигрыше: у них хуже рейтинги, просто потому что они не могут позволить себе комплексную отчётность. Это приводит к снижению доступа к инвестициям и ещё больше усиливает глобальное неравенство. Пример: по данным World Bank, малые агропредприятия в развивающихся странах получают более низкие ESG-оценки в сравнении с транснациональными корпорациями, несмотря на то что их экологический след зачастую значительно ниже.

Стыцура Владимир Андреевич
курсант
Военная академия материально-технического обеспечения

Герои Первой мировой войны в российском кинематографе

Искусство способствует закреплению героических символов в общественном сознании, коллективной памяти народа. С появлением кинематографа возможности искусства в этом отношении значительно возросли. Фильмы позволяют нам не только узнавать, но и сохранять в памяти героические достижения наших предков.

Однако многие подвиги, совершенные российскими солдатами и офицерами в ходе Первой мировой войны, по-прежнему остаются недостаточно освещёнными в массовой культуре. В советский период идеологическая интерпретация Первой мировой войны опиралась на представление о её несправедливом («империалистическом») характере, что привело к исключению многих героев из исторической памяти. Считалось, что с точки зрения патриотического воспитания эта война не заслуживала внимания и не имеет достойных примеров героизма. В результате практически отсутствуют советские фильмы, посвящённые Первой мировой войне, хотя, в качестве исключения, можно упомянуть кинокартину «Моонзунд» (1987, режиссер А. Муратов).

В то же время история Первой мировой содержит множество примеров, когда российские военнослужащие образцово исполняли свой воинский долг, демонстрируя значительное напряжение как духовных, так и физических сил в условиях тяжёлых боёв. В трудах военных историков постсоветского периода приводятся многочисленные факты такого героизма.

Одной из наиболее значительных и успешных наступательных операций Первой мировой стала операция 1916 года — Брусиловский прорыв. Однако, к сожалению, даже этот подвиг до сих пор не нашёл масштабного отражения на больших экранах, сравнимого со сценами Бородинского сражения в киноэпопее «Война и мир» С. Бондарчука или подробным изображением Курской битвы в «Освобождении» Ю. Озерова.

И все же один из самых известных эпизодов Первой мировой войны получил современную киноадаптацию. Это подвиг, который в народе получил название «атака мертвецов», пример доблести, мужества и самоотверженности российских военнослужащих, оборонявших крепость Осовец. Больше полугода крепость находилась в блокаде. Не достигнув желаемого результата, противник решил использовать химическое оружие. Воины того времени редко сталкивались с подобным оружием и не имели средств индивидуальной защиты. Тем не менее, выжившие

солдаты, сильно отравленные газом, смогли подняться и провести штыковую атаку, в результате которой враг был вынужден отступить.

Короткометражный художественный фильм «Атака мертвецов: Осовец» режиссера Василия Чигинского (2018) сразу же собрал в интернете несколько миллионов просмотров. Авторы фильма сделали акцент на демонстрации воинского братства солдат и офицеров, что позволило отойти от идеологических установок советского периода в освещении событий Первой мировой. В связи с этим можно упомянуть и фильм 2015 года «Батальон» о создании женских «батальонов смерти», как попытку вернуть память о подвиге женщин в этой войне.

Таким образом, в последнее время произошли значительные изменения в оценке событий Первой мировой войны, и многие подвиги, совершенные русскими солдатами в этот период, подробно освещены в научных исследованиях по истории России. Теперь им необходимо стать достоянием широкой общественности, и большую роль в перенастройке коллективной памяти и восстановлении исторической справедливости должен сыграть российский кинематограф.

Субботина Мария Владимировна
к.с.н., ассистент кафедры социологии
РУДН

В погоне за метриками: искусственный интеллект и этический вызов науке

Современное научное сообщество столкнулось с парадоксальной ситуацией профицита публикаций, порожденного формальным наукометрическим подходом. Требования организаций выполнять план количества публикаций и регулярного повышения метрик (индекс Хирша и др.) привели к экспоненциальному росту научной продукции, не дающей нового знания. При этом, возлагать всю ответственность исключительно на индивидуальных авторов не совсем справедливо. Проблема гораздо шире и кроется в самой системе оценки.

Текущая наукометрическая система несправедливо оценивает труд ученых, дискриминируя тех, кто работает над сложными, долгосрочными, междисциплинарными проектами, которые сложно упаковать в частые и высокоцитируемые публикации. Складывается ситуация, при которой поощряются "игроки системы", а не настоящие новаторы. Парадигма «публикуй или умри» породила обширный пласт «пустых» текстов, не предлагающих ни инновационных идей, ни содержательных исследовательских результатов.

Многие публикации представляют собой вариации известных идей, взаимные пересказы или бессодержательные комбинации без существенной новизны. Нередки ситуации разделения одного исследования на множество мелких статей, плагиат, бесконечные самоцитирования, публикации в хищнических журналах, "приписки" в соавторы.

Сложившаяся ситуация ставит под сомнение саму цель научной деятельности и порождает этический кризис миссии науки. Дискредитируются честность, объективность, стремление к истине — фундаментальные этические принципы науки. Проблема универсальна, но особенно остро прослеживается в гуманитарных науках, где, как отмечал еще Станислав Андрески («Социальные науки как колдовство»), сложная терминология нередко маскирует банальность содержания.

В свою очередь, развитие искусственного интеллекта (ИИ) также вносит свой вклад в сложившуюся ситуацию. С одной стороны, ИИ может стать инструментом решения, помогая эффективно фильтровать информационный шум, находить релевантные исследования и создавать содержательные обзоры. С другой стороны, он же способен усугубить проблему, упрощая массовую генерацию еще большего объема низкокачественных, шаблонных публикаций.

Итогом является накопление критической массы научной продукции, где фундаментальные открытия теряются среди бессодержательных работ. Данная проблема метафорически подобна растущей груде кирпичей на тонкой фанере — рано или поздно конструкция рухнет под собственной тяжестью. Растущий в геометрической прогрессии объем публикаций затрудняет поиск достоверного знания как для научного сообщества, так и для общества в целом, что подрывает доверие к науке — если значительная часть публикаций бессодержательна, как отличить истину от "нейросетевого мусора"? Более того, это усугубляет проблему дезинформации и постправды.

Таким образом, перед научным сообществом стоит ряд вызовов:

— как исследователям сохранить научную добросовестность будучи загнанными в рамки количественных показателей и не поддаться искушению генерировать "пустые" публикации ради выживания в профессии?

— как разработать и внедрить системы оценки, которые этично и справедливо будут измерять реальный вклад в знание, а не искусственные метрики?

— как поддерживать доверие к научному знанию в условиях информационной перегрузки и снижения качества? Как обеспечить доступ к значимому знанию?

— как разработать этические принципы и регуляторные рамки для использования ИИ в науке? Как предотвратить его использование для усугубления кризиса "публикационной инфляции" и фальсификаций?

— как вернуть науке ее основополагающую этическую цель — служение обществу через приращение достоверного знания и решение реальных проблем? Как сместить фокус с "производительности" на "значимость"?

Наука рискует быть погребенной под грузом пустых публикаций, обесценивающих само знание. Это системный этический кризис, затрагивающий основы научной деятельности и отражающий более широкие вызовы современности (фетишизация метрик, информационный шум, двойственность технологий, кризис доверия). Необходимо не только пересмотр методов оценки, но и глубокое переосмысление этических принципов и целей научного познания в 21 веке.

Сунами Артем Николаевич
к.п.н., доцент кафедры конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика конфликта государства и наркорынка

Аксиологическая оптика конфликта государства и рынка в терминах свободы, справедливости, выбора, прав человека, гуманизма очевидна, но кроме обычно используемых этических категорий, в круг анализируемых вопросов необходимо включить категорию здоровья не как биологического конструкта, а как ценности, ибо биополитические стратегии относительно проблемы наркотиков, так или иначе, формулируются в терминах здоровья как права и обязанности.

Вместе с тем, очевидно, что различные объяснительные конструкции, разрабатываемые моральной философией относительно здоровья, не отменяют очевидного разрыва между идеей «здорового человека» и практической реализацией программ здоровьесбережения, результатом чего становится не содействие идеалу здоровья новыми этическими подпорками а исчерпание даже того небольшого ценностного багажа, который был накоплен в «натуралистический» период. Также, сложно не заметить, что идея концептуализации понятия здоровья в аксиологически значимых терминах, как «сверхценности» разделяется далеко не всеми. Точнее речь идет не столько о ценности здоровья как такового, как об этических моделях его продвижения, которые в определенной оптике могут противопоставить его другим нравственным паттернам и тем самым привести к конфликту ценностей.

Рост потребления наркотиков в этой линзе может рассматривать как один из симптомов общего духовного кризиса, что возвращает нас к проблематике конфликта государства и наркорынка, где этика является одной из существенных арен. Тема наркотиков в объективе духовного кризиса позволяет поставить и ответить на вопрос, почему так важно обсуждать эту тему сквозь призму смысла? Как замечает В. Франкл, что «Смысл страдания в том, что оно оберегает человека от апатии и духовного оцепенения. <…> Наркомания — это духовная анестезия. <…> Страдание и горе являются частью человеческой жизни. Ни одно из них нельзя вырвать из жизни, не нарушая ее смысла» (1, с. 226).

Однако, перемещая в идеологическую надстройку основное социально-философское содержание конфликта с наркорынком, государство рискует поставить вверенный ему общий интерес в зависимость от меняющихся и зачастую подверженных манипуляциям ценностных предпочтений людей. Наиболее неблагоприятным последствием излишней аксиологизации конфликта государства и наркорынка является сваливание его в нереалистический, в терминологии Л. Козера, смещенный, безатрибутивный конфликт, в котором борьба является не способом решения проблемы, а самоцелью.

Резюмируя вышесказанное, в этической линзе, государство сталкивается с весьма не тривиальной задачей конструирования гармоничной пропорции рациональных и моральных регистров конфликта с наркорынком, особенно в части самопрезентации в публичном пространстве.

Суров Илья Алексеевич
к.ф.-м.н., научный сотрудник
Академический Университет

Алгоритмичность поведения: основа этики человека и машины

Этические нормы поведения человека и машины зависят от того, что понимать под словом «поведение». К этому есть два подхода с принципиально разными этико-правовыми следствиями.

В первом подходе поведение человека отождествляется с функционированием социально-биологической машины, которое предопределено детерминированными алгоритмами биохимии, воспитанием и культурными установками. В этом случае этикой следует считать культурные модули верхнего уровня, определяющие иерархию ценностей и общие принципы функционирования биосоциальной машины.

Машинная формализация такой этики затруднена её абстрактно-нечётким характером, однако современные системы ИИ на основе боль-

ших языковых моделей приближаются к решению этой задачи. Встраивание такой этики в системы ИИ даст основания считать их субъектами поведения определённой нравственности («моральными агентами»), а значит и субъектами правовых отношений с человеком.

Согласно второму подходу, поведение человека и других живых организмов принципиально отличается от предопределённого функционирования машины возможностью свободного, неалгоритмического выбора. Эта возможность состоит в произвольном запуске и прерывании когнитивно-поведенческих биосоциальных алгоритмов: съесть ту или иную пищу, участвовать или не участвовать в конференции, начать или не начать бизнес-проект или судебное разбирательство. Алгоритмическая формализация подобных решений в ИИ невозможна по определению.

В этом втором понимании поведения часть этики субъекта необходимо связать с принятием свободных решений. Эта часть этики недоступна для машинной формализации и остаётся прерогативой человека и других живых организмов, способных к свободному выбору. Соответственно этому между искусственным интеллектом и свободными живыми организмами остаётся не количественный, а качественный барьер.

По отношению к двум описанным вариантам, гуманистические направления этики и когнитивных наук занимают противоречивую позицию. С одной стороны используется представление о человеке как об электрохимической биосоциальной машине, работа которой предопределена гормональным фоном, нейронными связями мозга и культурными факторами — то есть первый из описанных вариантов понимания поведения.

При этом вытекающее из этой позиции правосубъектность машин отвергается как противоречащая основам гуманитарной мысли. Так, отечественные «кодексы этики ИИ» усверждают о полной ответственности человека за действия ИИ, а глава конституционного суда России Зорькин В.Д. отмечает, что даже незначительное отклонение от этого принципа следует считать «троянским конём трансгуманизма» (Российская газета, июнь 2024 года).

Налицо логическое противоречие, разрыв отмеченных выше причинно-следственных связей. В этой связи современная гуманистическая этика оказывается безосновательной надстройкой, противоречащей своим же представлениям о поведении и природе человека. Ввиду успехов современной информатики и когнитивных наук это противоречие выходит из тени и требует всестороннего анализа. При этом классические представления о психике и деятельности живых организмов целесообразно расширить с учётом результатов квантовой когнитивистики и биоинформатики, представленных в том числе в работах автора настоящего доклада.

Суслов Иван Владимирович
к.с.н., доцент кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия

Победа онлайн: молодежь, герои и модели празднования в пространстве мемориальной этики

В 2025 году страна отмечает 80-летие Великой Победы — событие, остающееся главным символом национальной памяти. Однако сегодня эта память существует в цифровом пространстве — естественной среде для молодежи. Именно здесь разворачивается новый фронт борьбы за сохранение ценностей, а мемориальная этика приобретает статус важнейшего ориентира.

Для поколения, выросшего в эпоху смартфонов и социальных сетей, образы войны и Победы приходят через цифровые форматы: онлайн-акции («Бессмертный полк онлайн»), виртуальные музеи, TikTok-видео, сторис или мемы, что делает память ближе и эмоциональнее, но вместе с тем рождает новые риски: редукцию героического до развлечения, иронические искажения, коммерциализацию символов. Следовательно мемориальная этика может быть определена как необходимый фильтр, задающий границы уважительного обращения с памятью.

Цифровая медиакультура молодежи двойственна: с одной стороны, предоставляет уникальные возможности для вовлечения (визуальные и интерактивные форматы позволяют сделать историю частью повседневного онлайн-опыта), с другой стороны, именно здесь возникает угроза профанации: превращение героев войны в иронические образы, праздников — в «контент для лайков», а памятных дат — в инфоповоды, не обладающие сакральной глубиной. Мемориальная этика требует удерживать баланс между доступностью и подлинностью, вовлечением и уважением.

Образ героя Великой Отечественной войны для молодежи он может стать «точкой сборки» идентичности, источником моральных ориентиров — мужества, солидарности, патриотизма. Но если герой редуцируется до цифрового шаблона или мема, то ценностное содержание растворяется, а значит образовательные и культурные проекты должны учить молодежь видеть за цифровым образом подлинную историю, а за символами праздника — ценность жертвы и победы.

День Победы, будучи ключевым элементом национального календаря памяти, в цифровой среде приобретает новые формы: трансляции парадов, онлайн-акции, цифровые флешмобы, укрепляющие коллективное чувство сопричастности и одновременно требующие этической ответственности. Вопрос заключается не только в том, как сохранить инте-

рес молодежи, но и в том, как передать глубину смысла, чтобы праздник не превратился в пустую форму.

80-летие Победы становится возможностью выстроить мост между поколениями через цифровое пространство. Здесь мемориальная этика выполняет три функции:

1. Защитная — предохраняет память от искажений и профанации.

2. Образовательная — формирует критическое восприятие цифрового контента и умение отличать достоверное от фальшивого.

3. Идентификационная — позволяет молодежи осознать героизм и праздники как ресурсы гражданской идентичности.

Таким образом, в результате переноса памяти в виртуальное пространство, возникновение нового формата ее переживания вписывается в контекст молодежной цифровой культуры. В цифровом пространстве осмысления истории решается, будет ли память о Великой Победе источником гражданского единства или объектом иронической игры. От ответственного подхода к мемориальной этике зависит, сохранит ли новое поколение доступ к таким ресурсам подлинной идентичности как традиционные ценности, герои и праздники.

Доклад подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема: «Традиционные ценности, герои, праздники в современном цифровом пространстве: медиа-образы как ресурсы укрепления гражданской идентичности и противодействия ложной идентичности (1025022800147-0)»).

Сысоева Юлия Валерьевна
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема культурного забвения в современном документальном театре

Документальные театральные практики — это театральные представления, создаваемые на основе исторических и архивных материалов, таких как стенограммы судебных заседаний, интервью, репортажи, задокументированные визуальные изображения, видеозаписи, биографии и т.п. В большинстве случаев сценическое документальное действие выстраивается вокруг свидетельства отдельного человека или группы людей, переживших травматичный опыт на фоне памятных исторических событий. Предполагается, что театральное пространство позволяет исследовать международную, национальную или личную историю как картину реальности.

В этическом аспекте вопрос об отношениях между аутентичными историческими событиями и представлением об этих событиях, созданном документальным театром, связан с проблематикой памяти и забвения, а также формированием личного и коллективного представления о прошлом. С одной стороны, возникновение документального направления в театре было обусловлено стремлением создания гражданского, политического искусства, где апелляция к наиболее официальным источникам и архивным данным способствовала бы реализации мемориальной политики. Противопоставляя себя вымышленной художественной драматургии, документальные постановки выражали стремление искусства к прямому участию в общественной жизни и формированию коллективной памяти о прошлом.

С другой стороны, уже здесь можно говорить о проблеме культурного забвения, так как, несмотря на стремление драматурга реконструировать историческое событие вокруг наиболее авторитетных источников-документов, их перенесение в другой контекст порождало проблемы, связанные с процессом адаптации документальных материалов для сценария. Среди них: а) этическая ответственность режиссера за обращение с документальными фактами (субъективный взгляд в подборе материалов порождал конструирование либо крайне ограниченной, либо собственной версии истины исторического события); б) сильная идеологическая окрашенность. На основании этих факторов возникла критика понятия документального театра и замысла, лежащего в его основании.

Следующим этапом развития документального театра можно назвать период конца XX — начала XXI вв., когда понятие документа расширяется. Современный документальный театр обращается к документальным материалам не с целью исследования установленного факта и истины, но для представления многомерности высказываний как правды каждого человека. Обращение к исторической тематике и документальным материалам выступает в таком случае не способом сохранения памяти, а инструментом, позволяющим определить вектор рефлексии о современности. Акцент с реконструкции конкретной исторической реальности посредством ее документации смещается на исследование опыта переживания ситуации отдельным человеком. «Этика взгляда» также способствует пересмотру воспоминаний, возникновению новых интерпретаций и забвению предшествовавших.

Индивидуальные воспоминания в постановках предъявляются в русле поворота современного театра к экспериментальности и перформативности, поэтому их цель — не трансляция точных фактов, но эстетизация и театрализация эмоциональных воспоминаний. Артефакты памяти: архивные документы, свидетельства, показания редактируются ре-

жиссером, а информация, освещающая незначительные для авторской идеи аспекты, вытесняется и предаётся амнезии. Помещение документов в театральный контекст сопровождается изменением их аутентичного статуса, утратой изначальной исторической значимости и началом их функционированием в качестве метафор, эффективных для конструирования новой реальности, создания драматургического эффекта и формирования актуального социального послания. Так, изменение контекста и смена оптики способствуют противодействию памяти. Следовательно, притязание документального театра на сохранение и передачу аутентичных индивидуальных и коллективных воспоминаний о прошлом оказывается сомнительным.

Тарковский Владимир Николаевич
к.ф.н., доцент кафедры философии,
культурологии и социальных коммуникаций
Костромской государственный университет

Нравственный прогресс как проблема

Несмотря на беспрецедентный рост качества жизни и благополучия, представление о прогрессе общественной жизни с XVIII в. проходит через серьезные испытания. Это и продолжающаяся борьба с мифологическим и религиозным мировоззрениями, и либеральное противостояние консерваторов с радикалами во всех сферах жизни. Те, кого причисляют к постмодернистам, пытаются дистанцироваться, как я понимаю, от правовых и, в целом, от моральных ценностей, упомянутых, исторически сложившихся к середине XX в. точек зрения. Но серьезной альтернативой они не стали. На общественном информационном поле все это время складываются пулы оголтелых сторонников и непримиримых противников, общезначимых в данный момент ценностей. Непримиримость — это уже нравственная категория, напрямую не затрагивающая критериев общественного прогресса.

Напомним, что в основе прогресса общественной жизни — реализация еще античного антропологического проекта дуализма души и тела через модернистскую концепцию разумной деятельности. Например, для Гегеля разум — принцип мира: все действительное разумно, все разумное — действительно. «Разум требует соблюдать право», то есть быть, прежде всего, гражданином. Свобода, как осознанная необходимость далеко не гегелевское кредо.

Д. Локк в «Опыте о человеческом разуме» (1690 г.) использует «слово разум…как обозначение способности человека…, а именно проница-

тельность и способность к выведению заключений». Вовенарг, известный своим афоризмом: «Великие мысли идут из сердца», в «Введении в познание человеческого разума» расширяет содержание локковского понятия «разум» связывая его с «плодовитостью, сообразительностью, способностью к здравому суждению, глубиной, вкусом, красноречием, хладнокровия и прочим». Эти свойства разума отличают одного человека от другого и делают его человеческим индивидом. Фундаментом индивидуальности может служить интуиция, как ее понимают со времени И. Канта «с прагматической точки зрения».

«Всеобщая декларация прав человека» принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1948 г. Напомню, приглашенная для подготовки этой резолюции «Американская антропологическая ассоциация» отклонила предложение из-за неразрешимости подобного рода задачи. Более точно проблему нравственного здоровья, например, отражает название «Декларация прав и свобод человека и гражданина» принятой уже в Росси в 1991 г. Столкновение гражданина и человека, государственного статуса и личности, «политического животного» (Аристотель) и «живого человека» (В.Г. Белинский) в последние столетия сформировало разумную деятельность как цивилизованное средство уменьшение негативных последствий для человека. Литература и искусство в целом являлись и являются своеобразным камертоном человеческого здоровья.

Становясь гражданином человек, отвечает на вопрос «Кто я?» Только после определения своего статуса он способен разумно ответить на вопрос «Что я должен делать?» как гражданин (член корпорации, сообщества). Это гегелевский разум, осваивающий умопостигаемую реальность с помощью искусственных языков. Как индивиды мы прибегаем к интуиции (естественным языкам), в этом случае можно говорить об искусстве в древнегреческом понимании.

10 сентября 2025 г. Тайлер Робинсон убил американского политического активиста Чарли Кирка. Отец обвиняемого в убийстве, бывший сотрудник управления шерифа и зарегистрированный республиканец выдал его властям. Гражданский поступок. Тайлер Робинсон — сын (близкий человек), или гражданин (преступник)? Как гражданин отец сделал для себя моральный выбор. По-человечески он прав? А если боялся как гражданин ответственности за сокрытие преступления? Суд, «коллективный разум», вынесет вердикт. Человеческая драма такого выбора останется.

Конфуций (551 г. до н.э. — 479 г. до н.э.) в «Беседах и высказываниях» услышав, как молодого человека назвали честным, за то, что он донес на своего отца, который украл овцу сказал, что подлинно честный чело-

век не таков. «Отец скроет преступление сына, сын скроет преступление отца — вот что значит честность». Великие мысли идут из сердца.

В статье В.Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» за 1841 г. читаем «Гражданин не должен уничтожать человека, ни человек гражданина: в том и другом случае выходит крайность, а всякая крайность родная сестра ограниченности…», по-другому и не объяснишь поступок Тараса Бульбы убивающего сына в одноименной повести Гоголя.

Тебякина Елена Евгеньевна
к.ф.н., доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
Военная академия материально-технического обеспечения

Этические основания забвения и актуализации памяти о Первой Мировой войне

Историческая культурная память способна запечатлевать события, которые не только станут знаковыми для современников, но и обретут особый статус для потомков. Но для того, чтобы эти получили подобное значение они должны стать также и травмирующим опытом с точки зрения коллективной психологии. Именно травма и трагедия акцентируют свойства памяти, через сильное переживание и психологический перелом, особенно если они связаны с элементом потери, глубокой личностной трагедией, которая будет отражаться ещё на нескольких поколениях внуков и правнуков. А одним из самых травмирующих и трагичных событий нашего мира, к сожалению, является событие войны. Пройдя вместе с человечеством весь эволюционный путь, война меняет все направления своего развития: охватывая все сферы пространства (землю, воду, воздух и космос, а также виртуальное пространства), вовлекая всё большее количество людей и изобретая всё новые способы их уничтожения. Но именно первое глобальное событие, отразившие ужас, моральную и гуманитарную катастрофу стало поворотной точкой для человечества, изменив его цивилизационные, культурные и этические нормы восприятия событий войны и мира. Однако, подобная оценка и значимый аспект военного события Первой мировой войны не является универсальным в мире (даже для непосредственных стран-участниц), и, в частности, для нашей страны более культовыми становятся события Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Память о Первой мировой войне в поле советского и постсоветского пространства не отличается самим приоритетом по сравнению с памятью о Второй Мировой, а тем более Великой Отечественной войне. Причин подобного забвения можно назвать множество, но среди них наиболее

яркими являются этические (ощущение "неправильности" целей войны и деморализованность участников) и идеологические (неудачные военные компании и неоднозначные командирские решения, кризисные и революционные события в Российской Империи, большевистская пропаганда на фронтах и многие другие). Однако, одной из основных причин забвения событий Первой Мировой являлось именно затмение её событиями революции и гражданской войны, ставшими фундаментальными историческими точками для становления нового советского государства на обломках Российской Империи. Первая Мировая война была объявлена "империалистической" и её рассмотрение в историческом контексте и формировании советского мировоззрения сводилось лишь к роли причины для возникновения Революции 1917 года, что лишало её события всякой собственной значимости. Сегодня же спустя 111 лет после её начала мы вновь можем и должны актуализировать её значение как для восстановления полного исторического контекста и справедливого воздаяния забытых героев и событий того периода и заполнить пробелы собственного понимания истории и восстановления исторической справедливости. Поскольку забытыми оказываются не только сами события, но и те нравственные выводы (в литературе — через произведения Э. Ремарка, Э. Хемингуэя и др.; в искусстве, например, картины В. Мазуровского, С. Лунёва и многие другие; и, конечно, в кинематографе как через множество экранизаций литературных произведений (как роман уже упоминавшегося Э. Ремарка «На западном фронте без перемен»), так и самостоятельные произведения кинематографического искусства от начала XX века до наших дней), которые пыталось сделать человечество из кровавых уроков Первой Мировой войны.

Тихонова Софья Владимировна
д.ф.н., профессор кафедры теоретической и социальной философии СГУ

Эмоциональная аксиология мемориальной этики

В современной социальной и политической философии все большее значение приобретает эмоциональное измерение коллективных воспоминаний. Если классическая аксиология рассматривала ценности как рациональные и универсальные основания человеческой культуры, то в условиях цифровой медиасреды эмоции становятся не только сопровождающим фактором, но и структурообразующим элементом ценностного сознания. Эмоциональная аксиология позволяет выявить механиз-

мы, посредством которых чувства конституируют ценности, формируют их иерархию и определяют траектории их трансляции в обществе.

Мемориальная этика, понимаемая как совокупность нормативных принципов, регулирующих обращение общества с прошлым, оказывается тесно связанной с эмоциональными режимами памяти. В контексте медиапамяти это проявляется особенно ярко: цифровые технологии, социальные сети и алгоритмические платформы превращают эмоции в центральный медиатор между прошлым и настоящим. Память перестает быть исключительно когнитивным архивом и становится эмоционально насыщенной практикой, где именно аффективные переживания легитимируют или делегитимируют нарративы о прошлом.

Эмоциональная аксиология мемориальной этики проявляется в том, что ценности памяти — справедливость, жертвенность, достоинство, героизм — раскрываются через эмоциональные акты. Горечь утраты, гордость за подвиг предков, скорбь по жертвам и гнев против искажения истории становятся не субъективными реакциями, а универсальными механизмами установления этических ориентиров. Именно благодаря эмоциям формируется коллективная солидарность в отношении к прошлому, поддерживается значимость травматических событий и происходит сакрализация памяти.

В условиях постправды, когда объективные факты уступают место эмоционально заряженным нарративам, мемориальная этика испытывает особую трансформацию. Эмоции начинают играть роль не только индикаторов, но и конструкторов этических норм. Так формируется феномен «эмоциональной достоверности»: общество доверяет тем версиям прошлого, которые вызывают сильнейший аффективный отклик, даже если они не совпадают с фактологической истиной. Мемориальные войны, возникающие вокруг трактовки исторических событий, представляют собой не столько столкновение фактов, сколько борьбу эмоционально закрепленных ценностей.

Эмоциональная аксиология мемориальной этики также обнаруживает себя в визуальной культуре. Мемориалы, парады, памятные акции и медиапроекты действуют как эмоциональные интерфейсы, через которые общество «чувствует» историю. В этих практиках память становится живым процессом, воспроизводящим не столько знание, сколько опыт сопричастности и эмоциональной вовлеченности. В результате мемориальная этика не может быть сведена к абстрактным принципам — она реализуется именно в эмоционально опосредованных практиках воспоминания и забвения.

Таким образом, концепция эмоциональной аксиологии мемориальной этики позволяет переосмыслить роль эмоций в коллективной памя-

ти, они не просто украшают нарративы о прошлом, но задают фундамент нормативного регулирования исторического опыта. В этом смысле эмоции выступают как своеобразные «ценностные операторы», обеспечивающие связь между индивидуальной чувствительностью и коллективной идентичностью.

Именно поэтому исследование эмоциональной оптики памяти становится ключом к пониманию того, каким образом в цифровую эпоху формируются и регулируются представления о прошлом. Эмоциональная аксиология мемориальной этики открывает путь к новому осмыслению памяти как динамического пространства, где нормативные и аффективные структуры взаимно определяют друг друга, превращая воспоминания в этический ресурс современного общества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/.

Тихонравов Юрий Владимирович
к.ф.н., директор
Философское кафе в Гоа

Критерии морального прогресса: между гедонизмом, свободой и расширением онтологии ценного

В докладе рассматривается проблема критериев морального прогресса, без которых невозможно адекватно оценить развитие нравственности в истории человечества. Поскольку сам прогресс предполагает движение к некоему высшему благу, ключевым вопросом становится определение того, что именно считать таким благом, или высшей ценностью.

В отношении высших ценностей в современной моральной философии существует три основных подхода: 1) гедонизм, 2) теория удовлетворения желаний, 3) теория объективного списка.

В соответствии с первым подходом моральный прогресс есть прогресс всеобщего счастья.

Согласно второму подходу, моральный прогресс есть прогресс свободы делать что мы хотим.

Эти два критерия могут дополнять друг друга, но могут и вступать в противоречие: например, увеличение свободы не всегда ведёт к росту счастья, и наоборот.

Третий подход предполагает множество несводимых друг ко другу предельных благ, а значит и критериев прогресса. Противоречия между ними гораздо более вероятны: если сила и удовольствие могут противоречить друг другу, то при добавлении сюда здоровья, семьи, взаимо-

помощи, взаимного уважения и т.п. оценка становится ещё более затруднённой.

В связи с этим предлагается альтернативный способ осмысления морального прогресса — не через сравнение степени реализации уже известных ценностей, а через расширение самой онтологии ценного, то есть через открытие новых предельных благ.

Исторически каждая высшая ценность (удовольствие, справедливость, свобода и т.д.) когда-то была осознана впервые, что становилось поворотным моментом в развитии морального сознания. Например, самым ранним свидетельством в отношении удовольствия можно считать монолог богини Сидури из «Поэмы о всё видавшем», примерно 20 век до н.э. Всякий раз такое открытие было шагом в радикальном обогащении человеческой культуры и морального сознания. Благодаря этому человечество получало новый показатель развития, новый критерий оценки своего положения.

Таким образом, критерием оценки морального прогресса может стать именно обнаружение новых критериев, то есть моральный прогресс может быть связан не только с улучшением условий для реализации уже известных ценностей, но и с обнаружением новых ценностей, обогащающих человеческую культуру. Этот процесс позволяет переосмыслить саму природу нравственного развития, делая акцент на расширении морального горизонта человечества.

Томилина Алиса Андреевна
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

«Dark tourism» в кураторстве как дилемма коммодификации страдания

Ключевой этической проблемой, имманентно присущей феномену «dark tourism» (тёмного туризма), является фундаментальное противоречие между мемориальной функцией и коммодификацией страдания. Тёмный туризм подразумевает определенное потребление опыта, ассоциирующегося прежде всего с первобытным чувством страха, сакральной темой смерти, катастрофами и насилием, трансформирующими пространство коллективной травмы и ужаса в объекты туристического интереса. К числу реально существующих примеров тёмного туризма в кураторстве относятся: «Body Worlds» в Амстердаме, где представлены мумифицированные останки человеческих тел в динамических позах, которые позволяют реципиенту рассмотреть пластику скелетно-мышечного

каркаса; Музей смерти в Лос-Анджелесе; Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне; Музей мировой погребальной культуры в Новосибирске; музей геноцида Туол Сленг в Камбодже и т.п. — всё это порождает серьёзную этико-философскую дилемму: каким образом возможно репрезентировать акт исторического страдания, не допуская его тривиализации, эксплуатации ради материальной выгоды и, в дальнейшем, превращения «смерти» в развлекательный товар?

С одной стороны, посещение исторических мемориальных мест типа бывших концлагерей (Освенцим), тюрем (Алькатрас, «Кресты», Трубецкой бастион, Соловецкий монастырь и т.п.) или иных пространств, связанных с человеческими жертвами, может выполнять важнейшую мнемоническую и образовательную функцию. Опосредованное соприкосновение с трагедией способствует формированию критического исторического сознания, рефлексии о природе насилия и механизмах функционирования памяти в целом, и, в частности, о возникновении «коллективной» сферы памяти. Тёмный туризм также инициирует у посетителя рефлексию о конечности человеческого бытия, что коррелирует с темой «Memento Mori». Однако, с другой стороны, неизбежная коммерциализация этих пространств ведёт к риску эстетизации и упрощения сложных исторических нарративов, посвященных сакральной теме «смерти».

Центральным элементом этической проблемы становится дистанцирование посетителя от подлинного травматического опыта. Иммерсивные симуляции, сувенирная продукция и ориентация на «аттракцион» способствуют потреблению страдания как своеобразные формы досуга, что исследователи Ф. Стоун и Р. Шарпли определили как «thanatological commodification» («танатологическая коммодификация»). Данное явление порождает ситуацию, в которой трагедия наполняется развлекательным составляющим, а подлинное со-переживание подменяется актом поверхностного любопытства, тем самым коммодификация страдания рискует нарушить символические границы памяти, превращая личностную и коллективную травму в публичное зрелище. Это особенно актуально для локаций, в которых трагические события произошли относительно недавно и живут в памяти современного поколения.

Кроме того, существует также риск нормализации насилия через его культурную валоризацию и музеефикацию. Когда отдельно взятое тюремное заключение или акты геноцида представляются исключительно как исторические артефакты, это может невольно способствовать их восприятию как чего-то исторически далекого и уже преодоленного, а не как конкретных проблем, имеющих продолжение в современных пенитенциарных системах наказания или механизмах иного вида насилия.

Этическая задача заключается в том, чтобы через кураторские практики и социокультурные интерпретации обеспечивать аутентичное по-

стоянство связи между прошлым и настоящим, что бы побуждало посетителя к критической оценке непреходящей природы этих явлений. В контексте кураторских практик это предполагает отказ от сенсационности в пользу контекстуализации, включение голосов жертв (или же их потомков), акцент на критической рефлексии и ответственности за те нарративы, которые они (кураторы) конструируют. Только при соблюдении этих условий тёмный туризм может преодолеть внутреннее противоречие и реализовать свой потенциал в качестве мощного инструмента осмысления мрачных страниц истории.

Томильцева Дарья Алексеевна
к.ф.н., доцент кафедры социальной философии
Уральский федеральный университет

Организация обучения этическому лидерству в бакалавриате: на что обращать внимание?

Обучение этическому лидерству студентов бакалавриата по специальности 47.03.02 — Прикладная этика сопряжено с рядом интересных моментов, связанных со становлением молодых специалистов по прикладной этике. В нашем докладе мы попробуем осветить три самых важных этапа обучения этическому лидерству и сложности, которые встречаются организаторам обучения.

Во-первых, это расхождения в восприятии этики, бизнес-процессов и лидерства. У студентов начальных курсов зачастую единая картинка не складывается. Как будто речь идёт о трёх разных сферах деятельности, которые между собой не пересекаются. Одно дело — читать Никомахову этику, и совсем другое — мотивировать команду к деятельности, выполняя сложный проект. Кроме того, на этом этапе юному прикладному этику ещё не совсем понятно, в чём, собственно, состоит разница между лидером и управленцем, и каким образом этические лидерские практики охватывают не только формальный, но и неформальный уровни в команде (как и вопрос о том, что из себя представляет этическая лидерская практика как таковая).

Во-вторых, недопущения «отмывания этикой». В данном случае наблюдается процесс, противоположный предыдущему. У студентов формируется понимание того, какие лидерские практики являются или считаются этичными (морально-одобряемыми), а потому — коммерчески-успешными. В данном случае проблема обучения этическому лидерству сама по себе приобретает моральный характер, поскольку необходимо не только передать теорию и сформировать навыки через практику и проектное обучение, но также предотвратить соблазн в дальней-

шем использовать этику в качестве пустой «этикетки» или «знака», отмечающего лидерские практики. Такое «отмывание этикой» является достаточно распространённым явлением (особенно в сферах технологий различной природы). Понимание того, как «упаковать» неблаговидное в привлекательную обёртку становится одновременно и преимуществом юного этика, и его своеобразной тёмной изнанкой, не допустить проявление которой является одной из целей обучения.

В-третьих, последний этап обучения этическому лидерству заключается в том, чтобы не допустить разочарования и обесценивания этики. Студенты выходят на практику в различные организации и встречают суровую, часто разочаровывающую их реальность: далеко не все организации и руководители готовы понимать и воспринимать этические лидерские практики и общий метамодерный этический проект (прикладная этика хоть и является «продуктом» модерна, в то же время далеко не всегда сочетается с более привычными для него дисциплинарными практиками). Разочарованный невостребованностью этики будущий выпускник либо решает забыть всю этическую теорию как необязательную для себя, ограничиваясь только парой-тройкой полезных навыков, либо возвращается к соблазну прежнего этапа — этическому манипулированию и отмыванию.

Таким образом, обучение этическому лидерству является не просто передачей некоторого набора знаний и навыков, но стратегией морального воспитания, требующей тщательного внимания от организаторов обучения.

Тонков Евгений Никандрович
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства
СЗИУ РАНХиГС

Формирование правовых ценностей в концепции российского правового реализма

Процессы выявления правовых ценностей основаны на признаках права, к которым принято относить, в том числе, общеобязательность, системность, обеспеченность принуждением, нормативность. Различные варианты юридического позитивизма и естественного права не могут учесть в полной мере российские историко-культурные особенности. Концепция российского правового реализма объясняет взаимосвязь права и ценностей, оказывающих влияние на правопорядок.

Право образуется в процессе развития социальных общностей; благодаря наличию организованных групп и конвенциональных соглашений возникает возможность кооперации, направленной на благополучное

сосуществование. Социальная реальность становится источником ценностей; в отличие от юснатурализма с божественным и априорным происхождением ценностей, в правовом реализме ценности формируются людьми в процессе многостороннего социального взаимодействия.

Важным элементом правопорядка является «интуитивное право» — субъективные переживания и правовые эмоции, связанные с притязаниями, чувствами долга и справедливости, осознанием сущего и должного. В ходе коммуникации и взаимного признания кристаллизуются базовые правовые ценности, отражающие индивидуальное и групповое сознание. Концепция российского правового реализма актуализирует юридическую культуру населения страны-цивилизации, способствует преодолению одностороннего понимания права как системы нормативно-правовых актов, изданных или одобренных государством.

Идеи правовых реалистов развивают методологический плюрализм, включающий использование достижений психологии, социологии, антропологии, экономики, биологии и других наук. Реалистические концепции возникают как реакция на избыточный формализм и оторванность законов от реальной жизни. Право — это не только текст закона («право в книгах»), но и корпус правоприменительных актов («право в жизни»), включающий в себя фактические правовые отношения и взаимные договоренности между сторонами, деятельность административных органов и судов, практикуемые обычаи и традиции. Ценности проявляются в обычаях и традициях, в деловых практиках и корпоративных нормах. Правовые нормы, в свою очередь, оказывают воздействие на ценности, формализуя их, укрепляя одни и вытесняя другие. Среди универсальных ценностей правового реализма следует выделить процессуальную справедливость и формальное равенство, солидарность и коллективизм, учёт интересов государства и личности, детерминированность права моральными императивами, устойчивость права от политического лоббирования.

Сторонники реалистического направления философии права рассматривают роль ученых в качестве посредников между «книжным правом» и «правом в жизни», ибо право действует как практический инструмент, являясь в значительной мере плодом опыта и интуиции, интерпретацией норм, фактов и правоотношений. Правовой реализм основан на междисциплинарности и особом внимании к взаимосвязи теоретической и практической юриспруденции: изучение юридической практики позволяет уяснить действительные запросы не только суверена, но подотчетного населения. Без реалистического направления современные исследования в гуманитарных науках уже не могут претендовать на всестороннее рассмотрение права.

Концепция российского правового реализма предлагает темпорально и исторически обусловленную модель формирования правовых ценностей, которые возникают из «интуитивного права» личностей и «живого права» сообществ. Право является не догматическим набором запретов, а развивающейся структурой, базовым элементом культуры этносов, населяющих определенную территорию.

Троненко Алиса Алексеевна
обучающийся бакалавриата ИСФНиМК
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Категория истины в современном этическом дискурсе: от кризиса объективности к этике искренности

В современном философском и этическом дискурсе наблюдается сдвиг от классического понимания истины как объективного соответствия реальности к акценту на субъективной искренности. Эта тенденция ярко выражена в работе Гарри Франкфурта «К вопросу о брехне», где он анализирует феномен «брехни» (bullshit) как коммуникативной практики, в которой истина становится второстепенной по отношению к самовыражению. Франкфурт утверждает, что в условиях постмодерна, где доступ к объективной реальности ставится под сомнение, искренность (как честное выражение собственных убеждений) становится новой нормой. Однако он предупреждает: искренность не тождественна истине, поскольку субъективный опыт может быть иллюзорным или самообманчивым.

Несмотря на её популярность в современной культуре, искренность как этическая категория остается недостаточно разработанной. М.Н. Черняевская предлагает структурировать это понятие через три ключевых модуса:

— Субъективную и интерсубъективную ответственность (осознание последствий своих высказываний для других);

— Максимальную чистоту самовыражения (отказ от намеренного искажения своих мыслей);

— Интенциональность к совершенству (стремление к моральному улучшению через искренность).

Эти критерии позволяют рассматривать искренность не просто как психологическую честность, но и как этический принцип, регулирующий взаимодействие между людьми.

Важнейшее этическое следствие искренности — её способность нейтрализовать злую волю. Если истина в классическом понимании

требует соответствия внешним критериям, то искренность ориентирована на внутреннюю согласованность и открытость. В этом смысле она:

— Исключает манипуляцию, поскольку искренний человек не стремится обмануть другого;

— Стирает границу между «Я» и «Другим», приближаясь к идеалу любви, где вред другому воспринимается как вред себе;

— Трансформирует этику в практику ответственности, что перекликается с идеями Э. Левинаса и М. Бубера.

Наиболее радикальное выражение искренности можно найти в религиозном опыте, например, в «Исповеди» Августина, где покаяние перед Богом предполагает абсолютную прозрачность и отказ от самооправдания.

В условиях, когда объективная истина кажется недостижимой, искренность становится компенсаторным механизмом, позволяющим сохранить этическую устойчивость. Её преимущество — в акценте на аутентичности и интерсубъективной проверяемости: если я искренен, мой поступок может быть оценен не по соответствию абстрактным нормам, а по степени ответственности перед другим. Однако здесь возникает и главная проблема: искренность не защищает от ошибок и может использоваться для оправдания субъективного произвола (например, в политике или медиа).

Категория истины не исчезает из этического дискурса, но её место частично занимает искренность как более гибкий и адаптивный принцип. Её сила — в способности создавать доверие и солидарность, слабость — в риске подмены объективности субъективными переживаниями. Дальнейшее исследование могло бы рассмотреть, как искренность функционирует в цифровую эпоху, где граница между аутентичностью и перформансом становится всё более размытой.

Тулегенова Динара Дархановна
научный сотрудник
ИНИОН РАН

Категория справедливости в контексте национальных политико-культурных традиций и современных социокультурных тенденций: результаты эмпирического исследования российской молодежи

Справедливость — это одна из самых сложных категорий в научном социогуманитарном дискурсе. Сложность заключается в том, что она одновременно выступает и этической, и правовой, и социально-

экономической, и политической категорией, которая охватывает все сферы жизни общества и предстает в разных качествах: как абстрактная идея или общественный идеал, как принцип построения отношений между людьми.

Существует как минимум три способа размышления над справедливостью как ценностной категорией. В одних случаях она рассматривается с утилитарных позиций, как стремление к максимизации благосостояния и счастья общества, в других означает уважение к свободе и универсальным правам человека, в-третьих, предстает как качество, связанное с добродетелью, праведным образом жизни.

При разработке дизайна исследования мы опирались на наработки отечественных историков социально-политической мысли, касающихся российских базисных традиционных ценностей. Справедливость в отечественных исторических сочинениях предстает как фразеологизм «отдать справедливость», обозначающий воздаяние должного, признание заслуг или правосудие. В работах исследователей подчеркивается, что традиционно для духовно-политической мысли России понимание справедливости через категорию правды, которая охватывает все сферы жизни общества и не имеет юридического значения.

Данное исследование ориентировано на поиск традиционных смыслов в понимании справедливости, смыслов, исторически присущих российскому обществу, которые сегодня отражаются в сознании современной российской молодежи. Концептуальной основой данного исследования выступает политико-психологический подход, в рамках которого справедливость рассматривается как политическая ценность.

Эмпирическая база данного исследования была сформирована на основе данных всероссийского репрезентативного опроса молодежи, который был проведен осенью 2022 года (n — 2500) и фокус-групповых дискуссий с представителями российской молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (n — 14).

По результатам проведенного эмпирического исследования можно заключить, что справедливость является самой актуальной политической ценностью для российской молодежи.

Справедливость, как ценностная категория, прошла длительный путь формирования, интегрировав традиционные исторически сложившиеся значения и современные политико-правовые смыслы. Понимание справедливости у молодых людей широкое и включает в себя наслоение разных значений — и рационалистических социально-экономических, и политико-правовых трактовок, и традиционных для нашей политической культуры этических смыслов. Традиционные значения справедливости наблюдается в тесной связи между понятиями справедливость и прав-

да в сознании российской молодежи. Важным является зафиксированное нами отрицание молодыми людьми возможности существования справедливости вообще, представление о справедливости как искусственном конструкте и недостижимом идеале, что может быть отражением уже обозначенного состояния российской молодежи, которое выражается в социальном инфантилизме и отстраненности от политики.

По результатам исследования в понимании справедливости прослеживается и поколенческая специфика. Это выражается в том, как по мере взросления традиционные политико-культурные трактовки справедливости замещаются политико-правовыми, а также смещением с индивидуалистических ориентаций на патерналистские в вопросе обеспечения принципов справедливости. В целом представления о справедливости у молодежи проявляют сложный баланс между ориентациями на автономию (Я—сам) и патернализм (государство должно), при котором молодые люди выступают с претензией на самостоятельность в определении принципов справедливости одновременно с запросом по отношению к государству в обеспечении и восстановлении справедливости. Все это свидетельствует о сохранении тенденции, ранее обозначенной исследователями российской молодежи, — ориентации российской молодежи на патернализм.

Тульчинский Григорий Львович
д.ф.н., профессор
НИУ ВШЭ

Предпосылки фашистского этоса в цифровом обществе: вызов и возможные демпферы

Современные теория и практика управления обществом, политические науки испытывают существенный глубокий вызов. Вечно актуальный вопрос о качестве власти, социального и человеческого капитала приобретает особенно острый характер в современном массовом информационном обществе. Острота эта связана с цифровой трансформацией практически всех социально-культурных практики и сфер жизни современного общества посредством разработки и использования технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости.

Следствием такой трансформации становятся: (1) доминирование субъектности общности над личностной субъектностью; (2) формализация ценностного содержания этоса конкретной общности, закрепление его доминирования и безопасности от влияния других; практики инфор-

мационных и гибридных конфликтов, насилия. Комплекс этих трех характеристик применительно к их доктринальному выражению и практикам реализации сближает их с характеристиками фашистского этоса. Наиболее развёрнутая характеристика этого концепта (14 признаков) была предложена У. Эко: культ традиции, провозглашающей универсально истинную смысловую картину мира; противоречивое сочетание отрицания модернизации и культ техники, технологий; подозрительное отношение к интеллекту, отрицание критического мышления — во имя общего действия; синкретизм иногда несочетаемых смыслов во имя условного единства политического согласия; критика и несогласие как знак инакости, чуждости, инородности (расовой, конфессиональной), враждебности; опора на относительно благополучные социальные слои, боящиеся перемен, угрожающих их состоянию; малоимущим предлагается преимущество происхождения, подданства и сплочение вокруг власти, защищающей от опасности вражеской угрозы внешней или также внутренней; враг (внешний или также внутренний) противоречиво подается мощным, процветающим, но и одновременно слабым нравственно и политически; воинственность, милитаризация не столько борьбы за жизни, сколько жизни ради перманентной борьбы; иерархическая организация «единого» социума, элитаризм; культ героической смерти; контроль всех сфер жизни, включая половую; политический популизм, профанирование форм народовластия; противоречивое упрощение, примитивизация стиля и содержания публичной коммуникации в сочетании с использованием вычурной, выспренной лексики.

Целью сообщения является концептуальное осмысление неожиданного и довольно опасного сближения этих двух феноменов, а также поиск способов ограничения развития этого сближения, его нежелательных и опасных последствий. Важнейшую и базовую роль в таких ограничениях играет этическое содержание техно-гуманитарной экспертизы целей. разработок, внедрения и последствий цифровых трансформаций социально-культурных практик.

Туманян Тигран Гургенович
д.ф.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика искусственного интеллекта: философско-правовой дискурс ислама

Научно-технические достижения двадцать первого века, обусловленные беспрецедентным ростом технологий искусственного интеллекта, открыли новую эру, которая предлагает обществу прежде невооб-

разимые достижения и возможности. Вместе с тем, эти технологии, а точнее тот «прогрессивный дискурс», который развернулся в последние годы вокруг неограниченного и во многом неподконтрольного движения искусственного интеллекта не мог не поднять многие существенные вопросы этического порядка. Дабы лучше понять перспективы развития и возможные последствия реализации этой передовой технологической индустрии, ее безусловного влияния на социальные отношения, экономику и т.д. представляется исключительно важным, скорее даже необходимым и обязательным обратиться к более глубокому, профессиональному исследованию ее этического измерения.

Ведь сегодня, наряду с тем положительным, что дает и может дать искусственный интеллект, имеется немало обоснованных сомнений относительно его «добродетельной сущности», его в целом неограниченного потенциала и неизмеримых возможностей. Об этом все громче говорят и больше пишут ученые, журналисты, политики в самых разных государствах мира. Примечательно и то, что эти принципиальные вопросы вот уже более десяти лет активно обсуждаются и в странах Востока, в том числе тех, где доминирует ислам с его нормами права (фикх) и традициями религиозной культуры. Ученые в Пакистане, Иране, Объединенных Арабских Эмиратах, Индонезии, Саудовской Аравии и др. не только деятельно участвуют в научно-практических дискуссиях, но и последовательно формируют свое учение, свой особый этический подход в вопросах, касающихся места и значения передовых достижений технологий искусственного интеллекта в жизни современного общества.

Такой этический подход, в основе которого лежат религиозные ценности классического ислама, является, как не трудно догадаться, абсолютной альтернативой западным научно-теоретическим разработкам и концепциям. Как заявляют некоторые мусульманские ученые, этот подход «зиждется в первую очередь на добродетели, определяемой контекстом исламских целей (макāсид), и представляет собой альтернативную этическую систему для управления искусственным интеллектом». Мусульманские исследователи настаивают, что предлагаемый ими неординарный исламский подход, основанный на добродетели, может «благодаря своей онтологической основе и богатым традициям» рассматриваться в качестве надежного правового подспорья для более целостного изучения этических проблем, связанных с развитием самых передовых научных технологий в современном мире. С другой стороны, по их мнению, исламский подход может стать ценным дополнением к глобальному дискурсу в вопросах этики искусственного интеллекта. С чем, конечно же, нельзя не согласиться.

Туркова Анастасия Валерьевна
младший научный сотрудник
сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики
Институт философии РАН,
обучающийся аспирантуры
кафедры этики философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Автономия между мотивацией и ответственностью в донорстве костного мозга

Современная философия биоэтики расширяет свои границы, предлагая новые перспективы для анализа мотивации, ответственности и автономии в практике донорства костного мозга. В условиях социально-технологических трансформаций донорство уже не сводится исключительно к приватному акту альтруизма; оно становится частью сложной системы институциональных ожиданий и нормативных практик, в которых автономия человека принимающего решение оказывается под напряжением коллективных и индивидуальных факторов. В центре внимания данной практики — этическое измерение мотиваций, которые лежат в основе вступления в регистр доноров, подписания информированного согласия и окончательного решения о реальном донорстве, когда жизнь реципиента напрямую зависит от выбора и воли донора.

Исходная этическая рамка, основанная на принципах биоэтики: автономии, благодеяния и справедливости — в современной медицине регулярно подвергается переосмыслению. Мотивацию вступления в регистр доноров костного мозга невозможно объяснить только импульсом к помощи другому: внутренняя моральная позиция сочетается с социально закреплённой ответственностью и властью медицинских институтов. Особую значимость приобретает динамика перехода от добровольности к институционализированной норме: теория дара Марселя Мосса позволяет взглянуть на то, как свободное дарение становится социальной обязанностью, где отказ от участия воспринимается как проблема этической легитимности мотивации.

Практика донорства костного мозга включает несколько этапов, каждый из которых сопряжён с этическими дилеммами. Но именно окончательное решение о донорстве становится точкой наибольшего напряжения между личной автономией и моральным долгом по отношению к реципиенту, особенно когда на кону оказывается жизнь другого человека. На данном этапе потенциальный донор сталкивается с сознанием крайней ответственности: пациент, прошедший этап интенсивной химиотерапии, оказывается в полной зависимости от согласия донора,

поскольку отказ после начала подготовительных медицинских процедур равносилен потере жизни реципиента. Эта ситуация формирует интенсивный этический конфликт, в котором автономия донора испытывает сильное давление со стороны медицинских реалий, ожиданий общества и моральных норм, но именно добровольность решения сохраняет внутреннюю целостность мотивации и делает жертву осознанной, а не принудительной. Таким образом, речь идет о предельной точке биомедицинской этики, где каждый индивидуальный выбор становится испытанием для всей системы ценностей, лежащей в основании современной донорской практики.

В результате анализа донорства костного мозга важным становится выделение иерархии ответственности: моральная ответственность строится на внутренней рефлексии, а социальная отвечает институциональному запросу на правильное поведение, включая элементы нормативного давления. Только автономия выбора способна гарантировать подлинность мотивации, делая донорство не принуждением, а осознанно принятым личным решением.

Таким образом, развитие донорства костного мозга сегодня протекает на границе фундаментального конфликта: между усиливающейся социальной ответственностью и необходимостью уважения индивидуальной автономии. Эта зона напряжения становится ключевым ресурсом философской и биоэтической рефлексии, определяя возможные направления инновационных подходов к регулированию донорских практик в будущем.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00400).

Углева Анастасия Валерьевна
Ph.D., к.ф.н., профессор Школы философии и культурологии ФГН, ведущий научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры НИУ ВШЭ

Эпистемологические и феноменологические аспекты использования систем искусственного интеллекта в науке

Сегодня человечество, вооруженное новейшими цифровыми технологиями, проходит этап масштабной интеграции в его деятельность интеллектуальных машин, спроектированных на основе обучения искусственных нейронных сетей. К настоящему времени созданы системы, способные извлекать из огромных массивов данных нужную информацию, производить быстрые вычисления, находить полезные корреляции

и на основе заданного целеполагания и настроенной системы весов в предобученной модели извлекать и выдавать решения или прогнозы, которые по форме и содержанию могут быть сравнимы с результатами человеческой деятельности. В этой связи все острее встают вопросы использования СИИ высокой степени автономности в исследовательской деятельности (ИД), а именно: в какой степени СИИ способны определять исследовательскую логику и в целом исследовательский процесс, и как они влияют на конечный результат исследования? Какие проблемы и какие новые вызовы могут возникать при применении СИИ в ИД? Как отражается взаимодействие «человек—машина» на интеллектуальном и творческом развитии самого человека?

Ключевые тезисы:

1. Явные положительные эффекты внедрения СИИ в ИД проявляются в решении инструментальных задач, в разработке и реализации теорий для малых данных, тогда как в задачах с противоречивыми данными и в неструктурированных средах СИИ менее эффективны и достоверны. СИИ на сегодняшнем уровне технологического развития не способны к сложным творческим обобщениям, абстракциям и концептуализации, которые присутствуют у человека, в т.ч. за счет психической организации и субъективной реальности. Машины пока демонстрируют весьма недостаточные способности к восприятию пространственно-временных и культурно-исторических парадигм, которые человек на интуитивном уровне включает в свою исследовательскую практику. Кроме того, можно говорить о неспособности машин в полной мере включить в исследовательские сценарии ценности человека, лежащие в духовно-нравственной, религиозной, эстетической областях, например, такие ценности как уважение к роду, предкам, культуре своего народа, религиозным святыням и т.п.

2. Наряду с позитивными эффектами взаимодействия «человек—машина» в ходе исследовательской деятельности могут возникать следующие риски: (1) получение недостоверных и/или искаженных исследовательских выводов (а значит и выбор ошибочных путей получения знаний, заблуждения и ошибки, искажение научной картины мира); (2) отрицательное влияние и нежелательные воздействия на самого исследователя (риски снижения творческих способностей, потеря исследовательских, в т.ч. методологических навыков и приемов, профессиональная деградация, ослабление эвристических способностей и исследовательской интуиции); (3) творческий поиск может быть вытеснен вычислительными процедурами и стереотипизацией исследовательского процесса, а в условиях накопительного эффекта — формирование новой эпистемологической парадигмы с обесцениванием и постепенным ослаблением эври-

стической функции и потенциала человека, радикальной трансформацией устоявшихся диалоговой и нарративно-коммуникационной специфики человеческого познания; (4) риски потери субъектности человека на различных этапах исследовательской деятельности, особенно при принятии важных, критических решений, выводов и рекомендаций, а также размывание ответственности за научный результат.

3. В процессе творческого познания феноменальный опыт и субъективная реальность человека предопределяют его главную роль при взаимодействии с СИИ. Кроме того, ответственность за результат исследований полностью лежит на человеке (СИИ — это программно-аппаратный комплекс, не обладающий правосубъектностью). Исходя из этого, целесообразно развивать взаимодействие в модальности управляемого исследовательского синтеза «человек—машина» при решающей роли и ответственности человека. Такой подход снижает риски нарастания технологического детерминизма.

4. Дальнейшая интеграция СИИ в научно-исследовательскую деятельность требует углубленного изучения, проведения целевых эмпирических измерений и экспериментов для выработки подходов, которые обеспечили бы сбалансированный, безрисковый исследовательский синтез возможностей человека и машин. Анализ различных практических кейсов и прикладных сценариев такого исследовательского синтеза должен быть направлен на формирование научно-обоснованной эпистемологической модели, которая в т.ч. позволит выделить эффективные практики, прогнозировать и предотвращать возможные нежелательные сценарии и избежать режимов использования СИИ, которые несут повышенные социо-гуманитарные риски. В такого рода проектах крайне важна междисциплинарная кооперация, в т.ч. сочетание философского поиска с инженерно-техническими инновациями.

Ухатюк Юрий Игоревич
обучающийся магистратуры кафедры философии религии
и религиоведения Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Дисциплинарная революция в Англии XVI века в контексте реформационных процессов

Эпоха раннего Нового времени является одной из наиболее важных в истории стран Западной Европы. Прежде всего, данная эпоха характеризуется грандиозным переворотом в мировоззрении, в переосмыслении воззрений на нравственность, которые в эту эпоху стали значи-

тельно более выразительны в своем ригоризме. Трансформация этических воззрений связывается с общим процессом «дисциплинарной революции», ставшей важнейшим процессом этого времени. Дисциплинарная революция является комплексным явлением церковно-государственной политики эпохи модерна по упорядочиванию жизни общества с внедрением в него особых практик, позволяющих утвердить более строгие нравственные требования к индивиду и создать общественное мировоззрение, могущее помочь обществу в столкновении со стоящими перед ним вызовами при помощи механизмов социального контроля. Процессы дисциплинизации затронули Англию раннего модерна и их связь с Реформацией и конфессионализацией, происходящими в то же время подчеркивается целым рядом исследователей. Представители церковной иерархии совместно с представителями светской власти и представителями общин ввели целый ряд мер социального контроля в этот период. Был введен соседский контроль над религиозным благочестием членов общин Англии, устанавливалась строгая регуляция сексуального поведения, а целый ряд ранее некриминализованных аморальных деяний подвергались криминализации и значительно более строгому общественному порицанию. Кроме того, в качестве одного из характерных явлений периода стало повышение среднего возраста вступления в брак и целый ряд явлений, отражавших стремление общества регулировать рождаемость для недопущения перенаселения, могущего привести к разрушительным для социума процессам. Значительная часть исследователей связывает внедрение дисциплинарных общественных практик с распространением в Англии кальвинизма и усматривают в специфике реформаторской теологии основу для осуществления дисциплинарной революции. Иные же исследователи отмечают, что общий рост регуляции общиной и церковно-государственными институциями частной жизни человека, и борьбы с деликтным поведением связываются не с особенностями кальвинизма и его распространением в Англии, а продиктованы социально-экономическими процессами, которые требовали дисциплинизации жизни отдельного индивида для интеграции его в новые формы политической, социальной и хозяйственной жизни. Эти исследователи указывают на распространение дисциплинарных практик и усиления морального ригоризма в тех общинах, которые не были кальвинистскими и никак не были связаны с феноменом английского пуританизма. Процессы Реформации и Контрреформации в рамках данной историографии рассматриваются как часть общей трансформации европейского социума, а распространяемые в их рамках религиозные идеи становятся формами институционального закрепления новых норм регуляции поведения индивида в социуме.

Английская Реформация, при этом, рассматривается в качестве примера того, как новые теологические идеи служат для укрепления власти суверена, воспитания гражданина в духе лояльности властям и адаптации его к более глубокому вмешательству в жизнь общин, а также отдельных индивидов, со стороны государства. Также прослеживается прямая связь между внедрением дисциплинарных практик и возникновением централизованного бюрократического аппарата государства. На примере внедрения архидиаконских церковных судов в различных провинциях Англии можно проследить процесс интеграции церковных институций Англиканской церкви в государственный аппарат Английского королевства можно увидеть степень возрастания участия церковной иерархии в регуляции жизни индивида, несмотря на распространенный стереотип об умалении её роли при наступлении Нового времени.

Таким образом, в докладе рассмотрены дисциплинарные процессы в Англии XVI века и их разнообразное осмысление в историографии. Для изучения проблемы рассмотрен ряд работ англоязычных и германоязычных историков, посвященных данной проблематике. Доклад является попыткой введения в изучение дисциплинарной революции в Англии и описания основных подходов к этой проблеме в уже существующей научной литературе.

Фатиев Никита Игоревич
д.ф.н., профессор
СЗИУ РАНХиГС

Модально онтологические доказательства: ценностный аспект

Разговор о модально отологическом доказательстве бытия Бога связан с со второй главой известной работы Proslogion Ансельма Кентерберийского, написанной в 1078 году. Его реконструкция выглядит так:

(P1) Необходимо, если Бог существует, то Бог необходимо существует.

(P2) Бог, возможно, существует.

(C) Следовательно — Бог существует.

Логическая структура этого доказательства:

(P1) $\Box(A \rightarrow \Box A)$

(P2) $\Diamond A$

(C) A

Самое главное — перед нами строгий логический вывод для системы S–5 Льюиса, одной из наиболее популярных сильных модальных си-

стем. Наличие в ней аксиом вида ◊A → □◊A и ◊□A → □A подготавливают наличие в ней соответственно схемы вывода □(A → □A) → (◊A → A).

На самом деле схема выглядит чуть длиннее:

1. Возможно Бог существует (возможная посылка)

2. Если Бог существует, то он необходимо существует (условная необходимость)

3. Следовательно — Возможно Бог необходимо существует

4. Если Бог возможно необходимо существует, то Бог необходимо существует (введение необходимости)

5. Следовательно Бог необходимо существует.

6. Следовательно Бог существует.

Теперь перейдем к оценке самих посылок. В отношении первой из них основной аргумент — «все воображаемое — возможно». Насколько он корректен — предоставим оценить читателю. Теперь по поводу условной необходимости. Здесь на уровне аналитических истин, начиная с Алвина Плантинги выдвигаются аргументы вида» Бог, если существует, то только необходимым образом». То есть случайное существование несовместимо с его сущностью. Но мы должны признать, что так называемая «perfect being theology» вызывает довольно резкую критику среди западных авторов.

Любопытно, что в качестве дополнительного довода за данный аргумент возникает тезис о том, что некоторые истины математики обладают этим же свойством условной необходимости. Но тут тоже есть критики, которые пишут, что нельзя сказать, что «Goldbach Conjecture» возможно необходимо истинна, пока не доказано, что она истинна.

Теперь по поводу введения необходимости. Это чисто логическая сторона медали. Наличие в системе S–5 симметричности и транзитивности отношения достижимости между мирами, обеспечиваемое ◊A→□◊A и, соответственно, ◊□A→□A решает данный вопрос без обращения к содержанию посылки. И во всем виновата Брауэрова аксиома. Однако. Не без некоторого изумления, мы должны отметить, что в эту игру (между богословами и атеистами) можно играть вдвоем. В самом деле, допустим, что исходный тезис у нас «не А», то есть Бога нет. (Вспомним классику «Эй ксендзы! Бога нет! Сказал Остап. Есть, есть сказали ксендзы!») И система S–5 непротиворечивым образом выдаст нам следующий вывод:

(P1) □(A → □A) Необходимо, если Бог существует, то Бог необходимо существует.

(P2*) ◊¬A Возможно Бог не существует.

(C*) ¬A Следовательно Бог не существует.

Это, как пишут некоторые авторы «реверсивный онтологический аргумент». Что говорит анализ возникшей ситуации: аргумент P1 является общим в обеих случаях. Его логическая истинность определяется модальной системой S–5, то есть набором входящих в нее аксиом. Остается выбор между второй посылкой — P2 либо P2*. В этом случае вернемся к обоснованию P2. «Все воображаемое — возможно». Возникает вопрос — возможно вообразить существующее нечто, а возможно вообразить несуществующее? В итоге попытку сломать возникающую симметрию между двумя противостоящими вариантами предпринял Такеши Нагасава заявив «Максимально возможная вещь должна быть возможной». С этим не поспоришь, но перед нами известная проблема модальной семантики — формула $\exists x \Diamond Ax$, читаемая как «существует объект, возможно являющийся верхней картой в колоде». Мы можем даже усилить этот тезис, написав $\Box \exists x \Diamond Ax$, но и это не позволит нам сказать какая именно это карта (при условии, что колода тасуется честно). Итак, перед нами логический анализ весьма аксиологического по своей природе материала. Осталось лишь спросить себя, вслед за организаторами данной темы — «каковы ключевые формальные, прагматические» и иные свойства данной аргументации.

Фауль Богдан Владимирович
к.ф.н., доцент
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"» в Санкт-Петербурге

Ретрибутивные эмоции и ретрибутивные интуиции

Доклад фокусируется на формулировке и анализе возражения к теории широкого ретрибутивизма, которое можно обозначить как возражение от ретрибутивных эмоций. В первом приближении широкий ретрибутивизм можно охарактеризовать как этическую позицию, согласно которой практики поощрения и наказания могут быть морально обоснованными и ценными вне зависимости от их последствий. В возражении от ретрибутивных эмоций утверждается, что наши представления о ретрибутивной справедливости основаны на особом классе эмоций, которые, по тем или иным причинам, не могут служить надёжным основанием для моральных суждений. Отсюда выводится, что ретрибутивизм лишён обоснования и не должен приниматься.

В первой части доклада вводятся теоретические положения, на основании которых формулируется аргумент от ретрибутивных эмоций. После этого выделяются две его трактовки: (1) через эволюционное разоблачение ретрибутивных интуиций и (2) через теорию морального рационализма, согласно которой эмоции не должны лежать в основе моральных суждений в целом. В анализе этих трактовок учитывается релевантная литература не только из области этики, но также из эволюционной и поведенческой психологии.

Согласно наиболее развитой версии аргумента разоблачения, широкий ретрибутивизм основывается на гневе, однако, поскольку у гнева есть эволюционный функционал, он не может служить надёжным основанием для моральных суждений. Показывается, что эта аргументация несовершенна: гнев не является ни уникальной, ни обязательной основой ретрибутивных интуиций. Он может участвовать и в других типах морального мышления, не делая их проблематичными, а кроме того, существуют ретрибутивные интуиции, не основанные на гневе.

Во второй трактовке аргумента утверждается, что моральные убеждения в целом не должны формироваться на внерациональных основаниях. В ответ на эту позицию приводятся эмпирические данные, указывающие, что люди являются аффективными существами и что значительная часть моральных суждений фактически опирается на эмоции и аффекты, включая ретрибутивные суждения. Моральная теория, игнорирующая эту данность, оказывается оторванной от реальности человеческой природы и задаёт невозможный стандарт морального суждения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №25-18-00208).

Финогин Сергей Сергеевич
независимый исследователь
образовательный проект «Горизонт событий»

Трансформация морали в эпоху терапевтической культуры

В последние несколько лет в России произошел «терапевтический поворот» (Аронсон, 2021; Симонова, 2023), описанный в западной социологии (Иллуз, 2012). Общество всё более пронизывается языком психологии, представлениями о «ресурсе», «границах» и «самозаботе». Эта система установок образует терапевтическую культуру, в центре которой находится императив: «забота прежде всего о себе». На первый взгляд, он имеет гуманистический характер: человек должен обрести

внутреннюю устойчивость, прежде чем заботиться о других. Однако в действительности он порождает ряд этических и социальных проблем.

Терапевтическая мораль — мораль самоотношения. Современная терапия не только регулирует внутреннюю жизнь субъекта, но и перестраивает базовую моральную интуицию: от ориентации на другого — к ориентации на себя.

Ключевой момент — императив самозаботы вступает в конфликт с золотым правилом «поступай с другим так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой». Забота о себе становится оправданием отказа от помощи другому, а сам принцип справедливости вытесняется как «навязчивое морализаторство».

Уже у Платона («Государство») содержится аргумент против приоритета заботы прежде всего о себе: прагматики утверждают, что выгоднее заботиться о себе, а не о справедливости; Сократ отвечает: несправедливость разрушает способность человека быть «другом самому себе»; чтобы действовать несправедливо, приходится притворяться и лгать — это порождает отчуждение от самого себя; чем больше несправедливости — тем глубже внутренняя «ссора с собой»; Сократ не апеллирует к внешнему «надо», а говорит о психологических последствиях — аргумент терапевтический, но иной, чем в современной культуре.

Идеал самозаботы ведёт к дистанции от других; возникает ожидание, что и другие будут вести себя так же; это вступает в конфликт с внутренним желанием заботы и поддержки; человек воспроизводит общество, в котором сам не хочет жить — это и есть «ссора с собой» по Сократу. В психологии это называют «взрослением»: отказ от ожидания заботы и признания со стороны других.

Спрос на терапию растёт, так как она снимает внутреннее напряжение, но одновременно закрепляет те же причины, по которым люди обращаются к психологам.

Императив «заботы о себе» отражает требования рыночного общества, в котором исходно человек разделён на два субъекта (по Хабермасу): институциональный — действует в логике выгоды, карьеры и конкуренции; моральный — ориентируется на гуманистические нормы. В условиях удалёнки, самозанятости, прекарных контрактов эти сферы всё больше смешиваются; экономическая рациональность переливается в частные отношения, вступая в противоречие с гуманистической моралью.

Терапия нейтрализует стресс и чувство вины, возникающие из-за этого противоречия. Она утверждает: «вы не обязаны винить себя за эгоистичное поведение»; она создаёт дискурсивную инфраструктуру гуманистического вида, но с ядром рыночной рациональности.

Возникает феномен «тёплого цинизма» — совмещение внешней заботливости с внутренней рациональностью рынка; это подтачивает личные связи и усиливает отчуждение, оставаясь почти незаметным для самих участников.

Таким образом, терапевтическая культура, легитимируя перенос рыночной рациональности в личные отношения, не только усиливает отчуждение, но и ставит под вопрос саму возможность нравственного прогресса в современном обществе.

Фирциков Илья Олегович
обучающийся бакалавриата философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Физика и этика. «Тимей» Платона: космос как нравственный образец

1) Современный образ вселенной — механистичен и бездушен, он не может служить нравственным образцом. С этим кардинально был не согласен Платон. В свое время он противопоставил механистическому взгляду атомистов образец разумно упорядоченного космоса. Для начала эксплицируем взгляд атомистов и ранних греческих философов. В его основе — определенное понимание движения во вселенной, оно неупорядоченно, их астрономия примитивна, связана с телесным взаимодействием явлений, небесных тел. Платон, хотя и является ее оппонентом, интегрирует эту картину мира, но она представляет собой, говоря языком Э. Франка, die Urwelt, мир до упорядочивания его разумом.

2) Взгляд Платона имеет ключевую предпосылку — астрономические открытия школы Архита (В первую очередь это то, что движения небесных тел подчинены математическим закономерностям, они упорядочены, вычислимы, разумно постижимы). Категория движения фундаментальна для Платона, но она отлична от той, что была у его предшественников. Теперь движение разумно и упорядоченно. Космос, пребывающий в движении, таким образом, тоже прекрасен и упорядочен. Мир упорядочен разумом, насколько это возможно, на базовом уровне происходит взаимодействие элементов — это объединение и разъединение треугольников; небеса также упорядоченно движутся по кругу тождественного (планеты, которые блуждают, — по кругу иного). В космосе все целесообразно, подчинено высшей и наилучшей цели — телеология.

3) «Тимей» этичен, т.к. космос сам по себе является а) этическим идеалом, которому должен следовать человек (воплощать идеалы порядка и пропорциональности, то есть упорядоченного движения души), б) до определенной степени антропоцентричен.

4) Существует глубинная связь макро- и микрокосмоса. Демиург создает упорядоченный космос, убедив необходимость. Человек достигает разума, овладевая своими страстями, проистекающими из той же необходимости. Это происходит посредством подчинения страстей и приведения души в правильные круговые движения, подобные движениям небосвода. (Т.к. само мышление — одна из форм кругового движения.)

5) Скажем о дальнейшей судьбе «рациональной теологии» Платона. Идея разумной Мировой Души, правящей небесным сводом, будет господствовать на протяжении всей античности. Платоновская рациональная теология — по крайней мере в интеллектуальных кругах — совершенствует и в то же время теснит традиционные религиозные верования (устаревший культ Олимпийцев), над которыми сам Платон посмеивался. Попытка широкомасштабной замены традиционной религии религией «астральных божеств» оказалась неудачной, не получив поддержки со стороны государства или широких масс, однако она тем не менее оказала влияния на позднеантичную интеллигенцию.

6) Зададимся теперь вопросами: Устарел ли телеологический взгляд Платона сегодня? Какие позитивные выводы могут быть сделаны? (Ничто не мешает и сегодня восхищаться красотой и упорядоченностью мироздания и стремиться к прекрасному).

Харамецкая Лариса Дмитриевна
обучающаяся специалитета
по специальности «Клиническая психология»
ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России

Проблема этического экспериментирования в цифровом пространстве при использовании систем искусственного интеллекта

Стремительное развитие и интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную коммуникацию, воплощенная на таких платформах, как «Character AI», и интерактивных средах, подобных игре «Status», трансформирует не только способы коммуникации, но и его этические основания. Эти системы перестают быть нейтральными инструментами, активно формируя новую цифровую среду «иллюзорной интимности». Данные тезисы исследуют, как ИИ-боты и игровые механики, выступая в роли «прото-этических тренажеров», создают безопасные пространства для коммуникативных экспериментов, и анализируют парадокс их влияния на человеческую этику.

Британский философ Мэри Мидгли рассматривала игру как «замкнутую систему» — особое пространство, где индивид может экспериментировать с идеями и моделями поведения без риска реальных последствий. Именно эту функцию выполняют современные диалоговые ИИ и нарративные игры, модерируемые ИИ.

Например, платформа «Character AI» позволяет пользователю посредством сообщений взаимодействовать с персонажами, чей продуманный дизайн симулирует человеческие когнитивные и эмоциональные реакции, создавая иллюзию социального контакта.

Этот принцип также находит свое развитие в таких проектах, как игра «Status». В этой социальной симуляции игрок, посылая сообщения, получает от ИИ развернутую обратную связь: ответные реплики, начисление «очков», «оценки» и изменение виртуальных отношений с другими персонажами. Таким образом, каждое коммуникативное действие пользователя мгновенно получает в том числе и этическую оценку в рамках игрового мира.

Развивая эту мысль, концепция Йохана Хёйзинги («HomoLudens») о человеке как существе играющем позволяет рассматривать взаимодействие с ИИ-ботом как особую форму коммуникативной игры. Пользователь и бот вступают в диалог по определенным, пусть и неявным, правилам, совместно создавая замкнутую игровую реальность. Эта реальность, будучи изолированной от обыденности, оказывает на нее обратное влияние, формируя и закрепляя новые коммуникативные паттерны.

Возникает ключевой парадокс: система, не обладающая сознанием, интенциональностью и моралью, демонстрирует убедительное, а в некоторых случаях и «сверхчеловеческое» по качеству, моральное поведение. Однако эта способность является не проявлением внутренней этики, а сложной симуляцией, продуктом обработки огромного массива данных — кодифицированного этического наследия человечества.

Следовательно, ИИ выступает не в роли самостоятельного морального агента, а в роли мощного ретранслятора и интерпретатора уже существующих в культуре норм и ценностей. Это помещает его в уникальную позицию «квази–Другого» — сущности, с которой человек вступает в полноценный диалог, но которая не является ни живым собеседником, ни пассивным инструментом. Именно в этой гибридной позиции и рождается его потенциал как источника новой этики общения.

Таким образом, интеграция ИИ в коммуникативные практики, будь то в форме чат-бота или интерактивной игры, ведет к становлению принципиально новой этической среды. Эта среда, предоставляет человеку беспрецедентные возможности для безопасного этического экспериментирования.

Хаткевич Александра Анатольевна
лаборант–исследователь лаборатории экспериментальных
политико-психологических исследований
историко-филологического факультета
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Ключевые аксиологические ориентиры России в наследии отечественной общественно-политической мысли

Ценности — общественные идеалы и смысловые доминанты жизнедеятельности людей — представляется необходимым рассматривать в контексте как современности, так и истории. В настоящей работе представлены результаты историко-политологического анализа ключевых аксиологических ориентиров России (вера, семья, правда, Родина, воля), проведенного на основе наследия отечественной общественно-политической мысли.

Источниковую базу исследования составили тексты XI–XX вв. Были изучены сформулированные в пространстве отечественной общественно-политической мысли характеристики не только пяти упомянутых понятий и явлений, но и тех ценностных ориентаций, которые предлагается с ними соотносить: служения, жертвенности, героизма (вера), командности, семейности, многонациональности (семья), честности, справедливости, совести (правда), патриотизма, суверенности, мессианства (Родина), созидания, стойкости (воля).

Вера являет собой основу не только религиозных деяний, но и деятельности вообще, в том числе в сферах науки и искусства. Такое смысловое наполнение веры умещается в понятии духовности. Вера (духовность) была естественна для людей нашей страны в разные периоды ее истории. Иногда вера подвергается испытаниям, однако люди стремятся показать неприемлемость ее притеснения. Под служением подразумевается искренняя деятельность, направленная на какую-либо цель и способная объединять людей. Жертвенность — в чем-то результат богоуподобления как духовного преображения личности и качество, важное для правителя. Героизм является в какой-то мере продолжением жертвенности и проявляется в борьбе — например, за свои веру и землю.

Семья выступила в отечественном контексте аксиологическим ориентиром не столько для межличностных отношений, сколько для политического бытия, что нашло воплощение в монархизме. То, что в современном языке называется командностью, в целом, соотносится с явлением общинности, которая сопряжена с духовной склонностью к соборности. Личности «звучат в общине не как отдельные голоса, но как хор». Семейность основывается на чувствах уважения к родителям и любви. Много-

национальность обусловлена политико-географическими аспектами исторического развития России и предстает не просто как данность, но и как процесс межкультурного взаимодействия.

Правда является основанием для надежды, объектом любви и результатом в том числе веры. В некотором смысле правда тождественна свободе. Честность может быть характеристикой и жизни, и смерти. Справедливость рассматривается как должная основа для государственной деятельности, подчеркивается значимость построения справедливого общественного порядка. Совесть способна влиять на жизнь человека и сопряжена с дисциплиной.

Родина в значении Отечества стала важным аксиологическим ориентиром в период объединения земель и осознания государством себя в историческом одиночестве и статусе третьего Рима. До объединения, как и, в общем-то, после него, огромную роль в жизни человека играло место, где он родился, живет и трудится. Его эмоциональная привязанность к месту — то, что мы сейчас называем локальным патриотизмом, — сосредоточена во фразе «меня любит мать сыра земля». Общественно-политические мыслители настаивают на необходимой самостоятельности нравственного подвига любого народа.

Волю, согласно представлениям, характерным для религиозной картины мира, должно проявлять с признанием и учетом первичности воли Бога. Возможно, именно это обусловило силу ценностной ориентации совести в отечественном сознании. Совесть — внутренний «камертон», который люди могут слушать в процессе своей деятельности. Созидание — часть этой деятельности, и его, как и жертвенность, в духовном смысле можно назвать результатом богоуподобления. Стойкость проявляется в испытании веры и борьбе, в которой выражается и героизм.

Вера, семья, правда, Родина и воля переплетены между собой в пространстве отечественной общественно-политической мысли. Исторически сложившаяся укорененность веры в отечественном сознании обусловила устойчивость и содержательные особенности четырех других ключевых аксиологических ориентиров.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Холодный Егор Андреевич
обучающийся бакалавриата Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Критика решений антиномии субъективного и объективного в морали на примере философии Людвига Витгенштейна

В этике существует множество антиномий, но по нашему мнению, одной из самых актуальных на сегодняшний день остаётся антиномия, которая касается субъективного или же наоборот объективного статуса морали. В современном этическом дискурсе, который на наш взгляд является по большей части аналитическим, данная антиномия представлена противостоянием двух направлений: когнитивизма и нонкогнитивизма. Представители первого считают, что моральные высказывания могут иметь истиностный статус, а представители второго соответственно считают, что моральные высказывания такого статуса иметь не могут. И как нам кажется одним из мыслителей, которые смогли реактуализировать данную антиномию в наше время был Людвиг Витгенштейн.

Для обоснования нашего тезиса сначала нам необходимо обратиться к трудам Иманнуила Канта, так как именно он предложил одно из самых известных решений этой антиномии. Заключается оно в том, что Кант примиряет в своем категорическом императиве оба полюса этой антиномии: категорический императив есть всеобщий (объективный) закон, но одновременно с этим он также есть максима, которую человек выбирает свободно (субъективно). Однако нам кажется, что в своей «Лекции об этике» Витгенштейн, ставит под сомнение это решение.

В самом конце «Лекции» он пишет следующее об этических высказываниях: «То есть сейчас я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного (лингвистического) выражения, а потому что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т.е. за пределы обладающего значением языка». Иными словами, Витгенштейн полагает, что этические высказывания, которые он приравнивает к высказываниям абсолютной ценности, являются бессмысленными, так как ни одно высказывание просто неспособно охватить собой моральный абсолют, который пытается выразить собой любая этическая система. И как нам кажется категорический императив Канта наглядно иллюстрирует, то о чём пытался сказать Витгенштейн. Дело в том, что моральный закон в том виде, в котором его выразил Кант является обычной тавтологией, за что Канта критиковал ещё Гегель. А также, что немаловажно, основания морального закона лежат за границами человеческого познания, следовательно этика Канта замыкается

сама на себе в попытке выразить абсолют, и следовательно становится бессмысленной. Однако стоит заметить, что критика Витгенштейна относилась скорее к моральной философии вышеупомянутого Джорджа Э. Мура, так как Мур, как и Витгенштейн, искал истоки этики в языке, поэтому мы приводим пример концепции немецкого философа лишь как аналогию.

Мур подобно Канту пытался сконструировать проект универсальной и самодостаточной этической системы, посредством обращения к языку морали. В целом этическая система Мура была довольна сильно похожа на то, что предлагал Кант, хотя и имела ряд серьезных отличий, но для нас важно, что концепция этического интуитивизма предложенная Муром также решала вышеописанную антиномию, а также, что ее суть сводилась к такому же тавтологичному тезису, только вместо кантовского «долга ради долга» было «добро ради добра».

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем сделать вывод о том, что выводы Витгенштейна прекрасно показывают, почему решение антиномии субъективного и объективного в морали до сих пор является актуальным вопросом современной этики.

Хомяков Дмитрий Олегович
обучающийся аспирантуры факультета психологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Ценностный аспект принятия решений военно-политическим руководством при формировании государственной военной политики

Современная международная политика в последние годы характеризуется новым витком начала множества вооруженных конфликтов. Однако для большинства из них активная фаза военных действий завершилась в кратчайшие по историческим меркам сроки — в течение нескольких дней или одного месяца.

Стремясь понять эти процессы и используя в качестве основы для этого теорию глобального снижения насилия, а также знания, накопленные военной и политической наукой, мы можем строить соответствующие объяснительные теоретические концепции. В данной статье акцент делается на ценностном аспекте принятия решений военно-политическим руководством при формировании государственной военной политики.

Военно-политическое руководство любого государства состоит из гражданской администрации (чаще всего — это глава государства, его

окружение и члены правительства). Но особой частью военно-политического руководства в зависимости от конкретной принятой в государстве управленческой системы является профильный министр (или главный начальник вооруженных сил), отвечающий за оборону (как в РФ) или войну (как в США с 2025 г.). При этом важную роль также играет командный военный состав — его участие во многом делает возможным объективное представление высшего руководства о военной реальности для принятия эффективных управленческих решений.

Считается, что для профильной части руководства военной политикой свойственен приоритет достижения поставленных целей при минимуме затраченных ресурсов. Можно сказать, что современная профильная военная администрация в результате процессов демократизации и бюрократизации, тесно связанных с разделением властей, во многом отказалась от своей субъектности в разработке приоритетов развития государственной военной политики, передав эту ответственность гражданской администрации.

Таким образом, при формировании государственной военной политики «военная» часть решений принимается профильной администрацией и командным военным составом, а сфера «политики» является прерогативой гражданской администрации.

Понимание этой двойственности в формировании военной политики государства дает возможность понять, какие факторы влияют на ее разработку и непосредственную реализацию.

Если на профильную военную часть оказывают влияние только объективные военные факторы (наличие ресурсов, масштаб ведения боевых действий, характер сопротивления противника, возможность использования географического ландшафта и т.п.), то для гражданской администрации свойственна бОльшая субъективность ввиду владения неполным объемом информации (система международной политики слишком сложна, чтобы учитывать все факторы влияния) и из-за особенности восприятия конкретной управленческой системой поступающей ей информации. Так, на гражданскую администрацию влияют международная политика в целом, экономическая ситуация, мнение международного сообщества, внутриполитическая ситуация, проблемы в которой оппозиция стремится использовать в своих целях и т.п.

Известно, что военные издавна формировали особые своды ценностей, которые затем имплементировались в их организационную культуру. Среди них были не только те, которые гарантировали достижение непосредственных военных задач, но и те, которые обеспечивали гуманное отношение к противнику в различных ситуациях.

Однако, учет значимости гуманистических ценностей при формировании военной политики больше свойственен именно гражданской администрации. Это связано с тем, что современные правительства склонны учитывать общественные настроения, которые в разной степени, но влияют на принятие управленческих решений.

Так, социальные представления о военном насилии стали намного более гуманными в сравнении с аналогичными представлениями в конфликтах прошлого. Взятие врага в плен, достойное обращение с ним, отказ от применения оружия, причиняющего излишние страдания, приоритет дипломатического решения над силовым и т.д. — все эти принципы стали неотъемлемой частью универсальных ценностей культуры мирового сообщества.

Таким образом, понимание структуры формирования государственной военной политики, а также факторов, которые влияют на решения терминальных акторов в этой системе, способно объяснять гуманизацию военных действий в современных международных конфликтах.

Цветков Евгений Дмитриевич
свободный исследователь

Моральный прогресс в постсекулярной перспективе

Вопрос о существовании и характере морального прогресса остаётся одним из центральных в современной этике. Философия Нового времени связывала прогресс с линейным развитием разума и освобождением общества от религиозных предрассудков. Однако катастрофы XX века, массовое насилие и тоталитарные режимы поставили под сомнение оптимистический проект Просвещения. В этих условиях идея морального прогресса требует нового обоснования. Одним из продуктивных подходов становится постсекулярная перспектива, предложенная Ю. Хабермасом и поддержанная рядом современных мыслителей.

Под постсекулярностью понимается не возврат к доминированию религии, а признание того, что в современном обществе религиозные традиции продолжают оставаться значимыми и способны вносить вклад в публичный дискурс. Хабермас указывает, что современный мир характеризуется «ситуацией постсекулярности», где и верующие, и неверующие должны учиться переводить свои моральные интуиции в универсальный язык, понятный обеим сторонам. В этой модели религия не вытесняется из общественного пространства, но участвует в формировании ценностного консенсуса. Моральный прогресс понимается как процесс расширения горизонтов справедливости и ненасилия, как спо-

собность общества учиться на исторических катастрофах и вырабатывать более гуманные нормы.

Исторические примеры подтверждают продуктивность такого подхода. Отмена рабства в Европе и Америке стала результатом соединения гуманистических идей Просвещения и религиозных движений аболиционистов. Провозглашение прав человека во многом опиралось на секулярный язык, но его универсализм укоренён в библейской традиции признания равного достоинства каждой личности.

Постсекулярная перспектива позволяет также заново оценить вклад христианской мысли. Русские философы В. Соловьёв и Н. Бердяев рассматривали историю как пространство нравственного совершенствования и критиковали иллюзию прогрессизма, лишённого духовного основания. Х. Йоас, анализируя генезис прав человека, указывает на процесс «сакрализации личности», в котором религиозные представления и секулярные идеи выступают взаимодополняющими факторами. Даже Дж. Милбанк, критикующий иллюзию автономности секулярного разума, подчёркивает теологические корни современных этических концепций.

Таким образом, моральный прогресс в контексте постсекулярного устройства общества предстает не как односторонний результат секуляризации, но как совместное достижение светской и религиозной традиции. Постсекулярная перспектива разрушает старую дихотомию «прогресс разума против догмы веры» и показывает, что именно их диалог способен создавать новые формы нравственного консенсуса. В мире, где ни религия, ни секуляризм не обладают монополией на моральную истину, только их сотрудничество способно обеспечить адекватный ответ на вызовы современности — от биотехнологий и искусственного интеллекта до глобальной несправедливости и экологического кризиса.

Целыковский Алексей Андреевич
к.ф.н., доцент кафедры философии и социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «ЛГТУ»

Медиатизация памяти: этика репрезентации подвига и травмы в современном российском кинематографе

Тема исследования посвящена этическим аспектам репрезентации памяти о Великой Отечественной войне в современном российском кинематографе в контексте медиатизации, то есть превращения исторического прошлого в медийный продукт. Актуальность этого вопроса к 80-летию Победы сложно переоценить, поскольку именно кино остается для массовой аудитории, особенно для молодежи, ключевым источником визуальных образов и нарративов о войне. Однако процесс меди-

атизации исторической памяти порождает сложный комплекс этических проблем, связанных с балансом между героическим и травматическим, между исторической правдой и мифом.

Ключевая гипотеза исследования состоит в том, что в российском кинематографе 2010-2020-х годов доминирует модель «героической медиатизации», которая систематически вытесняет сложную, многогранную память о войне в пользу мифологизированного и упрощенного образа. Это приводит к формированию этически проблемного дискурса, где война репрезентируется не как национальная трагедия, а как грандиозное действие, своего рода исторический блокбастер. Подвиг в этой парадигме предстает не как следствие глубочайшего личного, а как масштабное и эффектное действие. Возникает этический вопрос: не становится ли такая реприза памяти формой бегства от подлинной сути войны, ее античеловечности? Происходит ли подмена сопереживания жертвам на восхищение зрелищем?

Второй важный аспект — это маргинализация темы индивидуальной и коллективной травмы. Фильмы массового проката крайне редко рискуют погружаться в глубины психологического страдания, физической боли и экзистенциального ужаса, которые были неотъемлемой частью военного опыта. Фокус на коллективном действии и глобальном результате заслоняет собой цену, которая была за нее заплачена. Сложные моральные выборы, страх, отчаяние, горе — все это остается за кадром или подается как кратковременная трудность, преодолеваемая силой духа. Эта тенденция контрастирует с традицией советского кинематографа, где в шедеврах, подобных «Иди и смотри» Э. Климова, травма была центральным элементом, заставляющим зрителя прочувствовать всю глубину катастрофы. С точки зрения мемориальной этики, замалчивание травмы есть форма забвения истинной цены Победы.

Таким образом, можно констатировать, что этика репрезентации в современном российском военном кинематографе тяготеет к героико-патриотической модели, которая минимизирует изображение травмы и индивидуального страдания. Это создает мифологизированный, очищенный от болезненных противоречий образ войны. Хотя такой подход, безусловно, выполняет важную консолидирующую функцию, с позиций мемориальной этики он может рассматриваться как форма упрощения, ведущая к девальвации многогранного и трагического исторического опыта. Перспективой для развития представляется поиск режиссерами и сценаристами более сбалансированного языка, который бы сочетал уважение к подвигу с честным и бесстрашным показом той чудовищной цены, которую заплатил за него советский народ. Только такой диалог с прошлым, лишенный упрощений, может быть по-настоящему продуктивным для диалога с будущими поколениями.

Цибизова Ирина Михайловна
к.и.н., научный сотрудник отдела философии
ИНИОН РАН

«Курс этики для всех дисциплин с основанием на человечности» Б.Дж. Уэлтон и Дж. Нойеншвандер. Что превалирует: человечность или утилитаризм?

Вышедший в 2022 г. в Кембридже учебник по этике для студентов непрофильных дисциплин «Курс этики для всех дисциплин с основанием на человечности» (Beverly J. Whelton, Neuenschwander Jane. A study of ethics for all disciplines with foundations in humanity) У.Дж. Беверли и Дж. Нойеншвандер, авторов пособия «Гуманность в сердце практики: Курс этики для студентов и работников системы здравоохранения» (Whelton Beverly J., Neuenschwander Jane. Humanity at the Heart of Practice: A Study of Ethics for Health — Care Students and Practitioners) (2018 г.), претендует на основании преподавания и восприятия дисциплины на «общих принципах человечности» и ставит задачу сформировать у обучающихся самостоятельное моральное мышление и умение принимать решение по сложным этическим проблемам. Обучающихся постепенно знакомят с понятиями ценностей и их подразделением на ценности сообщества (от общечеловеческих до профессиональных, религиозных и т.д.), предупреждая о подобии этических решений таковым медицинским и относящихся к бизнесу; с понятиями практического суждения, аргументации, философского мышления; основными философскими взглядами на природу вообще и природу человеческую; человека как личности в обществе и его праве на выбор и самоопределение; превалированием общечеловеческого над профессиональным; кодексом прав защищаемых человека; нормативной этикой добродетелей; основными этическими теориями; нравственными проблемами, которые ставит развитие науки, в частности возможностью манипуляций с человеческим геномом, исследованием стволовых клеток и т.д.

Достоинства пособия заключаются в доступности материала, простом языке изложения, словарях терминологии и практических заданиях, стимулирующих самостоятельное мышление, в конце каждой главы, обилие иллюстративного материала, связанного с острейшими проблемами современной медицинской и био- этики и громкими судебными делами в США, мощный призыв к превалированию гуманного над профессиональным.

Недостатки: отсутствие единой истории этики, ее фрагментация и эклектика (сочетание Аристотеля и Фомы Аквинского в интерпретации

У. Норриса Кларка с трансгуманистическими концепциями), недочеты и фактические неточности в этой области; вписанность этики в нормы и экономические реалии западного общества (США в частности), часто приводящая к прагматизму и даже утилитаризму мышления; постоянное преобладание конкретного над абстрактным, зачастую приводящее к тем же результатам.

Цуркан Евгений Геннадьевич
к.ф.н., старший преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова

Память и забвение: моральные границы контроля над персональной информацией

С развитием цифровых технологий проблема «права на забвение» приобретает всё большую значимость. Право на забвение — это право человека, позволяющее ему требовать при определённых условиях удалить или скрыть данные, субъективно оцениваемые как вредоносные или устаревшие, из открытых источников, индексируемых поисковыми системами. Осуществление права на забвение приводит к этической дилемме — напряжению между автономией индивида и общественной осведомлённостью и безопасностью. Исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: где проходит граница между правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и сокрытием общественно важной информации?

С одной стороны, без высокой доли контроля индивида за личными данными немыслима конфиденциальность. В свою очередь, коррозия конфиденциальности подтачивает субъектную автономию, что частично лишает индивида агентности, поскольку именно приватное пространство — это пространство принятия решений, основных на личных убеждениях. Нарушение конфиденциальности ограничивает автономию в принятии решений, размывает идентичность, вызывает чувство незащищённости. С другой стороны, «право на забвение» вступает в противоречие с принципами свободы информации, прозрачности и сохранения исторической памяти, а удаление публично значимых фактов создаёт искаженную картину реальности. Таким образом, следует установить предел контроля индивида над персональной информацией, чтобы не подвергать необоснованному риску сообщество, вводя в заблуждение или скрывая чувствительную для окружающих информацию, в то же время сохраняя высокую степень индивидуальной автономии. Вопрос о праве на забвение в цифровую эпоху выходит за рамки юридических дискуссий, затрагивая глубинные аспекты человеческого существования —

свободу самоопределения, природу памяти и границы публичного и приватного. Поскольку граница между автономией индивида и сохранением общественно значимой информации не может быть проведена в юридических терминах, требуется осуществление социально-философской и этической экспертизы. Память составляет основу идентичности, а репутация является значимым компонентом социальных взаимодействий, однако цифровые медиа в контексте платформенного капитализма превращают память в материальный артефакт, внешний по отношению к индивиду и сообществу, и подверженный алгоритмическим манипуляциям: архивации, сохранению, накоплению, таргетированию и так далее.

Проблема «права на забвение» оказывается спором между автономией личности и общественной полезностью. Это не просто юридическая норма, а вызов, требующий переосмысления того, что значит быть человеком в мире, где прошлое не исчезает, а накапливается. Непротиворечивое осуществление «права на забвение» требует выработки сложного этическо-юридического устойчивого консенсуса, связанного с балансированием между свободой, ответственностью и памятью. Общество должно найти баланс, чтобы избежать как тотального контроля над личностью, так и манипуляций исторической правдой.

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Чалый Вадим Александрович
доцент, д.ф.н., профессор философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Проблема "выравнивания" ИИ в перспективе этики Канта

Растущие возможности и распространение использования ИИ в самые разные области жизни заставляют исследователей и широкую публику озаботиться вопросом этического регламента применения ИИ. Одним из способов постановки этой проблемы является дискурс о т.н. «сонастройке ИИ» (СИИ, AI alignment). В своём докладе я хотел бы переформулировать способы постановки и решения некоторых основных проблем этого дискурса на кантианском языке и обратить внимание на человеческую сторону уравнения. Понятие сонастройки обозначает двухместный процесс приведения одной стороны в соответствие с другой. Однако дискуссия о сонастройке, идущая в литературе по ИИ, преимущественно отвечает на вопрос «сонастройка чего?» и уделяет меньше внимания лежащему за пределами этой области знаний вопросу «сонастройка чему?» Между тем выдвижение в качестве критерия или

нормы сонастройки человечества и фиксация «направления соответствия» ИИ—>человек указывает на необходимость прояснения устройства человеческой стороны, формующей или нормирующей — или запутывающей — сторону ИИ. Более конкретно, необходимо прояснить, как мы мыслим «согласование» в отношении человеческих агентов, какие препятствия возникают на этом пути, как мы можем — или не можем — вообразить себе конечное состояние полной согласованности, и так далее. Эти вопросы переносят нас на традиционную территорию этики.

Я буду утверждать, что дискурс сонастройки и кантианская этическая программа 1) посвящены одной общей цели гармонизации деятельности разумных агентов, 2) сталкиваются со сходными трудностями, хорошо известными в имеющих сравнительно давнюю историю дискуссиях кантианцев, и 3) по целому ряду причин, лежащих на стороне человечества, не имеют и, несмотря на надежды и установки многих участников дискуссий, не будут иметь теоретически строго, стройного и практически исполняемого, бесконфликтного решения — «сонастройка» останется в кантианском смысле регулятивной идеей, но не сможет стать реальностью. Среди этих причин: множественность релевантных описаний предполагаемых действий, множественность способов их обобщения в субъективных правилах (максимах), невозможность (для конечных существ) универсализации максим из-за неполноты и модифицируемости убеждений. Все эти проблемы распространяются на искусственные интеллектуальные системы. Я начну с краткого очерка актуального состояния дискуссий о СИИ и уровня понимания проявляющихся в этой области проблем, затем предложу перевод этих проблем на язык кантовской философии, затем продемонстрирую проблематичность попыток строгого решения этих проблем.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 24-78-10071.

Часовских Григорий Александрович
старший преподаватель
кафедры медицинского права, этики и антропологии
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
(Пироговский Университет)

Эволюция сотрудничества и институты доверия: экономика на страже этики добродетели

Идея «экономики на страже этики» может показаться парадоксальной, однако современная поведенческая наука предоставляет веские аргументы в её пользу. Доклад раскрывает эту связь, отправляясь от эволюционных основ человеческого поведения. В целом, в экономической

науке не нова идея того, что человек — не рациональный эгоист Homo economicus, а «условный альтруист». Однако ни на уровне общих дискуссий, ни на уровне дизайна институтов эта идея часто не находит своего отражения.

Эволюционный успех человека был обусловлен способностью к кооперации, взаимному альтруизму и, вероятно, отбору на "сильную взаимность", включающему и чувство справедливости. Это, в свою очередь, и заложило фундамент для будущих добродетелей — честности, справедливости и доверия. Фундамент этот нельзя назвать в строгом смысле биологическим, скорее в сложной связке коэволюции генакультуры, он отражает обратную положительную связь с очень высокой социальной динамикой, закрепляемой (или подкрепляемой) генами. Проблема заключается в том, что эти эволюционные механизмы проявляют себя и эффективны преимущественно в малых группах. Для масштабирования кооперации до уровня сложного современного общества требуются специфически организованные институты. Именно формальные и неформальные институты: законы, контракты, социальные нормы могут брать на себя как роль катализатора, так и ингибитора добродетели. Снижая транзакционные издержки и риски, они могут делать добродетельное поведение не просто моральным долгом, но и рациональной стратегией, формируя среду, в которой доверие становится «смазкой» экономики, а честность — столпом репутации. С этим связан ряд проблем: некоторые институты плохо встраиваются в данные поведенческой экономики и традиционные представления добротетели. Презумпция человека-мошенника вероятно коррелирует с антисоциальным поведением. Но даже и без этой корреляции, оснований полагать неэффективные равновесия более чем достаточно. Иными словами некоторые неэффективные равновесия в обществе оказываются исключительно стабильными и глубоко укорененными.

На этом стыке экономика совершает ключевой поворот: от констатации фактов — к проектированию будущего. Используя инструменты вроде «архитектуры выбора», она позволяет целенаправленно создавать институциональный дизайн, способствующий развитию добродетельных привычек. Идеальным примером подобных институтов оказываются некоторые НКО и отделения вроде паллиативной помощи, которые плохо встраиваются в капиталистическую корпоративную логику, но при этом обнаруживают исключительную экономическую эффективность. Таким образом, экономика из чистой науки о поведении превращается в поставщика практических решений для формирования этического ландшафта, в котором добродетель может вести к коллективному процветанию (eudaimonia). Синтез эволюционной теории, поведенческой эконо-

мики и этики добродетели позволяет рассматривать моральные нормы как ключевые активы, а хорошо спроектированные институты как механизм, переводящий нашу наследственную склонность к сотрудничеству в реальные практики устойчивого и справедливого общества с "эффективными равновесиями".

22-18-00383 Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе.

Чепелева Наталья Юрьевна
к.ф.н., младший научный сотрудник философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Этика Аристотеля и благополучие животных

Аристотеля называют отцом зоологии, поскольку именно он впервые предпринял попытку научной систематизации животных по общим признакам, например, на животных с кровью (Enhaima, αἷμα) и бескровных (Anhaima, ἀναιμία), что примерно соответствует современному делению на позвоночных и беспозвоночных. Человек тоже относится к животным, он относится к животным общественным и домашним, однако в отличие от всех остальных обладает рассудительностью, полнотой добродетели и жизни — и поэтому только человек может быть счастливым. Это не означает, что животные исключаются из этической сферы. Например, в IX книге «Истории животных» описываются нравы (ἦθος) животных: трусость и мужество, кротость и свирепость. Многие животные не только похожи на людей, но и подражают им: так, ласточка строит гнездо, подражая человеку, строящему свой дом. В «Никомаховой этике» даже допускается утверждение, что некоторых животных можно признать рассудительными.

Многообразие материала о животных, предложенного Аристотелем, позволяет современным исследователям выстраивать аристотелианские модели благополучия животных. Например, в современных animal studies особенное внимание уделяется аристотелевскому понятию телос (τέλος), которое может служить основой для разработки аристотелианских подходов к благополучию сельскохозяйственных животных (Grumett, Rollin? Thompson). Понятие τέλος трактуется следующим образом: когда животное достигает своих целей, объективных и специфичных для вида, его жизнь может считаться благополучной.

Фактически, то, что Аристотель называет полисом, может быть как застроенным городом, так и связанным сельским сообществом. В «Экономике» он указывает, что земледелие способствует мужеству и являет-

ся главным из занятий, потому что оно справедливо. Фермер Аристотеля — средний домохозяин hoi mesoi (οἱ μέσοι) — еще один образ, активно использующийся в современной этике в контексте стремления к умеренности и отказа от перепроизводства и перепотребления (The Oxford handbook of food ethics).

Наконец, еще один любопытный образ: в «Политике», помимо знаменитого утверждения, что человек — животное политическое, Аристотель называет людей homogalaktes (ὁμογαλακτεσ) — «разделяющие одно молоко». Это позволяет некоторым исследователям утверждать, что классическая античная культура была преимущественно животноводческой, а не растительноядной (Derks). Насколько ὁμογαλακτεσ является иллюстрацией объединения благодаря сельскохозяйственной продукции, а не, например, описанием семьи, вскормленной молоком одной матери (Кагаров) — обсудим вместе с участниками конференции.

Чернова Полина Сергеевна
обучающийся магистратуры
Томский государственный университет

Моральный выбор на войне: можно ли сохранить человечность в аду?

Определение войны с течением времени трансформируется. Античные философы, такие как Платон и Аристотель, считали войну весьма естественным и оправданным процессом, некой «справедливой охотой на рабов». В Средневековье взгляд меняется, и теперь война, как против своих, так и «варваров», становится чем-то греховным, а любое убийство требует духовного очищения. На сегодняшний день определение войны продолжает развиваться, отражая изменения в политической, социальной и технологической сферах, однако, то, что это социально-политического явление, связанное с применением насилия для достижения определенных целей, остается неизменным.

Война в нашем понимании — это онтологический ад, тотальная катастрофа, где рушатся не столько города, сколько фундаментальные основы человеческого бытия. Она систематически стирает границу между добром и злом, заменяя её на дихотомию «свой — чужой», «победа — смерть». В таких условиях моральный кодекс кажется абстрактной и непрактичной роскошью. Возникает центральный вопрос: возможно ли в этом экзистенциальном аду, где сама цель — уничтожение Другого, сохранить человечность?

Ответ находим в поступках конкретных людей — Праведников народов мира и солдат, чьи действия становятся маяками в моральном мраке. Их истории — не просто примеры героизма, а ключ к пониманию природы человечности в её предельном выражении. Вопреки всякого рода условностей, были те, кто спасал евреев от Холокоста, рискуя собственной жизнью и жизнью своих семей. Именно они являются чистейшим примером сохранения человечности.

Стоит понимать, что в отличие от солдата, чьи действия частично возможно оправдать долгом, Праведник действует вопреки всем «разумным» доводам. Он, как правило, не подчиняется преступным законам, не ищет выгоды. Его поступок абсолютно альтруистичен и бескорыстен. Французский философ Э. Левинас видел основание морали в «лице Другого», которое обращается к нам и налагает безусловную ответственность. И. Сендлер или Р. Валленберг, видели в преследуемых не «чужаков», а людей, взывающих о помощи. Их выбор — признать чужую жизнь абсолютной ценностью в мире, где её объявили ничего не стоящей. Такие подвиги показывают нам, что человечность сохраняется не в глобальных манифестациях, а в тихих, частных, «домашних» поступках: спрятать, накормить, отвести в безопасное место. Это сопротивление не с оружием в руках, а с помощью моральной стойкости.

Парадоксально, но человечность зачастую ярче всего проявляется среди тех, чья профессия на войне — убивать. Речь идет о подвигах, выходящих за рамки воинского долга. Помощь раненому противнику, отказ добивать безоружного, всегда будет считаться актом высшего гуманизма, так как он совершается в отношении того, кого система приучил ненавидеть. Советский солдат, подающий воду немецкому солдату, или американский медик, оказывающий помощь раненому японцу, — они побеждают в себе «винтика войны», возвращая себе статус морального субъекта. Вспомним великие подвиги А. Матросова и А. Маресьева, бесчисленные истории, когда солдат прикрывал собой товарища. Эти действия трансцендентны: они демонстрируют, что жизнь другого человека может быть ценнее собственной, что является ничем иным, как прямым отрицанием логики войны. А что касается тех военнослужащих, что делились последним пайком с голодными детьми вражеской страны? Или тех, кто рисковал, чтобы сохранить культурные памятники? Все они сражались не против народа, а против зла, сохраняя то, что составляет общечеловеческое достояние.

Таким образом, война не отменяет мораль, напротив — обнажает её суть. Стоит помнить, что человечность — это не врожденное и неизменное качество, а ежесекундный моральный выбор.

Чирва Дарья Викторовна
преподаватель, научный сотрудник
Университет ИТМО, НИУ ВШЭ

Новая нормативность в условиях ИИ-обусловленной реконфигурации субъекта познания

Внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в образование радикально изменяет условия производства, верификации и передачи знания. Сопоставимые по сути и мощности преобразования происходили при переходе от устной культуры к письменной, а затем от книжной — к Интернет-среде. Однако именно ИИ в образовании поставил под вопрос привычные формы академической этики и практики самопонимания человека в гуманитарном знании. Если ранее академическая этика опиралась как на само собой разумеющееся представление об автономном субъекте познания, которому внутренне присущи ответственность, рациональность и тождество, то сегодня именно эти свойства ставятся под вопрос в условиях нового способа производства знания.

Искусственный интеллект перестаёт быть простым инструментом человеческого мышления и становится активным соучастником познавательных процессов — партнёром, соавтором и соинтерпретатором. Возникает новая конфигурация «человек-ИИ», в которой различие между субъектом и средством производства знания теряет прежнюю однозначность. В конечном итоге сейчас мы являемся свидетелями появления нового типа эпистемической агентности. Ответом на эту ситуация становится разработка новой нормативности — как формальной (правовой, институциональной), так и неформальной (этической, культурной). Новая нормативность предполагает возможность прозрачного учета совместной когнитивной и креативной деятельность человека и ИИ-агента. Она должна строиться на следующих ключевых принципах:

— прозрачность и объяснимость когнитивных процедур (как человеческих, так и алгоритмических);

— совместная ответственность за результаты деятельности, распределённая между участниками когнитивной сети;

— рефлексивность как способность осознавать границы и условия собственного участия в системах совместного действия человека и ИИ;

— реконфигурация понятия личности и условий её тождества в ИИ-обусловленной эпистемической среде;

— принцип приоритета человеческого общения в отдельным контекстах. Только в человеческом общении вырабатываются смыслы, цели, нормативные ориентиры, не сводимые к алгоритмической рациональности. Живое общение остается условием этического измерения человеческого

опыта и основой выработки новых форм взаимопонимания между людьми и новыми технологиями.

Сегодня мы переживаем (или должны переживать) новый расцвет гуманитарной науки, поскольку именно она обеспечивает пространство рефлексии о новых формах эпистемической агентности, тождества личности и ответственности, возникающими в условиях цифрового ИИ-обусловленного со-бытия. В этих условиях академическая этика становится не коллекцией предписаний — она играет роль инструмента осмысления новых форм человеческого присутствия и тождества в мире, где мышление всё чаще осуществляется во множественном числе.

В работе представлены результаты выполнения проекта «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемиотика» (ФИ-2025-74), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Чихарь Анастасия Игоревна
старший преподаватель
НФ БГТУ им. В.Г. Шухова

Этические аспекты внедрения искусственного интеллекта в высшее образование: роль преподавателя в эпоху цифровых технологий

Внедрение информационных технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную практику является одним из ключевых трендов современности. Учитывая данный факт, система высшего образования не может длительное время находиться в стороне от глобальных тенденций, связанных с перераспределением интеллектуального труда и возможностью обучающихся пользоваться «плодами» искусственного интеллекта, в подготовке работ в ходе практических занятий и самостоятельной работы.

Однако интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в высшее образование представляет собой сложный и многогранный процесс, сопряженный с рядом этических вызовов, требующих философского осмысления. Внедрение ИИ, изначально направленное на оптимизацию образовательных процессов и повышение их эффективности, неизбежно затрагивает фундаментальные вопросы о ценности человеческого знания, роли преподавателя, а также будущем высшего образования. Подобный факт ставит нас перед философской дилеммой, снижения от-

ветственности преподавателя Высшей школы за качество знаний в учебном процессе.

В современных реалиях функционал преподавателя выходит за рамки трансляции знаний, включая формирование ценностных ориентиров и содействие развитию личности, что соответствует идеям, высказанным философами, такими как Платон, Аристотель, Локк, Ж.-Ж. Руссо и Кант, подчеркивавшим роль воспитания в формировании нравственности, добродетели и гражданской позиции. Ж.-Ж. Руссо «Чувственное познание и опыт становятся источниками научною знания, что ведет к развитию мышления», именно чувственное в данном слове заключено стремление педагога, коим является преподаватель Высшей школы, донести знание через авторитет и заработанное доверие со стороны учащихся.

Человеческое взаимодействие и наставничество остаются неотъемлемыми компонентами эффективного обучения. Искусственный интеллект и нейросети в частотности, демонстрируя преимущества в обработке данных, не способны воспроизвести многогранность человеческой коммуникации и эмпатии. В этой связи сохраняется потребность в преподавателе как носителе эмоционального интеллекта, моральном компасе и помощнике в развитии нестандартного мышления.

Преподаватель, в данном контексте, также выступает в качестве ментора, наставника и навигатора в информационном пространстве, содействующего развитию у обучающихся компетенций, связанных с фильтрацией данных, формулированием запросов и критической оценкой информации, предоставляемой ИИ.

Подобная трансформация требует от преподавателя не только цифровой и методологической грамотности, но и способности к адаптации к новым инструментам и их интеграции в учебный процесс с целью усиления критического мышления, креативности и коммуникативных навыков студентов.

В условиях практической реализации искусственного интеллекта в образовании нейросети, в частности, предоставляют возможности для персонализации обучения, оптимизации преподавательской деятельности и повышения вовлеченности студентов, благодаря нейросети позволяют варьировать формы подачи учебного материала с учетом различных форматов восприятия, повышать мотивацию студентов за счёт интерактивного взаимодействия, воспринимаемого как геймификация и автоматизировать рутинные задач, высвобождающей время преподавателя для творческой и аналитической деятельности.

Этические аспекты внедрения ИИ в высшее образование требуют всестороннего философского осмысления. Необходимо найти баланс между использованием технологических инноваций для повышения эф-

фективности образовательного процесса и защитой фундаментальных ценностей образования, таких как творчество, свобода мысли и автономия личности. Роль преподавателя в эпоху цифровых технологий должна быть переосмыслена с учетом новых возможностей и вызовов, с акцентом на развитии критического мышления, творческих способностей и моральных качеств обучающихся.

Чумакова Татьяна Витаутасовна
д.ф.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Морально-религиозная проблематика в российском антикатолическом дискурсе XIX в.

Характерной чертой межрелигиозной полемики в предшествующие столетия выступал эксклюзивистский подход, при котором иная религиозная традиция объявлялась «неправильной», «ложной». Для авраамических религий, придающих большую значимость моральным аспектам вероучительной традиции, часто была характерна апелляция полемистов к безнравственному поведению адептов критикуемой ими религиозной группы, которые изображались как «чужие», нарушающие пищевые и сексуальные запреты, а также не соблюдающие «закон христианский» (под которым в первую очередь подразумевались новозаветные «заповеди блаженств»). И если в XI–XII вв. в безнравственном поведении христианские полемисты обвиняли преимущественно политеистов и мусульман (как, в частности, это сделано в фрагментах «Повести временных лет», повествующих о «выборе веры» князем Владимиром), то столетия спустя обвинения в нарушении нравственных норм становятся нормой уже и для межконфессиональной христианской полемики, которая выходит далеко за пределы богословских штудий. В Российской империи XIX в. антикатолическая полемика резко усиливается после польских восстаний, и одним из клишированных образов этой полемики становится популярный в средневековой традиции образ «лукавой жены», безнравственной и соблазнительной женщины, через которую в мир проникает зло, в реалиях XIX в. превратившийся в образ коварной польки. Этими образами пестрит не только русская беллетристика, но и популярная историческая литература, которая в XIX в. вновь вспомнила о Марине Мнишек, предстающей в образе католички, «притворившейся» православной царицей. Эта «порочная душа» (Ф. Булгарин «Марина Мнишек»), писал Ф. Булгарин, «снискала имя, присоединяемое ныне к числу названий, постыдных для человечества».

Не меньшее значение в антикатолическом дискурсе играл и образ католического монаха или священника, в котором помимо характерных для антиклерикального дискурса в целом, обвинений в безнравственном поведении и лживости добавляется и недопустимое для священника забвение заповеди «не убий». Публицисты второй половины XIX в. порой рисовали образ мстительных и непримиримых ксендзов (В.П. Клюшников «Марево»), которые забывают о милосердии, и призывают к убийству не только своих врагов, но не проявляют милости и к оступившимся сторонникам. И конечно же как в западной, так и в русской публицистике того времени традиционно демонизировались члены ордена иезуитов.

Церковная критика католицизма в XIX в. практически не затрагивала этической сферы, фокусируясь прежде всего на проблемах папской власти, и ее стремлении к тотальному господству как в сфере религиозной, так и светской, и русская богословская критика отчасти перекликалось с антикатолицизмом русских философов, видевшихих в «папстве» источник «насильственности» (Н.Я. Данилевский), авторитаризма, и рационализации религии, уничтожающей духовную целостность раннего христианства.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда грант № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX — начала XXI вв.».

Шавеко Николай Александрович
к.ю.н., старший научный сотрудник
Институт философии и права УрО РАН

Традиция и российские духовно-нравственные ценности: проблемы соотношения

Современное российское государство с целью укрепления гражданского единства и общероссийской гражданской идентичности осуществляет политику сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Однако для того, чтобы достичь данной цели, вовсе не обязательно защищать именно традиционные ценности: эти ценности должны быть обращены в будущее, а не в прошлое. В целом, говоря о российских ценностях, мы должны разграничивать три вопроса:

1) Какие ценности были свойственны российской культуре на протяжении истории (и в этом смысле являются традиционными)?

2) Какие ценности свойственны российскому обществу сейчас?

3) Какие ценности мы хотим и далее защищать, а от каких ценностей считаем нужным отказаться?

Совершенно очевидно, что ответы на эти три вопроса не совпадают. Следовательно, характеристика российских духовно-нравственных ценностей как «традиционных» оказывается излишней.

Одновременно та идеология, которую образуют ценности, действительно заслуживающие защиты, не должна быть дискредитирована историческим прошлым России, поэтому переосмыслению подлежит не только либерализм 1990-х гг. и коммунизм советского периода, но и консерватизм царской России.

На Западе в свое время переосмысление либерализма привело к росту популярности республиканизма, и Россия может перенять этот опыт. Республиканская политическая идеология, не отрицающая либеральный тезис о самоопределении личности, подразумевает, что общие ценности должны вырабатываться в рамках широких общественных дискуссий в условиях свободы слова и мнений, а не путём постулирования властью традиций, монополизации исторической правды и принятия различных запретительных норм.

В этом смысле республиканизм, исправляя крайности либерализма, проявившиеся в новейшей истории России, может рассматриваться одновременно и как критика «консервативного поворота» во внутренней политике России 2010–2020-х гг., но критика продуктивная, предлагающая собственные способы решения тех проблем, реакцией на которые и стал «консервативный поворот».

Республиканский подход не только более эффективен в плане сплачивающего эффекта (1), но и позволяет не смешивать вопрос о фактах (о том, что было, и что есть) с вопросом о ценностях (о том, что должно быть) (2), в свою очередь при формулировании должного не обращаться к дискредитировавшим себя идеологиям (3).

Представляется также, обычно элиты ведут общество к новым идеалам, и это прекрасно видно на примере российской истории: сначала элиты в лице князя Владимира избрали христианство в качестве официальной религии (заметим, эта религия пришла с Запада), потом элиты в лице Петра I избрали курс на построение регулярного светского государства (заметим, снова по европейскому образцу), далее элиты в лице Ленина повели общество навстречу коммунизму (европейской идеологии), и, наконец, в 1990-е годы элиты в лице Ельцина повели народ навстречу западному либерализму. Ситуация, когда элиты, напротив, стремятся «законсервировать» общество, увековечить традицию, являются менее типичными, и зачастую показывают неспособность элит найти адекватные ответы на вызовы времени.

Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Шакарян Ярослав Эрнестович
обучающийся магистратуры факультета социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Биоэтические дилеммы поддержания жизни ребенка в утробе скончавшейся матери

Развитие современной медицины и неонатальных технологий порождает ряд явлений, требующих осмысления с позиций биоэтики. Одним из таковых является поддержание жизни плода в теле беременной женщины после ее смерти.

Медицинские технологии в отдельных случаях позволяют поддерживать жизнь плода в случае смерти матери посредством экстракорпоральной поддержки органов жизнеобеспечения (искусственная вентиляция лёгких, перфузия крови и др.), что сохраняет необходимые функции для вынашивания.

Несмотря на то, что случаи родов после смерти мозга чрезвычайно редки (по разным оценкам от 10 до 40), в последние годы они встречаются чаще, чему, помимо развития медицины, способствует освещение в СМИ, а также изменения в законодательстве. Среди примеров: США (2005, 2025), Португалия (2016, 2020), Канада (2014), Венгрия (2015), Польша (2016, 2019) и иные. В изученных ситуациях к моменту смерти матери гестационный период составлял от 12 недель до 7 месяцев, а поддержание жизни в утробе происходило от нескольких дней до 3,5 месяцев. В России подобные случаи не описаны.

Данная технология порождает множество этических проблем. Относительно матери: насколько этично искусственно поддерживать жизнь мёртвого человека и использовать тело как «инкубатор»; законно ли проводить операцию кесарева сечения скончавшейся женщине; считается ли это нарушением права на неприкосновенность тела, на смерть с достоинством; необходимо ли учесть волю матери, если таковая была?

В то же время относительно плода: считается ли он человеком со всеми правами; допустимо ли лишать его жизни; является ли это убийством; гуманно ли обрекать ребенка на тяжелые мучения при неблагоприятном прогнозе?

Затрагиваются и права членов семьи: учитывать ли их согласие на проведение указанных манипуляций, нарушается ли право на достойные проводы и захоронение? Актуализируется проблема прав отца, учета его мнения. Кроме того, этично ли обрекать семью на воспитание ребенка в случае тяжелых патологий?

С медицинской точки зрения такие процедуры сопряжены с высокими рисками осложнений и инвалидизации будущего ребёнка. Во врачебной практике отсутствует общепринятый протокол ведения таких пациентов, существует правовая неопределенность относительно срока беременности, с которого врачи обязаны осуществить процедуру. В части стран/штатов законодательно ограничены аборты, и врачи не имеют право отключать жизнеобеспечивающее оборудование. В других срок остается на усмотрение врачей, принимается во внимание степень развития плода. В зависимости от этого определяется ответственность врачей за их действия. Возникает проблема обоснованности траты ресурсов, их распределения относительно других нуждающихся пациентов.

Обобщая вышесказанное, выделяются две противоположных позиции. Согласно первой, представленная практика неэтична по отношению к телу женщины и противоестественна для развития плода. Вторая состоит в том, что при наличии возможности спасти плод и сохранить жизнь ребенку, это необходимо сделать.

Выражая собственную позицию относительно изложенных дилемм, мы исходим из следующих этических предпосылок: концептуально признаем право на жизнь с момента зачатия — плод является человеком со всеми вытекающими правами; ребенок, пребывая в утробе, телесно самостоятелен, не является частью тела носителя; права мертвого организма не могут рассматриваться выше права живого; при принятии решения недопустимы евгенические спекуляции о шансах на выживание или риске инвалидизации. Исходя из этого, мы придерживаемся необходимости поддержания жизни в утробе матери для спасения жизни ребенка.

Таким образом, вопрос сохранения жизни плода после смерти матери затрагивает широкий круг медицинских, правовых, этических аспектов. Необходимы дальнейшие исследования и обсуждение норм, регулирующих указанные случаи, а также разработка специальных стандартов действий в подобных ситуациях.

Шарманова Карина Анатольевна
обучающийся бакалавриата Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет

Дихотомия когнитивной и интуитивно-эстетической морали: моральный интуитивизм как эстетика

Современная философия морали характеризуется парадоксальным расхождением между доминирующими рационально-процедурными этическими системами и феноменологией повседневного морального опыта, где решающую роль часто играют непосредственные, эстетически окрашенные интуиции. Данное исследование направлено на разрешение этого парадокса путем обоснования гипотезы о существовании двух фундаментально различных и несводимых друг к другу модусов морального сознания: когнитивной морали и интуитивно-эстетической морали (ИЭМ).

Теоретической базой для данной дихотомии служит эволюция морального интуитивизма. Анализ концепции Дж. Э. Мура выявляет ключевые предпосылки: идею самоочевидности и неопределимости добра, познаваемого через интеллектуальную интуицию, и признание самостоятельной ценности эстетических благ. Деонтологический интуитивизм У. Д. Росса, с его теорией «prima facie duties», смещает фокус на ситуативное усмотрение «правильного», усиливая персонализированный характер морального выбора. Моральный экземпляризм (Л. Загзебски), делая акцент на конкретных моральных образцах, представляет собой попытку реализовать интуитивистскую программу, однако его зависимость от процедур рациональной реконструкции и анализа удерживает его в рамках когнитивного подхода. Логическим завершением этой линии развития является формулировка концепции ИЭМ как автономного модуса, в основе которого лежит не дискурсивное рассуждение, а непосредственное эстетическое восприятие гармонии, пропорции и уместности поступка в конкретной ситуации («усмотрение»).

Под когнитивной моралью понимается вся совокупность этических подходов, основанных на рационально-процедурных механизмах — от строгих нормативных систем до рефлексивных практик, объединенных зависимостью от аргументации, интерсубъективной критики и пересмотра доводов. Интуитивно-эстетическая мораль, напротив, представляет собой недискурсивный способ ценностного восприятия, где критерием правильности выступает внутреннее чувство гармонии действия с его контекстом.

Центральный тезис заключается в принципиальной невозможности синтеза этих двух модусов в силу метафизической разнородности их

оснований: когнитивная мораль апеллирует к интерсубъективному обоснованию, тогда как ИЭМ — к персональному непосредственному переживанию. Иллюзия синтеза возникает благодаря механизмам апостериорной рационализации интуитивных решений, языковой унификации и культурного наложения. Реальное взаимодействие проявляется в моделях параллельного функционирования: совпадения, конкуренции, компенсации и, что наиболее показательно, «наложения». Феномен наложения описывает сосуществование модусов, при котором их несовместимость маскируется, создавая субъективно связную, но внутренне противоречивую картину, распадающуюся при рефлексивной попытке её осмысления.

Таким образом, дихотомия когнитивной и интуитивно-эстетической морали утверждается как фундаментальный аспект структуры морального сознания. Это положение позволяет предложить новую объяснительную модель, которая проясняет автономную роль эстетического восприятия в этике и открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке философии морали, эстетики и когнитивных наук.

Шахнович Марианна Михайловна
д.ф.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Неопубликованная работа Е.Г. Кагарова (1882–1942) о древнегреческих свадебных обрядах и семейной этике

В докладе освещается содержание и значение неопубликованной работы профессора Е.Г. Кагарова «Свадебные обряды древних греков» (1937 г.) (ОР РНБ. Ф. 324. Д. 667) в контексте истории исследований свадебных ритуалов. Особое внимание уделяется сравнительно-типологическому подходу ученого к анализу семантики свадебной обрядности на основе компаративного истолкования этнографических и фольклорных данных.

Если в работе 1917 г. «О значении некоторых русских свадебных обрядов», опираясь на исследования по фольклору и этнографии, в том числе на работы С.В. Максимова, Н.Ф. Сумцова, Е.В. Аничкова, Е.Ф. Карского, Л. Нидерле, Кагаров анализировал обрядовые элементы свадебного действия как целого и видел в нем обычаи, представляющие собой пережитки предшествующих стадий развития брачных отношений — «бытовые воспоминания старины» и акты магического-религиозного характера, то в неопубликованном труде 1937 г. он анализировал социальные и правовые элементы древнегреческих свадебных ритуалов: новая

эпоха требовала изменения акцентов и описания, прежде всего, не личных или культурно-бытовых аспектов свадьбы, а — общественных.

Используемый Кагаровым стадиальный анализ развития отдельных элементов брачного обряда рассматривался в рамках современных ему антропологических концепций, в частности, эволюционного подхода к исследованию религиозных представлений и семейной этики, а также теории пережитков, согласно которой те или иные элементы свадебной обрядности представлялись «обломками пройденных ступеней социального развития человечества». Например, в предыдущих работах о свадебных обычаях и обрядах (1917 г. и 1929 г.) Кагаров интерпретировал семантику ритуального омовения невесты как принесение невестой своего целомудрия в жертву хозяину реки (речному божеству) в обмен на плодовитость, то в статье 1937 г. исследователь стремился проследить историческую эволюцию этого ритуала. Приводя цитату из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» о том, что с ростом и укреплением моногамной семьи в целях обеспечения исключительного отцовства жена отдавалась под безусловную власть мужа, Кагаров указывал, что в этом процессе формирования новых семейных отношений возникло и становилось все более резким враждебное отношение мужчины к старинному обычаю бракосочетания невесты с речным богом, заместителем которого был жрец. Отголоски этого он усматривал в многочисленных греческих мифах о борьбе жениха с морским или речным богом, претендующим на обладание девушкой.

Важнейшая функция свадебных обрядов — магическое обеспечение богатства и плодовитости новобрачных, поэтому Кагаров выделял в свадебной обрядности те обычаи древних греков, которые должны были этому способствовать. В свете этнографических данных интерпретировал Кагаров и другие элементы древнегреческого свадебного обряда (например, структуру «свадебного поезда», отправку невестой одежды в дом тестя, особое поведение свекрови, обычай молчания невесты во время свадьбы и т.п.).

Предложенная в 1937 г. Е.Г. Кагаровым реконструкция древнегреческого свадебного ритуала и интерпретация символических значений его отдельных элементов до сих пор сохраняет свою научную значимость.

Грант РНФ № 24-28-00517 «"Редакционный портфель": научные исследования в области истории религии и религиозной философии в 1920-е — 1930-е гг. в СССР и редакционная политика научных изданий».

Швыткина Анастасия Сергеевна
обучающаяся магистратуры факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические проблемы ландшафта Башкортостана: шиханы как культурно-экологический феномен

Этическая проблематика ландшафта проявляется в пересечении экологического и культурного измерений. Башкирские шиханы представляют собой уникальные геологические горные образования, сложенные преимущественно из известняка, которым более 300 миллионов лет. С одной стороны, шиханы служили сырьевой базой для производства, востребованного в масштабах всей страны. С другой стороны, для жителей региона они являются своеобразными «местами памяти», воплощающими локальную историю, мифологию и художественную связь с территорией. Таким образом, возникает вопрос: как соотносятся интересы массового производства и сохранения уникальных элементов культурного ландшафта? Экологические изменения часто оказывают влияние не только на природную среду, но и на культурное и художественное наследие. Природные объекты могут быть носителями памяти, символов и традиций, и их трансформация затрагивает не только окружающую среду, но и идентичность локального искусства, слабо представленного в глобальном дискурсе. Шиханы расположенны недалеко от города Стерлитамак, в Башкирском Предуралье, шиханы «Торатау», «Юрактау» и «Куштау» образуют узкую цепочку, вытянутую вдоль берега реки Белой, также ранее в этот список входил исчезнувший в результате добычи соды, «Шахтау». На протяжении веков шиханы были частью культурного ландшафта Башкортостана, становясь источником легенд, преданий и художественного осмысления. В XX–XXI вв. промышленная разработка изменила не только природный облик, но и культурное значение этих объектов. Сейчас, шиханы — памятник природного значения и охраняемый объект, их эксплуатация приостановлена. Легенды и предания о происхождении шиханов, традиции, связанные с ними, а также современное искусство, обращающееся к их образам, свидетельствуют о том, что данные природные объекты воспринимаются как значимые культурные символы. Более того, учитывая роль самих природных объектов в башкирской этнической идентичности и в мифологии, мы можем говорить о шиханах как о важном факторе во взаимодействии с регионом. Изменение ландшафта шиханов привело к трансформации коллективной памяти и культурных практик. Это ставит проблему справедливости в отношении локальных сообществ, для которых данные объекты имеют особое значение. Культурно-экологическая перспектива позволяет рас-

сматривать шиханы не только как элементы природы, но и как часть нематериального наследия. В этом контексте забота о сохранении подобных объектов может пониматься как забота одновременно о природе и культуре. Искусство вносит важный вклад в этот процесс, фиксируя значимость шиханов и помогая поддерживать связь с ними даже в условиях изменения их физического облика. Нужно рассмотреть шиханы как единый культурно-экологический феномен, сформулировать этические проблемы, накопившиеся за последнее десятилетие в данном вопросе, а также сформировать предполагаемые принципы для дальнейшего экологичного взаимодействия между производством и культурой. Конечная цель — обосновать необходимость перехода от конфликта производства, природы и культуры к комплексной модели управления, где культурная идентичность и экологическая устойчивость являются равнозначными основами для принятия ответственных решений.

Шевченко Александр Анатольевич
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН

Этические аспекты непрозрачности нейронных сетей

Современные ИИ-системы в узкоспециализированных задачах демонстрируют эффективность, превосходящую человеческую. Однако их внутренняя логика принятия решений часто остаётся для нас недоступной. Такая эпистемическая непрозрачность ведет к ситуации, когда мы доверяем результату, но не понимаем метода, что противоречит самой сути научного подхода. Это создает и фундаментальный этический вызов: как жить в мире, где решения принимают системы, механизм работы которых мы не понимаем?

Для анализа этой проблемной ситуации актуальной оказывается концепция неявного знания М. Полани, предложенная более полувека назад. Его тезис «мы знаем больше, чем можем сказать» не только описывает человеческую природу познания, но и отражает суть современных нейронных сетей, где знание реализуется в непрозрачных числовых весах. Однако, когда решения принимают системы, которые не могут объяснить свои действия, мы сталкиваемся уже с фундаментальным этическим кризисом: как может существовать моральная ответственность без понимания причинно-следственных связей? Другая этическая проблема — это проблема доверия. Доверие к инженерной системе обычно строится на двух основаниях: внешние гарантии (сертификация, регуляция) и внутренние основания (понятность причин и действующих механизмов). При

работе с нейросетями приходится главным образом полагаться на основания первого типа, когда доверие фактически становится уступкой алгоритмическому авторитету, подтвержденному внешними источниками. Вопрос стоит не только: «объясним ли алгоритм?», а «какое общество возникает там, где объяснение замещается доверием к статистической эффективности?». И, наконец, еще одной этической проблемой, непосредственно связанной с непрозрачностью моделей, является проблема справедливости. Непрозрачные модели часто демонстрируют структурные предубеждения и склонность к дискриминационным решениям, которые практически невозможно оспорить и скорректировать, опять же, в силу невозможности проверить или подтвердить основания, на которых такое решение было принято.

М. Полани предупреждал, что неявное знание не может быть полностью эксплицировано, это не просто техническая проблема, а фундаментальное ограничение природы знания. Когда мы пытаемся «раскрыть» нейронную сеть с помощью методов, используемых в парадигме «объяснимого ИИ» (XAI), мы фактически пытаемся сделать то, что невозможно в принципе: превратить неявное знание в явное. Это ставит перед нами уже методологический вопрос: должны ли мы стремиться к полной прозрачности, которая, как считается в теории неявного знания, невозможна, или же нам нужно пересмотреть саму концепцию объяснимости, принимая, что некоторые аспекты знания остаются неявными? Второй подход требует разработки новых этических рамок, которые признают ограничения «объяснимого ИИ» (XAI) и фокусируются не на полной прозрачности, а на управлении рисками, связанными с непрозрачностью.

Шендерская Мария Олеговна
обучающийся бакалавриата Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Своеобразие и противоречивость нравственных уроков на примере творчества Ф.М. Достоевского и его отражения в философии А. Камю и М.А. Лифшица

Творчество Ф.М. Достоевского, будучи памятником реалистического искусства мирового значения, обладает уникальным свойством: мыслители самых разных, подчас антагонистических направлений, берут его за основу для открытий или иллюстрации своих как эстетических, так и этических положений. Нравственная картина мира у Достоевского написана с особым правдоподобием, что и порождает множественность, а

подчас и прямую противоположность нравственных уроков, которые можно извлечь из его произведений, из деаликтичности реалистического искусства вообще, так как в нём себя проявляют различные стороны жизни. Ярко это противоречие раскрывается в интерпретациях двух формально близких по принадлежности к "левой мысли", но радикально расходящихся по содержанию философов — Альбера Камю и Михаила Лифшица.

М.А. Лифшиц развивал марксизм в сторону признания объективных нравственных законов, считая нравственную силу одной из важнейших, существующих в природе и обществе объективно. Для него Достоевский — это художник, вывернувший самые темные стороны души человека так, что они обнаружили в себе принадлежность к светлому стремлению. По мнению Лифшица, даже идя на крайнее этическое падение, герои Достоевского тем самым обнаруживают потенциал стремления человека к объективной нравственности и его неприятие «спущенного свыше счастья», которое неминуемо оборачивается своей противоположностью. В этом точном изображении человеческой природы, а не в моральном осуждении, Лифшиц видит ценность Достоевского и его родство с критической задачей марксизма. Достоевский настоящий классик так как он отразил парадоксальный «демонический» бунт против «высокого и прекрасного», ставший доминирующим явлением и остающейся таким по сей день. Достоевский делает понятным это «мелколюдье» — реакционное, завистливое, мелкобуржуазное, стремящееся к тирании и моральному превосходству. Именно поэтому Лифшиц настаивает: «Действительно, нет в мире правых, пока существуют виновные, пока правые не беспокоятся об устранении тех условий, которые вызывают нравственное уродство», — рассуждая о позиции Достоевского и дурном прочтении в духе наличия у него возвышенной моральной позы как чего-то ценного и необходимого.

Альбер Камю, напротив, усматривает в этом же «падении в крайность» доказательство абсурдности как фундаментальной правды человеческого бытия. Для него творчество Достоевского — не путь к объективной нравственности, а источник живых примеров абсурдного героя. «Итогом поисков абсурдного ума оказываются не правила этики, а живые примеры, доносящие до нас дыхание человеческих жизней», — пишет Камю. Но какое именно дыхание человеческой жизни открыл он в творчестве великого реалиста? Это дыхание человека абсурда, для которого, как утверждает философ, «существует ответственность, но не существует вины». Камю восхищается способностью Достоевского сделать понятными персонажей, живущих по постулатам абсурда: «Все хорошо, все дозволено, и нет ничего ненавидимого: таковы постулаты абсурда. Но сколь

удивительно творчество, сделавшее столь понятными для нас эти существа из льда и пламени!».

Таким образом, на примере творчества Достоевского мы сталкиваемся с двумя принципиально разными философскими выводами. Лифшиц видит в его героях доказательство объективно существующих нравственных сил человека, которые по вине трагических условий принимают болезненные формы. В то время как Камю ограничивается трагическим принятием бессмысленности мира. Правота позиции Лифшица заключается в том, что она адекватнее самой природе реализма Достоевского, который, как и реализм вообще, принадлежит не к области однозначных схем, рожденных по произволу отдельной личности и её ощущений себя в этом мире, он всегда устремлен к отражению объективной истины и нравственного закона.

Шестаков Михаил Алексеевич
обучающийся магистратуры Центра практической философии «Стасис»
АНООВО «ЕУСПб»

«Совершенные противоположности»: спор о морали и религии между А. фон Гарнаком и К. Бартом

В докладе представлен обзор дискуссии о связи религиозного и морального дискурсов между немецкими теологами Адольфом фон Гарнаком и Карлом Бартом.

Мировоззренческий кризис начала XX в. привел к переосмыслению господствовавших тенденций в богословской науке. XIX в. был расцветом либеральной протестантской теологии, утверждавшей коренную связь между религией и моралью, основываясь на учении Канта о моральном законе, перенесенном в теологическую плоскость Шлейермахером. Адольф фон Гарнак выступил систематизатором либерально-теологических изысканий, издав фундаментальный труд «История догматов», выявляющий в развитии церковного учения моральную сердцевину и стремящийся отделить ее от второстепенных исторических «наслоений». Данный подход Гарнака и либеральной теологии в целом в начале XX в. встречает серьезный протест со стороны нового поколения богословов.

Карл Барт, сформировавшийся в либерально-теологической среде, предлагает строить теологию на принципиально иных основаниях. На его взгляд, либеральная теология отошла от тезисов Реформации, полагающих Бога и Его Слово (Писание) единственными источниками спасительной веры и учения Церкви соответственно. В проекте Барта, названном диалектической теологией, ключевую роль играет божественное откро-

вение (керигма), лежащее в основе вероучения Церкви и личного религиозного опыта.

В 1923 г. между Гарнаком и Бартом состоялась дискуссия: Гарнак опубликовал «Пятнадцать вопросов богословам, презирающим научную теологию», кратко выразив основные точки расхождения с новым поколением теологов в лице Барта и его коллег. В ответ Барт сформулировал важнейшие положения своего богословского проекта. Наиболее резкие противоречия возникают между двумя теологами в вопросе соотношения религии и морали. Если для Гарнака мораль представляет собой сущностную материю религии, то для Барта мораль относится к культуре, которая хоть и связана с т.н. «опытом Бога», абстрактным религиозным переживанием, однако не имеет специфической связи с божественным откровением как основой христианской веры. Говоря о двух заповедях любви: к Богу и ближнему, которые находятся в основании учения Христа, авторы по-разному интерпретируют их структурное значение. Гарнак трактует заповеди любви как «сердцевину Евангелия», а «тесную взаимосвязь и даже отождествление» любви к Богу и к ближнему как фундамент морали. Барт, напротив, усматривает в данном отождествлении свидетельство «совершенной противоположности» земной жизни и жизни «в Боге», поскольку из любви Бога и Его откровения исходит принцип любви к ближнему, отличный от нравственного закона (здесь Барт наследует линии Кьеркегора). Учение Лютера о Законе и Евангелии как двух частях откровения, первая из которых сообщает о человеческом несовершенстве, вторая — о Божьей милости, покрывающей это несовершенство, для Барта становятся основой критики позиции Гарнака, утверждающего нравственную способность человека к любви. В противовес этому Барт утверждает, что любовь к ближнему являет «непостижимую реальность», указывая на нашу к ней неспособность и нужду в откровении. Наконец, критике Барта подвергается представление Гарнака о научной теологии: для Барта задачей теологии является проповедь, а не охрана морали и культуры от мнимой атеистической угрозы. Припоминая поддержку Гарнаком начала Первой мировой войны от лица богословов, Барт заявляет, что такая «теология войны» сама, являясь искажением христианской проповеди, скорее ведет к атеизму. Тогда как «Евангелию в такой же степени нет дела до варварства, как и до культуры».

Данная оптика, сталкивающая моральный и религиозный дискурсы, позволяет сориентироваться и в актуальном пространстве этической мысли. Тезисы Барта, высказанные им в качестве ответов на провокационные вопросы Гарнака, сегодня, напротив, могут стать новыми острыми вопросами, обращенными уже к нашему времени.

Ширинкин Федор Олегович
обучающийся бакалавриата Богословско-пастырского факультета
Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской православной церкви

Концепт кеносиса Христа в традиции теологии освобождения

Современный мир сталкивается с глубокими социальными, экономическими и политическими неравенствами, которые часто обозначаются как конфликт между "Югом" и "Севером". Под "Глобальным Югом" обычно понимаются развивающиеся страны с высоким уровнем бедности, социального неравенства и зависимостью от глобальных экономических центров, представляющих "Глобальный Север" — экономически развитые и политически доминирующие страны. Эта система неравенства усиливает структурные формы угнетения. В странах третьего мира, где тенденция к секуляризации выражена не так сильна, а переходный вид капиталистической экономики еще сильнее обостряет отношения внутри общества, теологическая мысль имеет в большей степени социально-практический характер. Кеносис (самоуничижение Христа) может быть интерпретирован как ответ на этот конфликт, предлагающий модель сопротивления системной несправедливости. Католическая церковь известна своим достаточно разработанным социальным учением. Одной из важных вех в двадцатом веке стала теология освобождения, зародившаяся в странах латинской Америки. Бартоломео де Лас Касас (1484–1566), испанский монах-доминиканец, вошел в историю как один из первых и наиболее ярких защитников прав коренных народов Америки. Его деятельность и идеи не только стали важным этапом в развитии христианской мысли, но и положили основу для будущего движения освобождения в католицизме. Лас Касас стал одним из первых богословов, осмысливших идею освобождения как центральный аспект христианской миссии. Он активно выступал за реформы в колониальной системе и настаивал на том, что Церковь обязана защищать угнетённых и способствовать их социальному и духовному освобождению. Его наследие оказало значительное влияние на развитие христианского понимания прав человека и стало основой для теологии освобождения, возникшей в Латинской Америке в XX веке. Как и Лас Касас, представители этого движения видели в христианстве инструмент для борьбы с угнетением и социальной несправедливостью, вдохновляясь образом Христа как освободителя. Христианская доктрина кеносиса традиционно рассматривается в контексте христологии и спасения, однако её интерпретация как акта сопротивления угнетению остаётся малоизученной. В теоло-

гии освобождения кеносис переосмысляется как активное самоотречение во имя борьбы за справедливость, что позволяет соединить богословие с социальным активизмом. Основная проблема заключается в том, как концепция кеносиса может быть применена к осмыслению христианского сопротивления системам угнетения. Тема представляется крайне интересной в связи с увеличением числа верующих во многом развивающихся странах и, в связи с этим актуализацией таких направлений в теологии как «феминистическая», «черная» и т.д. Предлагается новый подход к интерпретации кеносиса, связанный не только с личной духовной жертвой, но и с коллективным сопротивлением несправедливости. Библейское понимание кеносиса подразумевает умаление Бога в отношениях с человеком. Теологи освобождения переосмысливают кеносис как умаление самих людей в общине ради борьбы с несправедливостью. Выявляется взаимосвязь между кеносисом и социальными действиями, направленными на трансформацию общества. Новизна исследования заключается в сопоставлении герменевтических наработок и политического потенциала теологии освобождения в перспективе кеносиса. Делается вывод, что «уничижение» Христа является одним из основополагающих моментов в обосновании борьбы с неравенством и несправедливостью.

Шкляр Евгений Леонидович
обучающийся магистратуры
АНООВО «ЕУСПб»

Прямой и окольный путь: этическая динамика metis в античности

Античная мысль фиксирует различие между формами интеллекта. В корпусе Аристотеля выделяют nous, episteme, techne, phronesis и sophia. В частности, в Никомаховой этике и Метафизике он подробно различает techne и phronesis, отделяя техническое знание от практической мудрости, ориентированной на благо. Techne предполагает повторяемость и стандартизированные процедуры, тогда как phronesis ориентирована на благо и практическую рациональность, но остаётся формализованной.

Однако существует ещё одна форма практического интеллекта, которая не получила систематического описания у Аристотеля, но ярко проявляется в греческой культуре — metis. Metis представляет собой специфическую способность действовать непрямым путём там, где прямые методы или сила оказываются неэффективными или невозможными, и характеризуется гибкостью, проницательностью и адаптацией к слож-

ным обстоятельствам. Она работает с моментом (kairos), с постоянным изменением и неповторимостью условий. Этот вид интеллекта ярко выражен в гомеровском эпосе, он демонстрирует свою амбивалентную этическую природу: metis может быть как уважаемой ловкостью ума, так и нарушением моральных норм, вследствие чего порицаемым в обществе.

Примером может служить XXIII песня Илиады. Во время гонки Антилох, следуя совету Нестора, прибегает к metis, замышляя ловушку (dolos) и обгоняя Менелая. Этот поступок вызывает спор: Менелай требует клятвы, что Антилох не поставил под угрозу жизнь обоих наездников. Антилох признаёт опрометчивость своего поведения. Немного позже Гомер описывает сражение Одиссея и Аякса, где Одиссей применяет приёмы на границе дозволенного для достижения победы. В этом конфликте хитрость остаётся в рамках приемлемого, и Одиссей получает приз наравне с Аяксом.

Гомер демонстрирует двойственность metis: с одной стороны, уловки и ухищрения укоренены в концепте агона (ср. состязание Аякса и Одиссея, где сталкиваются «прямой» и «окольный» пути), с другой — они могут восприниматься как нарушение правил и проявление неуважения. Именно эта амбивалентность ставит ключевой этический вопрос: metis не имеет однозначной оценки как негативная или позитивная характеристика. Особенно это видно на примере Одиссея, который предстает как polymetis — фундаментально хитрого и стратегически гибкого персонажа. Так в русском переводе Н.И. Гнедича характеристика polymetis звучит как: "вымышлятель хитростей умный". Демонстрируя что metis это не только форма мышления, но и характиристика, качество человека. Тем самым погружение в metis и polumetis позволяет лучше понять его характер и роль в античной культуре, а также этическую динамику, заложенную в концепте практического интеллекта.

Metis предстает как пограничное понятие, где хитрость может быть и достойной ловкостью ума, и нарушением правил, требующим искупления. Её амбивалентность выявляет неустранимое напряжение между стратегией, моралью и справедливостью. Прослеживая путь metis от античности до современности, мы видим, что способность действовать непрямо, адаптироваться и находить выход в непредусмотренных обстоятельствах остается одной из ключевых форм практического интеллекта. Исследование metis позволяет глубже понять античные представления об интеллекте и морали и выявить, каким образом эти амбивалентные качества продолжают определять наше восприятие этики, справедливости и человеческой изобретательности.

Шпеннглер Любовь Станиславовна
обучающийся
ГБДОУ 133

Обязан ли педагог любить детей, или ему достаточно просто их не ненавидеть?

Вопрос о природе и границах любви педагога к воспитанникам остается одним из наиболее дискуссионных в философии образования. Эта дилемма создает область напряженности между двумя критическими рисками:

С одной стороны, это угроза эмоционального выгорания учителя, порожденная ожиданием тотальной личной вовлеченности, идущей от классической педагогической традиции.

С другой стороны, существует опасность дегуманизации образовательного процесса, когда формальное соблюдение профессиональных стандартов вытесняет человеческое отношение и эмпатию.

Таким образом, центральная проблема заключается в поиске баланса, который позволил бы сохранить гуманистическую сущность воспитания, не подрывая при этом объективности оценки и психического здоровья педагога.

Классики педагогики, такие как К.Д. Ушинский и В.А. Сухомлинский, рассматривали любовь как краеугольный камень воспитания. Афоризм Сухомлинского «Если вы хотите воспитать ребенка, любите его» стал аксиомой для поколений учителей. В этой традиции любовь понималась как эмоциональное «горючее», необходимое для развития личности ребенка.

Однако при ближайшем рассмотрении в самой этой традиции обнаруживается внутреннее противоречие, которое можно представить как два полюса:

Экзистенциальная жертвенность (Януш Корчак), представляющая собой высшую степень самоотречения.

«Требовательная любовь» (А.С. Макаренко), сочетающая глубокую заботу с жесткой дисциплиной.

Несмотря на свою моральную высоту, оба этих подхода в современных условиях ставят сложные вопросы. Может ли жертвенность быть профессиональной нормой? Не рискует ли «требовательная любовь» быть воспринятой как субъективизм и нарушение принципа справедливого отношения ко всем ученикам?

Современные исследования, в частности работы В.А. Кан-Калика, подтверждают, что безграничная эмоциональная отдача является прямым путем к профессиональному выгоранию. Одновременно с этим жесткая

требовательность, не смягченная эмпатией, может стать источником психологической травмы как для ученика, так и для самого педагога, вызывая у него хронический стресс.

Ключевым ограничением модели, основанной на личном чувстве, является фактор симпатии/антипатии. Педагог не может и не должен испытывать одинаковую личную симпатию ко всем ученикам, но он обязан обеспечить справедливое и уважительное отношение к каждому. Это противоречие указывает на необходимость нового концептуального подхода.

Данное противоречие заставляет нас сместить фокус с внутренних, часто спонтанных чувств педагога на его осознанные профессиональные действия т.е. в переходе от вопроса «Должен ли я испытывать любовь?» к практическому и этическому вопросу: «Как я должен действовать, чтобы моя профессиональная позиция была гуманной и эффективной?».

Этот подход, развиваемый в рамках теории заботы Нел Ноддингс, предполагает, что любовь–забота — это не просто эмоция, а сознательно выстраиваемая этическая практика. Ее суть — в обязательствах, проявляющихся в конкретных действиях: уважении, эмпатии, справедливости и ответственности по отношению к каждому ребенку, независимо от личных симпатий.

Таким образом, поиск баланса находит свое разрешение не в золотой середине между жертвенностью и холодной отстраненностью, а в смене парадигмы.

Профессиональная любовь–забота становится не личным чувством, а профессиональной компетенцией.

Она позволяет соблюсти принцип справедливости, так как направлена на всех учеников, а не на избранных.

Она защищает педагога от выгорания, поскольку основана не на истощающей эмоциональной отдаче, а на осознанной и рациональной профессиональной позиции.

Это не бездушный техницизм, а сознательно вырабатываемая добродетель. Как отмечал С.Л. Соловейчик, «Воспитание — это не работа, а отношения», которые выстраиваются через ежедневную этическую практику заботливых действий.

Такой подход позволяет преодолеть дихотомию «гуманизм / эффективность», соединяя их в концепции ответственного и устойчивого педагогического действия.

Штарк Елена Владимировна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России

Наставничество и профессиональное добровольчество в реализации этических аспектов современной системы здравоохранения

В пояснительной записке к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 60.2 и статью 151 Трудового кодекса Российской Федерации», вступившем в силу с 1 сентября 2024 года, говорится о высокой эффективности роли наставничества в профессиональном опыте предшествующих поколений: «Еще во времена СССР, правопреемником которого является Российская Федерация, беспрецедентную роль в практической подготовке молодых специалистов и профессиональной адаптации новых работников на предприятии играли наиболее авторитетные, опытные и результативные работники». Так, в условиях повышения пенсионного возраста, а также при современном состоянии экономики, острой нехватки кадров в сферах логистики, промышленности и здравоохранении, система наставничества сможет стать ценнейшим фактором в становлении профессионализма молодых специалистов. Теперь, законодатель мотивирует работодателей трудоустраивать возрастных сотрудников, старше 55 лет, привлекая их опыт и знания для обучения молодых специалистов, в свою очередь, — молодые специалисты будут востребованы работодателем и иметь большую возможность трудоустраиваться без наличия опыта работы, так как их деятельность, без вреда для производства, будет осуществляться под контролем старших, опытных коллег. В законодательстве говорится о финансовом поощрении наставников, но следует отметить, что в подобной практике, чрезвычайно важен и социальный аспект, так как повышается авторитет старшего поколения в глазах молодежи, когда старшее поколение продолжает быть востребованным на рынке труда, и охотно делится бесценным опытом с молодежью, что будет отражаться на стабилизации социальной политики и, повышении продолжительности жизни населения. В свою очередь, предполагается, что старшее поколение регулярно должно проходить переподготовку и продолжать совершенствовать свои знания и навыки в освоении новых технологий и современных методов работы. Таким образом, наставничество способно эффективно решать целый комплекс экономических вопросов по оптимизации производства в различных сферах трудовой деятельности.

Особенно, следует отметить важную роль наставничества, которое напрямую взаимодействует с профессиональным добровольчеством в

медицине, реализуемое совместными усилиями студентов-медиков старших курсов, молодыми дипломированными специалистами системы здравоохранения, а также опытными врачами и представителями медицинского научного сообщества. Безусловно, наставничество и добровольчество, в том числе, в медицине — не синонимы, это разные понятия, но, необходимо отметить, что эти понятия способны эффективно дополнять друг друга. Так, известен тот факт, что труд хорошего наставника невозможно оценить в денежном эквиваленте, — являясь хорошим специалистом, далеко не каждый профессионал, способен научить своему мастерству других, а вот тот, кто сумеет это сделать, способен привить навыки, которыми будет руководствоваться ученик—стажер всю жизнь и передавать эти знания следующим поколениям. Само по себе профессиональное добровольчество (волонтерство) в сфере медицины позволяет студентам-медикам, а далее и молодым специалистам сформировать более четкое представление о деонтологии в практическом здравоохранении, что способствует повышению уровня профессионализма, повышению уровня корпоративной этики специалистов. Кроме того, корпоративное медицинское добровольчество способствует скорейшему внедрению современных технологий и методов лечения в практику, что в целом влияет на прогрессивное развитие системы здравоохранения, рост уровня доверия со стороны населения к представителям медицинского сообщества. Так, Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики», на данный момент объединяет деятельность добровольцев в 89 регионах Российской Федерации, где на регулярной основе задействованы практикующие специалисты системы здравоохранения, готовые предоставить квалифицированную медицинскую помощь на безвозмездной основе. Партнерами Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» на данный момент выступают более пяти тысяч медицинских, образовательных, общественных и других организаций по всей России.

Поэтому, говоря о профессиональном добровольчестве (волонтерстве), с нашей точки зрения, очень важным фактором является развитие современного законодательства, которое, в свою очередь, поддерживая институт наставничества, способствует профессиональному становлению молодых кадров, в том числе, в сфере медицины. Таким образом, наставничество в определенной степени является родственным понятием профессиональному волонтерству, как бы расширяя его возможности и, делая его более эффективным, способствуя развитию профессионализма и этических представлений в сфере современной системы здравоохранения.

Шумилов Григорий Романович
обучающийся магистратуры Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет

Концептуальные проблемы ESG-трансформации: могут ли корпорации брать ответственность за наше устойчивое будущее?

Ключевой предпосылкой современных исследований в сфере бизнес-этики является представление о «ESG-парадигме»: наборе концепций, в рамках которых постулируется способность компаний быть главными агентами трансформации общества в сторону устойчивого развития. Данная парадигма, получившая статус новой ортодоксий, как правило, позиционирует частный сектор в качестве ключевого экономического, социального и морального агента, призванного ответить на сложнейшие вызовы нашего времени. Теоретический фундамент ESG-парадигмы был исторически сформирован под влиянием таких концепций, как: идея «корпоративного альтруизма», теория стейкхолдеров, теория стратегического управления, концепция КСО. Однако locus communis ESG-парадигмы, при критическом рассмотрении, оказывается неоднозначной сборкой, результатом внешнего конструирования подхода без внутреннего единства. Критика ESG-парадигмы с такой перспективы проходит по 3-ем основным взаимосвязанным линиям. Во-первых, эффективность корпорации как агентов изменений фундаментально ограничена частно-коммерческой природой организаций. Локальная ориентация компании, как и приватная логика получения прибыли наделяет любые корпоративные усилия и практики в области устойчивого развития свойствами фрагментарности и недостаточности. Отсутствие автономии у организации не позволяет уверенно говорить о ее агентности. Во-вторых, идея корпорации как морального агента — в большей степени является теоретической условностью, чем наличным консенсусом. Обоснование наличия моральной агентности организации требует радикального пересмотра понятия морального агента, что само по себе поднимает вопрос: о «моральной» ли агентности речь? В-третьих, постулируемая в рамках ESG-парадигмы синергичность экологических, социальных и управленческих мер на практике приводит к возникновению коллизий и дилемм разного характера. Конкретные случаи бизнес-практики демонстрируют трудную разрешимость противоречий между экономическим ростом и обеспечением социального запроса, между экономической целесообразностью и экологическими требованиями, между экологически- и социально-ориентированными ожиданиями сообществ. Таким образом, ESG-парадигма представляет-

ся проекцией оптимистических ожиданий, подкрепленной некоторой аргументацией, но не может рассматриваться в качестве комплексной рамки исследований корпоративной этики. Ввиду перечисленных проблем и противоречий, подлинная ESG-трансформация требует пересмотра устоявшейся ESG-парадигмы со смещением исследовательского акцента. Альтернативной парадигмой ESG может быть идея, в основании которой агентами изменений выступает публичный консолидированный союз гражданского общества и правового государства. Это может быть особенно значимо в виду участившегося делегирования ответственности за решение глобальных проблем на частный сектор, так как данное перекладывание зачастую препятствует проведению политических и правовых реформ и приводит к камуфлированию реальных проблем: гринвошингу, ритуализированным собраниям по устойчивому развитию, социальному пиару, и т.д.

Шуплецов Иван Валентинович
руководитель образовательной программы,
старший преподаватель Департамента философии
Уральский федеральный университет

Практики устойчивого развития сельских поселений: кейс поселка Бобровский

В рамках проектного обучения студентов второго курса направления «Прикладная этика» Департамента философии УрФУ в 2025 году был реализован проект формирования концепции бренда и имиджа поселка Бобровский в рамках стратегии развития Сысертского муниципального округа для обеспечения комплексного устойчивого развития территории.

В современной парадигме развития территорий все более очевидной становится недостаточность сугубо экономических и инфраструктурных моделей. Ответом на вызовы глобализации и утраты уникальности мест становится запрос на этически обоснованные стратегии, в центре которых — эмоциональные переживания и этические оценки членов локального сообщества и его аутентичные ценности. Проведенное исследование, выполненное студентами-этиками в рамках проекта по брендингу поселка Бобровский, демонстрирует практическую значимость этического подхода как в образовании, так и в прикладном территориальном планировании.

Методологической основой работы выступил синтез теоретико-этического анализа и проектной деятельности. Исследование не ограничилось констатацией ценностей, а реализовало полный цикл: от иден-

тификации этического фундамента сообщества (через изучение его истории, культурных практик и взаимоотношений с природой) до проектирования конкретных мероприятий, непосредственно вытекающих из этого фундамента. Такой подход — «этика как методология проектирования» — позволил перевести абстрактные категории (гостеприимство, безопасность, творчество) в плоскость практических решений: от создания исторического комплекса «Бобровские хроники» до организации фестиваля «Добрый погребок», укрепляющего семейные традиции.

Ключевой вывод проекта заключается в том, что подлинно устойчивое развитие территории невозможно без опоры на ее внутренний, разделяемый жителями ценностный код. Этот код, объединяющий уроки прошлого и вызовы настоящего, выступает не только ресурсом для брендинга, но и механизмом нравственного сплочения сообщества, формирования чувства принадлежности и гражданской ответственности. Установлено, что проекты, основанные на ценностях (например, волонтерское движение по благоустройству или творческий кластер «Бобровская мастерская»), обладают значительно большим мобилизационным и созидательным потенциалом, нежели навязанные извне инициативы.

Значимость работы для этического образования трудно переоценить. Проект служит наглядным примером трансформации академического знания в общественно полезное действие. Для студентов-этиков он стал уникальной практикой применения этических теорий в реальном социальном контексте, развивая навыки критического мышления, ценностного анализа и социальной ответственности. Подобные проекты доказывают, что этическое образование может и должно готовить специалистов, способных выступать «архитекторами ценностей» в процессах управления и развития.

Перспективы применения результатов носят двуединый характер. С одной стороны, разработанная концепция представляет собой готовую модель для реализации органами местного самоуправления и бизнес-сообществом Сысертского округа. С другой стороны, сама методология является тиражируемым продуктом, который может быть адаптирован для других территорий России, испытывающих потребность в осмысленном, а не имитационном развитии.

Таким образом, исследование подтверждает, что учет этики и ценностей при построении концепций развития территорий — это не дань моде, а практический императив. Интеграция этического компонента в стратегическое планирование позволяет обеспечить не просто экономический рост, а целостный нравственный прогресс, при котором развитие территории становится синонимом развития ее сообщества.

Шухлеев Данил Артурович
обучающийся магистратуры Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Категория возвышенного (sublime) как религиозно-этическая основа мильтонистики конца XVII–XVIII вв.

История изучения творчества Джона Мильтона (1608–1674) насчитывает более трёх веков и началась ещё при жизни поэта. Исторически, мильтонистика (Milton studies) проявляла себя как область знания, способная органично встраиваться в процесс развития гуманитарной эпистемологии, постоянно применяя новые подходы к своему предмету.

При жизни Дж. Мильтон был известен как публицист и памфлетист с радикальными пуританскими и республиканскими взглядами. Его поэма «Потерянный рай» приобрела известность только после смерти автора.

Джозеф Аддисон (1672–1719) опубликовал серию статей (1711–1712), посвящённую «Потерянному раю», в которой обосновывал превосходство Мильтона и его поэмы над древнегреческими образцами эпической поэзии. Фактором, позволившим Мильтону превзойти «языческих» (pagan) предшественников, оказалось христианство. В своём анализе Аддисон использовал категорию возвышенного (sublime), опираясь на «Поэтику» Аристотеля и трактат анонимного античного автора «О возвышенном» (I в. н.э.).

Аксиологические и методологические предпосылки, заданные Аддисоном, легли в основу наиболее популярного и влиятельного подхода к исследованию «Потерянного рая» в XVIII в. В рамках этого подхода многие учёные стремились в форме комментария прояснить или унифицировать все «тёмные» (obscure) места и противоречивые элементы поэмы.

В исследовательском поле комментирования «Потерянного рая» в XVIII в. можно наблюдать две лидирующие тенденции: независимую, проясняющую «тёмные» места; и нацеленную на устранение противоречий, признающую за Мильтоном статус этически возвышенного протестантского наставника. В этом поле одним из ключевых событий предстаёт противостояние известного филолога-классика Ричарда Бентли (1662–1742) и Закари Пирса (1690–1774), занимавших предвзятую и независимую позицию соответственно.

В предисловии к своему изданию «Потерянного рая» (1732) Бентли заявил, что поэма была «испорчена» недобросовестным редактором, и нашёл в ней больше 800 «ошибок» различного характера, но отказался допустить, что «грубейшие» из них были совершены Мильтоном. Дальнейшая мильтонистика оценивает работу Бентли как нелепую, смехотворную, полную порочного педантизма и непрофессионализма в соб-

ственной же области классической филологии. Между тем всё не так однозначно, «проблема Бентли» занимает особое место в мильтонистике.

Самым значимым откликом на бентлиевское издание была работа Закари Пирса, вышедшая в том же году и направленная прицельно против Бентли. Пирс продолжает линию независимого исследования-комментирования: можно видеть зарождение систематической мильтонистской традиции. Основная часть исследования посвящена последовательному развенчанию исправлений и комментариев Бентли средствами сопоставительного филологического анализа и привлечением энциклопедических сведений. Работа Пирса была принята как безапелляционная победа над «бреднями» Бентли.

Противостояние Бентли—Пирс обусловило актуальность текстологических проблем «Потерянного рая», а интерес в дальнейшем распространился на раннюю лирику, прозу и драматургию Мильтона. Значимость поэта росла, хаотичное изучение продвигалось в сторону академической мильтонистики, а аддисоновские предпосылки ещё долго оказывали влияние на увлечённых Мильтоном англичан.

Таким образом, исследование творчества Мильтона в XVIII в. происходило в рамках подхода, опирающегося на категорию возвышенного. Её эстетическое измерение экстраполировалось на этическое и религиозное в отношении Мильтона. Указанный период характеризовался широко разделяемым восприятием «Потерянного рая» как христианского нравоучения, а его автора — как возвышенного наставника протестантской морали. Рационализм, радикализм, страстность, приближённость к Богу в роли учителя с помощью псевдо-лонгиновского возвышенного сочетались в Мильтоне и передавались его читателю. Такой императив господствовал с начала изучения поэта до открытия его романтиками в конце XVIII в.

Первый толчок к систематической мильтонистике был совершён Дж. Аддисоном в форме сопоставительного классицистского анализа; эта тенденция продолжила самостоятельное существование, в то же время повлияв на развитие комментирования «Потерянного рая» как исследовательской практики.

Юнусова Лилия Ильдаровна
свободный исследователь

От кулуарных сделок к открытости: путь китайского бизнеса к этическому лидерству

Исторической основой китайского бизнеса долгое время оставалась система гуаньси (关系) — сеть личных связей и взаимных обязательств, которые являлись, по сути, простыми неформальными догово-

ренностями. В этой парадигме успех заключался прежде всего в умении поддерживать доверительные отношения внутри ограниченного круга, где честность носила избирательный характер. Однако глобализация и выход китайских компаний на международные рынки потребовали пересмотра этой модели и перехода к более формализованному и открытому взаимодействию.

Формирование новой бизнес-этики стимулировали несколько факторов. Во-первых, интеграция ведущих корпораций — например, таких как Huawei, Alibaba и BYD — в глобальную экономику потребовала от компаний выстраивания систем открытого и подотчетного управления. Во-вторых, внутри страны курс государства на «общее процветание» (共同富裕) и ужесточение регуляторных требований превратили корпоративную социальную ответственность из добровольной практики в обязательный элемент стратегии. В-третьих, изменения в потребительских и трудовых ожиданиях — особенно со стороны молодого поколения — усилили давление на компании, требуя от них подлинной, а не декларативной приверженности этическим нормам и устойчивому развитию.

Результатом стало постепенное формирование новой парадигмы лидерства, основанного на институционализированной ответственности. Она проявляется в распространении практик ESG, в создании независимых советов директоров, а также в регулярной отчетности по вопросам устойчивого развития. Социальная ответственность выражается в благотворительных и образовательных инициативах, а экологическая — в лидерстве китайских компаний на рынках возобновляемой энергетики и электромобилей.

В то же время данный процесс сопровождается рядом противоречий. Существует риск формализации без реального содержания, когда отчетность и ESG-программы становятся инструментом репутационного менеджмента, а не подлинных изменений. Наблюдается напряжение между глобальными стандартами и национальными приоритетами: стремление к устойчивости может вступать в конфликт с задачами быстрого роста или технологической автономии.

Важно отметить, что трансформация не означает отказа от традиционных ценностей. Наоборот, многие из них переосмысливаются. Принцип гуаньси трансформируется в более широкое понимание корпоративной репутации и публичного доверия. Конфуцианское человеколюбие (仁) находит отражение в социальных программах, а стремление к гармонии (和) распространяется на взаимодействие бизнеса с обществом и природой.

Таким образом, эволюция китайского бизнеса демонстрирует движение от закрытых неформальных практик к институционализированной

ответственности, где традиционные культурные основания сочетаются с современными требованиями глобального рынка. Однако этот процесс остается незавершенным: его дальнейшее развитие будет зависеть от способности компаний совмещать устойчивые традиционные практики с ожиданиями международных партнеров и общества, избегая формализма и обеспечивая реальную интеграцию этических принципов в практику управления.

Языкова Юлия
ассистент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО СПбГУВМ

Эффективная коммуникация в ветеринарии как этический императив

Большинство студентов, выбирающих направление «Ветеринария», мечтают стать ветеринарными врачами, потому что любят животных и хотят им помогать. Однако нередко к этому стремлению добавляется важная оговорка: «Животных я люблю, а вот людей — нет, и общаться с ними не хочу». Такое отношение может быть связано с личным опытом или с интровертным складом характера, однако часто нежелание общаться с людьми сопряжено именно с неумением выстраивать эффективную коммуникацию.

При этом профессия ветеринарного врача — это не только лечение животных, но и постоянное взаимодействие с коллегами, фармацевтами, зоотехниками, а главное с клиентами — владельцами животных. Эффективность лечения животного зависит от способности ветврача обосновать клиенту необходимость выбранной терапии, дорогостоящей операции или строгого соблюдения временных рамок проведения медицинских процедур, что в конечном счете напрямую влияет на здоровье и благополучие животного. Отказ от терапии или несоблюдение врачебных предписаний по вине недостаточной коммуникации может привести к ухудшению состояния животного. Следовательно, умение выстраивать эффективную коммуникацию является не просто полезным навыком, а этическим императивом, без которого невозможна качественная ветеринарная помощь.

Тем не менее понимание важности коммуникативных навыков осознается не сразу. Многие студенты-ветеринары фокусируются исключительно на изучении специальных дисциплин, полагая, что профессиональная компетентность ограничивается медицинскими знаниями. Однако даже самый точный диагноз и оптимальная схема лечения могут оказаться бесполезными, если владелец животного не понимает их необ-

ходимости, отказывается от назначений или не соблюдает рекомендации. Студентам-ветеринарам необходимо с первых курсов формировать установку на важность коммуникативных навыков и понимание, что владелец животного — это не противник, а союзник в лечении, и его доверие определяет успех терапии, а также важно осознавать, что умение убеждать — это важная часть профессионализма.

Таким образом, ветеринарный врач несет двойную ответственность: за корректность профессиональных решений и за умение донести их до клиента. Это требует и профессиональных знаний, и осознанного развития коммуникативных навыков — умения слушать, аргументированно объяснять, адаптировать сложную информацию под уровень понимания владельца животного и при необходимости мягко, но убедительно настаивать на собственной профессиональной точке зрения. Студенты должны осваивать навыки эффективного общения — только так можно обеспечить реальное благополучие животного, которое всегда зависит от взаимодействия между ветврачом, животным и его владельцем.

Яо Чжиюань
аспирант Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Чей это город? Архитектурное проектирование между экспертным знанием и правом на повседневность

Современное городское развитие часто порождает глубокий конфликт между видением экспертов и повседневной жизнью горожан. Профессиональное сообщество архитекторов, планировщиков и застройщиков нередко опирается на общие критерии, такие как экономическая эффективность, оптимизация транспортных потоков и следование мировым эстетическим трендам. Руководствуясь этими правилами, они создают проекты, которые могут быть технически безупречными, но при этом ведут к вытеснению и разрушению живой, подлинной городской среды. В результате теряется не только историческая застройка, но и «дух места» (genius loci), привычные социальные связи и общая память местных сообществ.

Главными рисками в этом процессе являются снос и принудительное переселение жителей, а также последующая коммерциализация или «музеефикация» городских территорий. Коммерциализация превращает общественные пространства в зоны потребления, доступные лишь для определённых групп. В свою очередь «музеефикация» сохраняет внешний облик зданий, но лишает их внутренней жизни, превращая целые кварталы в декорацию для туристов. Оба процесса подменяют слож-

ную и разнообразную повседневность однотипными функциями, игнорируя голоса, нужды и права постоянных жителей.

Основой для справедливого и устойчивого развития города должен стать принцип «права на город», сформулированный Анри Лефевром. Это право следует понимать не как простой доступ к городским благам, а как равноправное участие жителей в процессе создания и изменения городского пространства. Такой подход не позволяет относиться к горожанам как к пассивным объектам; напротив, он признаёт их роль как носителей уникальных знаний о своей среде. Прямое участие в принятии решений позволяет включить этот ценный опыт в процесс проектирования. Это обогащает сам процесс и помогает создавать решения, отвечающие реальным потребностям людей.

Практика показывает, что масштабные проекты, разработанные «сверху», разрушают сложившиеся местные сообщества и вызывают социальное неприятие. Альтернативой служат методы проектирования, основанные на совместной работе. Через рабочие встречи, общественные обсуждения и беседы с жителями архитекторы могут наладить продуктивный диалог. Этот процесс не только помогает найти лучшие решения, но и формирует у горожан чувство личной причастности и ответственности за место, где они живут.

Таким образом, меняется и сама роль архитектора. Из специалиста, единолично принимающего решения, он превращается в посредника и организатора диалога, который помогает переводить язык потребностей сообщества на язык конкретных предложений. Его задача — не навязывать своё видение, а находить баланс между интересами разных сторон и защищать сложившиеся в городе социальные связи. А такая этическая позиция, ставящая во главу угла человека и его право на повседневность, позволяет дать честный и обоснованный ответ на главный вопрос: «Чей это город?».

Anthony Baiju Parakkal
MPhil & LPh, Doctoral Researcher
Department of Humanities and Social Sciences,
Birla Institute of Technoloy and Science, Pilani 333031 Rajasthan India

Eco-Epistemic Virtues: A Comparative Study of Pope Francis and Lorraine Code

This paper undertakes a comparative and philosophical analysis of Laudato Si' by Pope Francis and Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location by Lorraine Code through the lens of virtue epistemology, with the aim of exploring how ecological responsibility is conceptualized as both an ethi-

cal and epistemic imperative. Employing the methodological tools of comparative textual analysis and normative philosophical reflection, the study identifies and examines the ecological virtues embedded in both texts, mapping their convergences and differences in framing the role of the knower in relation to ecological crises.

Virtue epistemology, which emphasizes the character, dispositions, and moral agency of the knower over procedural justification alone, serves as the guiding framework. Both Code and Pope Francis foreground the importance of epistemic character traits—such as humility, responsibility, and attentiveness—in shaping just and ecologically responsible ways of knowing. However, their normative sources and disciplinary orientations differ significantly, offering a productive site for philosophical comparison.

Lorraine Code extends her feminist epistemology into ecological domains by challenging abstract, universalist, and disembodied models of knowledge production. She advocates for a situated, relational, and context-sensitive epistemology, grounded in the virtue of epistemic responsibility. This virtue calls for attentiveness to the politics of place, ecological interdependence, and the inclusion of silenced or marginalized knowledges. Code's model resists technocratic rationality and epistemic arrogance, proposing instead an interdisciplinary and pluralistic knowledge ethic rooted in care, interpretive sensitivity, and democratic inclusivity.

In contrast, Pope Francis develops an eco-theological framework in Laudato Si', drawing from Catholic social teaching and the tradition of integral ecology. He articulates a set of ecological virtues—including gratitude, humility, simplicity, solidarity, and stewardship—as foundational to what he terms "ecological conversion." These virtues reorient the knower's relationship with creation, emphasizing communion, reverence, and moral accountability. His critique of consumerism and technocracy echoes Code's concerns, though his epistemic vision is anchored in a theological anthropology that sees creation as divine gift and humanity as stewards.

I argue that while differing in orientation—one secular and feminist, the other theological and pastoral—both thinkers converge on the need to reconceptualize knowing as a morally situated and ecologically embedded practice. Their shared emphasis on virtue as central to epistemic reform offers a compelling model of eco-epistemic transformation, in which knowledge, responsibility, and becoming are inseparably entwined in the pursuit of environmental justice.

Basak Payel
M.Phil., Doctoral Research Scholar
Philosophy
Misra Sreetama
Dr., PhD, Assistant Professor
School of Humanities, Social Sciences and Management
Indian Institute of Technology Bhubaneswar

Moral Progress and the Kantian Vision

Morality is often considered as universal, grounded in reason and applies to every rational being (Damianus, et. al., 2022; Cureton, 2022), yet historical evidence such as abolition of slavery, the recognition of women's rights reveals that morality has transformed and shifted in response to social conventions, customs, and institutions gradually (Field, 1931; Surprenant, 2006). This demonstrates a paradox: if morality is universal, how can it change? This paper examines this obvious paradox through Kantian literature (Field, 1931; Golob, 2021; Surprenant, 2006) where morality is different from custom or conventions while at the same time dependent on conventional and institutional contexts for its realization. Morality, for Kant, does not arise from heteronomous impulses, empirical activities or customs (Kant, 1999). Yet Kant offers that conventions, society, and institutions serve as requirements that approximate rational moral law and allow autonomy to take shape in the lived experiences of human beings. Historical instances, from a Kantian perspective, are not just transformation of morality itself, but evidence of moral progress, where social conventions and institutions function as vehicles for realizing the rational moral law. What may appear like a shift or change in morality is, in fact, the progressive movement toward autonomy and rational freedom through improvement of social and institutional structures.

Kant's conception of moral progress, therefore, is not abstract. For him, progress is possible if only several criteria have been fulfilled: the cultivation of moral reasoning, the role of first-hand moral experience, the feeling of reverence for the moral law as a lived dimension of moral life, the capacity of moral apathy towards contrary impulses, and the establishment of civil society (Bodlović & Kudlek, 2024; Field, 1931; Surprenant, 2006; Wyrębska-Đermanović, 2021). These criteria demonstrate how progress is something more than social conventions; it enables individuals to move toward autonomy and moral law. Progress, in this sense, is both individual and societal: the cultivation of virtue and to live according to reason, and the establishment of a society that preserves autonomy. To explore this concept the paper will engage with Kant's Toward perpetual peace (1999) and Idea for a universal history with a cosmopolitan intent (1983) alongside his other writings to show

that he reframes the paradox between universality and historical changes of morality. Progress, for Kant, is not conformity to conventions, but a continuous, difficult, imperfect process of human self-formation — possible through reasoning, lived-experiences, resisting impulses and the civil society that allows individuals to expand.

Chatterjee Madhumita
Dr, PhD, Assistant Professor
Maulana Azad College Kolkata (Department of Philosophy)

Confucian Celestial Harmony; In Dialogue with the Ethics of Space Exploration

Ethics is primarily about the choices, individuals make to distinguish right from wrong, in their everyday lives. Such a venture engages each one of us to subscribe to some prevailing ethical systems for deciding how one ought to act and also interact in a particular social context? This constant human endeavor, fosters moral sensitivity and the ability to comprehend relationship more efficiently.

Traditional western philosophy it is known ordinarily appeals to the theories of continentalism, deontology, ethics of virtue, Justice and responsibility, and formally speaking space science research, is no different at least in learns of where we should begin? In-fact exploring the Space quite sensibly entails questions on the nature of values we ought to follow while using the space and also inquires in what ways are we responsible for the risks and consequences of further space exploration?

The Paper titled "Confucian Celestial Harmony, In Dialogue with the Ethics of Space Exploration" starts with the aforesaid questions, seeking answers for each of them and simultaneously acknowledging that Space has undoubtedly opened up a new world to humanity which is both fascinating and stimulating to human imagination. However it is also reminded that it is quite difficult to address questions related to human entrance into to the outer space in a purely formal way, only by framing space activities to fit them within our available ethical frame- works. As a consequence humanity now confronts multiple moral dilemmas that interrogate whether human intrusion into the outer space deny the Intrinsic value (If any) of space itself, and whether humans should explore space at all?

Answers to such questions are varied and often contradict each other and keeping in mind all such difficulties, the paper resolves to come up with an alternative which is deeply ontological in nature and relational in flavor defining a human person in the sense of being interdependent and essentially "Social". It is the philosophy of the early Confucianism — a predominantly

nonwestern tradition, believing in an intimate relation between Heaven and Earth, reinforcing oneness Harmony, and complementarity of Heaven and Humanity, the paper, hopes can help in the re-construction and re-formulation of the terrestrial ethics that appreciates both intra-human and man-nature interaction and also expanding its frontiers, to include the moral landscape of the extraterrestrial hemisphere, which demands an ethical approach to the use and management of outer space resources.

Here, across cultural dialogue revealing the probable limitations of theorizing and applying the prescriptions of early Confucianism into reality, amidst a changing social scenario along with its potential contributions to human thought and without abandoning all the positive blessings that space technology has made eventually tries to conclude that a technology, when becomes ready to interact with the social structures and processes loaded with the values of Harmony, piety, benevolence and righteousness can navigate human endeavor for exploring the space in a truly humane way. This confluence between theory and practices can ensure a true moral progress.

Chernyshev Alexey Vladimirovich
Master of Philosophy, Graduate
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Institute of Education and the Humanities

The Clash of Ethics: Individual Freedom vs. Societal Rigidity in the Digital Age

The modern world presents a unique ethical dilemma where the promise of global information freedom is colliding head-on with the constraints of local societal ethics, placing an unreasonable burden of psychological harm on young individuals. This is the dilemma.

Young people today are immersed in a ubiquitous global digital ethical framework. This stream of content—from news and social trends to expressive norms—is overwhelmingly shaped by liberal, individualistic, and market-driven Western cultures. Algorithms and platforms promote values like individual autonomy and expressive freedom, cultivating a form of digital cosmopolitanism where a young person may develop a personal identity that is globally accepted, yet locally subversive. This flow of liberal ideas is creating a new digital enlightenment.

The problem emerges when this globally informed youth lives within a traditional society — rooted in rigid political ideology, religious orthodoxy, or unyielding cultural norms. The information they access is not evil; it merely represents an alternative ethical possibility. Yet, when they act on this globally free understanding, they often face swift and severe social punishment.

This leads to unreasonable self-blame, acute social distancing, and intense psychological tension. The suffering is "unreasonable" because it is a direct consequence of being curious and ethically flexible. The ethical injury stems from the surrounding society's inability or refusal to process information outside its own narrow moral scope.

This pervasive conflict demands a critical ethical response. Truly rational, enduring ethical systems—such as those based on the Kantian Categorical Imperative or the Golden Rule—are flexible precisely because they are formulated in universal terms. They offer a broad moral foundation capable of adapting to diverse modern realities without rigidity.

Therefore, the ethical imperative is clear: Traditional ethical institutions, including governments and established religious bodies, have an urgent responsibility to engage and evolve. They must prioritize the well-being of the youth by moving toward a more open and nuanced understanding of morality that accounts for modern reality. Failing to do so risks an entire generation lost to social distance and psychological trauma, simply because their digitally-cultivated sense of freedom clashes with an outdated, unyielding local moral code. The ethical discussion must now focus on protecting the individual from the local consequences of their digital enlightenment.

Farmer Yanick
PhD, Full Professor
Université du Québec à Montréal, Faculty of Communication

A Four-Dimensional Model of Ethical Competence Validated by a Group of Experts in Canada Using the Delphi Method

BACKGROUND: Competence is a sought-after quality in all spheres of social life. For this reason, the notion has been the subject of much research over the years in fields as diverse as psychology, management and education. More recently, a distinct scientific literature has developed around the notion of ethical competence. The models proposed, however, lack details of its specific characteristics and cognitive mechanisms. This presentation therefore proposes a model of ethical competence and its sub-characteristics that has been validated using the Delphi method with Quebec (Canada) professional ethicists.

METHOD: The Delphi method involves a panel of experts and aims to build consensus around predetermined questions submitted to them that fall within their field of expertise. To contribute to its success and scientific validity, this method must follow a number of specific steps and meet numerous criteria. In order to assemble a sample of experts capable of providing an informed perspective on the concept of ethical competence, we recruited

panel participants from among professional ethicists working in various types of organizations throughout Quebec (Canada) (universities, health and social services network, government, committees, private companies, etc.). These experts were identified through a search of personal web pages and through the researchers' contacts in Quebec ethics circles. No exclusion criteria were applied with regard to the number of years of experience or field of expertise in ethics. The professionals who were approached and who felt they did not have a sufficiently articulated point of view on the issue of ethical competence were, of course, free to decline our invitation to participate in the panel. Thirty-one (31) professionals were identified and contacted by email. Of these, twenty-one (21) participated in the research. Details of the project and its objectives were provided in the solicitation email.

RESULTS: The agreement rate for validating the model dimensions was set at 75%, which is fairly standard in consultations using the Delphi method. The proposed model comprised four main dimensions: sensitivity, knowledge, reasoning-judgment, and behavior. The agreement rates obtained from the experts were as follows: 90.5% for the general definition of competence, 90.5% for sensitivity, 94.8% for knowledge, 90.5% for reasoning-judgment, and 76.2% for behavior. Each dimension was also defined more precisely by subcharacteristics on which the experts had to give their opinion.

Gabriel Andrade Ernesto
PhD, Assistant Professor
Ajman University, UAE

Ethical Shortcomings of QALYs: Discrimination Against Minorities in Public Health

Discrimination in public health continues to be a pressing concern, particularly in the context of how medical resources are distributed. One widely used method for determining allocation is the Quality-Adjusted Life Year (QALY), a metric that combines both the expected length and quality of life following a medical intervention. QALY is calculated by multiplying the duration of time spent in a particular health state by a utility value that reflects the quality of that state, where one QALY equates to one year in perfect health. This approach allows policymakers and healthcare providers to compare the effectiveness and cost-effectiveness of different treatments across a wide range of conditions. However, despite its widespread adoption, the QALY model has significant ethical limitations. This presentation examines the moral shortcomings of QALY, highlighting how its application can inadvertently perpetuate discrimination based on age, race, and disability status. By focusing on maximizing overall efficiency, QALY-based allocation

may undervalue the intrinsic worth of preserving life, especially for individuals whose projected health outcomes are less favorable due to social or biological factors. As a result, groups such as the elderly, people with disabilities, and certain minorities may be systematically disadvantaged when QALY is used as the primary criterion for resource allocation. While the intention behind QALY was to create a fair and efficient system for distributing limited healthcare resources, its implementation has revealed biases that can exacerbate existing health disparities. Given these concerns, the presentation argues for the development and adoption of alternative frameworks that better account for the ethical complexities of healthcare distribution. Such approaches should aim to balance efficiency with equity, ensuring that all individuals, regardless of background or health status, have fair access to medical resources. Ultimately, while QALY has played a central role in health economics, its limitations necessitate a critical reassessment and the pursuit of more just allocation methods

Klimovich Anna Igorevna
к.ф.н., доцент
Белорусский государственный медицинский университет

Law, Morality and Human Person in the Ethical Philosophy of Polotsk Neo-Scholasticism

Polotsk Neo-Scholasticism, defined in its essence as "real Thomism," represents an early version of the renewed scholastic tradition. Within the academic community of the Polotsk Jesuit Academy (1812–1820), the foundational principles of scholasticism were preserved and adapted. We would like to focus on the ethical and legal aspect of this tradition and demonstrate how it reveals facets of rationality, practicality, and humanity.

Rationality is presented as the principle of the harmony of faith and reason, the concept of the natural light of reason. The Polotsk authors defended the classic Thomistic idea of the harmony of faith and reason, in which reason does not contradict the truths of Revelation but serves to comprehend them. This was manifested in their critique of Kant's agnosticism and radical Enlightenment rationalism.

The natural light of reason was interpreted as an instrument for comprehending both natural law and the divine plan simultaneously. In the socio-legal sphere, this was expressed in the justification of ethical norms independent of positivist law. Thus, justice (justitia) was combined with mercy (benevolentia), which counteracted the reduction of law to formal rules.

According to the Polotsk Neo-Scholastics, the structure of society should be based on a rational striving for societas perfecta — an ideal society

where individual and common good are harmonized through a hierarchy of obligations (duty to oneself, society, and God). This implied a rational foundation for moral duties and social institutions.

The Polotsk authors rejected the "healthy egoism" and utilitarianism of social contract theory, countering them with a tradition rooted in natural law and Christian anthropology. From their perspective, reason should serve not individual interest, but transcendent values.

The practical orientation of the ethical-legal views of Polotsk Neo-Scholasticism is evident in their focus on solving the specific legal tasks of their era. Their views were not formed as an abstract theory; they constituted an alternative to the radical political ideas of the French Revolution in the form of a societas perfecta, grounded in a Christian axiological system and based on achieving the common good through the attainment of both individual and public good. They developed a model of social responsibility through a hierarchy of obligations, which structured an individual's moral duties within society.

For the Polotsk Neo-Scholastics, humanity is a synthesis of transcendent dignity, rational ethics, and social service, in which a person is not reduced to an object of regulation or an economic agent. This is manifested in the following ways.

Human dignity serves as the foundation of law, since the human being has a divine origin, which in turn leads to its characteristic of inviolability. Furthermore, humanity was realized through a system of mutual obligations. Duty to oneself implied the necessity of developing one's will and intellect; duty to society—the necessity of serving the common good; duty to God-adhering to transcendent benchmarks. However, human potential can be fully realized only within a societas perfecta, where individual good complements the public good, and justice combines law with mercy, thereby excluding the cruelty of formal justice.

Lazaris Nicholas
Research Author, Associate of Art Psychology, AA
UCSD

The Ethical Obligation of Institutions to Address Loneliness and Promote Mentorship

Loneliness is a growing epidemic affecting an increasing number of people, with college students being at elevated risk compared to other populations (Zahedi et al., 2022) due to the removal from familiar surroundings and habits, as well as being placed in a situation where they must navigate new systems, environments, and establish new social connections. This issue has

important ethical implications at the institutional level. To address this issue, it is critical to examine variables that may contribute to loneliness as well as factors that buffer against it. The current study investigated the relationship between self-reported loneliness and the experiences and outcomes of community college students. Through regression analyses, we examined the relationship between loneliness and students' sense of college belongingness, sense of purpose, educational and institutional engagement, and academic success. We further explored whether having a mentor is associated with decreased risk for negative outcomes in these domains. Findings from this study, including a particular benefit of students receiving mentorship, have the potential to shed light on factors that may serve to mitigate loneliness and promote the well-being and success of community college students. This study also identified loneliness as a vector for negative student outcomes both academically and in their personal well-being. The combination of variables explored in the current study suggests important potential implications. Specifically, with mentorship being a tool already in use within university and college settings, shifting resources to empower effective mentors to spread their influence and maximize their student contact may be beneficial. These findings also raise ethical concerns for institutions that do nothing to combat loneliness amoungst their students, or actively fund and empower faculty mentors. The presentation for the research performed will examine the ethical question of what obligations institutions have to their students mental and social health as well as explore potential interventions that could be useful starting points for institutional engagement on these issues.

Misra Sreetama
Dr., PhD, Assistant Professor
Trivedi Shivanshi
Masters in Philosophy, PhD Scholar
School of Humanities, Social Sciences and Management,
Indian Institute of Technology, Bhuabneswar, Odisha

The Intermittent Absence of Autonomy in Kant's Moral Philosophy

The exposition of Kantian ethics, in the works of Dieter Henrich, reveals that Kant's account of morality struggles to balance two demands - the obligatoriness of the moral demands, placed upon oneself, and the felt need to substantiate this demand with autonomy. Kant's account conceives this autonomy, the possibility to act otherwise, in accordance with principles

other than the moral demands, as instrumental in the emergence of the consciousness of moral obligation. For it is this consciousness that remains the basis of Kant's phenomenological understanding of Morality.

However, what we see further in Kantian philosophy is the dissolution of this moral consciousness which occurs in the wake of the immediate determination of the will by the practical reason. Kant goes on to short-circuit the way from a certain moral obligation i.e. knowing what is right, to willing to act in accordance with that moral obligation. Kant seems to require that any motivation for an act, be it one's desire or even the moral principle itself, must be renounced or sacrificed. This occurs in the wake of what Henrich refers to as the "philosopher's stone" in Kantian philosophy i.e. the theoretical impossibility to determine the moral motivations, which one may have, to act in accordance with the moral obligations. Especially in cases where moral obligations lead to self-defeat. To remedy this situation, Kant develops an immediacy between the will and the practical reason (moral obligations), which Alenka Zupancic refers to as the "missed encounter with the pleasure principle". This immediacy becomes evident in the rigor of Kantian Duty, where neither the motivations for the moral principles of action are sought, nor the pleasure to have acted in accordance with moral obligations, which could have been one such justification, is allowed.

Hence on the one hand, where Kant begins with moral consciousness realized in one's autonomy, say when one's actions have led to guilt, as the mode of knowing the moral demand in obligations, he soon realizes that moral obligatoriness and its demand could neither be derived, nor can be justified. Consequently, moral obligations, as facts of reason, are rendered within Kantian philosophy as always-already-there. On the other hand, we also see that Kant does not substantially extend moral freedom beyond its instrumental role in the initial realization of moral obligatoriness. That autonomy comes to play no role in the determination of will by moral law of practical reason, that no justification is sought here. And it is only after an intermittent absence, does autonomy emerge as the teleological aim for moral beings, where to act in accordance with the moral law is to be free agents.

The paper aims to explore this intermittent absence of autonomy in Kantian moral philosophy and consequently trace the compromise of moral consciousness as the consequence of such absence. Further, given Kant's emphasis on formal principles of the moral law as well as the absence of motivations with respect to this moral law, the paper aims to reconstruct the theoretical impossibility of deriving the moral obligations. The impossibility which could have inspired the rigor of Kantian ethics. In doing so, the paper would also envisage the tensions which the ethical subject in Kant consists in and see whether they remain necessary or merely the consequence of Kantian structure of morality.

Smirnov Aleksey Victorovich
д.ф.н., профессор кафедры культурологии,
философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургский государственный университет

Representation of war years everyday life in Russian cinema

Cinema is a significant factor in shaping the memory of the Great Patriotic War. Feature films dedicated to this period of national history have been produced in our country since 1941 and continue to be made today. They have acquired a variety of styles, plots, and genres. Genre films dedicated to the fates of individuals at the front and in the rear during the war occupy a special place among these films. Such films appeared during the war but became widespread in the mid-1960s, marking a new stage in the development of Soviet cinema. While these films depicted events at the front or in the rear, they were nevertheless films about everyday life.

For Soviet memorial policy, depicting everyday life during wartime was no less significant than depicting combat. The depiction of everyday life was intended to convey to a new generation of viewers who had not witnessed the war the idea that all Soviet citizens heroically fought for victory, devoting all their strength to this struggle. The on-screen depiction of equally difficult everyday life conveyed the idea of the unity of the Soviet people in the fight against a common enemy. This idea is one of the most significant in the national memorial narrative of the Great Patriotic War. For this reason, any depiction of everyday life during the war in Soviet cinema was precisely this way, or this topic did not appear in the film at all. It can be said that during the Soviet era, an unspoken canon of depicting everyday life developed in national cinema.

The existence of this canon becomes evident when deviations from it appear. In this report, we examine examples of violations of this canon and the reasons for its violation. At the end of the 20th century, attempts were made in our country to revise key narratives about the war. Independent media and internationalized scholarship played a leading role in this process. However, the 21st century has required new channels for conveying these narratives, and cinema has become a necessary medium. This has significantly expanded the audience receptive to new narratives of war memory. Over the past ten years, several cinematic projects—online, platform, and screen—have been realized in Russia, where the memorial canon has been radically disrupted. These films depicted everyday life during the war and postwar years differently, based on the authors' own perceptions of it. These perceptions were constructed on the basis of new historical narratives created in the late 20th century. These narratives are also a manifesta-

tion of ideology, although they lay claim to scientific validity and ethical significance. In the films examined, everyday life is depicted primarily as a space or source of personal drama, as well as a scene of confrontation between the people and the authorities. Although these films depicted small-scale events, they could nonetheless play a role in transforming the "grand narratives" of cultural memory of the Great Patriotic War in contemporary Russia.

«Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х — 1970-х гг.», проект РНФ № 25-28-00351.

Sokolov Evgeniy G.
д.ф.н., профессор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Bureau of Highly Qualified Professional Fortune Tellers (Nomenclature Futurology)

Any futurological topic, no matter in what disciplinary and discursive horizon it unfolds, is an undoubted and obvious cunning, and any good speculative battles on this subject are doomed to fiasco. This is precisely the main lesson of the past, regardless of actual nervousness of challenges of the present. Therefore, questions about "progress"/"regression" (including moral ones) are from the category of "damned", i.e. they are insoluble in principle, and any answer, no matter how convincing and well–founded, is a private opinion of one or another entity, which may claim totality, but has been and will be "abolished by history" anyway.

Such precedents can rightfully include the model (in fact, the concept) of the "architecture of the common good" by Jose Maria Sanchez Garcia and the concept of participatory architecture, which were presented as the headlining topics of the round table. And it's not that the latter's position is "vulnerable" due to the fact that always engaged amateurs are given the "right to vote", and the Spanish architect is highly decorated by colleagues and extremely successful in his professional activities. The point is different: the number of considered, basic, semantic and operational positions includes "responsibility and interests of future generations", i.e. the person of the future. And this is already a dream and/or fantasy. Regardless of how we resolve for ourselves (and in the optics of our view) the astrological-anthropological dilemma of where temporality comes from (from the Future to the Past and into the Present, or, conversely, from the Past through the Present to the Future), fundamentally – because we are talking about constructing an urgent and immediate reality — the Present. The "common

good" (and even more so the man of the future) is always the here-now speaker and nothing more, whose universalist efforts, no matter what they hide behind, will always remain (among other things) a mechanism for destroying the Other. Well, the principles of participatory design are primarily issues of ranking social strata in the current organizational and political structure (and the ability to assert one's will), which in itself is unstable, variable (both in the moment and in development), and, most importantly, inexhaustible. In other words, no matter how many groups and the kinds of reality they represent take part in the study and examination, many others will certainly remain behind, whose interests and opinions will turn out to be unaccounted for. The precedents of what exactly "unaccounted-for positions", which, I repeat, cannot be calculated (there can be no complete, perfect, fully calculated and exhaustive classification: life is a reality, it is richer than any speculative meditations, the object of which is the phenomenal world), lead to the fact that it is already completely or not completely an implemented architectural project turns out to be unpopular, unclaimed or unnecessary — not so rare.

Abandoned cities, individual houses abandoned by people, and entire neighborhoods with crumbling and overgrown buildings are the daily routine of human history. Such examples are innumerable. The urgency (functionality) has disappeared due to certain circumstances — the inhabitants have left. The discovery or presence of such architectural complexes can be the joy of an archaeological historian, or a headache/artistic impulse of renovators of various specializations. But we are not talking about them now, but about those that have never become either a topos or a habitus. Paradise City in the Iranian Technopark (Paradis City: Phase 11). It was planned to build a modern city with public transport, hospitals, schools and parks in the middle of the desert. The intentions were the best: to settle the poorest people, to introduce them to the modern benefits of civilization, to make a blooming garden out of the desert. The buildings could withstand earthquakes of 8 points. But... it didn't work out. It doesn't matter what the reasons are: you can always come up with a lot of them, just as there were probably a lot of arguments from the project developers, whose stupidity and shortsightedness can hardly be blamed: they came "from their own moment." Now we see towers in the middle of the desert, being destroyed by winds and sands.

SUN Chia-Ting
PhD, Assistant Professor
General Education Center,
National Tainan Junior College of Nursing, Taiwan

Interact with the Debates Emerging from the Technology Development in Modern Competitive Sports through the ELSI Framework

Mega-sporting events such as the Olympic Games and World Cups have already served as prominent platforms for showcasing sports technology and national power, particularly following the IOC's announcement of the Olympic AI Agenda and the rapid investment in technology within competitive sports. For example, semiconductor technology, artificial intelligence, video analysis, visual detection, and big data are all commonly used to monitor and modify athletes' proprioception, visual input, physiological data, attention, and imagery training. These interventions enable athletes to optimize their movements and physical-mental performance in real time, establish long-term performance tracking indicators, and thereby enhance the overall performance of competitive sports and the sporting level of the nation. Is there an appropriate research framework capable of both identifying risks and enhancing governance in the application of sports technology? This is the central problematic of this research. The Ethical, Legal, and Social Implications (ELSI) framework, an interdisciplinary approach that originated in the 1990s as part of the Human Genome Project, is still not commonly used in the field of sports but has demonstrated its potential in medical and ethical domains, and may offer a viable response to this challenge. Firstly, based on step-by-step analysis of three issues, this paper aims to examine how ELSI can serve as a suitable tool within the field of sports. Secondly, this framework is applied to address the ethical debates surrounding the development of sports technology in Asia, particularly under the context that at least three Olympic Games have recently been held by East Asian countries. It further illustrates the importance of employing new frameworks to broaden our perspective on the application of sports technology and the field of applied ethics. The meaningful contribution will primarily emerge in both practical and theoretical aspects of sport, particularly those connected to our mastery of sports technology and its related knowledge and ethical dimensions.

Keywords: Modernity; Equity; Risk Assessment; Data Governance; Ethical, Legal, and Social Implications (ELSI).
National Science and Technology Council (NSTC 114-2410-H-439-002-).

Tavi Leila
Dr., PhD, Independent Researcher
Department of Law, Economics and Political Science
Guglielmo Marconi University, Italy

Ethical Responsibility and Constitutional Power in Slovakia's Premier-Presidential System

The Slovak constitutional system embodies a distinctive legal architecture characterised by a flexible yet complex relationship between constitutional texts and laws. Unlike more rigid systems, Slovakia's Constitution permits amendments through a qualified parliamentary majority without a stringent revision process, which has led to frequent constitutional changes. This flexibility, while allowing adaptation to evolving political realities, raises concerns regarding institutional stability, legal certainty, and the safeguarding of democratic principles.

A key feature of Slovakia's constitutional framework is the coexistence of the Constitution and constitutional laws that operate at a comparable normative level. The absence of a strict hierarchical distinction between these norms results in a layered and sometimes fluid legal order, complicating traditional notions of legal supremacy and posing challenges for constitutional interpretation and judicial review.

In this context, the President of the Republic, elected by direct popular vote, assumes a role defined more by ethical responsibility than by extensive formal powers, particularly concerning constitutional amendments. While lacking a formal veto over constitutional laws, the President influences constitutional discourse through moral suasion, public engagement, and mediation, often appealing to international bodies when fundamental democratic principles are at risk.

This paper examines the President's position as a super partes authority within a premier-presidential system, emphasising how the erosion of this impartial role—whether through excessive politicisation or alignment with specific parties—can destabilise the political landscape and undermine democratic checks and balances. Historical episodes of cohabitation in Slovakia illustrate the fragility of institutional equilibrium when the President's ethical stance shifts towards political partisanship.

Moreover, recent constitutional reforms have introduced elements of neo-presidentialism, expanding presidential oversight of executive functions during governmental crises. This shift raises ethical and constitutional questions about the balance of power, accountability, and the democratic legitimacy of executive actions.

Ultimately, this paper argues that Slovakia's constitutional order presents a nuanced case where ethical considerations in constitutional interpretation and the President's moral responsibility are central to maintaining democratic stability. The interplay between legal norms and ethical leadership emerges as pivotal in safeguarding the integrity of constitutional governance within a politically dynamic environment.

Tewari Sanjay
PhD, Professor
Indian Sociological Society
Convenor of Research Committee on Sports Sociology

Sports and Environmental Ethics

In the 21st century, the global influence of sports extends beyond entertainment, serving as a powerful vehicle for social, political, and environmental discourse. As concerns about environmental degradation, climate change, and sustainability become increasingly urgent, the intersection between sports and environmental ethics demands critical attention. This abstract explores the ethical responsibilities of the sports industry—comprising athletes, organizations, fans, sponsors, and governing bodies—in promoting and practicing environmental stewardship. Sports ethics evolve together with the society. Contemporary changes enlightened the topical problems of moral relationships in sports.

Environmental ethics is a branch of philosophy that examines the moral relationship between human beings and the natural environment. When applied to sports, it raises fundamental questions about the ecological footprint of sporting events, infrastructure, and consumer behavior. Mega-events such as the Olympic Games, FIFA World Cup, and Super Bowl, while promoting international unity and economic opportunity, often leave behind significant environmental damage through deforestation, excessive energy use, carbon emissions, and waste. Ethical scrutiny reveals that such impacts are often borne disproportionately by vulnerable communities, highlighting the need for an equitable approach to environmental sustainability in sports.

Sustainable sports practices are increasingly becoming a central concern. Ethically responsible approaches include the use of green architecture in stadium construction, renewable energy sources, eco-friendly transportation for fans and athletes, and sustainable merchandise. Furthermore, the ethical role of athletes and influencers in advocating for environmental awareness cannot be overstated. Figures like Lewis Hamilton, Megan Rapinoe, and others have used their platforms to champion environmental

and social causes, demonstrating that athletes are not just competitors, but also moral agents capable of shaping public discourse.

Environmental ethics in sports also extends to recreational and grassroots levels. Local sports activities, while smaller in scale, collectively contribute to environmental degradation through land use, water consumption, and pollution. Promoting environmental education and responsibility within community sports can have a long-lasting impact on ecological consciousness and behavior.

There are also tensions and contradictions inherent in the relationship between sports and environmental ethics. For instance, the growing commercialization of sports encourages mass consumption—merchandise, travel, broadcasting—which often conflicts with ecological principles. Greenwashing, where organizations superficially promote environmental causes while continuing harmful practices, is another ethical challenge that undermines genuine sustainability efforts.

To address these issues, a robust ethical framework is needed—one that integrates ecological principles into sports governance, education, and culture. Policies promoting transparency, accountability, and environmental justice should be enforced by international and national sports bodies. Research and innovation should focus on creating sustainable technologies and practices that reduce the ecological impact of sports without diminishing their cultural and social value.

In conclusion, sports have a unique platform to influence global attitudes and behaviors. By embracing environmental ethics, the sports industry can not only mitigate its ecological footprint but also inspire millions to adopt sustainable lifestyles. The convergence of sports and environmental ethics presents a transformative opportunity—one that calls for commitment, innovation, and collective action across all levels of society.

Yaprak Pınar
PhD, Assistant Professor
Gazi University, Türkiye

Safeguarding Children's Welfare in Sport: (N)Ever-developing zone?

This presentation aims to address critical aspects, trajectories and (under)developments in child protection and welfare (CWP) in sport. Specific examples provided e.g. from research to justice system as well as comparisons from past to present, as the subject being the researcher's longitidunal field study, insights provided include but not limited to auto-ethnographic

reflections. The conditions for the safeguarding children's welfare in sport are discussed according to aforementioned various social data. The CWP structures and experiences today, whether framed as developed or not, are not independent from the current qualities of political, economic, legal or any other impactful social domain in or beyond sport. Sport fields can be highly culture specific and inconsistent; despite the attempts of globalization movement for different agendas, we cannot call that there is such homogenization aimed and developed well to stop children's exploitation. The complexity, vulnerabilities as well as the critical role of agency remain high in such context. Lack of systematic research, collaboration and coordination remain at both local and international levels, and these issues should be resolved as well.

СОДЕРЖАНИЕ

4 *Абакарова Р.М.* Конфликт нравственных ценностей в синкретичном сознании современного этноса

5 *Абрамов А.А.* Этика ИИ в оценке Ватикана: «Antiqua et nova»

7 *Авдеева И.А., Самгина А.С.* Зоны этико-правовой неопределенности в образовании с использованием технологий искусственного интеллекта

8 *Азаров К.В.* Ницшеанский долг чести между памятью и забвением

9 *Алейников А.В.* Стратегии современного риск-менеджмента: точки отсчета

11 *Ананьева Е.М.* Этический потенциал концепции общения в марксизме

12 *Андриянова К.В., Набоков Л.Б.* Диалог морального и религиозного дискурсов в осмыслении феномена войны: Н.А. Бердяев и И.А. Ильин

14 *Антипов А.В.* Понимание автономии в контексте паллиативной помощи

15 *Антонов М.В.* Искусственный интеллект и ценности в праве

17 *Антонов М.В.* Правовой реализм и позитивизм в американском контексте

19 *Аракелян А.М., Воронцова Ю.В.* Этические вызовы при использовании искусственного интеллекта

21 *Арсибекова В.С.* Трансформация образа юродивого в русской культуре

22 *Артамонов Д.С., Тихонов Г.И.* Мемориальная этика в цифровую эпоху: от политики памяти к ответственности медиапрактик

24 *Артёмов Г.П.* Нравственная культура и социальная солидарность в странах БРИКС

25 *Артемьева О.В.* Методологические проблемы в исследовании истории идей

27 *Архипов В.В.* Между моралью и абсурдом: истоки концепции смысловых пределов права в трудах Л.Л. Фуллера

28 *Архипов В.В.* Правовые ценности между традицией и прогрессом: смысловые пределы права

30 *Архипов В.В.* Самостоятельность и академическая добросовестность в эпоху генеративного ИИ: опыт разработки проекта концепции СПбГУ

31 *Асланов Ф.Р.* Осмысление классических вопросов этики и морали в рамках философии Прагматизма и Неопрагматизма

33 *Афанасьев Д.Д.* Социально-этический аспект историософии И.М. Дьяконова: система ценностей в историко-культурном процессе

34 *Бабаджанян П.А., Фролов А.А.* Ценности и императивы современных российских блогеров

36 *Багирова А.А.* Алгоритмическое настоящее и структура субъективного времени в цифровой среде

38 *Барабанов А.Ю.* Этическая теория ортобиоза
в философско-научном эссе И.И. Мечникова
39 *Барбашина Э.В.* Нарративная этика в медицине
41 *Барташевич Т.Ю.* Моральные парадоксы в этике воспитания
в контексте религиозного и нравственного дискурсов
42 *Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А.* «Православное нравственное
богословие» архимандрита Платона (Игумнова) в контексте
отечественной этической мысли
44 *Беззубова О.В.* Образ участника Великой Отечественной войны
в советском кинематографе 1950-х–1970-х гг.: моральные аспекты
45 *Беляева Г.А., Михайлин В.Ю.* Мемориальная этика в советской культуре:
от репрезентации элиты к конструированию памяти о войне
47 *Беляева Е.В.* Взаимосвязь этических кодексов об использовании
искусственного интеллекта в сфере образования
48 *Белялетдинов Р.Р.* Искусственный интеллект и интерсубъективность
как основание принципа наилучших интересов
50 *Боброва В.М.* Без лица: личность в корпорации
51 *Большакова А.С., Каширин А.Ю.* Мораль как сингулярное событие:
М.М. Бахтин и А. Зупанчич
53 *Бродский А.И.* Диалог Платона «Федон»
в свете христианского отношения к смерти
54 *Брук Е.Г.* Свадебные обряды немцев Поволжья: нормативно-ценностные
аспекты (по материалам неопубликованной диссертации
П.Г. Пеннера (1899–1937))
55 *Брук Е.Г.* Статья А.А. Бронзова «Размышления об иезуитской морали»
и антикатолическая полемика в начале XX в.:
этический и политический аспекты
56 *Брызгалина Е.В.* Вызовы технологий искусственного интеллекта
для этической экспертизы исследований живых систем
58 *Брызгалина Е.В.* Инструменты нравственного воспитания
в профессиональном образовании
60 *Бугай Д.В.* «Никомахова этика» Аристотеля в контексте мысли
раннего Хайдеггера (20-е годы)
62 *Булавина Б.В.* Жизнь как сцена истины: киники в объективе Мишеля Фуко
63 *Вантеев М.Д.* Биоэтическая ответственность при проведении
преимплантационного генетического тестирования
65 *Варфоломеева М.Д.* Зачем нужна похвала? Эпидейктика Аристотеля
как формирование «эндоксии» для практической аргументации
66 *Василевская А.В.* ИИ в количественном исследовании:
проверка устойчивости к манипуляциям и искажениям фактов

68 *Васильев А.В.* Ответственность без вины и прощение без вины в рамках проблемы "грязных рук" в политике
69 *Ветютнев Ю.Ю.* Абсолютизация и релятивизация правовых ценностей
71 *Вигель Н.Л., Меттини Э.М.* Потребительское поведение и его воздействие на экологическую устойчивость: пути к осознанному потреблению
72 *Виноградова В.А.* Этика апроприации фотоматериалов в контексте современного искусства
74 *Воробьева А.Д., Дмитриев В.А.* Проблема рефлексии в современной этике через призму контент-политики нейросетей
75 *Воронцова Ю.В.* Междисциплинарный подход к нравственной оценке трансгуманистических рисков
77 *Гамолина А.С., Ставрова К.Р.* Этические аспекты медицинской нейтральности
78 *Гао Явэнь.* Связь между образованием и нравственным прогрессом
80 *Гарвардт А.Э., Гарвардт М.А.* Этический аспект эвфемизации в структуре исторической памяти о войне
81 *Глебова С.В.* Этические основания медицинской корпоративности: вклад Томаса Персиваля
83 *Глебова С.В.* К истокам бизнес-этики: этические основания капитализма
84 *Глушкова А.И.* Партиципативная архитектура: этика совместного проектирования
86 *Говорунов А.В.* Этика и теология Творца и творения (фильм Алекса Гарленда «Из машины» (2014))
87 *Головенко З.В., Михайлова Л.М.* Этическая проблематика эстетической репрезентации бездомных на примере фотовыставки «Лица и судьбы: бездомные в объективе фотографа» (2025) в Санкт-Петербурге
89 *Головков В.В.* Когда программирует дилетант: этические риски вайб-кодинга
91 *Голушко Р.И.* Антропология предназначения: этические границы культурных практик самопознания
92 *Гонашвили А.С.* Практика дозволенного: латентные нормы спортивной этики в современном мире
93 *Горина Т.С.* Забота в образовательном дискурсе
95 *Григорьева М.П.* Удовольствие как мера нравственности в контексте этической философии Аристотеля
96 *Грудинин В.П.* Ключевые аспекты критики философской системы И. Канта в интеллектуальном наследии В.Н. Карпова
98 *Груздев А.Д.* Идентичность как основание этики
99 *Гуммель В.И.* Umwelt растений: от биологии к биоэтике

100 *Гюллинг А.О.* Антропоморфность искусственного интеллекта как источник этических рисков: философия информации Лучано Флориди
102 *Данилкина Д.С.* «Обмани меня, если сможешь». Проблемы алгоритмической предвзятости технологий ИИ
103 *Дансарунова С.А.* Этика сострадания: буддийская мораль и ее современное значение
104 *Держивицкий Е.В.* Старость как этический ресурс
106 *Диреев И.Д.* Этические аспекты цифровой коммуникации: лингвосемиотический анализ манипулятивных практик в медиапространстве
108 *Добров Н.С.* Креативность и вредные производства на примере современного петербургского художественного стеклоделия: к вопросу об авторстве
110 *Дондокова Б.Б.* Система воспитания нравственных качеств личности: структурно-динамический подход
112 *Дорогостайский В.Г.* Моральный конформизм: проблема понятия и места в моральном сознании
113 *Дорохина Р.В.* Генеративный ИИ как субъект трансгуманного творчества
115 *Дугарова С.Б.* Стратегия развития человеческого потенциала в КНР: этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе
116 *Дыдров А.А.* Тема войны в современной российской поп-музыке
118 *Еременко Т.В.* Значимость уважения в структуре этических ценностей студентов вузов
119 *Есаян С.Р.* Связь онтологии и этики в спекулятивном материализме Квентина Мейясу
121 *Жадунова Н.В.* Дилемма эффективности и соблюдения этических принципов при использовании ИИ: возможна ли минимизация рисков
122 *Жарова М.С.* Этический анализ статуса исполнителя наказания
124 *Жердев А.А.* Экзистенциализм как ответ на вызовы капиталистического реализма
126 *Житенев Н.В.* Отношения между верой и благом в натуралистической этике добродетели Филиппы Фут
127 *Заболотских К.И.* Автономия пациента и особенности ее реализации в уязвимых группах
129 *Зайцева Д.С.* Воспроизводя забвение в сети: этические аспекты ностальгии по "советскому"
131 *Зайцева Е.С.* Ценности как основа юридически значимых символов
132 *Закураева Е.Д.* Кураторская практика как динамичный этико-критический диспозитив

133 *Зарапин О.В., Шапиро О.А.* Коммуникативные траектории самопознания: куда нас ведет "Цифровой Сократ"?
135 *Зильбер А.С.* Кант против старых и новых реалистов: политика внутренняя, внешняя, и нравственная природа людей
137 *Зимбули А.Е.* Проба: этические аспекты
138 *Зубец О.П.* О внеидейности морали
139 *Иваненко А.И.* Кротость в толковании Иоанна Лествичника
140 *Ильина А.С.* Смерть Бога и её последствия в христианском и постхристианском мире
141 *Инсарова Е.В.* Нравственные основания арт-критики
142 *Канышева О.А., Фофанов И.А.* Диалогическая этика М.М. Бахтина
144 *Карпов В.Э., Сорокоумов П.С., Томильцева Д.А.* По образу собаки: от коллаборативных роботов к роботам-партнёрам
146 *Карпова Е.А.* Современная этическая экспертиза в здравоохранении — вызовы и решения
148 *Касаткин И.А.* Роль эмпирических исследований в биоэтике
149 *Кипарина Е.А.* Академический допинг как междисциплинарная проблема
150 *Кладько С.С.* Обучать нельзя продать: прикладная этика в сфере ИИ для различных поколений акторов
152 *Ковалева Т.В., Ковалева-Кирчичек В.А.* Парадигматические подходы к осмыслению трансгуманизма в философии и этике
153 *Ковалева Т.В., Парийская Е.Н.* Философско-культурные подходы к обоснованию биоэтических проблем старения населения в медицине и медицинском образовании
155 *Коваль Е.А.* Я и искусственный Другой: этические риски взаимодействия
157 *Коваль С.В.* Размывание границ философско-правовых школ: право, политика, мораль
158 *Ковальчук С.В., Кубряк О.В.* Проблема выравнивания моделей искусственного интеллекта в задачах профессионального принятия решений
159 *Коленько Г.С., Коленько С.Г.* Ступени мотивации праведника к праведной жизни: от рыночных отношений к внеземным категориям
161 *Кондратова А.В.* Этика кураторских практик в политическом искусстве
162 *Константинов М.С.* Моральные основания российского коммунитаризма: между традицией и современностью
164 *Копанева В.А.* Рутинизация как ценностный эффект социального признания
165 *Корниевский А.А.* Десакрализация исторической памяти в процессе ее формирования

167 *Коробейников В.С.* Природа зла как морального выбора в стоицизме Марка Аврелия
168 *Коротченко Ю.М.* Homo Deus как человек последний: Ф. Ницше против Ю.Н. Харари
170 *Корякова А.А.* Окаменелости чувств: следы инстинктов в современном человеке
171 *Кошутин К.Ю.* Супервентность как философско-правовая категория и приципы права
173 *Краснов Э.К.* Вопрос о технике как вопрос антропологической этики
175 *Крейцберга К.А.* Этические смыслы и утопии интеллектуалов в школьной реформе Российской империи (1907–1917): полифония нравственных ориентаций
177 *Крюк А.Д.* Проблема ответственности в классической философии Махаяны: как может нести ответственность тот, у кого нет собственного "Я"?
178 *Кудряшова В.К.* В защиту объективности: нео-аристотелианская этика против морального релятивизма
180 *Кузнецов Н.В.* Нравственные ценности русской культуры: образ праведника в русской литературе
181 *Кузьмин И.С.* Духовная составляющая российской цивилизации как ключевой компонент политического просвещения
183 *Куксо К.А.* Долг диететики как новое применение разума: от Канта к интегративной медицине и педагогике
184 *Куликова М.С.* Традиционные ценности в современном дискурсе: диалектика либеральных и консервативных парадигм
186 *Лаврентьева С.В.* Психотерапевтические ИИ-чат боты: автонарратив и проблемы автономии
187 *Лавренюк И.К.* «Взвешивание ценностей» как метод разрешения ценностных конфликтов в праве
189 *Ланцова А.С.* Влияние буддизма на транс- и постгуманистическую этику
190 *Ларионов И.Ю.* Парадокс моральной ответственности в художественном кураторстве
192 *Ларионов И.Ю., Ярочкин Д.А.* Проблема этических рисков в применении беспилотных наземных транспортных средств
193 *Лисанюк Е.Н.* Нравственный довод в поле аргументации
195 *Лисович И.И.* Добродетели и идеал воспитания в раннее Новое время: между христианской моралью и античной этикой
197 *Литвинский В.М.* Времена не выбирают. Размышления о фильме Сергея Бондарчука «Судьба человека»

198 *Логиновская Л.М.* Категориальный выбор экологической этики: почему «внутренняя ценность» природы, а не «внутреннее благо»
199 *Ложкин М.А., Тонков Е.Н.* Формализация ценностей в правосознании как источнике права
201 *Лущаева Л.А.* Этическая норма юмора на примере интернет-мемов
202 *Ляуш Л.Б.* Этические параметры медицинских практик конструирования телесности человека
203 *Макакенко Я.А.* Ответственное применение генеративного ИИ в контексте проблемы цифрового послесмертия
205 *Макарова Н.П.* Человеко-машинное взаимодействие: символичность жестов
206 *Малиновская Н.В.* Проблемы морального выбора в профессиональной этике юриста (на основе учения Д. Лубана)
207 *Мальцева Д.А., Федотов Д.А.* Геймификация как инструмент формирования исторической памяти молодежи: кейс военно-исторического фестиваля
209 *Маманазаров Э.Б. угли.* Межкультурный диалог памяти: восприятие истории ВОВ мигрантами в российском обществе
211 *Мамедов А.А.* Коммеморативные основания видеоигр: от геймификации истории к сохранению исторической памяти
212 *Марина М.В.* Идейно-содержательные особенности экспозиций, посвященных Великой Отечественной войне, на современном этапе
214 *Мартынова М.Д.* Благодарность как форма этической рефлексии: беседа студентов с нейросетью о важности испытывать благодарность
215 *Масланов Е.В.* Дилемма забвения и искусственный интеллект
217 *Маслова Т.И.* Технологический гуманизм как философское течение, ориентированное на пересечение этики и технологических инноваций
218 *Матвеева М.А.* Этика абсурда как протест: многообразие этических смыслов в молодежных мультсериалах
219 *Мижевич О.М.* Современные университеты в условиях коммерциализации: этический конфликт
221 *Миляева Е.Г.* Мемориальная этика vs. коммодификация памяти: бренды в конструировании нарративов о Великой Победе
222 *Мордовин В.С.* Право на выстрел: этическая проблематика фильма «Ворошиловский стрелок»
224 *Морозов К.Е.* Самопринадлежность и обособленность личностей
225 *Мурадов Ф.С.* Воспитательный потенциал военного кинематографа
226 *Мурзин А.А.* От фальсификации к генерации: философия науки перед лицом ИИ

228 *Мухачёва Д.А.* Этика курирования вне антропоцентрического портрета: опыт выставки «Жизнь замечательных собак»
229 *Наволоцкая Т.В.* Индивидуализм в мысли позднего Средневековья
231 *Назаренко А.Н.* Моральный облик художника: публичное vs. приватное
232 *Назарова Ю.В.* Цифровое бессмертие, этика трансгуманизма и моральное прогнозирование
234 *Наранович С.В.* Признаки нравственного прогресса в трактате Плутарха Quomodo quis suos in virtute sentiat profectus
235 *Наркевич-Йодко М.С.* Профессиональная этика тренера непрофильного вуза
237 *Невважай И.Д.* Этика — это язык
239 *Нечаева М.М.* Дискредитация Homo Sapiens: к попытке нравственного обоснования «умаления» человека в философско-культурном дискурсе
240 *Нечаева М.В.* Классические цивилизационные концепции как основа для формирования политической идеологии в современной России
242 *Николаева Ж.В.* Архитектурная этика: моральная ответственность перед будущими поколениями
243 *Ноговицын Н.О.* Фантастика как пространство биоэтической рефлексии: проблема ответственности и трансформации субъективности
245 *Овчинников А.В.* Этика деконструкции социального мифа
246 *Огарков А.Н., Романова И.К.* Этические аспекты формирования исторической памяти в военном кинематографе
247 *Олефиренко Д.А.* Этические аспекты медитативной и экскурсионной практики в музейно-выставочных пространствах
249 *Осветимская И.И.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности: результаты социологических исследований
251 *Павлова Е.В.* Ценности в цифровую эпоху: трансформация, формализация и вызовы искусственного интеллекта
252 *Панферов В.Ю.* Чужой и чуждое в высококонтекстной культуре: опыт русской идентичности
254 *Пересторонин В.А.* Рецепция раннехристианских религиозно-этических концепций в русской духовно-академической среде в XIX вв. (на материале русских переводов раннехристианских авторов)
255 *Перов В.Ю.* Феномен «перстня Гига»: (а)моральные искушения в сфере систем искусственного интеллекта (СИИ)
257 *Перова Н.Ю.* «Необходимое, но недостаточное»: роль когнитивного компонента в моральном улучшении с использованием СИИ
258 *Пионткевич Л.Ю.* Волевое начало в праве и нравственности
260 *Пирожкова С.В.* Участие искусственного интеллекта в научных исследованиях: этические аспекты

261 *Погожина Н.Н.* Концепция "искусственной коммуникации" в приложении к системе науки: этические и эпистемологические контраверзы
263 *Положенцев А.М.* Этос ИИ
264 *Поляков А.В.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности: единство в многообразии
266 *Полякова Н.В.* Историческая политика "консервативного ревизионизма" в современной Польше: этические аспекты
267 *Попов Д.Г.* Роль стратегических коммуникаций в политике памяти современных государств
269 *Попова Е.В.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в гуманитарные исследования: этические и институциональные вопросы на примере кейсов двух научных групп
270 *Поправко Е.А.* Сколько стоят "товарищи в борьбе": деятельность Тыла Красной армии по обеспечению иностранных воинских формирований и восстановлению экономики стран Восточной и Центральной Европы в 1944–1945 гг.
272 *Поспелова Ю.В.* Этические и социальные дилеммы криоконсервации эмбрионов: между технологическим прогрессом и моральной ответственностью
273 *Предовская М.М., Тебякина Е.Е.* Этическое переосмысление роли "Женских батальонов смерти" в контексте современного российского кинематографа
275 *Прокофьев А.В.* В чем состоит благо другого человека? (кейс Даниэля Канемана)
276 *Пронин М.А.* Философия как экспертиза: нравственный прогресс и цифровая трансформация — виртуальный подход
278 *Пронякина Е.Д.* Общее прошлое как ценностная основа внешней политики Северных стран в меняющемся мире
279 *Пугачева Н.П.* Этико-философские проблемы ветеринарии
281 *Разин А.В.* В защиту гетерономного подхода в этике
283 *Разин А.В.* Генеративный искусственный интеллект и проблема авторства
284 *Разуваев Н.В.* Бытие правовых ценностей как единство универсального и партикулярного
286 *Разуваев Н.В.* Взаимодействие европейской и англо-американской правовых традиций в аналитической юриспруденции США
287 *Резвушкин К.Е.* Цифровая реставрация фотоартефактов как инструмент мемориальной этики: к вопросу о формировании цивилизационной идентичности в контексте 80-летия Победы

289 *Резвушкина С.А.* «Вторичная мифологизация» войны в цифровую эпоху: этические вызовы для исторической памяти
291 *Резвушкина С.А.* Мемориальная этика в условиях когнитивных войн: сохранение памяти о Победе как значимый элемент Российской цивилизационной идентичности
292 *Романенчук В.А.* Концепт стыда в культуре: сравнительный анализ
294 *Рувимова Н.В.* Этический аспект осмысления непрямой коммуникации С. Кьеркегором
295 *Руженцев С.Е.* Моральные иллюзии и политические коллизии
297 *Савинов Р.В.* Способы участия в благе: этика Шелера и Н. Лосского
298 *Сагдеева Д.Э.* Пять стадий экзистенциального пути у С. Кьеркегора: от индивидуального одиночества постэтического эстетика к интерсубъективному диалогу
300 *Садыкова Е.Р.* Добродетельный поступок в профессиональной этике
301 *Сазонова А.С., Черемисова И.В.* Правосознание «поколения Z»: между правовой традицией и цифровой культурой
303 *Салахов А.Б.* Нравственное богословие и педагогика в трудах протоиерея Василия Рождественского
304 *Самохина Е.Г.* Моральная философия в основании самой главной юридической школы США
306 *Самохина Е.Г., Тихонова С.В.* Морально-правовая дилемма "дела спелеологов" Л. Фуллера
309 *Севастьянова А.Д.* Переосмысление этических критериев в постапокалиптической литературе и межвидовая этика в романе Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?»
310 *Селезнева А.В.* Традиционные ценности как смысловые доминанты цивилизационного развития России: понятие и политико-психологические особенности
312 *Селиверстова Н.А.* Нравственная компонента в профессиональном образовании: история и современность
314 *Семенов В.В.* «Безнравственный» труд: отношение к ремеслу в римском обществе
315 *Сергиевская Г.Е.* К добру и злу постыдно равнодушны?
316 *Серянова В.А.* Сравнение отношения к животным в стоицизме и буддизме
318 *Сиваев П.А.* Моральная проблема неравенства в эпоху прорывных технологий
319 *Сидорочкин М.А.* Биополитический механизм конструирования образа Я
321 *Силуянова И.В.* Проблема статуса биоэтического знания

322 *Симонова И.А.* Ценности в организации:
трудности определения и самоопределения
324 *Синютин М.В.* Становление современной российской
спортивной этики и советское прошлое
325 *Скипин Н.С.* Методологические ограничения
векторно-осевого подхода к цивилизационному многообразию
327 *Смирнов П.А.* Этический парадокс политики памяти
постсоциалистической Хорватии: как примирить Ясеновац с Блайбургом?
329 *Смирнова М.Г.* Институционализация традиционных ценностей
как стремление к прогрессу
330 *Снетков И.Г.* Метаэтические основания выравнивания
искусственного интеллекта: методологические подходы и их ограничения
331 *Соболева К.П.* Два пути становления самосознания личности
в рамках информационной культуры
333 *Ставцева О.И.* Моральный и религиозный дискурсы
в экзистенциальной философии С. Кьеркегора
334 *Сташевски М.З.* Моральные дилеммы и аргумент от компаньонов вины
335 *Степанов А.Ю.* Этические аспекты патерналистских традиций
в русской воинской культуре
337 *Стецкевич Е.С.* Кто виноват? Антикатолический мятеж
лорда Гордона в английских эстампах
338 *Стецкевич М.С.* Шаг к толерантности? Церковь Англии
и французское эмигрантское духовенство
340 *Сторчевой М.А.* Этические риски ESG-рейтингов на базе ИИ
342 *Стыцура В.А.* Герои Первой мировой войны в российском кинематографе
343 *Субботина М.В.* В погоне за метриками:
искусственный интеллект и этический вызов науке
345 *Сунами А.Н.* Этика конфликта государства и наркорынка
346 *Суров И.А.* Алгоритмичность поведения:
основа этики человека и машины
348 *Суслов И.В.* Победа онлайн: молодежь, герои и модели празднования
в пространстве мемориальной этики
349 *Сысоева Ю.В.* Проблема культурного забвения
в современном документальном театре
351 *Тарковский В.Н.* Нравственный прогресс как проблема
353 *Тебякина Е.Е.* Этические основания забвения
и актуализации памяти о Первой Мировой войне
354 *Тихонова С.В.* Эмоциональная аксиология мемориальной этики

356 *Тихонравов Ю.В.* Критерии морального прогресса:
между гедонизмом, свободой и расширением онтологии ценного
357 *Томилина А.А.* «Dark tourism» в кураторстве
как дилемма коммодификации страдания
359 *Томильцева Д.А.* Организация обучения этическому лидерству
в бакалавриате: на что обращать внимание?
360 *Тонков Е.Н.* Формирование правовых ценностей
в концепции российского правового реализма
362 *Троненко А.А.* Категория истины в современном этическом дискурсе:
от кризиса объективности к этике искренности
363 *Тулегенова Д.Д.* Категория справедливости в контексте национальных
политико-культурных традиций и современных социокультурных тенденций:
результаты эмпирического исследования российской молодежи
365 *Тульчинский Г.Л.* Предпосылки фашистского этоса
в цифровом обществе: вызов и возможные демпферы
366 *Туманян Т.Г.* Этика искусственного интеллекта:
философско-правовой дискурс ислама
368 *Туркова А.В.* Автономия между мотивацией и ответственностью
в донорстве костного мозга
369 *Углева А.В.* Эпистемологические и феноменологические аспекты
использования систем искусственного интеллекта в науке
371 *Ухатюк Ю.И.* Дисциплинарная революция в Англии XVI века
в контексте реформационных процессов
373 *Фатиев Н.И.* Модально онтологические доказательства: ценностный аспект
375 *Фауль Б. В.* Ретрибутивные эмоции и ретрибутивные интуиции
376 *Финогин С.С.* Трансформация морали в эпоху терапевтической культуры
378 *Фирциков И.О.* Физика и этика. «Тимей» Платона:
космос как нравственный образец
379 *Харамецкая Л.Д.* Проблема этического экспериментирования
в цифровом пространстве при использовании
систем искусственного интеллекта
381 *Хаткевич А.А.* Ключевые аксиологические ориентиры России
в наследии отечественной общественно-политической мысли
383 *Холодный Е.А.* Критика решений антиномии субъективного и объективного
в морали на примере философии Людвига Витгенштейна
384 *Хомяков Д.О.* Ценностный аспект принятия решений
военно-политическим руководством при формировании
государственной военной политики
386 *Цветков Е.Д.* Моральный прогресс в постсекулярной перспективе

387 *Целыковский А.А.* Медиатизация памяти: этика репрезентации подвига и травмы в современном российском кинематографе
389 *Цибизова И.М.* «Курс этики для всех дисциплин с основанием на человечности» Б.Дж. Уэлтон и Дж. Нойеншвандер. Что превалирует: человечность или утилитаризм?
390 *Цуркан Е.Г.* Память и забвение: моральные границы контроля над персональной информацией
391 *Чалый В.А.* Проблема "выравнивания" ИИ в перспективе этики Канта
392 *Часовских Г.А.* Эволюция сотрудничества и институты доверия: экономика на страже этики добродетели
394 *Чепелева Н.Ю.* Этика Аристотеля и благополучие животных
395 *Чернова П.С.* Моральный выбор на войне: можно ли сохранить человечность в аду?
397 *Чирва Д.В.* Новая нормативность в условиях ИИ-обусловленной реконфигурации субъекта познания
398 *Чихарь А.И.* Этические аспекты внедрения искусственного интеллекта в высшее образование: роль преподавателя в эпоху цифровых технологий
400 *Чумакова Т.В.* Морально-религиозная проблематика в российском антикатолическом дискурсе XIX в.
401 *Шавеко Н.А.* Традиция и российские духовно-нравственные ценности: проблемы соотношения
403 *Шакарян Я.Э.* Биоэтические дилеммы поддержания жизни ребенка в утробе скончавшейся матери
405 *Шарманова К.А.* Дихотомия когнитивной и интуитивно-эстетической морали: моральный интуитивизм как эстетика
406 *Шахнович М.М.* Неопубликованная работа Е.Г. Кагарова (1882–1942) о древнегреческих свадебных обрядах и семейной этике
408 *Швыткина А.С.* Этические проблемы ландшафта Башкортостана: шиханы как культурно-экологический феномен
409 *Шевченко А.А.* Этические аспекты непрозрачности нейронных сетей
410 *Шендерская М.О.* Своеобразие и противоречивость нравственных уроков на примере творчества Ф.М. Достоевского и его отражения в философии А. Камю и М.А. Лифшица
412 *Шестаков М.А.* «Совершенные противоположности»: спор о морали и религии между А. фон Гарнаком и К. Бартом
414 *Ширинкин Ф.О.* Концепт кеносиса Христа в традиции теологии освобождения
415 *Шкляр Е.Л.* Прямой и окольный путь: этическая динамика metis в античности

417 *Шпенглер Л.С.* Обязан ли педагог любить детей, или ему достаточно просто их не ненавидеть?
419 *Штарк Е.В.* Наставничество и профессиональное добровольчество в реализации этических аспектов современной системы здравоохранения
421 *Шумилов Г.Р.* Концептуальные проблемы ESG-трансформации: могут ли корпорации брать ответственность за наше устойчивое будущее?
422 *Шуплецов И.В.* Практики устойчивого развития сельских поселений: кейс поселка Бобровский
424 *Шухлеев Д.А.* Категория возвышенного (sublime) как религиозно-этическая основа мильтонистики конца XVII–XVIII вв.
425 *Юнусова Л.И.* От кулуарных сделок к открытости: путь китайского бизнеса к этическому лидерству
427 *Языкова Ю.* Эффективная коммуникация в ветеринарии как этический императив
428 *Яо Чжиюань.* Чей это город? Архитектурное проектирование между экспертным знанием и правом на повседневность
429 *Anthony Baiju Parakka.* Eco-Epistemic Virtues: A Comparative Study of Pope Francis and Lorraine Code
431 *Basak Payel, Misra Sreetama.* Moral Progress and the Kantian Vision
432 *Chatterjee Madhumita.* Confucian Celestial Harmony; In Dialogue with the Ethics of Space Exploration
433 *Chernyshev A.V.* The Clash of Ethics: Individual Freedom vs. Societal Rigidity in the Digital Age
434 *Farmer Yanick.* A Four-Dimensional Model of Ethical Competence Validated by a Group of Experts in Canada Using the Delphi Method
435 *Gabriel Andrade Ernesto.* Ethical Shortcomings of QALYs: Discrimination Against Minorities in Public Health
436 *Klimovich A.I.* Law, Morality and Human Person in the Ethical Philosophy of Polotsk Neo-Scholasticism
437 *Lazaris Nicholas.* The Ethical Obligation of Institutions to Address Loneliness and Promote Mentorship
438 *Misra Sreetama, Trivedi Shivanshi.* The Intermittent Absence of Autonomy in Kant's Moral Philosophy
440 *Smirnov A.V.* Representation of war years everyday life in Russian cinema
441 *Sokolov E.G.* Bureau of Highly Qualified Professional Fortune Tellers (Nomenclature Futurology)
443 *SUN Chia-Ting.* Interact with the Debates Emerging from the Technology Development in Modern Competitive Sports through the ELSI Framework
444 *Tavi Leila.* Ethical Responsibility and Constitutional Power in Slovakia's Premier-Presidential System

445 *Tewari Sanjay.* Sports and Environmental Ethics

446 *Yaprak Pınar.* Safeguarding Children's Welfare in Sport: (N) Ever-developing zone?

Научный журнал «Дискурсы этики» приглашает к публикации авторов статей, посвященных актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики, материалы круглых столов, коллоквиумов, обзоры литературы (рецензии на монографии, отзывы на диссертации, учебную литературу и проч.), обзоры и анонсы научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), объявления о грантовых конкурсах и научных проектах в сфере гуманитарных наук.

Миссия издания – создать пространство дискурса как для профессионального этического сообщества (включая ученых, преподавателей ВУЗов и студентов), так и для широкой аудитории, активно вовлеченной в процесс исследования этики и работы с моральными нормами и ценностями; реинтегрировать специалистов в области этики; обеспечить доступность знаний и высоких образовательных стандартов для студентов в сфере гуманитарного знания.

Журнал выходит **4 раза в год** в электронном и печатном формате. Издается на русском и английском языках. Публикация бесплатная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.
ISSN (Печатный): 2306-9430.
ISSN (Онлайн): 2311-570X

«Дискурсы этики» представлены в Российском индексе научного цитирования (**РИНЦ**)

Подробная информация на сайте:
http://theoreticalappliedethics.org/

Научное издание

XVII Международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
традиции и перспективы — 2025.
Нравственный прогресс:
уроки прошлого и вызовы настоящего»
Санкт-Петербургский государственный университет,
20–22 ноября 2025 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: А.В. Васильев

верстка: А.В. Васильев, А.Д. Крюк, М.Ю. Тивикова

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано в печать 14.11.2025. Формат 60x84/16.
Печать цифровая.
Усл. печ. л. 26,97. Тираж 50. Заказ 295.

Выпущено Издательско-полиграфической ассоциацией высших учебных заведений с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28,
лит. А, пом. 3-Н ком. 191. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru